

Владимир Барт

Охота на Золушку

Действие детектива "Охота на золушку" происходит в конце девяностых — начале нулевых. Смена власти не могла не отразиться на расстановке сил в обществе и бизнесе, и иногда это принимало драматические формы.

Охота на Золушку

На этой неделе предстояло лететь в Париж.

Время от времени банкиры и промышленники имеют привычку встречаться для обсуждения своих проблем. Зачастую к ним присоединяются политики, иногда обходятся и без последних. Звезды первой величины периодически съезжаются в швейцарский Давос. Вот уж где подлинный саммит — встреча в верхах. Другие группы, чей состав не столь представительен, устраивают совещания в Монреале или Барселоне, на Кипре или Багамах — кому, где нравится. Группа, к которой принадлежал Босс, как правило, собиралась в Париже.

Босс изучал список участников. За много лет он успел основательно изучить их прошлое и настоящее, поэтому файлы досье были толщиной всего с ученическую тетрадку. В них содержались лишь самая свежая информация, анализ на будущее, а иногда и сплетни. Но среди магнатов отечественного бизнеса, хорошо знакомых Боссу, были и новые фигуры, которые он не успел еще изучить основательно.

Таковым, например, являлся Петр Алексеевич Великий, стремительно рвущийся к богатству и могуществу. И поскольку он впервые был приглашен за «круглый стол», его досье отличалось от других толщиной. Великий был новой и одновременно старой фигурой в игре. Хотя с момента образования корпорации «Цесарь» он слыл одним из богатейших людей страны, Боссу, в отличие от широкой публики, было известно, что это скорее разговоры. В постперестроечные времена он знал подобных «дутых» миллиардеров, в реальности не обладавших ничем существенным. Но в последние два-три года корпорация стала резко наращивать мускулы. В этом году «Цесарь» был назван одним из десяти наиболее надежных банков России и одновременно наиболее интенсивно развивающимся финансовым учреждением. И это вполне отвечало действительности. По меньшей мере, такое впечатление создавалось у всех, кто имел возможность более или менее детально изучить итоги деятельности концерна.

Но не банк являлся самой ценной жемчужиной в короне Великого. В прежние годы Петр Алексеевич, воспользовавшись критическим состоянием «оборонки», захватил контроль сразу над несколькими ее предприятиями. Предприятия эти не были гигантами, на каждом работало от нескольких сот до нескольких тысяч человек, но они являлись монополистами в своей отрасли, как, например, завод по выпуску авиационных навигационных систем. В последующие годы Великому удалось сохранить производство, переведя часть подконтрольной «оборонки» на выпуск конкурентоспособной «гражданской» продукции. Прибыли это не сулило, но позволяло кое-как сводить концы с концами. Ситуация изменилась год-полтора назад, с появлением госзаказа на сложную электронную начинку, то, на чем специализировались приватизированные Великим заводы. Вот тогда и выяснилось, что промышленная группа «Цесарь» является куда более значительной силой, чем это выглядело на первый взгляд.

Все эти обстоятельства указывали на то, что за Великим — большое будущее, и Босс не удивился, увидев фамилию банкира в списке лиц, приглашенных на парижскую встречу. Этого следовало ожидать.

Петя всегда любил громкие фразы, красивые жесты. Если Петр то Великий, если корпорация то «Цесарь». Босс, хорошо изучив Великого, помнил, что настоящая фамилия этого олигарха совсем иная и не столь звучная. Великов — так было написано у Пети в

свидетельстве о рождении и дипломе о восьмилетнем образовании. Но прозвище Велик так надоело Петру, что в 16 лет он при получении паспорта настоял, чтобы его записали Великим. И добился своего, при всем сопротивлении родителей, школы, участкового, паспортного стала и даже районо и райкома комсомола, указывавшего на нескромность фамилии и предлагавшего взять хотя бы фамилию матери — Стоянов. Но Петя уже в те годы был упертый и настойчивый. В дипломе об окончании школы уже значилось Петр Великий.

Босс раскрыл папку с надписью «Царь» и, пробежав взглядом первую страничку, озадаченно почесал кончик носа. Великий оказался не только новичком в работе «круглого стола», но и единственным, кто намеревался взять с собой жену. По этой причине к досье прилагались материалы и на супругу банкира, Татьяну Бачурину.

Вряд ли стоило ожидать от Бачуриной каких-либо интриг, способных оказать влияние на ход совещания, но на всякий случай Босс пролистал досье. Справка на «объект разработки» была составлена профессионально. В ней отсутствовали ненужные подробности и второстепенные детали, и в то же время досье давало достаточно полное представление о «фигуранте». Люди Седого, не зря ели свой хлеб.

Не успел Босс вспомнить начальника службы безопасности, как тот явился собственной персоной. И наверняка лишь для того, чтобы сообщить какую-то гадость.

— Что у тебя? — недовольно буркнул Босс.

— Из Парижа сообщили, что кое-кто интересуется местом проведения парижской встречи.

— Кто?

— Некий Гусаров, бывший гражданин СССР, ныне постоянно проживающий в Париже.

— Никогда не слышал о таком, — поморщился Босс. — Чем вызван этот интерес?

— Возможно, планируется покушение.

— Уж, не на меня ли? — ухмыльнулся Босс.

Обаятельный с другими, он не считал нужным притворяться и скрывать свои чувства перед ближайшим помощником. Все равно Седого, знавшего шефа как облупленного, не проведешь лицедейством. Обострившаяся в последние годы болезнь не способствовала смягчению характера Босса. Зная об этом, подчиненный относился к бурчливости старика по-философски.

— Гусарову переправили из России взрывчатку и радиодетонаторы, — сообщил Седой, как всегда опуская детали.

— Разузнай подробней, что это за тип, и какого рожна ему надо, — откуда ноги растут у его намерений. И спасибо, что предупредил. Не хватало еще, чтобы о наших парижских встречах начала трубить пресса. Да еще в таком контексте.

— Старший офицер безопасности нашего посольства в Париже — толковый мужик, с широкими связями среди сотрудников французских спецслужб. У нас имеется общий друг, через которого я попрошу офицера «качнуть» французам информацию.

— Ты спец, лучше моего знаешь методу...

Босс закрыл глаза и откинулся в кресле. Волна боли нахлынула внезапно, захлестнув старика и пытаясь утащить за собой в пучину черного небытия. Заметив неладное, подчиненный поспешил нажать кнопку вызова медсестры, для чего пришлось потянуться через огромный стол к пульту.

...Несколько минут спустя, открыв глаза, старик пробормотал:

— Придется опять ложиться в клинику. Сестричка, впрысни чего-нибудь бодрящего.

Сегодня мне нужно быть молодцом.

Прямо под окнами особняка тускло мерцала Сена, зажатая каменным корсетом набережных. От дома ее отделяла лишь узкая лента автотрассы в кайме пешеходных дорожек. Из-под черного зева моста выплыл белый прогулочный теплоход, на котором суетились нарядно одетые туристы. Должно быть, там играла музыка, так как по палубе, на крошечном пяточке между столиками, кружились пары, наталкиваясь друг на друга. Однако все звуки внешнего мира — музыку, автомобильные гудки и гул моторов, шум города — поглощали тройные рамы, снабженные к тому же специальным высокочастотным генератором, выполняющим роль фильтра. «Должно быть, аренда такой квартирki в самом центре Парижа обходится не дешево», — язвительно подумал мужчина у окна. А всей пользы от нее — две-три встречи в месяц, не больше. Более частые посещения посторонними элитного дома могут вызвать у жильцов ненужные подозрения. Впрочем, консьерж наверняка состоит на довольствии у контрразведки.

Мужчина, рассматривавший баржи и теплоходы на реке, являлся одним из руководителей парижской криминальной полиции. На явочную квартиру его пригласили коллеги из ДСТ, службы безопасности территорий французской контрразведки. С таким же успехом они могли бы побеседовать в официальном офисе одной из служб, но охотники за шпионами настояли на randevу на нейтральной территории. «Чтобы не привлекать ненужного внимания к контактам двух ведомств», как объяснили контрразведчики. «Чтобы оправдать расходы на аренду роскошной квартирki», как понял полицейский.

Хозяин квартирki, по крайней мере, номинальный, сидя за роскошным бюро времен последнего Людовика, изучал досье, принесенное коллегой с набережной Орфевр. Там располагалась Полис Жюдисер — уголовная полиция. Еще раз посмотрев на фотографии, подшитые к досье, контрразведчик поднял голову:

— Я вижу, вы давно точите зуб на этого русского. Так почему он до сих пор на свободе или не выслан из страны?

Полицейский отвлекся от созерцания набережной и развернулся к собеседнику:

— Этот вопрос я могу адресовать и вам. Засадить мерзавца за решетку не так-то легко. У нас нет даже формального повода для его ареста, не говоря уже о фактах, способных убедить присяжных. Гусаров сам не марается, — он лишь отдает приказы, которые исполняют рядовые члены его организации. Но еще никто не согласился дать против Гусарова показания. Что же касается высылки... Попробуйте выслать человека, у которого в друзьях не только послы стран СНГ, но и некоторые наши парламентарии.

Контрразведчик закрыл папку и провел по ней рукой, будто поглаживая:

— Возможно, мы поможем вам избавиться от этого парня, — произнес он вкрадчиво.

— Правда? — ухмыльнулся полицейский. — Так, как это показывают в боевиках?

— Ну зачем же? — рассмеялся контрразведчик. — Вы ведь знаете, наша обычная практика кардинально отличается от того, что проделывает на экране Бельмондо. Мы просто передадим вам материалы, которые позволяют арестовать Гусарова за контрабанду.

Контрразведчик встал с кресла и прошел в угол комнаты к сейфу, спрятанному за картиной.

— Нас напрасно обвиняют в бездействии, — он набирал шифр. — Девиз французской

разведки: информация без действия — ничто. Но из-за специфики работы мы не слишком рекламируем собственные успехи. Чаще приходится уступать лавры другим. Поэтому, желательно, чтобы вы не раскрывали источник получения материалов на Гусарова.

Теперь настал черед полицейского садиться за стол и читать досье. С каждой строкой становилось все более ясно, что на сей раз Гусарову не отвертеться. Полицейский не стал спрашивать об источнике — собеседник все равно не ответил бы. Но по некоторым деталям было видно, что документы поступили из России. Поэтому он лишь поинтересовался:

— Что вы хотите за эту любезность?

— Лишь одно: арест Гусарова должен быть произведен сегодня. Кроме этого мерзавца, должны быть арестованы подонки помельче, входящие в организацию Гусарова. Вот их досье, с указанием адресов. Советую вам поспешить — клиента могут предупредить и он скроется. Тогда весь многомесячный труд пропадет даром.

Контрразведчик умолчал о том, что настоящей причиной ареста Гусарова стала его причастность к подготовке покушения на одного из русских финансовых магнатов, ожидаемого в Париже на днях. Потому и торопила контрразведка полицию с арестом, чтобы вместе с Гусаровым задержать одного из подручных убийцы. К сожалению, те, кто передал досье, не сообщил имени киллера. Утверждали, что сами этого не знают. Известно только прозвище — Охотник. Зато русские оказались весьма осведомленными в других вопросах. В обмен на любезность они предложили весьма любопытные сведения о французской корпорации «Матра». Согласно этой информации, в исследовательском отделе этой оружейной компании работает агент Багдада. Русские передали досье на иракского офицера, курирующего агента-француза в «Матре». В свое время этот офицер получил образование во Франции, затем проходил подготовку в СССР. Как и русские, французы имели собственный взгляд на иракскую проблему, несколько отличающийся от позиции Запада в целом. Но даже при относительной «мягкости» к Багдаду судьбу офицера-разведчика можно было считать решенной. Через куратора нетрудно выйти и на шпиона. Возможно, агента предадут суду, а, возможно, и разведчик, и агент бесследно исчезнут. Таким образом, французы оказывались в тройном выигрыше: избавлялись от преступника Гусарова, предотвращали убийство на своей территории и получали наводку на шпиона. Русские тоже не оставались в накладе. Сдавая иракца, «на халяву» получающего современные западные технологии, они наверняка думали о выгодах собственных оборонных предприятий, заинтересованных в экспорте вооружений.

* * *

Приглашение мужа съездить в Париж стало для Татьяны Бачуриной приятной неожиданностью. Она много раз посещала этот город проездом, несколько раз подолгу жила в нем, но готова была отправиться в столицу мира в любой момент, только предложи. Татьяна с детства была влюблена в Париж, о котором много слышала от бабушки, но видеть могла лишь в сюжетах «Клуба путешественников». Впервые же попала в город своей мечты лишь после замужества.

Петр Алексеевич был на четверть века старше жены, но оставался еще мужчиной хоть куда. А главное — славился поистине непомерным богатством, которое из года в год росло. Таня в приданое, кроме молодости, принесла «голубую кровь» — она носила титул графини. Петр Алексеевич настоял, чтобы жена сохранила девичью фамилию, и при каждом удобном случае напоминал окружающим о графском происхождении Татьяны Николаевны Бачуриной. Не так давно, чтобы еще раз напомнить о родословной супруги, Великий

восстановил, в Ровске памятник ее прапрадеду, занимавшему в начале века должность ровского генерал-губернатора.

В принципе, этот брак можно было назвать счастливым. И дело было вовсе не в том, что Петр Алексеевич осыпал супругу подарками и знаками внимания. Драгоценности, яхты — все это стоило сумасшедших денег, но куда важней для Тани было, как преподносились подарки. На Рождество Великий устроил бал в честь графини Бачуриной. Да ни где-нибудь, а в Париже! Могла ли об этом мечтать Таня, родившаяся и выросшая в коммунальной квартире и считавшая свое благородное происхождение каким-то экзотическим пережитком прошлого? Все напоминало сказку.

Разместившись в гостинице и едва отдохнув после перелета, Великий принялся готовиться к предстоящим переговорам, а Бачурина собралась на прогулку по городу.

— Боже мой! Опять шяться по всем этим бульварам и «полям», на которых даже чахлой травинки не найдешь. Ведь все уже видано-перевидано, — бурчал супруг. С его точки зрения, такие прогулки являлись бесцельным препровождением времени.

Из-за важной деловой встречи Петр Алексеевич не мог сопровождать супругу, чему, впрочем, втайне радовался.

— Возьми, по крайней мере, машину, — настаивал он.

— Если понадобится, я всегда смогу воспользоваться такси.

Великий махнул рукой: делай, как знаешь.

— Возьми с собой хотя бы Андрея Дмитриевича.

Андрей Гайнанов был одним из немногих сотрудников Великого, с обществом которого Бачурина могла мириться. Она даже находила приятность в общении с Гайнановым, с которым можно было обсудить картины экспрессионистов или театральную премьеру. До недавнего времени Андрей Дмитриевич занимал должность референта Великого, но вот уже месяц как исполнял обязанности заместителя директора корпорации.

* * *

В зале, обставленном в стиле времен Империи, собрались семеро мужчин. Разговор носил непринужденный характер. Как говорится, «за рюмкой чая». Поскольку в беседе затрагивались щекотливые темы, слуг в комнату не допустили, наполнять бокалы и тарелки приходилось самим. В воздухе витал аромат дорогого табака. Собеседники часто сталкивались по делам в Москве, общаясь чаще по телефону, но собраться вместе и обсудить накопившиеся проблемы почему-то предпочли в Париже.

Обсуждали жизненно важные вопросы. Разговор вышел весьма эмоциональный, собравшиеся в зале знали друг друга как облупленных и им не было нужды надевать личину респектабельности. Оттого не стеснялись в выражениях. Со стен на вторгшихся чужаков, надменно поджав губы, взирали портреты французских вельмож прошлого, — сплошь Бурбоны и Бульоны. Дюки и принцы недоуменно вслушивались в непонятные чужеземные идиомы. Будь тут наполеоновский маршал Ней, он бы пояснил значение сих азиатских междометий. Их маршал слышал от озверевших от крови и орудийного гула русских гренадеров под Бородино, и от пахнувших сивухой и чесноком партизан, пытавшихся заарканить маршала на зимней Смоленской дороге. Но не допущен маршал в сонм родовитых Шатильонов-Шампиньонов. Худороден для них герцог Эльхингенский, князь Московский; выскочка, как и эти новые русские.

Но кто знает, придет время, и портреты присутствующих — как основателей династий новой знати — будут взирать на потомков со стен фамильных особняков и замков. Из

владельцев богатств третьей степени, по квалификации графа Монте Кристо, они перейдут в более высокий разряд и перестанут зависеть от игры случая или чужой воли. А может, чьи-то родословные древа украсят геральдические щиты с гербами. Ведь и Ротшильды не всегда были баронами. Пока же их капиталам не доставало лоска наследственного богатства.

— Как долго ты пробудешь в Париже? — наклонился к Великому его сосед, председатель Союза промышленников Самойлов.

— Еще день, от силы два. Есть кой-какие дела. Да и Татьяну обещал сводить в театр.

— Татьяна Николаевна в Париже? А где вы остановились? Как обычно, в «Бристоле»?

— Нет, в отеле «Ритц». Таня настояла. Мне, собственно, все равно, в каком отеле останавливаться. Заезжай к нам вечером, будем рады.

— К сожалению, вечером я улетаю. Жаль, что не увижу твою супругу. Передай ей привет. И позвони, когда прилетишь в Москву. Есть разговор.

— Э... О чем секретничаете? — вмешался в разговор известный бизнесмен, частый герой информационных программ и извечный персонаж «Кукол».

— Да, вот договариваемся о встрече в Москве.

— И что? Э... Для этого надо было лететь в Париж?

— В принципе, все, что мы обсуждали, можно было решить и дома, — согласился Великий.

— Ну нет, не говорите. Дома все, о чем мы договаривались, э..., тут же записали бы чекисты.

— А здесь — люди Царедворцева. — Самойлов кивнул в дальний угол стола, где восседал величественный старик.

— А при чем тут Академик? — встрепенулся любопытствующий бизнесмен.

— Отель, в котором мы сейчас находимся, принадлежит через подставные фирмы Царедворцеву.

— Ай-яй-яй... Что вы говорите? Значит, вы думаете, что все, э..., о чем мы здесь беседовали, могло быть записано?

— Не исключено. Впрочем, заинтересованные стороны все равно узнают, о чем мы говорили. Хотя люди Царедворцева постараются сделать так, чтобы это произошло не слишком скоро. — Самойлов обернулся к Великому: — А ты что нахмурился, Петр Алексеевич?

— У меня встреча назначена. Думаю, раз мы все уже обсудили, не пора ли откланяться?

На самом деле Петр Алексеевич размышлял о том, как связаться с партнером по переговорам и под каким предлогом перенести встречу в другое место. Предстоявшие переговоры были не из тех, о которых следовало знать его нынешним собеседникам. А он-то думал, что в этом отеле будет в относительной безопасности от «подслушки»!

* * *

Как и подозревал Великий, короткой прогулки у Бачуриной не получилось. С бульвара Сен-Жермен она потащила своего спутника на Сен-Мишель, наполненный бесконечным потоком машин. Затем перекусили в ресторанчике, известном тем, что когда-то здесь обедал один из гениев мировой литературы. В двух шагах расположились «Ротонда», «Дом», «Купол», где вкушали пищу другие великие. Бог весть, что нашли прославленные писатели в этих заведениях французского общепита, но по сравнению со временами классиков, цены выросли, а качество кухни ухудшилось. Что не замедлил отметить Гайнанов.

— Интересно, что могло понравиться в этом ресторане Хемингуэю?

— А он здесь и не бывал, — заметила Бачурина. — У него просто не было на это денег. — Хэм обычно пьянствовал в кафе «Селект». Кстати, недалеко отсюда, в Латинском квартале.

— Я туда не пойду, — твердо заявил Андрей Дмитриевич. — Слава Богу, мы не настолько бедны, как он.

Кофе вышли пить на улицу, где прямо на тротуаре были выставлены столики и кресла. Тотчас к ним подскочил уличный фотограф, ослепив вспышкой «Поляроида». Жестом фокусника — «Ву а-ля!», протянул улыбающейся женщине моментальное фото. Гайнанов поспешил отделаться от назойливого француза, сунув тому в руку банкноту, но, видно, здорово переплатил. Француз рассыпался в благодарностях, щелкнул на прощание одним из многочисленных фотоаппаратов, свисавших с тонкой шеи, и оставил на столике визитку своего ателье.

* * *

Охотника живо интересовала история Французской революции, и, оказавшись в Париже, он обрадовался возможности воочию увидеть декорации, на фоне которых разворачивалась кровавая драма.

У каждого человека есть свои слабости. Даже у наемных убийц. Охотник обожал искусство, литературу и живопись, а также историю. О Париже он знал больше, чем гид экскурсионного автобуса, в котором Охотник проехал по городу, едва выйдя из вокзала. Например, Охотник знал, что во времена Революции не было ни бульвара Сен-Мишель, по которому он сейчас шел, ни улицы Дантона справа от него. Здесь, у моста Сен-Мишель, сходились улицы Ласточки и Старой Бойни. А на месте нынешних широких проспектов сплошным массивом стояли дома горожан. Современный вид центр города стал приобретать несколько позже, в эпоху Империи Наполеона I, но дух старого Парижа все еще ощущался здесь, не смотря на перестройки последующих лет. И прогуливаясь по расцвеченным рекламой асфальтированным улицам, Охотник явственно видел неровные камни старинной брусчатки под ногами и даже ощущал сложную смесь запахов клоаки, жареных каштанов и бараньей похлебки — низменных атрибутов давно ушедших времен. Просто удивительно, что с таким живым воображением он избрал профессию профессионального ликвидатора, своего рода палача.

Любуясь достопримечательностями, Охотник, тем не менее, не терял бдительности и потому мгновенно отреагировал на направленный на него объектив, прикрывшись журналом. Со стороны все выглядело естественно: мужчина поправляет шляпу. В следующее мгновение он развернулся к фотографу спиной, намереваясь перейти улицу, однако успел заметить, что объектом внимания проклятого папараца стал не он сам, а молодая пара, сидящая за столиком кафе. Кавалер — эдакий лощеный щеголь. А вот дама могла заинтересовать. Хотя женщина и сидела к киллеру в пол-оборота и он почти не различал черты лица, но ее осанка и манера одеваться произвели на Охотника впечатление. Аристократка, вынужденная терпеть общество заграбаставших власть буржуа... Жаль, что не удастся понаблюдать. До встречи со связником оставалось меньше часа.

Охотник повернул на Монпарнас и некоторое время шагал по бульвару, ориентируясь на Эйфелеву башню. Затем резко сменил направление, потолкался у Дома Инвалидов, проверяясь на предмет слежки, и двинулся обратно к Лувру.

Однако на встречу со связником Охотник не явился. Не пришел он и к тайнику. Напрасно полицейские и сотрудники ДСТ ожидали киллера. В самый последний момент

Охотник почувствовал смутную тревогу. И этого оказалось достаточно, чтобы он отказался от согласованного с нанимателем плана.

* * *

Отставив в сторону кофейную чашечку, Татьяна рассматривала свою снимок уличного фотографа. У нее были уже десятки фотографий, на которых она была запечатлена на фоне различных достопримечательностей французской столицы, во время разного рода мероприятий: балов, приемов. Особенно, особенно связанных с первой поездкой Бачуриной в Париж. Когда ей было все внове и хотелось запечатлеть каждый момент пребывания в этом замечательном городе. Однако с первого взгляда Татьяна поняла, что снимок, сделанный уличным фотографом, станет одним из самых любимых. Молодая женщина с крошечной кофейной чашечкой в руках на фоне оживленной улицы. Непосвященный человек вряд ли сумел бы даже определить: эта улица какого из европейских городов. Никаких характерных штрихов, никаких достопримечательностей. И тем не менее для Бачуриной из всех парижских фотографий эта стала наиболее «парижской».

А ведь, если подумать, нынешняя жизнь Татьяны и началась с чашки кофе, выпитой в летнем кафе. Только московском.

Вспомнилось давнее лето, когда о поездках в Париж Таня могла лишь мечтать. В памяти вдруг всплыло, как соседка по коммуналке, придав голосу значительность, сообщила, что Тане несколько раз звонил обходительный молодой человек, представившийся помощником президента корпорации «Цесарь». Он оставил номер телефона, и очень просил звонить в любое удобное время. Таня удивилась. Она слышала о корпорации «Цесарь», как о солидной преуспевающей компании. Если это по поводу работы, — зачем такая настойчивость и предупредительность? «В любое удобное время»... Позвонив по указанному номеру, Таня услышала предложение выпить чашечку кофе. Мужчина, представившийся Андреем Гайнановым, был настойчив, но при этом чрезвычайно обходителен. И вообще, все это выглядело скорей как приглашение на любовное свидание, чем на деловую встречу. Заинтригованная Татьяна тут же дала свое согласие. Что ни говори, а Андрей Дмитриевич умеет разговаривать с женщинами.

Много позже Бачурина узнала, что послужило причиной этого приглашения. В ходе подготовки к очередной предвыборной компании, Великий оказывал поддержку одному из кандидатов на место в парламенте. Одной из рекламных акций стала передача городу здания школы, в здании, в котором ранее размещалась одна из старейших гимназий Ровска. Кстати, основанная по инициативе, пра-пра-прадеда Бачуриной. Здание гимназии было выкуплено и отреставрировано на деньги Великого. Впрочем в прессе Петр Алексеевич не упоминался. Считалось, что заслуга в осуществлении этого благородного дела целиком и полностью принадлежит кандидату в депутаты. Координатором всего этого мероприятия был Гайнанов, которому пришла удачная мысль пригласить на церемонию открытия одного из потомков основателя гимназии. К слову, личности весьма известной в городе. Наследницей титула графов Бачуриных оказалась молодая девушка, проживающая в московской коммуналке и пытающаяся сделать карьеру в модельном бизнесе. Но прежде чем пригласить Бачурину в Ровск, Гайнанов решил предварительно сводить ее в кафе и присмотреться к ее манерам. Чтобы потом не краснеть перед Великим за ошибочный выбор.

В общем, Таня была приглашена на необычную для нее роль «свадебного генерала». Большую часть времени, проведенного в Ровске она составляла компанию, будущему депутату, соседствуя с ним на разного рода мероприятиях. С Великим, после того как их

представили друг другу, они не сказали друг другу и десятка слов. Тем большим было удивление Татьяны, когда через неделю после возвращения из Ровска, ей позвонил Петр Алексеевич и пригласил на ужин. Во время ужина магнат вел себя сдержанно-корректно. Тем не менее вскоре последовало еще одно приглашение на ужин. Месяц спустя Великий сделал предложение. Совершенно неожиданно для Татьяны. И она, тоже неожиданно для себя, не ответила отказом.

Так что, у Гайнанова были все основания считать, что именно он стоял у истоков семейного счастья Великого и Бачуриной.

* * *

Вечером Великий и Бачурина собрались посетить театр. Выбор был богат: Гранд Опера, Шамс Элизе, Комеди Франсез, Олимпия... Одни названия чего стоят. Управляющий отелем рекомендовал не пропустить премьеру, в ожидании которой уже вторую неделю по Парижу гуляли разные слухи. Билеты, конечно, все распроданы. Но для таких уважаемых гостей... Супружеская пара последовала совету управляющего.

Улица перед театром была заполнена зеваками, полицейскими и какими-то мрачными личностями с тусклыми глазами, постоянно прислушивающимися к своему «внутреннему голосу», у каждого из уха торчал проводок телесного цвета, верный признак принадлежности к «секьюриту». Обилие полиции и агентов свидетельствовало о том, что на премьеру соберутся титулованные и именитые ценители искусства. Один за другим к подъезду подъезжали лимузины, из которых выходили фрачные мужчины и женщины в умопомрачительных декольтированных туалетах, шествовавшие по красному ковру к входу. По толпе за ограждением пролетал шепоток: премьер-министр... принц... лорд..! О! Президент! Ее королевское величество..! Заминка возникла лишь один раз, когда вместо лимузина подкатил какой-то армейский вездеход, на котором прибыл известный голливудский актер. Звезда долго позировала, стоя на подножке машины под вспышками фоторепортеров, так что очередному гостю пришлось некоторое время ожидать своей доли внимания. Выйти из лимузина чуть поодаль от подъезда и пройти в театр не по красной дорожке эта публика считала верхом неприличия. Церемония прибытия именитых зрителей сама по себе напоминала представление.

Великого и Бачурину никто не фотографировал. Лишь один незадачливый репортеришка пару раз клацнул затвором, по видимости, перепутав их с кем-то.

В зале Петр Алексеевич и Татьяна увидели нескольких московских знакомых, пару министров, жену вице-преьера. Но Великий не стал, по обыкновению, использовать встречу для установления контакта или обсуждения дел — лишь раскланялся с некоторыми присутствующими.

Петр Алексеевич предпочел бы провести время в иных развлечениях. Он не понимал ни дурацких пеших экскурсий по городу, ни всяких там опер с балетами. Но супружеская жизнь — та же работа. И если хочешь, чтобы все шло нормально — терпи. В конце концов, в Париж они приехали не на век. Завтра домой.

... По окончании спектакля, супруги отправились в отель. Хотя на этом сегодняшняя культурная программа еще не завершилась. Переодевшись в номере, они спустились в ресторан. Сегодня они ужинали со знаменитостью: одним из известнейших кутюрье мира мэтром Ивом Савоном. В сущности, это был деловой ужин. Бачурина намеревалась построить в Ровске линию по пошиву готовой одежды. И не просто ширпотреба, а модной одежды под фирменной маркой. Для Великого с его бизнесом это было просто детской

игрой. Но, чтобы угодить жене, он обхаживал француза, добиваясь соглашения о передаче ровской швейной фабрике последних моделей кутюрье и права использовать имя Савона в качестве фабричной марки.

Ужин закончился, когда за окнами уже серел рассвет.

... Утром Великого поднял с постели звонок будильника. Приподнявшись на локте, Петр Алексеевич посмотрел на лицо жены, в черном ореоле разметавшихся по подушке волос. Скользнул взглядом вдоль соблазнительных изгибов тела. Этой ночью Татьяна проявила такую пылкость и изобретательность, какой даже многоопытный Великий не ожидал от нее. Ради этого стоило свозить женщину в Париж. Правда, возраст у него уже не тот. От недосыпания раскалывалась голова, и Великий не представлял, как переживет нынешний день.

Петр Алексеевич с сожалением покинул теплую постель. Татьяна не услышала, как звонит будильник, как поднялся муж. Она спала со счастливой улыбкой на устах.

В спальню Петр Алексеевич заглянул только через час, успев позавтракать и одеться для выхода из дома. Бачурина неподвижно сидела перед зеркалом, улыбаясь неизвестно чему. Косметический карандаш уткнулся ей в щеку, чуть выше уголка рта. Но Таня не замечала этого.

— Доброе утро, моя красавица!

Бачурина вздрогнула, и карандаш оставил на щеке черную отметину.

— Ради бога! Не говори под руку. Посмотри теперь, в каком виде тебе придется меня терпеть!

— Ничего страшного: не будут французы засматриваться. А ночью твоих художеств все равно не видно. К тому же в темноте, знаешь ли, сподручней на ощупь...

— Ты чудовище, — парировала Таня, восстанавливая нарушенную гармонию. — Тебе не нравится мой макияж?

— Нравится. Только не понимаю, зачем тратить столько времени на то, чтобы создать впечатление, будто ты не пользуешься косметикой?

— Я всегда была невысокого мнения об умственных способностях мужчин.

— А как насчет других способностей? — Петр Алексеевич обнял жену за плечи, уткнулся лицом в ее волосы.

— Ты о вчерашнем? — кротким голоском осведомилась Татьяна.

— Угу.

— Признаю: выше среднего.

— Язва!

В притворном возмущении Великий отпрянул от жены, но Таня удержала его руки у себя на плечах. Для этого ей не пришлось прилагать много усилий — она просто положила свои ладони на пальцы мужа.

— Тебе ничем не угодишь, — пробурчал Петр Алексеевич, да так обижено, что Татьяна не удержалась от смешка.

— Что смешного?

— Сейчас ты похож на школьника.

— А ты, как обычно — на принцессу.

— Вчера Савон спросил, почему я не воспользовалась правами на титул княгини Волонцевич? По его мнению, «принцесса» звучит намного лучше, чем «графиня».

— И что ты ответила? — Великий уселся в кресло позади жены.

— Что графией зовусь из скромности. И знаешь — он мне поверил. Для него эти титулы действительно что-то значат.

— Тебе тоже стоит более серьезно относиться к ним.

— Куда уж серьезней...

— Если ты на самом деле думаешь превратить свой Дом моды в серьезный бизнес, титул может стать дополнительным шансом в достижении успеха. Ну, а если «Контес» и дальше будет оставаться для тебя развлечением...

Татьяна взглянула в зеркало, где за ее спиной отражался муж. Савон говорил то же самое.

Француз пришел в возбуждение, узнав, что польский род князей Волонцевич, к которому принадлежала мать Бачуриной, ведет начало от сеньоров французского городка Валонсье, известного своими кружевами. Савон тут же принялся просчитывать, как это можно было бы использовать в рекламной компании будущего совместного Дома мод.

А еще, узнав, что у них с Великим нет детей, Савон заметил, что Татьяне следует родить ребенка, — это наполнит жизнь женщины смыслом. Или более серьезно подумать над своей карьерой. Бачурина смеясь ответила, что уже делает карьеру. Администратора Дома моды. Не признаваться же, что она страстно желает ребенка, но за время брака ей ни разу не удалось забеременеть. Вспоминать об этом при муже не стоило, — отсутствие детей в браке с Бачуриной Великий воспринимал едва ли не болезненней, чем Татьяна. Он даже пошел на обследование в клинике. Врачи не обнаружили у пациента никаких отклонений. Да и о каких отклонениях могла идти речь, если у Петра имелась дочь от первой жены? С Бачуриной тоже все оказалось в порядке. Но факт оставался фактом. Супругам предложили искусственное оплодотворение. Посоветовавшись, они решили не спешить с этим и попробовать произвести потомство естественным путем.

Однако сегодня Татьяна подумала: не пора ли пересмотреть свое решение? Пока Великий не решил опробовать свою способность к деторождению на стороне.

— Ты куда-то собрался? — осведомилась Бачурина, оглянувшись на мужа.

— У меня деловая встреча.

— А ты не забыл, что мы сегодня улетаем?

— Помню, дорогая, помню, — Петр Алексеевич поцеловал жену в затылок и уже от двери сообщил:

— По дороге в Москву приземлимся в Базеле. На три-четыре часа.

Таня пожала плечами: Базель, так Базель.

В час, когда Петр Алексеевич с супругой поднимались по театральной лестнице, Охотник вылетел из аэропорта Орли в Москву. Его целью был Великий. Но ликвидировать банкира ценой собственной свободы, а то и жизни, киллер не собирался. Завтра у Петра Алексеевича деловой обед в одном из арбатских ресторанов. Там Охотник и решил поджидать свою жертву.

2

* * *

О прибытии этого самолета не объявили в зале ожидания, и на электронных табло не появилось соответствующее сообщение. Рейс был произведен вне расписания и совершался не обычным магистральным лайнером. Самолет, приземлившийся на одном из столичных аэродромов, принадлежал частному лицу, а именно Петру Великому. Небольшой двухмоторный реактивный «Гольфстрим G-III» рассчитан для перевозки всего нескольких

пассажиров, но зато с максимальным комфортом. Создатели «G-III» позаботились об удобных креслах, способных превращаться в кровати, оборудовали бар современными кухонными агрегатами, позволяющими приготовить полноценный обед для самого требовательного гурмана. Не забыли и о развлечениях: на переборке салона установили телевизор, каждое кресло было снабжено наушниками. Кроме того, «Гольфстрим» имел на борту все необходимое для работы: компьютеры, средства связи и даже шифровальную технику. Вдобавок, высокая скорость и значительная дальность полета. Такая птичка способна совершить беспосадочный перелет на пару тысяч километров, а при соответствующей комплектации — и межконтинентальные рейсы. Кстати, «Гольфстрим» Великого имел не только необходимое оборудование и соответственно подготовленный экипаж, но, что не менее важно, сертификаты, позволяющие производить международные полеты.

Машины такого класса очень популярны среди бизнесменов Запада. А к нам мода на них пришла совсем недавно. В России же одним из первых, кто стал использовать подобные небольшие машины вместо арендованных отечественных лайнеров, стал Петр Алексеевич. Самолет, напоминающий уменьшенную копию знаменитого сверхзвукового «Конкорда», оформили как собственность швейцарской фирмы, контролируемой Великим. И вот уже год, как небольшой, но удобный «G-III» использовался для деловых поездок по стране и за рубеж. Петру Алексеевичу приходилось разрываться между Ровском, где были сосредоточены основные его интересы, и Москвой, в которой приходилось решать едва ли не все возникающие проблемы. К тому же он часто совершал поездки за границу. Великий считал «Гольфстрим» весьма удачной, хотя и очень дорогой покупкой.

Приземлившийся самолет вырулил на отведенное для него место стоянки, чуть в стороне от пассажирского терминала, где Великого ожидали несколько «Мерседесов» и черная «Волга» с мигалкой и надписью на борту. Когда реактивные двигатели смолкли, в борту открылась дверь, плавно опустившись вниз и превратившись в трап со ступеньками. Первым из самолета вышел телохранитель и огляделся.

К самому трапу подъехал один из стоящих поодаль «Мерседесов» и только тогда, в сопровождении командира воздушного корабля, в дверях появился Петр Алексеевич. Спустившись на бетон, он протянул руку, помогая супруге.

Прилетевших встречал руководитель службы безопасности концерна «Цесарь» Юрий Гришин. В прошлом сотрудник Второго главка КГБ, он до сих пор употреблял по отношению к начальству слово «инстанция», а свое подразделение называл «Службой». Мужчины обменялись рукопожатием.

Перемолвившись с Великим несколькими фразами, Гришин махнул водителю «Волги», на которой Бачурину и Гайнанова должны были подвезти к рейсовому самолету на Ровск. В этот раз Татьяна Николаевна не осталась вместе с мужем в Москве, а в сопровождении Андрея Дмитриевича возвращалась в родной город, где ее ожидали неотложные дела.

Несколько минут спустя Як-42 с Бачуриной на борту вырулил на взлетную полосу и поднялся в воздух, чтобы взять курс на Ровск. Самолет принадлежал коммерческой авиакомпании, с владельцем которой у Великого были приятельские отношения, и потому ради графини вылет «Яка» из Москвы был задержан на двадцать минут по «техническим причинам».

Проводив лайнер взглядом, Великий уселся в «Мерседес», который тотчас сорвался с места. Следом за лимузином потянулись машины сопровождения.

Устроившись на заднем сидении, Великий небрежно листал ежедневную информационную сводку, составленную его секретариатом. Каждый день, независимо от места пребывания, он начинал с ознакомления с этим бюллетенем. По мере чтения Петр Алексеевич все больше хмурился, а, дойдя до последней страницы, с силой захлопнул папку.

— Все это чепуха, — банкир постучал по доске пальцем. — Что-то ушло, что-то пришло. Где-то потеряли, а где-то приобрели. Но мне не нравятся осложнения, которые у нас появились в Ровске. Что еще за проверки? Они что, не знают, кому принадлежат проверяемые фирмы? Чья это инициатива? Мостового? Губернатор нашел себе новых друзей? — Великий всем корпусом повернулся к сидящему рядом начальнику службы безопасности концерна.

— Воду мутит наш ровский градоначальник, Ходосеев, — доложил Гришин.

— С чего это он вдруг так осмелел?

— Выясняем. Но без мощной поддержки он вряд ли рискнул бы на такой рискованный шаг.

— Мне это ясно и без твоих аналитиков. Имя назови.

— Думаю, что какую-то помощь мэр получает от Паши. Но не совсем в этом уверен. После неудавшегося покушения на вас Паша исчез и на его след мы пока не вышли. Предполагаем, что сейчас он находится в Баку или Махачкале. Удалось выяснить, что не так давно на побережье Каспия, через подставных лиц, для Паши был куплен дом с большим участком земли. По этой ниточке мы и пытаемся на него выйти.

— Паша смелый и решительный мерзавец. Но в одиночку ему «Цесарь» не проглотить. Даже ликвидировав меня. Ищите союзника. Кто-то из конкурентов хочет поживиться за счет нашей корпорации. Я хочу знать — кто этот конкурент.

— Главное — обезвредить Пашу, — не согласился с шефом Гришин. — Пока тот нового киллера не нанял.

— Что с мерами безопасности, о которых мы говорили перед отлетом в Париж?

— Особняк в Ровске оборудован новыми системами охраны. То же самое касается дома и офиса в Москве.

— Ты пригласил к нам на службу своего приятеля?

— Тормиса? Он сейчас в Ровске. Оформили как технического консультанта.

— Расскажи о нем подробнее.

С личным делом нового сотрудника магнат ознакомился самым внимательным образом. Но его интересовало, какими именно словами и с какими интонациями Гришин будет говорить о своем товарище.

— Мы долго работали в одном подразделении, потом его перевели в шестнадцатое управление.

— Что это за управление? ПГУ, второй главк, девятка — это я знаю. А «шестнадцатка»?

— Шестнадцатое управление занималось радиоперехватом и электронной разведкой.

— И насколько он хорош?

— Доктор наук.

— Надеюсь, не политологии?

— Он технарь, — напомнил Гришин. — Специалист по электронике. Да к тому же с опытом разведывательной и контрразведывательной оперативной работы.

— Наверное, обойдется недешево.

— Ян окупит затраты.

— Попроси приятеля, чтобы позаботился и об офисе Татьяны Николаевны.

— Будет исполнено.

— Хорошо, что Таня не осталась в Москве...

— А что такое? — вскинулся Гришин.

— Днем у меня встреча с Модестом Семеновичем.

— Я помню о предстоящих переговорах с Гуковским...

— После обсуждения вопросов Модест, по своей привычке, может потащить меня на «мероприятие». Сам знаешь, как это у него бывает — сауна, девочки, спиртное... И вообще: когда ни встретишься с Модестом, обязательно приходится выпить как минимум полбутылки. И то, если повезет. Сам он вливает в себя горячее, как танкер. Да еще следит, чтобы сотрапезник не отставал.

— Одного не понимаю: как он при своем беспробудном пьянстве ухитряется сохранить кресло?

— Чему тут удивляться? — Петр Алексеевич тяжело вздохнул. — Во-первых, мало кто знает о его загулах — тот еще конспиратор. А во-вторых, в большинстве случаев Модест не столько пьет сам, сколько спаивает собеседника. То же самое — в отношении девочек. Такое ощущение, будто ему доставляет удовольствие получить очередное доказательство человеческой слабости.

— Если только он не собирает подобным образом компромат.

— Мне начхать, даже если в «МК» напечатают мою голую жопу. Я не министр и не генеральный прокурор, в отставку не отправишь.

— Семейные неприятности?..

— Татьяна догадывается о моих прошлых интрижках. Конечно, лишних сложностей не хотелось бы... Да и речь не о том. Против девочек я ничего против не имею. Пусть даже снимают на видео. А вот выпивка... Знаешь известную присказку: кто не рискует, тот не пьет шампанское. А я со своей аллергией на алкоголь — рискую, когда пью. Вот кто террорист, так это Модест.

— Так откажитесь.

— Нельзя. От Модеста сейчас многое зависит. Без его слова кредитов нам не видать. Так что придется после сауны лекарства глотать. Ну, хотя бы не придется от Тани нотации выслушивать. Уже плюс.

* * *

У корпорации «Цесарь», как у допотопного динозавра, имелось два мозговых центра, с помощью которых осуществлялось управление этим монстром. Кроме штаб-квартиры в Ровске, корпорация имела московское представительство. Последнее, в силу своего столичного расположения, претендовало даже на роль головного офиса всего гигантского предприятия. Россия не Америка, где автомобильные короли обосновались в Чикаго, а компьютерные — поближе к Силиконовой долине. Здесь издревле все решалось в столице-матушке. И потому ловкие парни со связями в правительстве значили для «Цесаря» ничуть не меньше, а может, и больше, чем многоопытные производственники и тертые коммерсанты, осевшие в Ровске. Некоторая разница в направлении деятельности сотрудников этих офисов отразилась даже на стилях зданий, в которых они расположились. В Москве — элегантная зеркальная конструкция, дань современной архитектуре. В провинции — монументальное здание в сталинском державном стиле, немного подновленное евроремонтом.

Однако и в одном, и в другом офисах имелись комнаты, идентичные до последней детали: для них все, начиная с мебели и кончая деловыми мелочами, закупалось в двух комплектах. Раньше не только неодушевленные предметы, но и люди, составляющие ближнее окружение банкира, большей частью оставалось при шефе неотлучно. Водитель, телохранители, референты, одна из двух секретарш, сидящих в приемной — все они вслед за боссом разрывались между Москвой и Ровском. Однажды решив, что в привычной обстановке, в кругу знакомых лиц, ему работается значительно продуктивней, Великий распорядился в московском офисе соорудить точную копию своего ровского кабинета.

Однако даже миллиардов Великого не хватало, чтобы стереть главное различие между пребыванием в столице и провинции. Если в Ровске Петр Алексеевич ощущал себя едва ли не хозяином города, то в Москве ему очень часто приходилось выступать в роли просителя. Увы, с не со всяким министром Великий не мог держаться на дружеской ноге, как с ровским губернатором. Масштаб не тот. Но Петр Алексеевич верил, что придет время, когда и он будет усаживать в министерские кресла удобных людей. И о том, что это время не за горами, свидетельствовало приглашение в Париж, где собрались на совещание самые богатые люди СНГ. В ближайшие дни Великий намеревался заложить очередной камень в фундамент растущего могущества «Цесаря». Ради этого Петр Алексеевич встречался в Париже не только с банкирами-соотечественниками, но и с иностранными финансовыми воротилами, подтвердившими свою готовность предоставить корпорации значительный заем на льготных условиях. Кусок, который намеревался проглотить ровский миллиардер, был самым большим из тех, с которыми ему доводилось иметь дело. Потому и не удивился, что на него началась охота. Предвидел это.

В московском офисе никто не удивился раннему появлению шефа. Более того, в кабинетах уже всю кипела работа. Петр Алексеевич был «соловьем» и его аппарату приходилось подстраиваться под шефа и не спать из ночи в ночь, подготавливаясь к началу рабочего дня. В приемной банкира ожидали руководители филиалов, служб и отделов, прибывшие для доклада. После совещания с руководителями московского представительства начался прием посетителей, который продлился вплоть до полудня.

* * *

В будни и праздники Новый Арбат всегда загружен многолюдной и многоликой толпой. А потому вести наблюдение в этом районе кажется делом простым. Тем более, когда у вас для этого достаточно агентов и все, что от вас требуется, — это сообщить, когда объект появится у ресторана «Прага», где у него назначена встреча. И все же, несмотря на соблазн, вести объект посчитали неразумным. Во-первых, охрана объекта имела достаточную оперативную подготовку, чтобы выявить слежку. Во-вторых, эффективное наблюдение требует интенсивных радиопереговоров, а ближайшие подступы к Кремлю — не то место, где стоит заниматься подобными вещами. Органы сразу же засекут оживленные переговоры, и вряд ли им придется по вкусу, что кто-то посторонний тусуется в их заповеднике. Поэтому для простого задания — наблюдения за рестораном «Прага» — была задействована целая группа агентов-детективов, фланировавших по арбатским улицам между Смоленской и Арбатской. Их число было достаточным, чтобы сменять друг друга, не мозоля глаза публике.

* * *

После ухода последнего посетителя Великий взглянул на часы. До встречи с Гуковским оставалось больше часа. Петр Алексеевич достал записную книжку с намерением обзвонить нескольких правительственных чиновников и договориться о встречах. Часто, чтобы

добиться приема у нужного лица, банкиру приходилось долго обхаживать окружение сановника. Например, чтобы выйти на того же Модеста, пришлось подмазать немало людишек.

Едва только Великий вспомнил своего высокопоставленного собутыльника, как секретарь доложила о новом посетителе — Модесте Семеновиче Гуковском. Петр Алексеевич даже переспросил, не поверив своим ушам:

— Кто просит принять?

С Модестом они встречались уже несколько раз и, после нескольких совместных попок, тот держался с Великим запанибрата. Но еще ни разу не посещал офис Петра Алексеевича. Да и не ожидал тот такого посещения, договорившись с Гуковским сегодня пообедать в «Праге». Банкир взглянул на часы, желая убедиться, что ничего не перепутал.

Встречая нежданного гостя, Петр Алексеевич встал с кресла и шагнул ему навстречу.

— К тебе не прорваться. Заставляешь дожидаться в приемной, — проходя в кабинет, заявил Гуковский.

— Модест Семенович, кто же мог ожидать, что вы приедете!

— Ладно, я не в обиде. Тем более, что секретарша у тебя смазливая. Ох, Петя! Какими девочками себя окружил! В постели-то небось хороша? Признавайся!

— Я люблю окружать себя красивыми женщинами, но это совсем не значит, что я их всех волоку в постель.

— И напрасно. Слушай, давай исправим это. Пригласим в кабинет и... Кстати, как ее зовут?

— Люся порядочная девушка. Ее родители, мои большие друзья, специально устроили дочь на это место, чтобы я приглядывал за ней. Слышали бы они ваше предложение.

— Да ладно тебе! Как же ты снимаешь напряжение? Бывает же, что вдруг приспичит?! А если нужно ублажить ценного посетителя?

— У меня имеется для это особа, обладающая как соответствующей внешностью, так и необходимыми навыками, — заверил Великий.

— Всего одна? — разочарованно протянул Модест Семенович. — Впрочем, и одна сойдет. Пригласи-ка ее сюда. Пусть по быстренькому обработает старичка. А может, мы ее на пару, а? Давай, Петя! Я тебе даже предоставлю право выбора: хочешь — спереди, хочешь — с тыла. Хотя ты помоложе. Поэтому пусть девочка меня приласкает, а ты ее в это время... А!?

Великий знал, что у Модеста имеется пунктик насчет группового секса. Но сегодня его реплики только раздражали, хотя Петр Алексеевич и старался не показывать вида.

— Мы ведь собирались в «Прагу», — напомнил он. — Но если желаете, я прикажу вызвать девушку. Для вас. В комнате отдыха вам будет удобно. Там вы найдете все необходимое.

— Ты меня не понял, Петя. Трахнуть проститутку в будуаре, специально оборудованном для свиданий, — это пресно. Нет пикантности. Для остроты ощущений требуется, чтобы при совершении самого греховного акта присутствовало еще что-то запретное. Вот если бы мы отфаловали твою секретутку, а после этого она, не подмывшись, продолжала принимать посетителей — вот это да.

Великий не сумел совладать с эмоциями и брезгливо поморщился. Скорее даже мысленно, чем мускулами лица. Но Гуковский заметил мимолетную тень на лице банкира и довольно улыбнулся.

— Ладно, вызывай свою девку, — милостиво согласился похотливый старикашка. — Давай ее сюда, в кабинет. Пусть сыграет на флейте — и я поеду. Собственно, я приехал лишь за тем, чтобы сообщить тебе, что разговаривал с... Сам знаешь, с кем, — Гуковский вскинул глаза кверху. — Они обещали рассмотреть твоё предложение. Но в ближайшие дни, к сожалению, встретиться с ними ты не сможешь.

— Но нельзя же тянуть до бесконечности!

— Когда говорю, что встреча откладывается, то это не значит, что твоё предложение отвергнуто. Максимум через неделю тебе передадут специальное решение правительства.

— Это было бы кстати.

— Можешь быть уверен. Кстати, ты ведь уже тянулся рукой к телефону... Или передумал приглашать девицу? Небось, пожадничал для приятеля. Ладно, ладно, я пошутил. Обойдусь и без женской ласки. А по поводу обеда... Сегодня ничего не выйдет. Как-нибудь в следующий раз. А что это за мордашка? — неожиданно для хозяина кабинета Модест Семенович подскочил с кресла и, схватив со стола фотопортрет Татьяны Бачуриной, принялся его рассматривать. — Кто это? Жена? Молоденькая. Познакомь как-нибудь.

Петр Алексеевич промычал в ответ нечто невразумительное, ожидая, что Модест сейчас выдаст очередную похабщину. Но тот поставил фотографию на прежнее место, попрощался и поспешил удалиться. К несказанному облегчению Великого.

Однако прежде чем покинуть кабинет, Гуковский наклонился к банкиру и тихо проговорил: «Ты еще не поднялся высоко, Петя, а кое-кто уже начинает завидовать», — и выскочил за дверь, оставив Великого в замешательстве.

Банкир проанализировал свои чувства. Неожиданный визит должен бы радовать. Тем более, что Модест принес отрадные вести. Но откуда эта тревога? Что означает это странное предупреждение? Намек на Пашу? И почему Гуковский отказался от обеда в «Праге?»

К тревоге примешивалось совсем уж непонятное раздражение. Раньше бесцеремонное и откровенно хамское поведение сановника не вызывало у циничного банкира никаких отрицательных реакций. Еще и недели не прошло с того момента, как Петр Алексеевич пьянствовал на даче Гуковского в компании проституток и при этом ржал, как мерин, от каждой сальной шутки хозяина. Почему же сегодня ему трудно давалось общение с Модестом?

Как бы там ни было, Великий не желал, чтобы его жена знакомилась с Гуковским. Хотя еще совсем недавно строил планы попасть с ней на один из кремлевских приемов, где рассчитывал быть представленным вице-премьеру Котелкову. Всем известно, что Котелков большой поклонник женской красоты, и не отвернулся бы равнодушно от Великого, увидев рядом с ним такую даму. А представлять их должен был Модест. Теперь от этих планов придется отказаться. И не только из-за просьбы Гуковского держать контакты между корпорацией «Цесарь» и правительством в секрете.

Петр Алексеевич, нахмурившись, сидел за столом и смотрел перед собой, анализируя недавний разговор... Резкий звонок заставил его вздрогнуть — ожил телефон, номер которого был известен лишь узкому кругу высших должностных лиц корпорации. Звонил Михаил Петрович Казарин, один из директоров «Цесаря». Не скрывая тревоги, Казарин сообщил, что в Ровске происходит нечто странное. Вдруг, внезапно, ни с того ни с сего, заговорили о закрытии и переносе на другое место оптового рынка, принадлежащего «Цесарю». Еще совсем недавно стоял вопрос о расширении торговых площадей, и у городских властей не было никаких возражений. А теперь мэр Ровска Ходосеев вдруг заявил,

что рынок отрицательно влияет на санитарную обстановку, мешает движению транспорта. Торговцев терроризируют налоговики, пожарники и санитарные врачи. Все попытки урезонить мэра ничего не дали. Ходосеев держится уверенно, будто ощущает за собой сильную поддержку. Казарину донесли, что со дня на день планируется серия проверок в дочерних предприятиях «Цесаря». Михаил Петрович паниковал и настаивал на срочном возвращении Великого в Ровск. Едва Великий окончил неприятный разговор, как секретарь доложила о приходе Гришина.

— Что-нибудь случилось? — Петр Алексеевич сразу заметил обеспокоенность на лице начальника службы безопасности.

— Я заметил за собой хвост, — сообщил Гришин.

Не требовалось объяснять, что если за начальником охраны кем-то установлено наблюдение, — это не к добру. Петр Алексеевич нажал кнопку селекторной связи и отдал секретарю распоряжение, в течение следующего получаса никого не принимать.

— Хвост? И кто же за тобой следил?

— Не знаю. Я попытался связаться со своими людьми и в свою очередь сесть на хвост топтунам. Но преследователи что-то заподозрили и внезапно исчезли.

— Что это может означать?

— Кто-то собирает информацию о ваших передвижениях и системе охраны.

— Знаешь, что происходит в Ровске?

— Ходосеев интригует. Я вам докладывал.

— Сегодня обнаружались новые признаки наступления на «Цесарь».

Великий пересказал содержание разговора с Казариным.

— Очень вероятно, что ровские неприятности никак не связаны с сегодняшней слежкой, — выслушав шефа, произнес Гришин. — Однако, как говорят мои бывшие коллеги, лучше перебдеть, чем недобдеть.

— Кстати, вот что еще странно... Приезжал Модест...

— Модест Семенович? Сюда? — от удивления Гришин даже перебил шефа, чего никогда себе не позволял.

— Сюда, сюда, — подтвердил банкир. — И это не самое странное. Он тоже на что-то намекал, но не захотел пояснить. Отказался обедать со мной... Что ты об этом думаешь?

— Все это неспроста. Следует усилить меры безопасности.

— Куда уж дальше, — вздохнул Великий.

После ухода Гришина банкир потянулся к телефону:

— Артур, это Великий. Обед в «Праге» отменяется. Был Гуковский, да, лично заехал, и извинился, что не сможет встретиться с нами. Придется отменить заказ. С удовольствием пообедал бы с тобой, но придется лететь в Ровск, улаживать некоторые дела. Я помню о нашей договоренности. Успею обернуться за сутки.

Петр Алексеевич поставил на место фотопортрет жены, который Гуковский сдвинул с привычного места. Усевшись в кресле поудобней, он стал рассматривать снимок.

Телефон вновь ожил. На этот раз звонила Татьяна. Легка на помине.

3

* * *

Известный всему городу особняк на Богоявленской, бывшей улице Атеистов, без преувеличений можно было назвать дворцом. Собственно, он и являлся таковым — и по внешнему виду, и по внутреннему убранству. Как же иначе? Ведь особняк служит жилищем

не абы кому, а самому Петру Великому.

Это может показаться удивительным, но Петр Алексеевич Великий, мультимиллионер и меценат, имя которого гремело по всей стране, жил не в столице и не в какой-нибудь Швейцарии, как можно было предположить, а в провинциальном Ровске, сохраняя верность земле, где когда-то родился. В одном из интервью он как-то признался, что не переезжает в Москву, Париж или другую мировую столицу, дабы не затеряться среди прочих воротил бизнеса, привыкших кучковаться в мегаполисах, где удобней проворачивать крупные дела. Банкир, которого подчиненные и приятели за богатство, властность и звучное имя прозвали Царем, заявлял в упомянутом интервью: «Ощущать себя в полной мере Петром Великим я могу только в Ровске».

Так или иначе, но Петр Алексеевич являлся живой достопримечательностью Ровска. Сколотив за какой-то десяток лет полумиллиардное состояние, и контролируя вдесятеро большие активы через банк «Цесарь» и дочерние предприятия, Великий вел широкий образ жизни, подолгу живя в родном городе и лишь время от времени наезжая в столицу. Если в Москве Великий работал, даже когда сидел на банкетах или ходил с бокалом шампанского на приемах, то в Ровске он позволял себе отдыхать душой, то и дело устраивая праздники с застольем для всех желающих, маскарады с фейерверками, скачки. Не забывая за народными гуляниями и о родном городе, Великий тратил на его нужды значительные суммы, соизмеримые с теми, что расходовались мэрией, возглавляемой городским головой Ходосеевым, давним врагом и соперником Петра Алексеевича.

Великий слыл не только меценатом. Он был известен также как жесткий делец, не останавливающийся ни перед чем ради достижения своих целей. Ходили упорные слухи о том, что на совести Петра Алексеевича жизни нескольких конкурентов, не проявивших в делах с магнатом требуемой сговорчивости. А что вы хотите? Как еще человеку заработать свои сотни миллионов зеленых? Да и, к тому же, это были всего лишь слухи. Ну умер человек. При чем тут Петр Алексеевич? Он что — Бог? Он просто удачливый и богатый человек. Человек, которому очень повезло в этой жизни: и со здоровьем в порядке, и дом — полная чаша, и жена — красавица.

О жене Великого в Ровске знали не меньше, чем о Самом. Едва ли не каждый ровчанин знал, что зовут ее Татьяна Бачурина, она из старинного дворянского рода, графиня, если можно говорить о каких-то титулах после семидесяти лет советской власти. Но графское достоинство Татьяны Николаевны в Ровске никем, даже самыми большими скептиками, не подвергалось сомнению. Бачурины имели местные корни и в прошлом немало сделали для города. До наших времен сохранились здания, так или иначе связанные с Бачуриными: первая мужская гимназия, театр, здание дворянского собрания. В том числе и родовое гнездо Бачуриных. Дом, расположенный в самом центре города, на Графской улице, был недавно куплен и отреставрирован Великим. Ныне в нем разместился Дом моды «Контес», руководимый Татьяной Николаевной.

Сегодня в особняке на Богоявленской царило большое оживление, скорее даже суета. Ожидали возвращения из-за границ Бачуриной. Хозяйка дома должна была прибыть с минуты на минуту. А пока многочисленная прислуга наводила в комнатах последний марафет. Горничные сновали из зала в зал, поправляя шторы, в который раз смахивая с мебели несуществующую пыль.

Из-за бестолковых метаний прислуги трудно было уследить за каждым находящимся в доме. Поэтому охрана не заметила, как в комнату рядом с домашним кабинетом Великого

проник посторонний. Из кармана человек достал миниатюрную электродрель, сверло которой было едва толще волосинки, и за считанные мгновения проделал в стене отверстие. Затем пинцетом из капсулы извлек нечто напоминающее кусочек тонкой проволоки и, прищурившись, установил ее в крохотную дыру. Это было самой трудной частью операции. После установки микрофона дырочка была залеплена пористым веществом цвета обоев. Мазок — и на стене не осталось ни следа.

* * *

Чтобы унять головную боль, Босс умыл лицо холодной водой. Седой, стоявший за спиной шефа, протянул полотенце.

— С чем пожаловал? — поинтересовался Босс, вытираясь. — Пришел похвастаться своими парижскими успехами? В чем там дело? Против кого затевалась пакость?

— Охота велась на Петра Великого.

— И кто охотники?

— Паша и еще кто-то. Скорей всего кто-то из друзей и союзников Великого.

— Кто конкретно, не знаешь? Есть предположения?

— Архитектор.

— Старый друг и старый враг. Объединились, значит. Царь осведомлен об опасности?

— Возможно, догадывается. Его шеф безопасности Гришин уж наверняка питает подозрения. И не только подозрения. Недавно он выявил агента Паши среди своих сотрудников.

— А исполнитель кто? — поинтересовался шеф, имеющий привычку загонять подчиненных в тупик «наивными» вопросами.

— Для осуществления акции нанят опытный специалист. Известно его прозвище — Охотник, — ровным голосом продолжил Седой, хотя его смущала сегодняшняя манера Босса вести разговор. — Именно он пытался подобраться к Великому в Париже.

— Я вижу — не преуспел. Значит, киллер не так уж и хорош.

— Не стоит его недооценивать. Будь он чуть похуже, уже сидел бы у французов в кутузке. Согласно вашему указанию, на Гусарова, привлеченного к организации покушения, были наведены французские спецслужбы. Они арестовали связника, который должен был оставить в тайнике для Охотника информацию и взрывчатку. Французы устроили в этом месте засаду, но Охотник у тайника не появился. Думаю, он уже в России.

— И как ты объяснишь: чем не угодил Великий Паше и Архитектору? — спросил Босс.

— Успех всегда вызывает зависть, — ответил Седой.

— Если мы отведем от Великого опасность, он будет нам обязан, — размышлял вслух Босс, при этом краем глаза наблюдая за подчиненным.

— Есть одно «но», — Седой наконец приблизился к вопросу, ради которого и явился на доклад к шефу. — Я принес вам для ознакомления досье.

— Что-то такое, чего я не знаю?

Поскольку Седой не отреагировал на его слова, Босс раскрыл папку и принялся за чтение. И почти сразу нахмурился: благополучная корпорация «Цесарь» оказалась в трудном положении. Это был кризис роста, явление неприятное, но почти неизбежное. К сожалению, Великий выбрал не самый лучший выход из создавшегося положения. Когда Босс принялся за ту часть досье, в котором сообщалось о предпринятых банкиром действиях, он нахмурился еще больше. Мрачное выражение не покинуло лица старика вплоть до окончания чтения всего десятистраничного досье.

— Это все, что известно о предстоящей сделке? — поинтересовался Босс.

— В ближайшие дни состоится встреча между Великим и Бернштейном. Они должны были начать переговоры еще в Париже, параллельно с «круглым столом», но что-то спугнуло или Великого, или Бернштейна. Они встретились, но серьезный разговор перенесли на будущее. И, по-видимому, в Швейцарию.

Бернштейн, несколько лет назад получивший американское гражданство, успешно действовал в сфере кредитов, контролируя через свой нью-йоркский банк несколько финансовых структур в странах СНГ. Этот банкир был известен Боссу своими тесными связями с некоторыми крупными корпорациями США и Европы, привлекавшими Бернштейна в качестве специалиста по России.

Сложная ситуация. Настоящий гордиев узел, разрубить который означало открыть дорогу новым проблемам.

— Мы можем как-то помешать соглашению?

Седой лишь пожал плечами.

— Хороший мужик Великий, но не понимает, что творит, — посетовал Босс и поморщился, то ли для демонстрации своего недовольства, то ли не в силах больше терпеть боль.

— Благими намерениями вымощена дорога в ад, — согласился Седой, предугадывая просьбу шефа и доставая из аптечки обезболивающее.

— Эта туфта давно перестала мне помогать, — отверг лекарство Босс. — А более сильные средства применять не хочется. Наркотик он и есть наркотик. Один обман. Лучше потерпеть. Человек ко всему привыкает.

Седой спрятал медикаменты обратно в аптечку и заметил как бы между прочим:

— Если бы Охотник преуспел, у нас сейчас не было проблемы с Великим...

— А он, Охотник, мог преуспеть?

— Нам не известно, кто конкретно скрывается под этим псевдонимом. Но, судя по косвенным данным, как исполнитель он на уровне. А вот заказчики... При всем желании Паша и Архитектор не в состоянии обеспечить необходимую техническую и информационную поддержку. Гусаров мог вполне проколоться и без нашего содействия. Использовать его было глупо со стороны Паши.

— А мы смогли бы? — коротко бросил Босс.

Седой ответил не сразу. Тон, которым был задан вопрос, не обманул его. И потому он тщательно подбирал для слова ответа:

— Ликвидация Великого решила бы возникшую с ним проблему.

— Лишь только в том случае, — уточнил Босс, — если произойдет это до подписания соглашения о создании консорциума с американцами. А если после — янки попросту проглотят «Цесарь» с потрохами. А нам это вовсе ни к чему.

— Так, может, поторопить киллера? — Седой ухмыльнулся и тут же осекся под взглядом Босса. Старик не понимал подобных шуток.

— «Нет человека, нет проблемы» — это, конечно, красиво сказано, но не правильно. Знаешь, что по этому поводу сказал бывший сотрудник ЦРУ Джек Мори? «Я не нахожу в убийстве ничего неправильного с моральной точки зрения. Проблема состоит в том, что вы никогда не можете быть уверены, что новый человек будет лучше прежнего: вот в чем сложность». Чему вас только в Андроповском институте учили? Я цивильная штафирка и то кое-что соображаю в подобных делах. А вам, профессионалам...

Седой, в недавнем прошлом кадровый разведчик и при этом кандидат экономических наук, оставил замечание старика без комментариев. В прошлом Босс возглавлял Институт США и Канады, где изучил Главного Противника столь дотошно, что ему могли позавидовать даже коллеги из Ясенево. Кроме того, на протяжении жизни он неоднократно принимал участие в различных дипломатических миссиях, зачастую секретного свойства. Уж кто-кто, а он профаном в делах разведки не был.

— В случае смерти Петра Алексеевича, — продолжал Босс, — в «Цесаре» не останется ни одной фигуры, способной сохранить корпорацию и тем более отстоять ее перед натиском янки. Так что не следует спешить с крайними мерами. Попробую договориться по-доброму.

Седой имел на этот счет собственное мнение, но спорить со стариком не стал. Он знал, что Великого не оставят в покое, и киллер продолжит свою охоту уже в Москве. Но ничего Боссу не сказал. Седой считал, что проблемы следует решать по мере их возникновения. Сейчас самой большой проблемой являлись контакты Великого с американцами. И если Охотник берется разрешить эту проблему вместо Седого, зачем ему мешать?

— Как я понимаю, в окружении Великого есть и твои агенты, — после некоторого молчания произнес Босс и спросил: — Усиление мер безопасности этим Гришиным не приведет к их раскрытию?

— Не исключено. Но мы не можем заморозить их работу.

— Это и ежу понятно. Наоборот, в данной ситуации следует активизировать агентов. Я лишь боюсь, что раскрытые агенты выведут службу безопасности Царя на наш след.

— На этот счет можете быть покойны.

— И насчет того, чтобы поторопить исполнителя... Для этого следует хотя бы знать его имя. Ты так не считаешь?

* * *

Осень в этом году выдалась на удивление теплая. Обычно короткое «бабье лето» затянулось. Давно уж пора бы начаться листопаду, а деревья все продолжали красоваться в летнем убранстве. И лишь при внимательном взгляде становились заметны редкие пожелтевшие листки, стыдливо прячущиеся среди зелени как напоминание о приближающейся осени. Город, полный цветов и солнца, — таким было первое впечатление Тани, вернувшейся в Ровск после двух недель отсутствия.

В аэропорту Бачурину ожидала целая свита. Огромный «Линкольн» с флажками корпорации «Цесарь» на капоте подогнали к самому трапу. Впрочем, подобное внимание к своей особе давно перестало смущать или удивлять Бачурину, став привычной частью жизни, как драгоценности и туалеты от лучших мастеров или отдых в Ницце. От обычной церемонии встречи, сегодняшняя отличалась лишь большим числом подтянутых молодых людей среди встречающих.

Прибыв на Богоявленскую, «Линкольн» и машины сопровождения не остановились, как обычно, у парадного подъезда, а свернули во двор, к боковому входу. Часть машин блокировала обе стороны улицы, хотя, как это было известно Бачуриной, в соседних домах служба безопасности концерна имела пункты наблюдения. К своей безопасности Великий относился серьезно.

Телохранитель, сидевший на переднем сидении «Линкольна», выскочил из машины, едва та остановилась, помог выбраться Бачуриной. (Гайнанов, сопровождавший Татьяну Николаевну, обошелся без посторонней помощи.) Швейцар в расшитой золотом фуражке и ливрее с галунами поспешил распахнуть перед хозяйкой дверь.

В вестибюле Бачурину встретила привычная прохлада и мягкие переливы мрамора. Однако кроме дворецкого Павла, она увидела еще двоих молодых людей. Их джинсы и кожаные куртки выглядели чужеродными среди всех этих начищенных бронзовых светильников и витых колон, подпирающих свод. «Кожаные» скользнули настороженными взглядами по Бачуриной, придирчиво «ощупали» Гайнанова, будто видели его в первый раз и подозревали зама Великого в злонамеренности.

Дворецкий Павел произнес приличествующие случаю слова и, ступая, как павловский солдат, пошел впереди, указывая дорогу.

Когда-то вестибюль украшали огромные зеркала и совершенно не уместный в этом месте камин. Бачуриной стоило огромного труда убедить мужа убрать и то, и другое. А заодно уменьшить количество картин и антикварных предметов в следующей за вестибюлем комнате, где вдоль стен извивалась лестница, ведущая на верхние этажи. У основания лестницы застыли фигуры латников с алебардами в руках. Рядом небольшая старинная пушка. Напротив — рыцарь в полном облачении на черном, как смоль, коне. Конь и латники выглядели живыми, хотя и были отлиты из пластика. Суперсовременный материал, из которого были сделаны манекены, только подчеркивал подлинность средневековых доспехов и оружия, так же, как и сбруя на коне. На стенах много оружия: двуручные мечи, секиры, мушкетеры, доспехи. Здесь же картины на батальные и рыцарские темы. Бачуриной не нравилось это крыло огромного здания. Пространство казалось перенасыщенным произведениями искусств. Даже просто скользя по стенам привычным взглядом, человек уставал от наплыва впечатлений, не осознавая этого. Анфилада залов, переполненных экспонатами, больше напоминала музей, чем жилище. Первое время Таня частенько ходила сюда, подолгу останавливаясь перед картинами и любуясь работой старинных мастеров. Но ежедневно ходить мимо выставки шедевров — это уж слишком. Даже прекрасное должно отвечать принципу «всего в меру».

— Почему мы не воспользовались центральным входом? — недовольно поинтересовалась Бачурина.

— Распоряжение Петра Алексеевича, — кратко ответил Павел, замедля шаг и развернувшись всем корпусом к хозяйке.

— И с чем оно связано?

— Рекомендация службы безопасности.

— У Гришина обострилась мания преследования?

Павел не ответил хозяйке, а лишь склонился в поклоне, что можно было воспринимать как угодно. При этом он сохранил деревянное выражение лица и не прервал размеренного движения по зеркальному паркету.

— Всему этому великолепию место в картинной галерее, — вздохнула Бачурина, проходя через очередную комнату, чьи стены сплошь были увешаны картинами.

— Петр Алексеевич хочет в будущем открыть эти залы для посещения, — заметил ранее молчавший Гайнанов. — Благо тут отдельный вход.

— Великому не дает покоя слава Третьякова, — с иронией произнесла Бачурина, которую иногда раздражало тщеславие мужа.

Пройдя в свои комнаты, Татьяна Николаевна заметила, что некоторые предметы обстановки стоят не на привычных местах.

— Пришлось произвести некоторые работы, — пояснил дворецкий.

— А что с окнами? — спросила Бачурина, заметив что стекла не столь прозрачны, как

обычно, и имеют непривычный оттенок.

— Их покрыли специальной пленкой, придающей стеклам дополнительную прочность.

Кроме того, она обладает зеркальными свойствами.

— Это инициатива Гришина? — поинтересовалась Бачурина.

— Я получил распоряжение от Петра Алексеевича. Еще до вашего отъезда.

Таня слушала объяснения и думала: до чего же мужчины любят играть в солдатики. К чему все эти предосторожности, если окна комнат выходят во двор, где не может быть посторонних?

— Какие еще распоряжения отдал Петр Алексеевич?

— Об усилении мер безопасности.

— Это я уже заметила, — поджала губы Бачурина.

Павел помедлил, но все же решился, заранее зная, что его слова вызовут недовольство хозяйки:

— Петр Алексеевич распорядился подобрать для вас постоянного сопровождающего.

— Кого?

— Телохранителя. Он ожидает в гостиной. Если разрешите, я представлю его вам. Так же, как и специалиста... э..., отвечающего за техническую сторону вашей охраны.

Выслушав дворецкого, Бачурина нахмурилась, но не стала спорить и произнесла:

— Хорошо, попросите их сюда.

Приглашенные не заставили себя ждать, будто ожидали этого вызова.

— Максим Кузнецов, ваш сопровождающий. Ян Эдуардович, технический консультант, — представил Павел вошедших.

Максим сразу понравился Бачуриной. Молодой симпатичный парень, добродушный и жизнерадостный. Внешний вид Кузнецова совсем не соответствовал образу телохранителя, созданному Кевином Костнером.

О втором человеке Татьяна не смогла составить однозначного мнения. Худой, светлоглазый и светловолосый, как все прибалты, среднего роста. Ни внешним видом, ни манерой поведения этот человек не выделялся. Бесцветный, невзрачный, никакой — вот и все что могла сказать о нем Бачурина. Хотя, возможно, он являлся большим специалистом в своем деле.

— Рада нашему знакомству, — Татьяна одарила новых знакомых очаровательной улыбкой. — Но мне хотелось бы привести себя в порядок после долгой дороги.

— Если я понадоблюсь, нажмите кнопку вызова, — Макс продемонстрировал, что и у него с улыбкой все в порядке.

Ян Эдуардович молча поклонился и удалился с кислой миной.

Оставшись одна, Бачурина подошла к телефону и набрала номер московского офиса мужа:

— Петя, что это значит?

— Ты о чем, Танюша? — удивился Великий.

— О телохранителях и... перестановках в доме.

— Как тебе твоя гвардия? — живо откликнулся Петр Алексеевич.

Подумав, Бачурина ответила:

— Макс, похоже, неплохой парень. А вот второй...

— Ян Эдуардович? Он тебе не понравился?

— Напоминает рыбу. И выражение лица такое же. Рыбье.

Великий хохотнул:

— Гришин предупреждал меня. Он говорит, что у Тормиса это обычная мина. Но Ян Эдуардович первоклассный специалист. Между прочим, доктор наук. И тебе не придется слишком часто общаться с ним. Тормис установит у тебя в кабинете свои штучки и на этом ваше сотрудничество завершится.

— К чему эти предосторожности? — спросила Татьяна. — Или ты действительно оказался вовлеченным в мафиозную войну, как вчера напечатала «Пари-матч».

— Мафиозную войну? Интересно, что в Париже могут знать такого, чего не знаем мы в Ровске?

— Так французы правы? — настаивала Бачурина.

— Насчет чего?

— Мафиозных войн.

— Ни в коей мере. Ты ведь знаешь — я сейчас совершенно ни с кем не конфликтую. В политику не лезу, жирных кусков у коллег не отхватываю.

— Тогда зачем дополнительная охрана?

Великий помолчал, обдумывая ответ, а затем признался:

— Я ощущаю какое-то непонятное давление. И, посоветовавшись с Гришиным, решил подстраховаться. Это только мера предосторожности.

— Я могу покинуть дом? — поинтересовалась Таня то ли в шутку, то ли всерьез. — Или буду вынуждена сидеть взаперти в этой крепости?

— Упаси Господи держать жену под замком! — воскликнул Петр Алексеевич. — Но! — последовала пауза. — Тебе придется соблюдать некоторые правила.

— Что за правила?

— Тебе их объяснят. А куда ты собираешься выезжать?

— Само собой — на работу.

— С работой — никаких проблем. Только не задерживайся в «Контес». Договорились?

— Договорились.

— Ты у меня прелесть. Да, чуть не забыл... Откуда тебе известно о публикации в «Пари-матч»?

— Позвонил Жорж Пуадаль.

— Кто?

— Помощник Савона.

— Французского модельера? И что он хотел?

— Пуадаль позвонил мне, когда я летела в Ровск, и переслал по факсу копию статьи. Мне ее передали прямо на аэродроме.

— Ага! Тогда и ты переши мне статейку по факсу, — попросил Великий, а затем, вспомнив, добавил: — Черт, она на французском... Ладно, попрошу перевести. Надо разобраться: откуда французы взяли эту чушь о мафиозных войнах. Ну да Бог с ними. Что ты намерена делать сегодня?

— Немного отдохну с дороги и отправлюсь в «Контес».

— Прихвати с собой Тормиса. Пусть он еще раз все хорошенько осмотрит в твоём офисе. И допоздна там не засиживайся. А то я знаю тебя.

Прощаясь, Великий хотел сказать жене, что он прилетает в Ровск, но передумал: будет сюрприз.

* * *

В «Контес» Татьяна Николаевна собралась лишь после обеда. В этой поездке ее сопровождали Макс Кузнецов и Тормис. Последний — чтобы еще раз проверить систему охраны офиса Бачуриной.

Яну Эдуардовичу не слишком пришлось по душе срочное поручение. Вместо того, чтобы позволить Тормису превратить дом на Богоявленской в неприступную крепость, Яна вынуждает заниматься безопасностью жены Великого. На ревизию системы охраны фирмы «Контес» и имеющихся там технических средств контроля много времени не уйдет, от силы полдня. Но, возможно, именно этих часов впоследствии может не хватить для предотвращения серьезных бед. Кроме того, Яна раздражалось, что его, специалиста высочайшего класса, заставляют заниматься какими-то пустяками. Проверить офис «Контес» смог бы любой из подчиненных Гришина.

Тормис покосился на сидящую рядом женщину. Молода, красива. Сколько ей лет — двадцать четыре, двадцать пять? По внешнему виду не угадать: выглядит, как девочка, а держится, как выдавшая виды, уверенная в себе женщина. Аристократка... Неужели она действительно знатного рода? Несомненно одно: Бачурина младше своего мужа лет на тридцать, а то и тридцать пять. Можно понять, что испытывает еще бодрый и полный сил, но уже стареющий магнат, к этой излучающей красоту и молодость женщине. Конечно же, Петр Алексеевич старается окружить ее вниманием, беспокоится о ее безопасности. Бачурина — одно из слабых звеньев в броне вокруг Великого. Она делает его уязвимым. И это Тормису не нравилось. Лучше бы ей воздержаться от возвращения в Ровск. А раз уж вернулась, — могла бы несколько дней посидеть дома. Занялась бы рукоделием, что ли... Хотя с такими ручками? Пальчики холеные, ногти полированные, да и сама вся такая ухоженная. Куда такой браться за иголку или спицы? Наверное, никогда и у плиты не стояла.

Таня заметила, как Тормис украдкой изучает ее. И, судя по его выражению лица, мнение о Бачуриной сложилось далеко не лестное. Ну и пусть — детей с ним не крестить. Татьяна отвернулась и стала смотреть в окно, на дома, мимо которых проносилась машина. Макс, сидевший рядом с водителем, поднял трубку телефона, подававшего негромкие сигналы, обменялся со звонившим несколькими фразами. Затем обернулся к Тормису:

— На месте все чисто.

Ян ограничился коротким кивком.

— Танюша, какая радость, что ты вернулась! — навстречу Бачуриной по лестнице сбежал странный субъект в фантастическом наряде, состоящем из белоснежного фрака с золотыми пуговицами, черной шелковой рубашки с пышными кружевами на манжетах и вороте, и алых шароварах.

Взглянув на франта, Таня подумала, что этот пестрый наряд наверняка вызовет у Тормиса идиосинкразию. Рядом с расфранченным пижоном Ян выглядел особенно блеклым и невзрачным.

— Здравствуй, Сережа, — Бачурина подставила щеку для поцелуя. Встречающий был главным модельером фирмы «Контес» и, кроме того, претендовал на роль близкого друга графини. Звали его Серж Ларис.

Будучи человеком творческим и к тому же большим оригиналом, он никогда не называл Бачурину иначе, как Танюша. Чем вызывал огромное неудовольствие Великого. Еще больше раздражало Петра Алексеевича то, что Серж придерживался нетрадиционной сексуальной ориентации. Ну, да ладно, пусть бы придерживался. Но зачем так явно подчеркивать это бесстыдными туалетами и беспутным поведением? Сегодня, впрочем,

Ларис был одет, по собственным меркам, вполне консервативно.

— Посвежела, отдохнула, очень хорошо выглядишь. Мои тебе комплементы, — Серж ухватил Бачурину под руку и повлек ее наверх. — Пойдем, тебя ожидают все наши. Жаждались. Тс-с-с! И мне ничего не говори! Все сообщишь наверху! А то не простят.

Ларис демонстративно игнорировал Макса и Яна. Причина скоро разъяснилась.

— Твой несносный муж, пользуясь твоим отсутствием, делает попытки установить в «Контес» какой-то казарменный порядок, — жаловался по пути Серж. — Ввел пропускную систему. Ты видела, что у нас в холле теперь стоит вахтер? Будто это не Дом моды, а секретный объект. Какие-то типы пристают к сотрудникам с расспросами, мешают работать. Впрочем, что я плачусь? Вижу, и к тебе приставили конвоиров.

— Это временное явление. Всего на несколько дней, — попыталась Бачурина успокоить легкоранимого, модельера.

— Нет ничего более постоянного, чем временные меры. Мы уже это проходили. Передай, пожалуйста, своему мужу, что в шарагах можно сконструировать и атомную бомбу, и ракету. Только настоящее искусство за заборами с колючей проволокой творить еще никому не удавалось. Было бы проще, если бы Дважды Великий решил, наконец, кем он желает себя видеть — меценатом или деспотом.

— Ты несправедлив к Петру Алексеевичу, — заступилась за мужа Бачурина.

— Несправедлив? Пожалуй, — охотно согласился Ларис. — Возможно, твой муженек еще хуже, чем я о нем думаю. Тебе лучше знать.

— Если бы я не знала тебя, то могла бы подумать, что ты ревнуешь. Иначе твою антипатию к Петру Алексеевичу не объяснить.

— Татьяна Николаевна, — вмешался в разговор Тормис, — если вы не против, я оставлю вас и осмотрю дом.

— Пожалуйста, Ян Эдуардович. Вам нужен провожатый?

— Нет. Я знаком с планом здания.

«Даже так, — удивилась Бачурина. — Когда же ты успел?»

* * *

Великий собрался ехать на аэродром, когда в приемной столкнулся с Гришиным.

— Есть разговор? — высказал догадку Петр Алексеевич. — Пойдем в кабинет.

Усевшись в огромное кожаное кресло, напоминающее трон, Великий достал сигару и принялся раскуривать ее, ожидая, что поведает главный телохранитель. Настроение после обеда было превосходное. И хотя Петр Алексеевич ожидал, что услышит нечто неприятное, даже это не могло нарушить его благодушия. Гришин уселся в кресло напротив, поправил складки на брюках:

— Мы вычислили связника, через которого неизвестный союзник Паши поддерживал контакты с Ходосеевым.

Великий оставил попытки раскурить сигару и уставился на Гришина. Выдержав паузу, шеф службы безопасности назвал имя. Так и не зажженная сигара полетела в пепельницу:

— Мерзавец!

Лицо Великого налилось кровью, пальцы сжались, будто смыкаясь на шее врага. Подавшись всем корпусом вперед, Петр Алексеевич издал нечто, напоминающее рык. Названный связник, депутат парламента, был одним из тех, кто недавно гостил в доме Великого. Тем не менее, Петр Алексеевич сразу поверил помощнику. Знал, что столь тот не бросит серьезное обвинение просто так, без веских оснований. Однако это имя банкир

ожидал услышать меньше всего. Хотя бы потому, что не представлял, как предатель может найти общий язык с Пашой.

Через мгновение Великий сумел совладать с собой. Расслабившись, откинулся в кресле, долго молча барабанил пальцами по столу, сердито сопел. Затем, уже более спокойно, спросил:

— Как вы на него вышли?

— Мы проверили тех, с кем Ходосеев встречался или вел разговоры по телефону.

— Таких я могу назвать несколько десятков, если не сотен. Начиная с себя самого, — пробурчал банкир. — Ты уверен, что депутат настраивал Ходосеева против меня? Может, это был обычный обмен любезностями?

— Записи самих разговоров у нас нет, — признался Гришин. — Но содержание их известно.

— Каким образом?

— От самого Ходосеева. Нам удалось найти подход к одному из его доверенных лиц.

— Вот сволочуга! — реплика Великого относилась не к мэру, а к двуличному депутату. — А еще набивался в друзья.

— По поводу друзей, — Гришин сделал паузу. — Хочу обратить ваше внимание на Юсупа Джафарова. Нам стало известно о его встречах с Боксером.

Юсуп Джафаров был предпринимателем средней руки, чьи капиталы имели темное происхождение. Великий вел с ним несколько совместных дел. Иногда не вполне законных. Джафаров не был уголовным авторитетом, но имел связи в криминальном мире. От него можно было ожидать неприятностей. Тем более, Юсуп был земляком Паши... Что касается Боксера, то этот предводитель одной из ровских криминальных группировок давно, еще с «кооперативных» времен, враждовал с Великим. Конечно, ни Юсуп, ни Боксер сами по себе не могли тягаться с «Цесарем». Но их неожиданная «дружба», так же, как и «наезды» Ходосеева, явно координировались из одного центра.

Петр Алексеевич потянулся за новой сигарой. Отрезал кончик золотой гильотинкой, установленной на столе, долго держал зеленовато-коричневую сигару над огнем, раскуривая. Наконец выпустил первую струю дыма.

— Все складывается. Депутат — передаточное звено между мэром и «Другом», — так банкир называл своего неизвестного врага, скорей всего даже числящегося союзником Великого. — А Джафаров связник между Пашой и ровскими уголовниками. Наступление сразу на всех уровнях. Снизу на нас давит Паша, одновременно подготавливая мое физическое устранение. А в высших сферах тайно пакостничает этот мерзавец. Он же снабжает Пашу информацией и финансирует их совместное «предприятие».

— Кто предупрежден, тот вооружен.

— Древним легко было выдумывать изречения, — устало проговорил Великий. — Что будем делать?

— Вы по-прежнему намерены лететь в Ровск?

— Обязательно. Там наша вотчина, и именно оттуда следует наводить порядок. В первую очередь в собственной штаб-квартире. Там немало колеблющихся, готовых перебежать к более сильному. И надо взяться за Ходосеева. Надоел уже.

— Есть у нас задумка, как поприжать мэра. Кстати, Тормис предложил, изучив его досье.

— С охранными системами дома он уже закончил? В свете того, что ты мне рассказал,

придется принять некоторые дополнительные меры предосторожности. Но чтобы не спугнуть наших «друзей», все приготовления следует сохранить в тайне.

— Мне Тормис понадобится в Москве, — заметил Гришин.

— Хорошо. Поступай, как знаешь. После возвращения из Швейцарии займемся моими московскими «друзьями». Надеюсь, ты назовешь мне имя «Главного Друга». Того, кто направляет руку Паши. У тебя все? Или хочешь еще чем-то обрадовать?

Гришин решил не говорить Петру Алексеевичу о том, что даже среди его личных телохранителей обнаружился предатель, сообщающий своим новым хозяевам обо всех передвижениях шефа.

— Да так, всякие мелочи, — ответил шеф службы безопасности.

* * *

В демонстрационном зале действительно собрались все сотрудники Дома моды. Едва Таня показалась в дверях, как помещение огласилось приветственными возгласами. Бабахнули хлопушки, осыпав вошедших конфетти. Таня и сама расцвела улыбкой и, видя что на нее устремлены два десятка пар ожидающих глаз, крикнула:

— Савон согласился! Зимой едем во Флоренцию!

Зал взорвался криками восторга и аплодисментами. Сотрудники «Контес» окружили Татьяну Николаевну, оттеснив Макса, не знающего, как держаться в данной ситуации. На Бачурину обрушился шквал вопросов о Париже, о моде, о Савоне. Отпускали графине комплименты, делились ровскими новостями... Энтузиазм и радость по поводу приезда хозяйки фирмы были непритворными: Бачурину действительно любили.

— А сейчас — наш сюрприз! — провозгласил Ларис.

Кольцо вокруг Бачуриной тут же расступилось. Серж принял позу конферансье, объявляющего номер, вытянул вверх руку и провозгласил:

— Итак, приготовьтесь, господа! Как говаривал незабвенный Фагот: эйн, цвей, дрей!

Одновременно с последним словом помещение с предусмотрительно завешенными окнами погрузилось во мрак. В наступившей тишине где-то сбоку послышался звук падающего предмета и чьи-то негромкие ругательства.

Заиграла музыка. На подиуме возникло светлое пятно, в котором можно было угадать вращающееся на специальной подставке роскошное бальное платье. Внезапно вспыхнули люстры под потолком, на миг ослепив собравшихся. Оглянувшись, Бачурина увидела, что это Макс нащупал выключатель и поспешил врубить освещение. Чуть поодаль, у стены, валялся опрокинутый столик, оказавшийся на пути телохранителя.

Убедившись, что с хозяйкой все в порядке, Максим с облегчением вздохнул. Сюрпризы, подобные нынешнему, могли довести его до инфаркта.

— Молодой человек, вы специально вырядились в коричневую курточку? — раздался голос Сержа. — Как намек на то, что собираетесь испортить нам праздник?

«Ну вот, — подумала Бачурина, — теперь возник конфликт между Сержем и Максом. Так сказать, между возвышенным и прозой жизни».

— Что за платье! — восторженно воскликнула Таня, стараясь отвлечь присутствующих от инцидента. — Просто чудо! Это будет украшением нашей коллекции на предстоящей демонстрации! Лучшего подарка вы мне не могли преподнести.

Похвала моментально заставила Лариса забыть об инциденте и он, опять приняв театральную позу, провозгласил:

— Это ваше платье, сударыня!

— Мое?

— Мы надеемся, что ты наденешь его на демонстрации во Флоренции, — пояснил Серж.

Все, что смогла выдать из себя польщенная Бачурина, это банальное «спасибо». Она поднялась на подиум, провела ладонью по ткани рукава. Такого великолепного платья, она действительно никогда не видела.

— Примерь, пожалуйста, — попросил Ларис. — Хотелось бы увидеть, как оно смотрится на тебе.

— Ты мне льстишь, Сережа. Правильней было сказать: как я выгляжу в нем.

4

* * *

Бачурина переделалась в бальное платье. Полюбовалась на себя в зеркалах. В этом одеянии она была не просто красива, а неотразима. Пожалуй, стоит приложить немного усилий и даже Ларис не устоит перед ней. Что уж говорить о мужиках нормальной сексуальной ориентации. Вот сейчас ты и проверишь свои женские чары, — решила Бачурина.

Перед тем, как покинуть комнату, Таня поправила прическу. Здесь к месту был бы бриллиантовый гарнитур из кольца, диадемы и серег, который подарил ей Петр Алексеевич и который Бачурина до сих пор не одевала, отдавая предпочтение любимому жемчужному ожерелью. Что ж, мягкое сияние жемчуга не сможет испортить композицию бального туалета. Но на демонстрацию она оденет бриллианты.

Когда Бачурина появилась на подиуме, в зале на мгновение повисла тишина, затем пронеслась волна негромких возгласов восхищения. Татьяна прошла, сделала поворот, позволяя полюбоваться собой. Возможно, ее движениям не хватало отточенности знаменитых моделей, но вряд ли кто-нибудь сейчас смог бы заметить подобные мелочи. Вокруг были только восхищенные лица, мужские и женские. Даже Ларис поддался общему настроению, взбежал по ступенькам и расцеловал Бачурину в обе щеки.

О!!! — загудел одобрительно зал. Причем мужчины — с явной завистью к Сержу.

Тормис с отрешенным видом наблюдал за происходящим, хотя ощущал растущее раздражение. Во всем чувствовалась нарочитость. Ян не сомневался, что сотрудники относятся к Бачуриной с симпатией. Пожалуй, даже обожают ее. Но это обожание было чуточку чрезмерным, несло в себе оттенок искусственности. Будто участники играли навязанную им роль окружения царствующей особы. Театральность ощущалась во всем. В том, как перед Бачуриной спешили распахнуть двери, подать ей руку, выполнить малейшее ее желание. Но это Тормиса не касается. Вот что его действительно должно беспокоить, так это то, что и сотрудники службы охраны в присутствии Татьяны Николаевны не работали, а демонстрировали свое рвение. Возможно, виной тому желание Великого, чтобы все относились к его жене как к особе королевской крови. В будущем это может принести и Бачуриной, и самому Великому неприятности.

Даже Макс, которого Гришин характеризовал как молодого, но вполне профессионального работника, забыл о своих обязанностях, во все глаза уставившись на подиум.

— Следует смотреть не на Бачурину, а вокруг нее, — тихо произнес Ян, так, чтобы его услышал лишь телохранитель.

— Виноват, — Макс мгновенно собрался, и Тормис с удовлетворением заметил, как с

лица парня исчезло мечтательное выражение.

«Интересно, крутились бы все вокруг девчонки, если бы не деньги ее мужа?» — подумал Ян, всматриваясь в окружающих. На Бачуриной, которая кружилась на подиуме, взгляд Яна задержался несколько дольше, чем требовалось.

«Все же в ней что-то есть. И дело не только в деньгах Великого или молодости Бачуриной», — неожиданно для себя подумал Тормис. — «Вот только Петр Алексеевич разбаловал жену. Приучил к поклонению. Намучаюсь я с ней».

Тем временем кто-то принес шампанское, побежали за фужерами. К Тормису и Максу подошла девушка с подносом, на котором стояли бокалы с искрящимся напитком.

— Пожалуйста, — улыбаясь, предложила красотка.

Улыбка предназначалась главным образом Максу.

— Спасибо за внимание, но мы вынуждены отказаться, — ответил за двоих Ян.

— Капля шампанского не может повредить таким мужчинам, — настаивала девушка, обстреливая Максима лучистыми глазами.

Тормис вновь отказался.

— Если откажетесь, вы обидите не только Настю, — вмешался подошедший Серж Ларис, — но и всех нас. Выпейте хотя бы минеральной воды. Воду, надеюсь, на службе вам разрешается пить? Анастасия, разноси шампанское другим, а я принесу минералку и поищу пустые бокалы.

Проходя мимо Бачуриной, стоящей в окружении нескольких сотрудниц Дома, Ларис не удержался от ехидства:

— А твои конвоиры прямо стойки какие-то. Не пьют ничего, кроме воды. Вот приходится идти за «боржоми». Хотя блеклому, наверное, следовало бы предложить пурген. Смотри, какой он кислый. Наверняка страдает запором.

Женщины вокруг Тани прыснули от смеха.

Тормис догадался, что смеются над ним. Его отношения с Бачуриной и ее окружением как-то не складывались. Ну и черт с ними, с этими отношениями. Он всего лишь технический консультант и совсем не обязан подстраиваться под взбалмошную девчонку и ее дружков.

* * *

Личный самолет Великого стоял в аэропорту на отдельной стоянке и круглосуточно охранялся людьми из службы безопасности корпорации и вохровцами. Впрочем, последние тоже фактически являлись подчиненными Гришина и лишь числились на авиапредприятии. Опасаясь диверсии, охранники не допускали к летательному аппарату никого, кроме проверенной бригады техников.

На летное поле выехал микроавтобус. Из него вышли члены экипажа, одетые в синие летные куртки и фуражки с золотым шитьем. Вместе с летчиками и техниками приехали несколько мужчин в штатском — кто в джинсах и свитерах, кто в плащах, кто в строгих костюмах. Эта разношерстная команда принялась осматривать вместе с техниками самолет. Часть поднялась в салон.

С верхнего этажа гостиницы, стоящей на привокзальной площади, за предполетной подготовкой наблюдал человек. Он хотел лично убедиться, что Великий вылетел из Москвы. Мощный бинокль позволял видеть не только то, что происходит на площади, но и летное поле. В том числе и стоянку «Гольфстрима».

На тумбочке пискнул пейджер. Человек повернулся в сторону проспекта.

Вот в конце улицы появились два «Мерседеса». Автомобили свернули в один из боковых проездов и через несколько минут появились уже на летном поле. Никто не досматривал пассажиров этих машин, никто не заставлял Великого и его спутников проходить паспортный контроль.

Человек смотрел, как из «Мерседеса», подкатившего к «Гольфстриму», появился Великий. Вслед за банкиром в самолет поднялся Гришин. Несколько мужчин занесли в салон багаж.

«Гольфстрим» покатил по рулежке, замер на старте. Диспетчер дал «добро» на взлет сразу же, как пилот запросил разрешение. Лайнер разбежался по полосе и легко взмыл в небо.

Человек подождал у окна несколько минут. На тот случай, если лайнер вдруг по какой-то причине развернется и совершит посадку. В жизни всякое бывает.

Лимузины и микроавтобус давно уже уехали с летного поля. Охрана побрела в дежурку. Человек вышел из номера, спустился вниз и сел в оставленный на стоянке «жигуленок».

* * *

Оказалось, что шампанское — только начало. В соседнем с демонстрационным залом помещении в честь приезда Бачуриной были накрыты столы. Во главе на постаменте высилось резное кресло с высокой спинкой, увенчанной короной.

— Для вас, принцесса, — поклонился Ларис, плавным артистическим жестом указывая на трон.

— Это уже лишнее, Сережа, — запротестовала Таня.

— Подхалимажа и лести в отношении начальства и красивых женщин никогда не бывает много, Танюша, — заверил модельер, сохраняя самую серьезную мину.

— Твой подхалимаж я должна воспринимать как женщина или как начальник? — улыбнулась Бачурина. — И раз уж ты напомнил мне, кто в Доме хозяин, принимаю командирское решение: в этом великолепном платье я за стол не сяду. Его надо беречь. Вы заканчивайте приготовления, а я пока переоденусь.

В коридоре Макс о чем-то оживленно разговаривал по сотовому телефону. Он стоял спиной к двери и даже не обратил внимания на Бачурину. Тем более, в зал и из зала постоянно сновали сотрудницы Дома Мод.

Тормиса вовсе нигде не было видно. Видно, занялся своими датчиками и проводкой. И уродится же подобный сухарь!

«Какие разные люди меня окружают» — думала Татьяна по пути в костюмерную. С одной стороны Ларис, натура творческая и тонкая, чье стремление эпатировать публику вызвано не столько эксцентричностью, сколько желанием скрыть неуверенность перед лицом окружающего грубого мира. А с другой стороны, такие типы как Тормис, бесчувственные и циничные, будто специально созданные для выполнения грязной работы, ремесленники тайных дел. И между двумя этими крайностями — Гайнанов, образованный и культурный, чье воспитание, однако, вполне позволяет заниматься бизнесом. Таня не слишком вдавалась в детали поручений, выполняемых Андреем Дмитриевичем для Великого. Бачурина предпочитала видеть в референте приятного собеседника, с которым можно поговорить о театре, живописи, литературных новинках.

Какое счастье, что, руководя Домом моды «Контес», она не занимается бизнесом в его чистом виде. И может позволить себе жить в окружении интеллигентных и творческих людей, не обращая внимания на грубую сторону жизни.

* * *

— Все в порядке? — поинтересовался Гришин у старшего группы, осматривавшей самолет.

— Проверено, мин нет! — отрапортовал подчиненный.

— Шутник. Кстати, тебе и самому лететь на этом самолете.

— Все в норме, — уже серьезно заверил оперативник, заметив, что начальство сегодня не настроено шутить.

Великий, поднявшись в самолет впереди Гришина, уселся в кресло и углубился в чтение деловых бумаг.

В салоне занимали свои места сопровождающие. И среди них выявленный Гришиным предатель. Юрий Григорьевич испытывал желание обернуться и взглянуть на молодца, но побоялся выдать себя взглядом.

Разбежавшись, самолет оторвался от земли и через какой-то десяток минут поднялся под облака. В иллюминаторах замелькали белесые клочья туч и вскоре засияло в голубом небе по-летнему яркое солнце.

Великий зашпорила занавеску, но наглый зайчик продолжал прыгать по слепяще-белым листкам документов. Петр Алексеевич пересел по другую сторону стола, в кресло напротив.

Самолет сильно качнуло. Великий прижал рукой бумаги, заскользившие по поверхности стола, поднял голову и обнаружил, что сидит лицом к остальным пассажирам. Все обеспокоено смотрели в иллюминаторы правого борта. Только сейчас Петр Алексеевич обратил внимание на то, что сразу же заметили другие: правый мотор молчал. Левый двигатель стал работать с большей нагрузкой. Самолет выровнялся, затем стал делать плавный разворот, одновременно снижаясь.

Из кабины в хвост торопливо прошел бортмеханик. Но не успел он скрыться за занавеской, как раздался грохот. Самолет сильно тряхнуло. В наступившей затем тишине, кажущейся после рева реактивных двигателей звенящей, было слышно, как свистит рассекаемый аэропланом воздух. Корпус падающего самолета стало трясти.

Как ни странно, но Петр Алексеевич не испугался. Он продолжал верить, что летчикам удастся запустить заглохший мотор. А вот реакция Гришина оказалась совершенно неожиданной. Юрий Григорьевич развернулся в кресле и ненавидящим взглядом уставился в одного из телохранителей. Молодой парень также повел себя странно. Он побледнел, что, впрочем, в данной ситуации было естественно, отстегнул спасательный пояс, поднялся с кресла и, не отрывая взгляда от начальника, попытался сделать несколько шагов по проходу. Самолет качнуло, парень не удержался и рухнул между рядов. Но Великий успел ясно, как в замедленной съемке, увидеть, как потухли глаза телохранителя и зрачки заволокло зеленоватой дымкой. Петр Алексеевич мог поклясться в этом, хотя от парня его отделяло не меньше трех метров. И еще он был уверен, что на пол парень упал мертвым.

Смысл этой немой сцены остался непонятен для зрителей, да ни у кого и не было сейчас желания размышлять над странности поведения отдельных индивидуумов...

Обостренный слух Петра Алексеевича уловил доносящиеся из кабины пилотов громкие голоса. Кто-то отмечал угол планирования, вслух повторяя градусы. «Левый крен в одну пятую прямого угла и продолжает увеличиваться».

Тело умершего заскользило по наклонному полу к кабине пилота. Кто-то придержал его ногой. Хотя, наверное, это уже не имело смысла.

Великий понял, что надежд на спасение практически нет. В памяти всплыло

прочитанное когда-то, что падающий человек умирает от страха, не долетая до земли. Сам Великий сохранял сознание вплоть до последнего мгновения.

* * *

К столу Татьяна явилась в костюме, который подарил ей Ив Савон в Париже. Туалет «от Савона» вызвал восторг у женской половины «Контес» и ревнивую зависть Лариса.

Вечер прошел весело и непринужденно. Было много шампанского, смеха и шуток. Бачуриной нравились люди, которые ее окружали, нравилось то, чем они занимались в «Контес». Эта жизнь для нее и другой ей не нужно. Впрочем, никто и не заставляет Татьяну менять образа жизни. Ну, разве что совсем немного ограничил свободу муж, приставив телохранителей. Но Таня надеялась, что это не надолго. С присутствием Макса она еще готова мириться, но общество Тормиса действовало угнетающе. Хорошо хоть сейчас он не мозолит глаза.

Кузнецов сидел в конце стола, время от времени наполняя бокал «пепси» или «фантой» и стоически выдерживая приставания и насмешки двух девиц, которых натравил на телохранителя Ларис. Время от времени Макс смотрел на часы и хмурился. Великий дал ему строгое указание привезти Татьяну Николаевну на Богоявленскую еще засветло. Назначенный срок давно прошел, а Бачурина не собиралась возвращаться домой. Тормис, тот сумел бы воздействовать на графиню. Но Яну Эдуардовичу внезапно стало плохо, и его отвезли на квартиру, куда вызвали врача.

Наконец Таня сжалилась над телохранителем и поднялась из-за стола. Ларис вызвался проводить хозяйку «Контес».

— Я еще загляну к себе в кабинет, — предупредила Бачурина и обернулась к сопровождавшему ее Максиму: — Что-то я не вижу вашего угрюмого товарища.

— Он приболел. Небольшое расстройство, — при этих словах Кузнецов недобро покосился на Лариса.

Татьяна кивнула в ответ и не стала вдаваться в подробности. Кузнецов остался в приемной, и Бачурина прошла в кабинет лишь в сопровождении Лариса.

— Сережа, знаю твое чувство юмора... Ты ничего не подсыпал Яну в бокал?

— Человеку с такой миной небольшое расстройство желудка пойдет только на пользу, — смеясь ответил Серж, но заметив лицо Татьяны, тут же согнал улыбку: — Клянусь — я тут ни при чем.

Поднимая правую руку в жесте, символизирующем принятие присяги, левую Ларис спрятал за спину, скрестив пальцы. Он думал всего лишь подшутить над чрезмерно серьезным охранником. Поэтому чувствовал некоторую вину за то, что шутка обернулась болезнью человека. Но никто ведь не умер, правда?

Чувствуя себя виноватым, модельер поспешил ретироваться, заверив Бачурину, что выйдет провожать ее к машине.

Оставшись одна, Таня сняла с плечиков бальное платье, прижала его к груди, будто примеривая, и принялась кружиться в вальсе, мурлыча мелодию без слов.

* * *

На конспиративной базе, где был организован пункт радиоперехвата, человек, наблюдавший в бинокль взлет «Гольфстрима», ознакомился с записью переговоров, которые вели пилоты.

Летчики боролись до конца. Они пытались спланировать по пологой траектории и запустить заглохший мотор. Но для того, чтобы удержать аэроплан от сваливания,

приходилось постепенно увеличивать угол планирования. Предпринимаемых мер оказалось недостаточно, и когда полетная скорость уменьшилась до критической, самолет обрушился в крутое пики. Пилоты пытались выровнять машину вплоть до столкновения с землей.

Человек выключил запись. Вот и все... Он посмотрел на часы. Пассажиры «Гольфстрима» были мертвы уже пятнадцать минут. И не потребовалось никаких «Стингеров» и часовых бомб. Любая комиссия с уверенностью даст заключение, что катастрофа произошла в результате технической неполадки. И пусть хоть до Судного Дня проверяют и перепроверяют технический персонал, пытаясь найти виновных — действительных организаторов этой акции не обнаружат. Все сделано чисто и аккуратно. Комар носа не подточит. Для акции было использовано средство, изобретенное английскими специалистами еще во время второй мировой войны, а затем похищенное и усовершенствованное советскими спецслужбами. Средство представляло собой быстрорастворимую таблетку, которую следовало бросить перед заправкой самолета в топливо. Человек долго хранил у себя эту чудо-пилюлю, и сегодня она пригодилась как нельзя кстати.

В дверь постучали, в комнату зашел Максим:

— Машина подана.

— Пусть водитель подождет немного, хорошо? Так не хочется уезжать! — попросила Бачурина. — Давайте еще побудем в «Контес».

Вернув бальное платье на место, не удержавшись, чтобы не погладить его в последний раз, Таня подошла к столу, на котором стояла в серебряном ведерке бутылка вина:

— Макс, хотите шампанского?

— Когда сменюсь с дежурства, с удовольствием выпью за ваше здоровье.

— Ах да — дежурство. А я себе налью. А что там за шум?

— В банкетном зале продолжают веселиться...

— Мы задержимся еще на полчаса и поедем домой! — решительно заявила Татьяна, в глубине души опасаясь, что охранник будет настаивать на выполнении инструкций Великого.

— Как скажете.

В дверях Макс едва не столкнулся с горничной, вызвавшейся в этот день помогать костюмершам «Контес».

— Вита, какие-то проблемы? — спросила Бачурина, заметив на лице девушки легкую тень обеспокоенности.

— Татьяна Николаевна, вас разыскивает Гайнанов.

В приходе Андрея Дмитриевича не было ничего удивительного. Бывало зам Великого посещал «Контес» по много раз на дню. Гайнанов вошел не постучав, что было на него совсем не похоже. Левый глаз мужчины оказался подбит, кожа вокруг уже стала желтеть. На лице застыло мрачное и при этом несколько растерянное выражение. Торопливая чистка не смогла удалить с дорогого костюма пятна грязи и машинного масла. При виде посетителя Татьяна Николаевна не удержалась от возгласа:

— Андрей Дмитриевич, что с вами?

Остановившись в трех шагах от стола, Гайнанов без всяких вступлений выпалил:

— Самолет разбился.

Таня непонимающим взглядом смотрела на Гайнанова, ожидая пояснений. Где-то под сердцем шевельнулась холодная змейка. Но нет, в такой день не может произойти ничего плохого...

— Самолет Петра Алексеевича разбился, — повторил Андрей Дмитриевич. — Никто не спасся.

С тихим жалобным звоном упал бокал и пролитое шампанское, вырисовало на ковре темное пятно в форме адамовой головы. Женщина посмотрела на подбитый глаз Гайнанова, на его помятую одежду. В голове мелькнула совершенно дикая мысль: как же удалось выжить Гайнанову? Она как-то забыла, что Гайнанов сопровождал ее в Ровск, а не остался с Великим. Перехватив взгляд графини, Андрей пояснил:

— Я попал в автомобильную аварию. Когда сообщили о трагедии, я помчался на Богоявленскую. И не справился с управлением, — и, будто, в чем-то оправдываясь, вспомнил

ненужные детали: — Пришлось ждать ГАИ... Поэтому задержался... Сюда приехал на такси.

— Задержался? — переспросила Бачурина, все еще улыбаясь и пытаясь поймать взгляд мужчины: может, все им сказанное — глупый розыгрыш.

— Петр Алексеевич погиб, — опустил голову, выдавил из себя Гайнанов.

Вика, все еще стоящая в дверях, охнула, зажав ладонями рот и страшно округлив глаза. Бачурина посмотрела на девушку, затем перевела взгляд на Андрея:

— Откуда вам стало известно, что самолет разбился?

— Сообщили из центра управления полетами, — Гайнанов посмотрел на часы. Они оказались разбиты при аварии и остановились. Поэтому Андрей добавил, будто это имело какое-то значение: — Не могу назвать точное время. Я запретил сообщать вам, пока не убедился в достоверности информации. К месту падения выехала группа наших сотрудников. Они, к сожалению, подтвердили факт смерти Петра Алексеевича.

— Неправда, — покачала головой женщина. — Вы ошибаетесь. Этого не может быть.

Гайнанов молчал. И по мере того, как длилось это молчание, улыбка сползла с лица женщины, сменяясь траурной маской, делающей ее не похожей на себя.

— Андрей Дмитриевич, не могли бы вы оставить меня на минутку. Я должна побыть одна, — Бачурина едва нашла в себе силы произнести эти несколько слов.

Когда дверь за горевестником затворилась, Таня шагнула к креслу, не в силах больше держаться на ногах. Хрустнуло под туфелькой стекло бокала, раздавленное, как недолгое счастье Бачуриной. Женщина заплакала. Сперва потихоньку, по-бабьи всхлипывая, а затем, уткнувшись в мягкую спинку кресла, навзрыд.

* * *

Рабочий день завершился, но мэр Ровска все еще оставался в своем кабинете. Ходосеев размышлял, каким бы образом отнекаться от посещения тещи. Жена пристала: пойдём да пойдём, почти полгода у мамы не были. Да век бы ее не видеть! И уж тем более не этим вечером, который он обещал провести с Викторией, своей новой пассией. В самом начале любовного приключения обижать девочку нельзя. Обещал — надо выполнять. А жена, как назло, прилипла: не пойдешь — никогда не прощу. Одна морочка с бабами.

Телефонный звонок оторвал от непростых дум.

— Евгений Михайлович?

Голос Ходосееву был незнаком.

— Да. Кто это? — произнес мэр нейтральным тоном, каким обычно разговаривал с незнакомыми людьми, в чьем положении не был уверен.

— Это не важно — кто я, — развязно ответил звонивший. — Куда важнее информация, которую вы сейчас услышите.

Ходосеев пренебрежительно хмыкнул. Какой еще информацией собирается удивить его аноним?

Но тот удивил! Да так, что пораженный мэр вскрикнул.

— Что?! Что?! Вы уверены в том, что сказали?

Последнюю фразу Ходосеев произнес после некоторой паузы и более спокойно — на мгновение пришло в голову, что это может быть розыгрышем.

Незнакомец уловил в голосе мэра некоторое сомнение:

— Вам никто не мешает проверить мое сообщение, — тон был уверенным.

— Я так и сделаю. Обязательно, — заверил Евгений Михайлович.

— Только поторопитесь, Женя, самое время ввести в дело зятя. Не упустите момент.

Евгений Михайлович даже не обиделся на фамильярность анонима. Не до того. Положив трубку, он принялся лихорадочно рыскать по ящикам стола в поисках телефонного справочника. Не обнаружив, нажал кнопку селекторной связи:

— Срочно соедини меня с Толиком... Анатолием Витальевичем. Нет, сперва с аэропортом, а затем уж с зятем. В общем, кто первый поднимет трубку — с тем и соедини. Только быстрее!

Удивленная секретарша принялась поспешно выполнять указание шефа. Первым она набрала номер зятя Ходосеева, Анатолия Мазура, так как помнила его телефон наизусть.

— Толик? Тут такое дело... — Евгений Михайлович в двух словах обрисовал создавшееся положение.

Мазур возглавлял отдел в областном управлении госбезопасности и умел быстро просчитывать ситуацию. Он сразу понял, какие выгоды можно получить, действуя быстро, и лишь осведомился о точности информации.

— Я сразу же позвонил тебе. Теперь начну проверять. А ты уточни по своим каналам.

— А как насчет материалов, обещанных тебе столичным деятелем? — напомнил Мазур. — Сейчас они оказались бы как нельзя кстати.

— Постараюсь вызвонить. И на всякий случай закажу билет в Москву.

— На поезд?

— Почему? На самолет. У-у, черт!.. — перед глазами встал образ Великого. — Твоя правда. Попрошу, чтобы прислали кого-нибудь с материалами. В такое время надо оставаться на месте. Можешь начать без документов?

— Почему нет? Но к концу дня, самое позднее — завтра утром, материалы должны быть у меня на столе. Иначе все пойдет прахом и мы только спугнем рыбку.

* * *

Михаил Петрович Казарин пил вечерний чай, когда жена сообщила, что звонит какой-то Оганесов.

— Добрый день, Артур Христофорович, — Казарин, с несвойственной ему суетливостью, схватил радиотелефон, протянутый супругой. При этом он судорожно пытался сообразить что могло понадобиться дружку Великого. К этому часу Петр Алексеевич давно должен быть в Москве. Почему же не звонит сам?

— Здравствуйте, Михаил Петрович. Я хочу договориться с вами о встрече.

— О встрече? — удивился Казарин. — Разве вы сегодня не встречаетесь с Петром Алексеевичем? Он говорил что-то о переговорах, на которые вы должны были лететь вместе.

— Переговоры... Переговоры придется перенести на более поздний срок. У меня для вас, Михаил Петрович, плохая новость. Самолет с Петром Алексеевичем разбился.

— Разбился?! Это точно?! Вы уверены, что Великий погиб?! Какой ужас... — Казарин почувствовал волну непонятной слабости.

— Это невосполнимая утрата. Но бизнес есть бизнес. Мы должны продолжать дело Петра Алексеевича. И завершить начатые им переговоры. Поэтому я хочу встретиться с вами как можно быстрее. Только прошу сохранить все в строгом секрете. Все-таки — траур.

— Да, конечно. И когда мы увидимся?

Окончив разговор, Казарин надолго задумался. Великий мертв! Чтобы полностью осознать значение этой смерти, требовалось время. Да и разговор с Оганесовым требовал осмысления. То, что Оганесов, узнав о смерти Великого, позвонил именно ему, говорило о

многом. Значит, Артур Христофорович видит приемником Великого не кого-нибудь, а его, Казарина! А кого еще? Не девчонку же вертихвостку, делившую с Петей постель. Хотя и ее не следует сбрасывать со счетов. Бачурина получит достаточное количество акций, чтобы в дальнейшем представлять проблему. А может выкупить у нее акции? Или взять в доверительное управление? Надо бы сегодняшней день провести с Танечкой-Татьяной, чтобы потихоньку вложить в ее маленькую головку нужную мысль. Черт! Оганесов... Что же это за переговоры такие важные? Придется попросить Лебединского взять Бачурину под свою опеку. Интересно, вдова знает о постигшей ее мужа участи?! Хотя, какая разница...

Вновь ожил телефон. Звонил референт, дежуривший в офисе корпорации:

— Михаил Петрович, простите за беспокойство. В вестибюле люди из органов.

— Чего они хотят? — Казарин вдруг ощутил себя почти Великим.

— Я не знаю. Как с ними поступить?

— Вызовите юрисконсульта, пусть выяснит: с чем пожаловали. Могли бы и без меня додуматься до этого. Если есть возможность, — выпроводите восвояси. Без моего разрешения в кабинеты офиса посторонних не пускать. Даже если у них имеется санкция генерального прокурора. Позвоните Лебединскому. Передайте, что я буду ждать его в своем кабинете. И пусть поспешит, я скоро подъеду.

* * *

Сидя в шезлонге на веранде огромного дома, мужчина наблюдал, как на песчаный берег одна за другой накатываются изумрудные волны. Открывающийся с веранды вид был великолепен, но успел уже изрядно надоесть. Мужчину убивало вынужденное безделье. Но он не смел носа высунуть из своего тайного убежища. Зазвонил спутниковый телефон — единственное средство, с помощью которого добровольный узник поддерживал связь с внешним миром. Мелодичный сигнал заставил мужчину вздрогнуть, — в последнее время нервы стали ни к черту! Постоянное ощущение опасности и напряженное ожидание неприятностей кого угодно доведут до нервного истощения.

Мужчина поднес трубку к уху и через мгновение подскочил с кресла, с грохотом опрокинув стоящий рядом столик.

— Значит, достали Царя?! Погиб в авиакатастрофе? Спасибо, что позвонил, дорогой!

На веранду выбежали привлеченные шумом телохранители. С удивлением посмотрели на апельсины, раскатившиеся по мраморным плитам из разбитой вазы, опрокинутый стол и возвышающееся над беспорядком, улыбающееся лицо хозяина. Пашу давно уже никто не видел улыбающимся.

— Собирайтесь, — приказал хозяин. — Едем в Москву.

Теперь, когда опасный враг мертв, ничто не препятствовало возвращению Паши в столицу.

* * *

Охотник сидел за компьютером, просматривая заметки, сделанные после поездки в Париж. Прочитанным он остался недоволен. В заметках чувствовалась какая-то недосказанность, незавершенность. Будто он так и не понял чего-то, что-то упустил, допустил ошибку. Увы, вернуться в Париж, чтобы проверить правильность своих умозаключений, не было никакой возможности. Уже в Москве Охотник узнал об аресте Гусарова и разгроме его организации. Значит, предчувствия не обманули: у тайника поджидала засада. И кто знает, нет ли у французской полиции описания киллера. Практически это невозможно, но потенциальная угроза опознания всегда существует. Все

чаще в голову лез уличный фотограф, в объектив фотоаппарата которого он попал. Было в этом французики что-то фальшивое, будто он только притворялся фотографом. Нет, уже начинает шиза косить. Будь французик из полиции, Охотника повязали там же, на бульваре Сен-Мишель.

И все из-за Великого! Как заговоренный... Вот уж, действительно, трудная, царская мишень. Два раза у Охотника сорвалось. Такого с ним еще не случалось. Два промаха кряду — это слишком.

Работа не шла, мысли путались, то и дело возвращаясь к Великому. Охотник выключил компьютер и прошел на кухню, чтобы приготовить ужин. Помешивая в сковороде картошку, он краем уха слушал новости. Почти в самом конце выпуска диктор сообщила о авиакатастрофе под Москвой, в которой погиб известный предприниматель — Охотник напрягся — Петр Великий. «Эксперты предполагают, что причиной катастрофы стал взрыв бомбы», — утверждала диктор.

— Откуда бомба взялась?! — удивился Охотник, даже не заметив, что говорит вслух.

На экране показывали место падения самолета, хвостовая часть которого была напрочь оторвана взрывом. «Бомба, — глядя в телевизор, подумал Охотник. — Или кто-то вклеил в «Гольфстрим» ракету. Хотя это не реально. Слишком много сложностей. Значит, все-таки бомба. Очень, очень интересно. Что бы это могло значить?»

— А, чтоб тебя!.. — Охотник почувствовал запах горелого. Он даже не заметил, что спалил картошку.

* * *

Седой еще сидел у телевизора, когда ему позвонил Босс:

— Смотрел телевизор? Приезжай ко мне. Есть что обсудить. — Шеф был недоволен, это чувствовалась в интонациях. Впрочем, в последнее время он был недоволен всем. И больше всего Босса раздражало, когда приходилось узнавать новости из телевизионных программ.

Босс не любил, когда его заставляют ждать, но еще больше не переносил, когда подчиненные не могли ответить на его вопросы. Поэтому Седой сперва связался со своими информаторами, и лишь затем отправился к начальству.

Уже подъезжая к дому Босса Седой получил затребованную информацию и вздохнул с облегчением. Сообщение о взрыве бомбы оказалось газетной уткой. По предварительным данным, авария произошла из-за отказа двигателей. А за технические поломки Седой не ответчик. Боссу не к чему будет придраться, если старик вдруг вспомнит, что хотел утрясти дела с Великим миром.

Что касается сообщения в программе новостей, то журналисты, поверив первому же слуху и спеша передать сенсацию, использовали старые кадры из Боснии, где однотипный самолет «Гольфстрим» был сбит «Стингером». То-то Седому кадры показались знакомыми. А он еще ломал себе голову... Шутники эти журналисты.

В кабинет Босса Седой входил совершенно спокойным. Он знал, что сможет ответить на любой вопрос шефа. А какие это будут вопросы, — догадаться не составляло труда.

6

* * *

Слезы принесли некоторое облегчение. Татьяна постаралась взять себя в руки, прошла в ванную комнату, умылась. С зеркала на нее смотрело мокрое лицо с припухшими красными глазами и искривленным ртом — странная карикатура на прежнюю Бачурину на фоне

изысканного костюма.

Не раздумывая, Таня открыла холодную воду и сунула голову под струю.

В катастрофе, унесшей жизнь мужа, Бачурина видела почему-то не несчастный случай, а преднамеренное злодеяние. Эта мысль пугала, но как Таня не пыталась ее отогнать, продолжала вертеться в голове.

Заглянув в кабинет двадцать минут спустя, Гайнанов, удивился перемене, произошедшей с Таней. Она все еще была одета в костюм от Савона, но мокрые пятна на ткани совершенно портили производимое туалетом впечатление. Волосы стянуты на затылке в тугий пучок, на лице ни следа косметики. Лишь в уголках глаз — краснота от недавних слез. Бачурина сидела на диване и даже, казалось, не заметила появления Андрея Дмитриевича.

Гайнанов остановился рядом с женщиной, не зная, что сказать в утешение. Но произнести ничего не успел.

В дверь просунулась голова горничной Виты:

— Татьяна Николаевна, к вам посетители.

Бачурина, будто очнувшись от сна, посмотрела на девушку, но ничего не ответила. Испуганная пустым выражением глаз хозяйки, Вита поспешила скрыться. По тому, как горничная выделила слово «посетители» Андрей Дмитриевич понял, что речь идет не о простых визитерах. Он подошел к рабочему столу Бачуриной и, выдвинув один из ящиков, включил спрятанный там монитор. На экране появилось изображение приемной. За столом секретаря устроилась Вита, а перед ним, в одинаковых темных пальто и мятых шляпах, стояли двое мужчин. Находящийся рядом Макс, внимательно что-то изучал. Что именно — рассмотреть не удалось.

— Татьяна Николаевна никого сегодня не принимает, — произнес Гайнанов, наклонившись к микрофону.

— Они настаивают, — последовал ответ Виты и, после некоторой паузы: — Это из госбезопасности.

— Пусть немного подождут, — принял решение Гайнанов взглянув на хозяйку кабинета. На то, чтобы прийти в себя, Бачуриной потребуется немало времени. Но хоть несколько минут Андрей Дмитриевич мог для нее выиграть.

В кабинет, плотно прикрыв за собой дверь, зашел Максим.

— Вы проверили их документы? — поинтересовался Андрей Дмитриевич.

— Удостоверения подлинные. Это люди из областного управления госбезопасности.

— Максим, вы знаете, что Петр Алексеевич погиб? — поинтересовался Гайнанов.

— Да. От Виты.

Макс хотел принести соболезнования Бачуриной, но, взглянув на нее, лишь кратко молвил:

— Я вызвал подкрепление.

Гайнанов смотрел на телохранителя, ожидая пояснений.

— На всякий случай, — пожал плечами Макс. — Как только станет известно о смерти шефа, сбегутся журналисты и прочие любители сенсаций.

— А что будем делать с чекистами? — спросил Андрей Дмитриевич. Татьяна Николаевна которая на протяжении всей беседы сидела, уставившись в пространство перед собой, при последних словах Гайнанова произнесла механическим голосом, как сомнамбула:

— Я не хотела бы, чтобы мне сейчас докучали вопросами.

— Принять их все же придется, — заметил Макс. — У них приказ.

— Может, пригласить юриста? — предложил Гайнанов.

— Юрисконсульт Дома Моды не специалист по уголовным делам и вряд ли даже знаком с процессуальным кодексом.

— Тогда я вызову Зотова, благо он в городе. А до его приезда потянем время. Что скажете, Татьяна Николаевна?

— Поступайте, как считаете нужным, — бесцветным голосом ответила Таня.

Гайнанов достал ежедневник, нашел нужную визитку, набрал номер телефона:

— Аркадий Константинович, необходима ваша помощь. Срочно подъезжайте в офис «Контес». Умер Петр Алексеевич. Соболезнования потом... А сейчас в приемной уже сидит пара следователей. Все объясню по приезду.

Аркадий Константинович Зотов был потомственным адвокатом в надцатом поколении. Его предки прославились множеством выигранных процессов еще в дореволюционных земских судах. Да и сам Аркадий Зотов сделал блестящую карьеру. И если он по-прежнему считал себя ровчанином, то лишь потому, что не менее трех, а то и четырех месяцев в году проводил в родном городе. В числе клиентов Зотова числились многие могущественные люди страны. И среди них Петр Алексеевич Великий.

К счастью для Гайнанова и Бачуриной, Аркадий Константинович в эти дни оказался в Ровске. Более того, сегодня, он обедал в доме на Богоявленской.

Переговорив с Зотовым, Гайнанов вновь вспомнил о телохранителе:

— Максим, возвращайтесь на свой пост. Зотова пропустите в кабинет без предупреждения. Всех остальных — выпроваживайте.

— Я отдам соответствующие распоряжения, но сам останусь в кабинете, — возразил Кузнецов, не считавший Гайнанова своим начальником. — Присмотрю за чекистами.

Андрей Дмитриевич с этой дельной мыслью согласился.

Когда дверь за телохранителем закрылась, Бачурина извинилась перед референтом и прошла в ванную комнату, где имелась аптечка. Выпив успокоительные капли, Таня присела на край ванны, ожидая, когда подействует лекарство.

В кабинет сотрудники госбезопасности вошли, сняв пальто в приемной. Гайнанов обратил внимание на костюмы, явно приобретенные в дешевых магазинах или даже с рук. Облик этих людей как-то не вязался с представлениями широкой публики о сотрудниках могущественного ведомства, стоящего на охране интересов государства. Было ясно, что чекисты, посетившие офис графини, вряд ли окажутся Джеймсами Бондами. Однако они могли бы одеваться с большим вкусом. Чему их только в их шпионских школах учат?

В свою очередь, на чекистов увиденное в «Контес» произвело весьма неблагоприятное впечатление. Проходя по зданию, они слышали шум застолья — звон бокалов и обрывки оживленной беседы. Весело же, здесь встречают известие о смерти хозяина! В кабинете Бачуриной пахло шампанским, открытая бутылка стояла на столе. Вдова имела такой вид, будто только что вышла из-под душа. Видно, перебрала, и ее пытались привести в чувство. Кроме хозяйки, в кабинете находился коротко стриженный парень спортивного сложения. Этот тип не понравился чекистам еще в прихожей, когда придирчиво проверял их удостоверения. Слишком еще молод, а замашки, как у большого босса. Рядом с женщиной еще один, с подбитым глазом, взявший на себя инициативу в переговорах. Костюм «с претензией», но изгажен жирными пятнами. И опять же — фингал под глазом, будто

недавно побывал в драке. Хотя, черт их знает, этих «новых русских». От них всего можно ожидать. Офицеры решили, что эти двое — телохранители Бачуриной. «Новые» обожают окружать себя «шкафами».

— Татьяна Николаевна? — вежливо осведомился тот, что постарше. — Мы из областного управления государственной безопасности. Майор Корнилов.

— Майор Филимонов, — тут же представился другой.

— Чем обязаны визиту? — поинтересовался Гайнанов, давая понять, что разговор будет вести он.

Офицеры переглянулись. Они предпочли бы беседовать с женщиной наедине, наседая с двух сторон, теперь же оказались в меньшинстве.

— Мы хотели бы поговорить о вашем муже, Петре Алексеевиче, — откашлявшись, произнес майор Корнилов. — Но нам хотелось, чтобы это была приватная беседа.

Неожиданно для Гайнанова чекисту ответила сама хозяйка кабинета:

— Максим Владимирович, — Бачурина кивнула в сторону молодого человека, — руководитель службы безопасности Дома моды «Контес». Андрей Дмитриевич — заместитель моего мужа. Как видите, здесь нет посторонних. На ваши вопросы о Петре Алексеевиче лучше меня ответит Андрей Дмитриевич. И... И мне кажется, вы выбрали не самое удачное время для расспросов.

— Мы приносим соболезнования, — Корнилов поднялся с кресла, зачем-то одернул пиджак. — Хотя факт смерти официально еще не установлен.

— Вы думаете, мне легче оттого, что смерть моего мужа еще не подтверждена официально? — Бачурина посмотрела в глаза чекиста.

Корнилов смешался.

— Татьяна Николаевна... — раздалось из динамика, однако предложение так и осталось незаконченным.

Дверь распахнулась. В кабинет стремительным шагом вошел представительный пожилой мужчина. Это был Зотов. Следом за ним ворвались помощники адвоката. Кабинет сразу стал тесным.

— Танечка, как только узнал о твоем несчастье, сразу же примчался сюда. Какое горе, какое горе! Бедный Петя! — Зотов обнял Бачурину, прижал к своей груди. — Я только что говорил с Мостовым. Губернатор передает тебе искренние соболезнования.

— Спасибо, Аркадий Константинович, — у Бачуриной вновь навернулись слезы на глаза.

— Таня, тебе надо поехать домой, успокоиться, — Зотов погладил волосы Бачуриной, повел ее к выходу из кабинета.

— Прошу прощения, гражданин, — на пути адвоката встал майор Филимонов. — Кто вы такой? И почему прерываете нашу беседу?

— Вот моя визитная карточка. Я адвокат графини Бачуриной. И, кроме того, выступаю в роли душеприказчика Петра Великого. Мой помощник введет вас в курс дела. Если у вас имеются вопросы к моей клиентке, прошу вызвать ее для официального допроса. Хотя я не понимаю, какие вопросы могут быть сейчас, в ее нынешнем состоянии? Посему, господа, разрешите откланяться.

Филимонов стоял с красным от гнева лицом, но не мог ничего сделать. С человеком, который запросто разговаривает с губернатором, поневоле приходится быть осторожным.

— Андрей Дмитриевич, не могли бы вы проводить нас? — обратился адвокат к

Гайнанову и добавил уже в коридоре, где их не могли услышать чекисты: — Вы на машине? Нет? Тогда возьмите такси и езжайте в офис корпорации. Встретимся после того, как завезу Татьяну Николаевну домой.

На странный вид неизменно элегантного Гайнанова Зотов никак не отреагировал. Даже не спросил, где тот заработал синяк.

...В приемной уже толпился с десятков телохранителей. Зато не видно было никого из работающих в самом Доме моды «Контес». Впрочем, на подобные мелочи Таня сейчас не обращала внимания. Она шла, ничего не видя и не слыша.

На улице Бачурину и Зотова дождался широкий и величавый «Мерседес». Аркадий Константинович, отстранив Макса, помог Бачуриной усесться в машину, захлопнул дверцу, сам же обошел автомобиль и сел в него с другой стороны.

Едва лимузин тронулся с места, как долго сдерживаемые слезы хлынули у Тани из глаз.

— Поплачь, девочка. Сейчас можно, — Зотов легонько обнял женщину за плечи, прижал к своей груди.

* * *

Подъехав к зданию «Цесаря», Казарин к своему удивлению увидел Гайнанова, расплачивающегося с таксистом. Михаил Петрович поспешил придать лицу скорбное выражение и шагнул навстречу заму покойного.

— Какая утрата, Андрей Дмитриевич. Какая утрата!.. — Казарин внезапно умолк, уставившись на синяк.

— Вы уже знаете? — в свою очередь поразился Андрей.

— О чем? — Михаил Петрович продолжал смотреть на синяк, теряясь в догадках о причинах его появления.

— О смерти Великого.

Казарин испугался, что его сейчас спросят, откуда ему известно о гибели владельца «Цесаря». Оганесов ведь не зря просил сохранить их связь в тайне. Следовало предупредить жену, чтобы не проболталась о звонке.

— Плохие новости расходятся быстро, — Михаил Петрович подхватил собеседника под локоть и повлек к подъезду. — Нужно срочно созвать экстренное заседание Правления, обсудить сложившуюся обстановку.

— А кто будет на заседании замещать Великого? Бачурина?

— До вступления в наследство она не может участвовать в работе Правления. И, кроме того, не думаю, что Татьяне Николаевне сейчас под силу томиться на подобных заседаниях. Но мы не забудем о ней. И ни в коей мере не ущемим ее интересов. В недалеком будущем Бачуриной отойдет значительная часть состояния Великого, и она станет полноправным членом Правления. Поэтому не стоит ее обижать.

— Мне кажется, Татьяна Николаевна могла бы принять участие в заседаниях. Для начала в роли наблюдателя. Без права голоса.

— Найдет ли она в себе силы? — гнул свою линию Казарин. — Было бы жестоко заставлять женщину выслушивать наши скучные, нескончаемые разговоры.

— Она может назначить представителя.

— Тогда своих наблюдателей пришлют и другие наследники. И Правление превратится в собрание акционеров. Я хочу попросить Лебединского съездить к Бачуриной, утешить и объяснить сложившуюся ситуацию. Думаю, Татьяна Николаевна поймет.

— Лебединскому незачем ехать к Бачуриной. Объяснить свою точку зрения вы сможете

Зотову. Он доверенное лицо Татьяны Николаевны. И с минуты на минуту придет в офис.

«Опередил, старый хрыч!» — раздраженно подумал Казарин. Зотов являлся членом Правления. Хитрый жук, сразу сообразил, какую выгоду можно извлечь из защиты интересов вдовы. Адвоката, собаку съевшего в крюкотворстве, обвести вокруг пальца не удастся. Но это временная неудача. Еще можно преуспеть в своем замысле, стать во главе корпорации. У Казарина поддержка подавляющего большинства членов Правления и такой союзник, как Оганесов. Бачуриной с ним не совладать. Да и с Зотовым можно будет договориться. Позже. Когда тот поймет, на чьей стороне сила. О визите чекистов в «Цесарь» Казарин решил Гайнанова в известность не ставить. Если возникнут осложнения, вину за них можно будет легко свалить на доверенных лиц Бачуриной. А у Казарина есть свои проблемы.

7

* * *

Прежде, чем нажать кнопку звонка, гость минуты три разглядывал дверь. А смотреть было на что. Перед собой он видел настоящий шедевр инженерной мысли, призванный препятствовать вторжению непрошенных гостей. За деревянной обшивкой угадывался бронированный лист. Три замка, причем явно не серийного производства. Дверной глазок перископического типа с углом обзора едва ли не в сто восемьдесят градусов. Похоже, дела у Ленчика идут неплохо, раз такую дверь отгрохал. Или в городе стало настолько небезопасно жить, что даже такие люди как Барин вынуждены обзаводиться бронированными дверьми?

Трелей звонка гость не услышал. Тем не менее, едва он нажал на кнопку, откуда-то сбоку, из замаскированного динамика послышался голос, произнесший с ленцой:

— Н-да?

— Дверь у тебя замечательная. Сколько же это за нее пришлось отвалить «зеленых»?

После недолгого молчания динамик поинтересовался:

— Кого это так моя дверь привлекла?

Японская электроника, хоть и самая современная, слегка искажала голос говорившего, но не настолько, чтобы его невозможно было узнать. Если и были у гостя какие-то сомнения (не переехал ли старый приятель на другую квартиру, не свалил ли за бугор?), то теперь они полностью рассеялись. Всем хорош Лёня Шаховской, но более всего — своим произношением. На бумаге, увы, не передать — это надо слышать. Тут были влияния едва ли не всех национальностей, населявших одну шестую часть суши, оттенки речи самых разных слоев общества, положенных на прочную основу одесско-харьковско-ростовского культурного наследия, приобретенного Лёней в детстве и отрочестве. Единственно, чего не хватало, так это четкого произношения трех-четырех звуков. Все остальное было: и грассирующее «эр», больше смахивающее на «эл», и украинское «гэ», и многое другое, делающее речь Барина совершенно неподражаемой.

Гость постучал пальцем по микрофону, утопленному в стену, и произнес:

— Барин, может, соизволишь хотя бы в глазок посмотреть?

На то, чтобы выйти в прихожую, взглянуть через импортную оптику на визитера, хозяину потребовалось некоторое время. Но когда дверь наконец распахнулась, облик Шаховского излучал радушие, насколько это было возможно с его внешностью.

— Леша, сколько лет, сколько зим?! Где ты столько пропадал?

Несмотря на звучное прозвище, аристократизм в Шаховском отсутствовал напрочь. И дело тут вовсе не в короткой стрижке и перебитом носе... К слову, Барин в настоящий момент оказался одет в английский костюм и дорогую рубашку (правда, приглядевшись,

можно было заметить, что она не глаженная), с еще более дорогим галстуком ручной работы. Но даже в таком виде Ленчика проще было представить взламывающим банковский сейф, останавливающим прохожего в темном переулке, или, на худой конец, на какой-нибудь «малине» за карточным столом, в компании веселых девочек. Вот так обманчиво порой бывает впечатление от внешнего облика. Ведь в последние года Барин добывал свой хлеб насыщенный тяжким трудом на поприще торговли. С темным прошлым было завязано, и теперь Шаховской превратился во вполне респектабельного бизнесмена. Хотя, честно говоря, ему иногда удавалось обчистить партнеров так, что они предпочли бы трижды подвергнуться налету, чем еще один раз поиметь дело с Леней. Но при всем этом люди, знавшие его, соглашались, что это веселый компанейский человек. И если сегодня он отнимет у кого-то лишний рубль, то завтра ради понравившегося ему человека готов снять с себя последнюю рубашку (при условии, что ему вернут ее обратно и обязательно с процентами).

Хозяин провел гостя в зал, усадил на кожаный диван, достал из бара бутылку водки и рюмки. В приоткрытую дверь, цокая когтями по паркету, в комнату вошел бультерьер и уставился на гостя маленькими глазками.

— Бакс, на место! — приказал Шаховской.

Бультерьер хрюкнул в ответ нечто невразумительное, вразвалочку проковылял к дивану, направляясь напрямиком к Леше.

— Фу, Бакс! — повысил голос хозяин, торопливо ставя на журнальный столик бутылку и рюмки.

Собака дернула ухом — мол, слышу, — запрыгнула на диван и положила голову гостю на колени.

— Ты гляди! — удивился Барин. — Бакс чужих не любит, а тебя сразу признал!

— Зверь у тебя знатный, — поглаживая лобастую морду пса, проговорил Алексей.

— Он у меня медалист. А драчун какой! Ни одной собаке спуску не дает, — с гордостью сообщил Лёничик. — Только ленивый до предела, проглот, и поспать любит.

— Мне кажется, в этом он берет пример с хозяина.

— Ну, не скажи. Я тут верчусь, как белка в колесе, понимаешь. Ни минуты покоя нет. Между прочим: а чем ты сейчас промышляешь?

— Да всем помаленьку.

— Ага, значит, все по-прежнему. Птицы божьи не сеют и не жнут, а на хлеб с маслом хватает.

— Примерно так, — равнодушно повел бровями гость.

— Ну, молодец, что зашел, не забыл... Что это я?! Видно, голодом решил тебя заморить.

Барин вышел из комнаты и вернулся с подносом, уставленным нарезанной булкой, колбасой и различными консервами:

— Чем богаты, тем и рады. Вита уехала, так что я холостякую.

— Отдыхает?

— Ага, по магазинам... Пока жили в Германии, взяла моду ездить за шмотками по Европе. Теперь с подругой мотаются. Те, что у нас продаются, их, понимаешь, не устраивают. «Все такое носят», — насмешливо протянул Барин и с сарказмом добавил: — С жиру бесятся.

— Похоже, дела у тебя идут неплохо...

— Не жалуясь. Хотя могло и получше быть.

— Чего это ты стальную дверь поставил? — между прочим спросил Леша. — Неужто кто-то пытался грабануть?

— Ага, было дело. Повздорил тут с одним фраером, так он с дружками решил маленький погром устроить.

— Погром?

— Ну да. Дикция ему моя не понравилась, нос не той формы и фамилия подозрительная. Я и сам понимаю, что с дикцией у меня проблемы. Но это не дает право любому баклану вышибать дверь и врваться ко мне в квартиру.

— Ну и как? — Кумову стало интересно.

— А никак, — Барин пожал плечами. — Полторушку оставили и ушли себе с Богом. По крайней мере, те, кто мог сам идти. Ну, давай по первой! За встречу!

Водка огнем прокатилась по пищеводу, впитываясь в кровь, заставляя ее быстрее бежать по сосудам.

— С минуты на минуту должны зайти мастера, — закусив, проговорил Лёня. — Чего-то там с электрикой приключилось. Поэтому мы сейчас проведем только маленькую разминочку, а уж после отметим твой приезд по полной программе!

— А Вита когда приезжает?

— Послезавтра. Успеем гульнуть, — успокоил гостя Ленчик.

— Все это хорошо. Только я ведь и сам только что с поезда.

— Еще нигде не остановился? Ничего страшного. У меня для подобных случаев имеется двухкомнатная квартирка. Прямо в центре города. Старый дом, потолки высокие, стены двухметровые. Если даже ходить всю ночь на голове — к соседям не долетит ни звука. Уже проверено. Поэтому, когда ты в Ровске — милости просим — квартира в твоём распоряжении.

— Возможно, мне некоторое спустя, еще в этом году, воспользоваться твоим гостеприимством.

— Без проблем. Только Витке о моей берлоге ни слова! Договорились?

— Договорились.

— Да! Теперь мы солидные люди. А помнишь, как после детдома гастролировали по Южному Уралу?

— Помню.

— Меня в Оренбурге повязали, а ты у ментов сквозь пальцы ушел. Ох, и ловкий ты тип был уже в те годы! — Шаховской взглянул на часы: — Что-то мои мастера задерживаются... Давай, наверное, по второй! Чтоб ожидать было веселей.

Ленчик наполнил рюмки, но в этот момент зазвонил телефон, издав робкий писк, будто извинялся, что ему приходится извинять хозяина в такой момент. Придав лицу скучающее выражение, Барин поднял трубку и произнес свое коронное:

— Н-да?

Минуты две он вслушивался в звуки, доносящиеся из наушника, затем сладко поинтересовался:

— И шо ты мне такое сообщил, чего я и раньше не знал? Стоило из-за этого звонить? От тебя требовалось одно: доходчиво объяснить человеку, чтобы он понял свои же собственные интересы. Мы дали Лазарю Моисеевичу заработать? Дали. Так пусть не будет жмотом и поделится. Объясни человеку конкретно: или он нам откатом, или мы к нему с наездом.

Трубка опять разразилась оправданиями, которые Барин терпеливо выслушал.

— Ладно, еду, — выдавил из себя Ленчик и раздраженно бросил трубку на рычаг. — Во, работнички! Ничего доверить нельзя!

— Я вот слушаю твою почти интеллигентную речь и удивляюсь: ни одного матерного слова, — поднимая рюмку, задумчиво проговорил гость. — Ты и в прошлом междометиями не злоупотреблял, но речь у тебя была куда выразительней.

— Три года жизни в Германии кого угодно скучным сделают. — Шаховской залпом выпил водку, вытер губы ладонью. — Хочешь — не хочешь, а ехать надо. А тут еще мастера прийти должны!

— Ладно, езжай уже. Мы с Баксом как-нибудь разберемся.

— Кстати, насчет Бакса. Когда ремонтники заявятся, ты запри его в комнате. Не знаю уж почему, но Бакс электриков недолюбливает. Поэтому лучше его запереть. И если вырвется — дверь на улицу не открывай, чтобы не потерялся.

— А мастера? — удивленно-сочувствующе поинтересовался Алексей.

— Пусть по комнатам бегают! Я потом им это развлечение оплачу.

Последние слова Барин прокричал уже из-за двери, спускаясь по лестнице.

* * *

Двое мужчин сидели в старенькой «Ладе», уткнувшись носом в бетонный забор как раз под надписью «Борька — дурак».

— Смотри. Кажется, наш подопечный куда-то собрался, — произнес водитель, заметив выходящего из подъезда Шаховского.

— У него же, кажется, гость, — возразил другой, отрываясь от чтения детектива. Но, бросив взгляд в сторону, где стоял «Крайслер» Барина, сыщик убедился в правоте напарника: Шаховской как раз завел двигатель и подал автомобиль назад, на асфальт.

Через несколько секунд «Крайслер» нырнул в арку, в последний раз донесся рев мощного мотора и все затихло.

— За ним? — спросил водитель «Лады».

Пассажир отрицательно покачал головой:

— Нам велено лишь наблюдать за квартирой.

Во двор вошел мужчина средних лет и напрямик направился к «Ладе». Сидящие в машине переглянулись. Мужчина открыл дверь, уселся на заднее сидение:

— Чем похвастаете, орлы?

— К Шаховскому заявился гость, а сам он куда-то уехал. Приказа следовать за ним не было, поэтому остались наблюдать за хатой.

— Молодцы. Что там за гость у Барина? Не этот ли? — мужчина достал из внутреннего кармана довольно четкую фотографию Кумова.

— Он самый.

— Вот и превосходненько. А сейчас я зайду вон в тот подъезд, а вы подъезжайте следом и ждите. Мотор не глушите.

— Но ведь там нас будет видно из квартиры Шаховского, — попытался возразить водитель.

— А на этом месте вас никто не видит? Эх, детективы! Вам еще учиться и учиться! Делайте, как я приказал. Вопросы есть?

— Никак нет, товарищ майор.

— Вот и отлично.

* * *

Кумов обратил внимание на одиннадцатую модель «Жигулей», притаившуюся в углу двора, еще когда подходил к дому. Мужики в ней показались подозрительными. Мелькнула мысль: «Уж не Шаховского ли пасут?». Но с Бариним подозрениями делиться не стал. Если тот не сможет засечь столь демонстративно выставляемый хвост — тем хуже для него.

Когда «Крайслер» Шаховского выехал со двора, Алексей принялся внимательно следить: последует ли за ним «жигуленок». Машина осталась на месте, но на душе спокойнее не стало. Стоя у окна, он продолжал наблюдать, раздумывая: не выйти ли на лестничную площадку, откуда был виден и тот угол двора, в котором притаился не понравившийся ему ВАЗ.

В подъезд дома напротив вошел пожилой мужчина. Чуть погода к этому же подъезду подкатил и «жигуленок», остановился, пуская из выхлопной трубы сизые клубы дыма. Через пару минут пожилой вышел из подъезда, волоча объемистую сумку, уселся на заднее сидение ВАЗа — и тройца укатила.

Кумов с облегчением задернул занавеску. Мужики просто поджидали знакомого. Слишком подозрительным стал — всюду мерещатся слежка, засады... Хотя это скорей достоинство, чем недостаток.

Как бы там ни было, Кумов достал из сумки блокнот и зарисовал внешность пожилого мужчины. Ниже приписал номер «жигуленка». Так, на всякий случай.

* * *

Когда пожилой, держа в руках объемистую сумку, забрался в салон, водитель заметил: — У вас в этом доме, оказывается, знакомые имеются, товарищ майор.

— Какие еще знакомые?

— Ну, у которых вы сумку взяли...

— Ах, сумку... Наблюдательный, ничего не скажешь. Притормози на минутку, — майор расстегнул молнию на сумке и продемонстрировал ее содержимое: небольшой насос и детскую надувную игрушку. — Будем надеяться, что гость Шаховского тоже решит, что я здесь живу или заходил к знакомым. Если, конечно, он наблюдал за нами из окна.

— Так это мы его пасли? — поинтересовался водитель. — Что ж тогда сняли наблюдение?

— Есть причина. И причина веская — погиб Великий.

— Не может быть! Ну, дела! — в один голос воскликнули подчиненные. — Убили? Когда?

— Сегодня несколько часов назад погиб в авиакатастрофе. Но не исключается возможность, что Великого устранили. Если это так, — майор не стал продолжать, всем без пояснений было понятно, что расследование преступлений такого уровня — дело долгое, тяжелое и неблагодарное.

— Мы то тут причем?

В отличие от подчиненных майор знал от кого поступил приказ и догадывался, чем он был вызван. Направить лучших оперативников на сбор сведений о ситуации вокруг корпорации «Цесарь» дал указание начальник областного управления МВД. Генерал отлично понимал, что информация — ключ к власти. А смерть Великого это взрыв в тихом ровском болоте. Теперь немало разного дерьма выползет наружу. Кроме того, милицейского начальника интересовало, какие действия предпримет мэр Ровска Ходосеев и его зять, получив известие о кончине Петра Алексеевича.

* * *

Хозяин квартиры еще не вернулся, когда звонок в дверь известил о приходе мастеров.

— Кто там? — поинтересовался Леша.

— Электрики, — ответил такой бас, что сразу стало ясно — никакой это не электрик, а душегуб с дипломом пытошного палача.

Взглянув в глазок, Кумов увидел на лестничной площадке двух лбов, переминающихся с ноги на ногу. Пожав плечами, мол, странные пошли мастера, Леша все же открыл дверь.

«Гости» ворвались в квартиру, но вместо того, чтобы заняться проводкой, занялись хозяином, пытаясь скрутить ему руки. При этом один из нападавших не забыл бросить на кухню принесенную кость и захлопнуть дверь, отрезая бультерьеру путь в прихожую. А второй умудрился-таки заехать Кумову в нос.

— Стойте, дурачье! Это не он, — в двери появился третий, не столь рослый, но тоже крутой на вид мужчина с бритой головой, на которой выделялись свежие шрамы.

Лбы ослабили натиск. И тут же поплатились за потерю бдительности. Леша вырвался из сцепившихся в него рук, двинув одного из державших в морду, а другого в пах. Увернулся от телескопической дубинки, мелькнувшей в руках бритого. Однако бугай с кастетом, сплевывая кровь с разбитой губы, вновь ринулся в бой. А тут еще бритый со своей дубиной пошел на второй заход. В общем, положение не из приятных.

Внезапно с тыла налетчиков атаковал невесть откуда взявшийся Лёнчик. Драка превратилась в беспорядочную свалку. Воспользовавшись замешательством противника, Леша выхватил из кармана револьвер и принялся орудовать им, как кастетом.

Заметив мелькнувшее перед глазами черное зеву ствола, громила, до этого говоривший басом, взвизгнул пронзительно:

— Тикай! — и первым ринулся из квартиры.

Второй налетчик, зажав матню в кулак и смешно разбрасывая ноги, последовал за ним. Леша успел перехватить бритого, стукнув пару раз рукояткой и добавив работы хирургу, а затем спустил по лестнице, придав ускорение хорошим пинком.

— Кто это был? — спросил Кумов, возвращаясь в прихожую и опускаясь на пол рядом с Леной.

— Погромщик, о котором я тебе рассказывал, — переведя дыхание, ответил Барин. — Зачем ты открыл дверь?

— А я что, знаю твоих электриков в лицо?

Шаховской, взглянув на револьвер в руках Леша, поинтересовался:

— Чего не стрелял?

— И без стрельбы обошлись.

— Обошлись, — согласился Леня, но вдруг забеспокоился. — А Бакс где?

На кухне послышались цокот когтей, царапанье, дверная ручка пару раз дернулась — дверь отворилась, и перед мужчинами предстал бультерьер во всей своей красе.

— Скотина, — с чувством проговорил Леша. — Оказывается, ты мог и сам открыть замок.

И, обернувшись к Лёнчику, добавил:

— Так говоришь — боец он у тебя?

Ответить Барин не успел, потому что в дверь вновь позвонили.

— Кто там? — не поднимаясь с пола, поинтересовался Лёня.

— Электрики, — послышалось из-за двери.

— Шо, опять? — округлил глаза Кумов. — Сколько можно?

— Кажется, это те, кого я ждал, — успокоил приятеля хозяин, открывая дверь.

В этот раз Бакс решил продемонстрировать свои лучшие бойцовские качества. Тем более, что пришедшие не принесли с собой подачки. Едва первый из мастеров перешагнул порог, как на него налетела рычащая белая молния, разом вырвав хороший клоч штанины.

Крик, гам, лай. Электрики вынеслись из квартиры, преследуемые псом. За ними Лёня, орущий благим матом. Пролетом ниже беглецы столкнулись с кем-то поднимающимся вверх. Оттуда донеслись звуки падения, ругань, непонятная возня.

— Двери, двери из подъезда не открывайте! — ревел внизу Шаховской. — Он играет, не кусается!

Вернулся Лёнчик минут через двадцать, волоча своего зверя за поводок. Из пасти бультерьера торчал лоскут брючной материи. Оправдываясь перед приятелем, Барин развел руками:

— Ну, не любит Бакс электриков.

8

* * *

Макс Кузнецов, который давно должен был смениться с дежурства, не рискнул в день смерти Великого покинуть дом на Богоявленской. Неожиданно Максим оказался в охранном подразделении старшим по должности и никак не мог привыкнуть к своему высокому положению. А главное, он не мог придумать — с чего начать и что делать. Так и не сумев уснуть и не находя себе места, Кузнецов, несмотря на глубокую ночь, решил совершить обход здания.

В доме на Богоявленской Максим чувствовал себя более уверенно, чем в офисе «Контес». Система безопасности резиденции Великого была давно и тщательно продумана: сигнализация, системы слежения, вооруженная охрана. В здании редко бывали посторонние, а все допущенные в жилище неоднократно и всесторонне проверялись. О работающих в доме и говорить нечего. Жизнь любого претендента даже на самый незначительный пост, буквально под микроскопом изучалась людьми из организации Гришина. Поэтому, когда Бачурина оказалось под крышей дома на Богоявленской, Кузнецов вздохнул с облегчением. Здесь было вполне безопасно, хотя среди обслуживающего персонала ощущалась растерянность.

Это было вполне понятно: после смерти Великого все чувствовали себя потерянными. А вместе с Петром Алексеевичем погиб и руководитель его службы безопасности. Охрана здания оказалась обезглавленной. И хотя телохранители продолжали нести службу, опытный взгляд заметил бы, что это напоминает подергивания и конвульсии тела, лишённого мозга.

Проходя по коридору, Макс заметил свет, пробивающийся под дверью комнаты, рядом со спальней Бачуриной. Приоткрыв дверь, он увидел в комнате хозяйку. Татьяна Николаевна сидела на диване в ночной рубашке, уставившись в одну точку, и даже не отреагировала на появление телохранителя. У ее ног валялась упаковка от какого-то лекарства. Передозировка? Иначе как можно объяснить состояние прострации, в котором она сейчас находилась.

Кузнецов прикрыл дверь и подошел к телефону, чтобы позвонить доктору Рейну, личному врачу Великого и Бачуриной, которого специально уговорили ночевать на Богоявленской.

— Доктор, это Макс. Подойдите в кабинет графини. Требуется ваша помощь. Объяснять долго — проще подойти и увидеть своими глазами.

Рейн примчался, лишь накинув халат и потеряв где-то по пути один тапочек. Он сразу узнал коробочку. Это было сильнодействующее успокоительное средство. В руках Таня продолжала держать пластинку упаковки, в которой не оставалось ни одной таблетки.

— Татьяна Николаевна, как вы себя чувствуете? — спросил Рейн, взяв графиню за руку и считая пульс. — Сколько таблеток вы приняли?

— Таблетки? Не помню, — ответила Бачурина, все еще пребывая в состоянии, схожем со ступором, и устремив вдаль ничего не видящий взгляд.

— Все в порядке? — поинтересовался Макс, когда доктор вышел из комнаты.

— Повода для особого беспокойства, мне кажется, нет. Судя по всему, графиня не могла уснуть и решила принять снотворное. Хотя доза превысила разумные нормы, угрозы для здоровья нет. Разумеется я возьму у нее анализ крови. Возможно, Татьяна Николаевна не помнит, что она выпила несколько большее число пилюль. И все же, думаю, отравление от передозировки ей не грозит.

* * *

Днем на Богоявленскую приехал Зотов. Охрана долго не хотела пропускать его к графине. Пришлось разбудить Кузнецова, отдохавшего после дежурства. Макс подтвердил, что Бачурина назвала Аркадия Константиновича своим доверенным лицом, и Зотов получил свободный допуск в дом.

Телохранители являлись только первым оборонительным рубежом. Вторым на пути адвоката встал доктор Рейн.

— Татьяна Николаевна находится на грани нервного срыва. Одно неосторожное слово может вызвать кризис, — твердил непреклонный доктор.

Убедить врача, что Зотов не намерен никоим образом повредить Бачуриной, оказалось много трудней, чем доказать охранникам, что адвокат не террорист. Пришлось Зотову, мобилизовать все свои риторические способности. В конце концов Рейн окончательно запутался в словесной паутине и, вздохнув, пропустил адвоката во внутренние комнаты.

* * *

После пробуждения Таня оставалась в постели. Совершенно не хотелось умываться, одеваться, что-либо делать. Отодвинулась тяжелая занавесь, в спальню заглянула горничная. Заметив, что хозяйка не спит, девушка подошла к кровати и доложила:

— Вас желает видеть господин Зотов.

Устроившись перед экраном компьютера, Аркадий Константинович просматривал электронные версии утренних газет. Он так увлекся чтением, что не услышал появления Бачуриной.

Подойдя поближе, Таня увидела на экране монитора фото Великого, а рядом снимок разбросанных по лесу останков самолета, на котором он летел в Москву. Рядом с обломками лежало чье-то тело. Спокойствие, которое Бачурина сохраняло с таким трудом, покинуло ее. Женщина едва нашла в себе силы, чтобы сделать шаг к стоящему поблизости дивану и упасть на него. Она заплакала.

Проклиная себя за неосторожность, адвокат выключил компьютер, сел рядом, протянул носовой платок.

— Я знаю, тебе тяжело, но ты сильная женщина. И сумеешь перебороть горе.

Бачурина вытерла слезы, закрыв глаза, откинулась на спинку сидения и сделала несколько глубоких вдохов.

Аркадий Константинович решил идти в лоб. Необходимо убедить Бачурину как можно

быстрой взять «Цесарь» под свой контроль, пока его не растащили на части.

— Наверное, следует подождать оглашение завещания, — несмело предположила Таня.

— Мы не можем позволить себе бездействовать, — возразил Зотов. — Это будет только на руку нашим противникам. А главное: хотя завещание еще не оглашено, я могу заранее сказать, что основной наследницей будешь объявлена ты. Не забыты, конечно, и Петины родственники. Тебе достались, насколько я помню, значительная доля акций, различная недвижимость, деньги на счетах в отечественных и зарубежных банках. Однако контроль над корпорацией переходит к Попечительскому совету, в котором мы с тобой не обладаем большинством голосов. Так что придется побороться за достойное место в Совете и Правлении.

— При вступлении в наследство предвидятся какие-то трудности? — спросила Бачурина, хотя это ее сейчас вовсе не интересовало.

— Юридически ты являешься владелицей, хоть и не контрольного, но вполне солидного, так называемого блокировочного, пакета акций. Но ты не генеральный директор и не председатель Правления корпорации. Ты даже не член Правления. Считается, что на эти должности избирают собранием акционеров простым большинством голосов. У тебя же, насколько я могу предполагать, не больше двадцати семи процентов акций, дающих право голоса.

— А остальные семьдесят три?

— Есть еще три банка, которые являются крупными акционерами нашей корпорации. Остальные акции поделены между четырьмя десятками людей, у самого влиятельного из которых не наберется и пяти процентов. У меня, например, всего два. У остальных — по полтора, а то и по полпроцента. Что-то получают родственники. Да... Какая-то часть акций принадлежит мелким вкладчикам — это около двадцати тысяч человек. В основном, это обычные акции, не дающие права голоса, и всего шесть процентов акций, позволяющих голосовать. Не знаю, как им удалось сохранить эти ценные бумаги. И зачем? В любом случае, контролировать мелких вкладчиков практически невозможно. Да и доля их акций невелика. Нам следует сосредоточить внимание на четырех десятках владельцев крупных пакетов.

К чему весь этот разговор? И почему именно сегодня?

— Почему? Среди членов Правления немало желающих усесться в директорское кресло. А остальные, разбившиеся на несколько группировок, желали бы поставить во главе компании своего ставленника. Они не станут ждать, пока ты справишься со своим горем. Поэтому мы вынуждены действовать уже сегодня, сейчас. Или вообще отказаться от борьбы.

— Вы располагаете какой-то информацией относительно замыслов Правления?

— Откуда? Я не чудотворец и не пророк. Просто я знаю жизнь и знаю людей.

Татьяне подумалось, что это не достаточное основание подозревать собственных компаньонов в нечестных замыслах. Но спросила совсем о другом:

— Аркадий Константинович а какая вам выгода поддерживать меня? — Бачурина посмотрела в глаза адвокату.

Не отводя взгляда, Зотов ответил:

— По завещанию Петра Алексеевича мне тоже кое-что причитается. Но выполнение этого пункта напрямую связано с тем, удастся ли мне отстоять твои права. И, кроме того, мое положение среди членов Правления целиком зависело от близости к Великому. Многим это не нравилось и теперь они не упустят случая покончить со мной. Так что я твой

естественный союзник.

— Что от меня требуется? — сдалась Бачурина.

Зотов удовлетворенно отметил, что правильно сделал, когда не стал распространяться о хорошем отношении к вдове, дружеских отношениях с покойным, чувстве долга и прочей дребедени. Откровенность в данном случае, как и во многих других, оказалась наиболее коротким путем к успеху. Аркадий Константинович не только не стал скрывать своей заинтересованности, но и продемонстрировал совпадение своих интересов с интересами Бачуриной. И он заявил без обиняков, почти потребовал:

— Если согласна, чтобы я выполнял обязанности твоего доверенного лица, это следует оформить юридически.

— Документ подготовили?

— Да. Я пригласил с собой нотариуса, он ожидает в машине.

— К чему такая спешка? — Бачурина удивленно смотрела на Зотова.

— Я хочу уже сегодня осмотреть документы в кабинете Петра Алексеевича в офисе корпорации.

— Разрешите? — Бачурина протянула руку к папке, которую Зотов успел достать из портфеля.

— Конечно. Для того я ее и привез.

Протягивая папку, Аркадий Константинович услужливо раскрыл ее на последней странице. Там, где требовалась подпись Татьяны Николаевны. Он даже достал ручку. Но Бачурина вернулась к началу документа и углубилась в чтение.

Изучив доверенность на ведение дел, Татьяна внесла в нее несколько поправок. Она ограничила действие документа во времени и указала случаи, когда для принятия решения в обязательном случае требуется согласие доверительницы. Также оговорила возможность в любой момент остановить действие данного документа. Кроме этого, ввела пункт, согласно которому Зотов являлся не единственным доверенным лицом. Такими же правами, как и адвокат, наделялся Андрей Гайнанов. Перечитав новый вариант, Аркадий Константинович хмыкнул. Его мнение о графине сразу возросло. Мало кто из женщин в ее положении нашел бы силы даже попросту прочесть текст. Может, Бачуриной и не хватает опыта, но ей не откажешь в здравом смысле. А это главное.

— Раз мы все решили — пригласите нотариуса, — распорядилась Таня.

* * *

Ночь была тяжелой. Гайнанов проснулся очень поздно и в самом скверном расположении духа. Да и чему радоваться? Корпорацию ожидали нелегкие времена, а это, несомненно, отразится и на его благополучии. К тому же «Цесарь» стоял на грани междоусобной войны среди высших руководителей. Казарин и Лебединский уже вчера продемонстрировали свои аппетиты. А у Гайнанова с ними не слишком хорошие отношения.

Андрей Дмитриевич был лоялен по отношению к шефу, пока тот был жив. Он хорошо относился к Татьяне Николаевне, уже хотя бы потому, что к хорошеньким женщинам нельзя относиться без симпатии. Но сейчас... Бизнес есть бизнес. Следует, конечно, признать, что, кроме математического расчета, в бизнесе присутствуют и чувства. Возможно, они даже играют главенствующую роль, хотя бы потому, что являются побудительными причинами тех или иных решений. Но эти чувства — не из тех, о которых пишут в дамских романах, и не из тех, о которых принято рассказывать в хорошем обществе. Поэтому, размышляя о будущем, Гайнанов отбросил прочь соображения верности, чести и совести. Эти химеры,

столь часто воспеваемые поэтами, имеют свойство заманивать на опасные рифы. Сколько карьер разбилось о них. Но Андрей не из тех, кто позволяет обмануть себя красивыми сказками. Тем более, что шеф мертв, и хранить верность некому.

Поглощая завтрак (или уже обед), Гайнанов продолжал размышлять, куда в первую очередь отправиться: в офис, домой к вдове или, все же, в ремонтную мастерскую, куда отвезли его автомобиль. Дай Бог, чтобы машину удалось отремонтировать до состояния, позволяющего выставить ее на продажу. Он настолько погрузился в свои мысли, что не услышал телефонного звонка.

— Андрюша, тебя просят к Бачуриной.

Слова жены застали Гайнанова врасплох. Он даже удивился:

— Зачем?

— Вдовушка хочет тебя видеть, — не без сарказма проговорила Люба, давно ревновавшая мужа к Бачуриной.

Гайнанов жил на Богоявленской, всего в квартале от дома Великого, и поэтому не потребовалось даже ловить такси. К тому моменту, когда он вышел из дома, настроение улучшилось, а ход мыслей принял несколько иное направление. Он по-прежнему был склонен считать, что в недалеком будущем «Цесарь» ожидает полный разгром. По этому поводу Андрей Дмитриевич не испытывал сожаления, как не ощущал и жалости ни к людям, работающим в корпорации, ни к Бачуриной, ни к кому-либо иному. Гайнанова интересовал только Гайнанов. И очень может быть, что крах фирмы лично для Андрея будет означать расцвет карьеры. Можно попробовать отхватить небольшой кусочек бизнеса Великого, не все ведь заграбастывать финансовым монстром. Что-то перепадет и мелким фигурам вроде Зотова и Казарина. А Гайнанов чем их хуже? Можно попробовать поставить и на молодую вдову. Что ни говори, Бачурина сегодня самая богатая наследница в этой части света. Возможно, даже вдове удастся сохранить остатки исполинского предприятия. Но только с помощью Зотова, самого Гайнанова и — чего на свете не бывает? — компаньонов покойного Великого. В одиночку графине с подобной задачей не справиться.

Главное сохранять естественность в поведении и поступках. Ведь любые, даже тщательно разработанные планы бессмысленны, когда имеешь дело с женщиной. Тут требуется доверять не логике, а импульсам. Когда-то Гайнанов таким образом завоевал свою жену. На свою голову. Да и в отношениях с другими женщинами импульсивность всегда приносила плоды. Дамы имеют свойство путать импульсивность с искренностью чувств. И очень ценят это качество.

Вот и особняк. Открылся центральный вход, из него вышел швейцар. Значит, его ждали. Добрый знак. Андрея Дмитриевича провели в кабинет Бачуриной. Здесь он узнал, что утвержден в качестве доверенного лица вдовы. Конечно, наряду с Зотовым. Однако Татьяна Николаевна призналась, что больше доверяет человеку, знакомому ей не первый год. С адвокатом же она встречалась всего несколько раз. Аркадий Константинович, несомненно, отличный специалист. Это, учитывая ее неопытность, весьма важно. Однако доверенное лицо — больше, чем просто советник. И на то, чтобы убедиться в том, что Зотов друг, требуется время. Последняя фраза вполне могла быть расценена как признание того, что самого Гайнанова Татьяна Николаевна бесспорно числит в друзьях.

Особняк Андрей Дмитриевич покидал в приподнятом настроении.

* * *

Вот уже год Модест Семенович Гуковский усиленно боролся с зеленым змием. Борьба

была тяжелой, на взаимное уничтожение, и отнимала у сановника множество сил. Потому для поддержания общего жизненного тонуса часто приходилось обращаться за помощью к отзывчивым и обаятельным «чаровницам». У людей, близко знавших Гуковского, складывалось впечатление, что он спешит наверстать упущенное за долгие годы трезвости и целомудрия. Но все в этом мире в конце концов приедается. Для разнообразия и в поисках утраченной остроты ощущений Модест в последние два-три месяца, погрузился не в столь невинные развлечения, как прежде. Знакомые об этом и не подозревали.

Привратника загородного дома Гуковского не удивило, когда на закате у ворот остановился «Форд» с особой женского пола. Раздался пронзительный автомобильный гудок, но воротарь не спешил пропускать посетительницу, хотя и видел ее на экране монитора. Посигналив некоторое время, женщина вышла из машины. Она оказалась в норковой шубе, черном, как смоль, парике и черных же очках. Красотка явно не желала, чтобы ее узнали. К тому же, начитавшись детективов, заляпала грязью автомобильные номера.

Привратник усмехнулся: ему уже приходилось встречаться с подобными визитершами. И хочется, и колется. Наверняка ведь замужем. И не за бедняком. Ишь, как вырядилась! Дама... И не поленилась же припереться за столько километров на зов старичка-любовника. Ох и Дон Жуан хозяин! Мало ему проституток — «порядочных» в постель тащит. И ведь бегут, стоит только поманить! Правду говорят, что мужчину неотразимым делают две вещи — деньги и власть.

Красотка между тем вышагивала по мокрой листве, поглядывая на часы и изредка бросая взгляды на ворота. Интересно, дождетсЯ Гуковского или повернет оглобли?

...Все, терпение красотки лопнуло. Она топнула каблуком и направилась к машине. И в этот момент за поворотом послышался рокот мотора. Это был «Мерседес» Гуковского. Старый черт, как всегда, рассчитал время до секунды. Сейчас рассыпется в извинениях. Пообещает искупить промах дорогим подарком, а когда дамочка отгадет, опять что-нибудь отчебучит. Так и будет развлекаться, пока не доведет ее до нужной кондиции. Ну, вот, Модест отпускает свой «Мерседес» и подсаживается в машину к даме.

Ворота распахнулись, но еще раньше из привратничьей появился вахтер. Чтобы досадить церберу, дама на скорости промчалась мимо, несмотря на поднятую руку охранника.

— Постой, зайка, — мягко попросил Гуковский, опуская стекло со своей стороны. Он был пьян, но не настолько, чтобы ничего не замечать вокруг. Алкоголь старика не брал.

Дама притормозила, но как можно дальше от ворот, чтобы хаму-привратнику пришлось побольше бежать.

— Модест Семенович, вас разыскивали, — выпалил детина, поравнявшись с «Фордом».

— Кто разыскивал?

Охранник назвал имя. Гуковский кивком поблагодарил, дал знак приятельнице продолжать движение к усадьбе, а сам достал из кармана пальто сотовый телефон.

— Что от меня хочешь? — поинтересовался старик, без предисловий и не представляясь. Выслушав собеседника, он зацокал языком, покачивая головой: — Ай-яй-яй! Это точно? Ты уверен? Ты смотри, что творится!

— Что-то важное? — робко поинтересовалась спутница.

— Может, важно, а может, и нет. Впрочем, да — важно. Ты гляди: так за пьянкой можно и Судный День прозевать. Однако, все это ерунда. Суета сует. «Одно дыхание у всех и

нет преимущества у человека перед скотом». Амьнь! Давай веселиться, пока живы.

На огромном, в десять гектаров участке было безлюдно. Дом стоял совершенно пустой — ни прислуги, ни охранников, если не считать двоих, дежуривших у ворот. Впрочем, территория контролировалась электроникой, а милиции требовались считанные минуты, чтобы после получения сигнала прибыть на место. Местность изобиловала дачами высокопоставленных чиновников, которые любили покой и порядок в округе. Чтобы приватизировать расположенные в округе особняки, требовались не только деньги, но и связи, положение.

Служивший вестибюлем огромный зал с наглухо закрытыми ставнями освещался несколькими тусклыми люминесцентными лампами, тлеющими в стенных нишах и наполняющими помещение мертвенно-синим светом.

— Проходи, проходи куколка. Дай-ка я помогу снять шубку. Не бойся, во всем здании мы одни. Никто твои меха не украдет.

— Какая тишина... — сказала женщина, оглядываясь. — Так пустынно и темно. Здесь только фильмы ужасов снимать.

Каждое слово отдавало в пустом неосвещенном здании эхом, отчего создавалось особенно жуткое впечатление.

— Если и снимать, то порнуху. Уж поверь, я знаю что говорю. Эти стены такое видели!

— Мне как-то не по себе, — женщина плотнее укуталась в меха.

— Ничего, ничего, — суетился вокруг гостьи Гуковский. Сегодня он как никогда был похож на вампира. — От шампанского сразу на душе повеселеет. Держи-ка бокал.

— А вы? Я не хочу пить в одиночестве.

— Да, да, конечно. До дна. Наливай себе еще, а я отлучусь на минуту.

В соседней комнате старик быстро набрал на клавиатуре постоянно работающего компьютера код и принялся просматривать электронную почту. Агент не обманул, да и не мог обмануть — у него же не две головы. Но Модест хотел убедиться собственными глазами. Великий действительно мертв. Погиб в авиационной катастрофе. В электронном досье успело скопиться немало материалов: официальное сообщение, выдержки из статей включая ложное сообщение о подложенной бомбе, фотографии Великого и обломков «Гольфстрима», постановление о возбуждении дела... Гуковский вздохнул, погасил экран монитора и, вновь приклеив к лицу улыбку, вернулся в зал.

— Вот видишь: стало веселей. Сейчас мы зажжем свечи. Это так романтично, ужин при свечах. — Модест принялся чиркать спичками, но у него ничего не получалось.

— А что, у вас нет прислуги? — спросила гостья, усаживаясь на диван.

— Иногда приходят убратся, да кухарка через день приезжает. Но сейчас — ни души. Кроме нас.

От шампанского в голове гостьи все кружилось, хотя выпила она всего два бокала. Мысли плыли, как в тумане, потеряв связность.

— Пожалуй, мне лучше поехать домой, — заявила окончательно струсившая женщина. Она уже сожалела, что позволила впутать себя в непонятную и пугающую историю, ранее казавшуюся романтическим приключением. Ну, если не романтическим, учитывая возраст ухажера, то уж ничем не угрожающей интрижкой. Сейчас все казалось далеко не таким безобидным, как днем.

— Ну что ты, куда сейчас ехать? — наклонился к гостье Гуковский, улыбаясь мертвенно-голубыми губами. Мерцающий свет свечей отражался в глазах нависшего над ней

старика безумным блеском. Она хотела бежать, но ноги сделались ватными и не слушались. А из глубины души поднималось что-то темное, заставлявшее бояться не только сумасшедшего старика, но уже и саму себя...

— Красавица! — проговорил Модест, расстегивая блузку на ее груди. — Какая нежная кожа! Какие изгибы!

Жертва сидела неподвижно. Наркотик, подмешанный в вино, отнял способность к сопротивлению.

Из темного угла приблизилось нечто темное и бесформенное.

— Подожди немного, — не поворачивая головы, произнес Модест, — я хочу полюбоваться этой грудью. Хотя... Неси ее в спальню.

Фигура приблизилась, и стало видно, что это огромный мужчина. Он легко, будто перышко, подхватил женщину и понес в глубь дома.

...Особняк она покинула лишь на рассвете, удивляясь, что выбралась жива и невредима. С содроганием вспомнила прошлую ночь, складывая ее по кусочкам и теряясь в догадках: вправду ли все это было или пригрезилось в наркотическом бреду. Она поежилась при воспоминании о Модесте. Жуткий старик! Куда до него Калигуле!

И все-таки это было приключение. Во второй раз не испытать такого сладкого чувства первобытного страха. Этой ночью она открыла для себя обратную сторону наслаждения. То, что психологи называют мортидо. Женщина и не подозревала, что в ее душе скрываются столь мрачные и пугающие глубины.

После Модеста любая интрижка будет казаться пресной. Женщина поймала себя на мысли, что с удовольствием пойдет на похороны старика, благо их не так уж долго ждать. Интересно, много ли там будет таких, как она?

9

* * *

Тормису не нравилось то, с чем ему пришлось столкнуться в Ровске. Даже не имея прямого отношения к оперативной деятельности службы безопасности, Ян сумел заметить, что против Петра Великого действуют профессионалы. И борьба вокруг «Цесаря» лишь на первый взгляд имеет вид мафиозных разборок. На самом деле все куда сложнее. Сферой приложения сил Яна Эдуардовича являлась техническая сторона: защита информации, оснащение помещений средствами безопасности и т. п. Уже в первый же день работы Тормис обнаружил, что телефонными разговорами Петра Алексеевича интересуются. Судя по почерку, проявляла любопытство местная служба государственной безопасности. Подобное положение дел можно было посчитать даже нормальным — Ян удивился бы, не прояви спецслужбы внимания к фигуре, подобной Великому. Кроме того, охрана Петра Алексеевича продемонстрировала Тормису небольшую коллекцию примитивных подслушивающих устройств, которые дилетанты пытались подбросить в дом магната. Это также укладывалось в схему. Но было кое-что еще... Проверяя дом и офис, Тормис наткнулся на оборудование, которое не могло быть установлено обычной преступной группировкой. Да и местным чекистам оно вряд ли принадлежало. И дело даже не в самих «жучках», каждый из которых стоил с хороший автомобиль, а в том, с какой изобретательностью оказались замаскированы «жучки». Для такой работы требовался профессионал высокого класса. Причем не одиночка, а группа, за спиной которых стоит мощная организация. О мастерстве взломщиков говорил, не только факт, что они не оставили после себя никаких следов.

Продолжив поиск, Ян сумел выявить еще одно чудо современной техники. Но здесь почерк установки был иной. Посоветовавшись с Гришиным, они пришли к выводу, что в доме независимо друг от друга действуют по меньшей мере два агента. Принадлежат они к одной организации или работают на разных хозяев — пока оставалось неизвестным. Тормис подозревал, что в доме имеются и другие «сюрпризы», но у него было слишком много другой экстренной работы. Время! У Яна не хватало времени и квалифицированных помощников. Служба безопасности Великого комплектовалась из оперативников с весьма неплохой подготовкой. Но уровень их технических знаний оставлял желать лучшего. Впрочем, Тормис слишком многого требовал. Оперативники знали и умели не меньше своих коллег из любого охранного агентства или государственной структуры. А для решения технических проблем пригласили специалиста — Яна Тормиса. В конце концов удалось же людям Гришина выйти на предателя, оказавшегося, как это не прискорбно, их соратником. Перед отлетом в Москву Гришин сообщил Тормису, что нащупал ниточку к заказчику. Но имя не назвал.

Сегодня начальник службы безопасности концерна должен был вернуться вместе с Великим из столицы. И знания и умение Тормиса могли бы существенно облегчить задачу Гришина в поиске опасного, но все еще остающегося неизвестным врага.

Но накануне вечером Ян почувствовал недомогание, а ночью стало совсем худо. Доктор Рейн, вызванный на квартиру больного, диагностировал отравление. Тормис входил в число особо ценных сотрудников, поэтому его не только поселили на охраняемую квартиру и приставили телохранителя, но даже для домашнего холодильника продукты закупали не через розничную сеть, а через специальный оптовый склад, обслуживающий столовые и торговые точки корпорации. Да и питался он вместе с охраной — предосторожность, принятая Гришиным. Таким образом, случайное отравление исключалось. Но болезнь была налицо. В самый ответственный момент!

Тормис лежал на постели и смотрел в потолок. Гришин нашел время позвонить и пожелал товарищу: «Наслаждайся болезнью». При напряженной жизни, которую они вели, постельный режим действительно является отдыхом. Но Ян не мог расслабиться. Ни на минуту не оставляли мысли о ходе операции, которую Гришин проводил в Москве. Юра ходил по острию ножа.

За долгие годы работы в КГБ Ян притерпелся ко всякой грязи, что наполняет жизнь. Он не питал особых иллюзий относительно нанявшего его банкира — несомненно, за душой у того имелось немало грехов. Да и сейчас Петр Алексеевич оказался замешан в чем-то весьма неприглядном и противозаконном. Но это не пугало Тормиса. Чтобы там ни говорил по этому поводу основатель советской тайной полиции, у начальников Яна в КГБ руки тоже не всегда были чистыми. Работа такая. Служба такая. Многие коллеги Тормиса искренне верили, что работа в органах делает их чуть ли не святыми и списывает если не все, то очень многие грехи. Государственные интересы, по их мнению, оправдывают что угодно, это как индульгенция от любого греха. Тормис же не искушался на сей счет: не замечать грязи на своих руках — еще не значит сохранить их в чистоте. Ян никогда не отличался разговорчивостью, но по отдельным его замечаниям все же можно было составить впечатление об отношении к делу. Среди коллег Ян слыл циником. Но был отличным профессионалом, за что ему прощались некоторые недостатки. Главное — не трепал языком и хорошо выполнял возложенные на него поручения. Когда же Система рухнула и Тормис оказался уволенным из органов, его цинизм, ранее считавшийся как бы недостатком, стал

настоящим достоинством. Еще большим, если помнить, что Ян имел собственные принципы. Человек с принципами — в наше время это уже что-то.

У него было мало друзей. Он трудно сходилась с людьми. Зато никогда не предавал друзей, зная, что и сам может всегда на них положиться. Кроме того, человек заплативший за работу, мог быть уверенным, что Тормис его не подведет и честно отработает каждую копейку. Все эти качества делали карьеру Яна в качестве частного консультанта по вопросам безопасности вполне успешной, но они же в купе с подозрительностью и постоянным напряжением, наградили Тормиса ранней сединой и язвой.

Медики, по обыкновению, пытались удержать пациента в постели до тех пор, пока из организма не выйдут все токсины. Но Тормис предвидел, что тогда, от снедающего его беспокойства, вновь откроется застарелая язва. Оказаться отрезанным от информации — что может быть хуже. По настоянию доктора Рейна сотрудники детективного агентства не докучали больному. Врач почему-то считал, что это должно положительно отразиться на здоровье пациента. По указанию того же Рейна к Яну приставили сиделку. Порешили на том, что готовить станет приходящая домработница, медсестра три раза в день будет подъезжать для выполнения назначений, доктор Рейн производить осмотр в обед. А если больному что-то понадобится, достаточно будет нажать кнопку и к нему поднимется охранник, дежурящий у входа в дом.

Но очень скоро медики сами нарушили распорядок. Медсестра явилась лишь во второй половине дня, ближе к вечеру, врач и вовсе не приехал.

Хмуря брови, медсестра сердито шуршала упаковками лекарств и одноразовых шприцов. — А доктор сегодня не будет производить осмотр? — поинтересовался Тормис, переворачиваясь на живот и оголяясь для инъекций.

— Он с вечера на Богоявленской. Рядом с Бачуриной.

— Татьяна Николаевна заболела?

— Бедняжка тяжело переживает смерть мужа.

— Что?! Великий умер? — от неожиданности Тормис даже попытался встать, забыв об уколах.

— Не дергайтесь больной. Я едва не сломала иглу, — поморщилась медсестра.

— Когда умер Великий? Как?

— Разбился в самолете. Еще вчера.

— Вчера... Кто-нибудь выжил?

— В катастрофе? Нет.

Больше вопросов Тормис не задавал. Лежа на постели, он молча размышлял, не обращая внимания на манипуляции, которые производила над ним медсестра.

Едва женщина вышла, Ян набрал номер дежурного службы безопасности концерна и приказал срочно вызвать к себе Алексея Сироту, возглавляющего службу информации, и Максима Кузнецова, волею случая оказавшегося старшим. Именно приказал, а не попросил, чем несказанно удивил дежурного. Для большинства сотрудников охраны Ян Эдуардович оставался всего лишь техническим консультантом, привлеченным для выполнения разовой работы. Мало кто знал, что новичок имел вторую по рангу должность в иерархии службы безопасности концерна.

По сути Тормис предъявил права на руководство детективным агентством, что не вызвало особого восторга у Сироты. Последний работал на Великого уже пять лет и теперь ему предстояло признать над собой старшинство какого-то «варяга». И все же начальник

группы информации явился на вызов. Раз уж не оказалось никого более подходящего среди оперативников, приходилось терпеть начальником технаря.

Таким образом, приехав на квартиру Яна Эдуардовича, старшие по должности руководители служб не высказали никаких возражений против кандидатуры Тормиса на пост главы детективного бюро. Правда следовало еще получить официальное назначение из рук наследников Великого.

В первую очередь Ян попросил ввести его в курс дел. Особо его интересовало поведение первых лиц корпорации «Цесарь» и то, как они восприняли известие о смерти Петра Алексеевича. В частности — Бачурина.

— Вы подозреваете Татьяну Николаевну? — спросил Кузнецов, чувствовавший к графине искреннюю симпатию. — Думаете, она подложила бомбу в самолет?

— Наверное, я должен ответить, что буду подозревать всех, пока меня не убедят в обратном. Но на самом деле я хочу знать, с кем предстоит работать и чего следует ожидать от людей, один из которых вскоре станет нашим шефом. Среди них я не исключаю и Бачурину, — пояснил Тормис. — До сих пор никто из нас не смотрел ни на нее, ни на Казарина, ни на Лебединского как на возможного руководителя. Поэтому собирайте всю доступную информацию о потенциальных шефах. Это в наших с вами интересах.

Говоря так, Ян Эдуардович немного кривил душой. Он подозревал в злонамеренности всех и вся. Сирота и Кузнецов понимали это. Но приличия были соблюдены, и Макс удовлетворился этим.

— Детективное агентство не входило в состав корпорации «Цесарь», — напомнил Сирота. — Де-юре оно считалось независимым предприятием, хотя де-факто принадлежало Великому. Взаимоотношения с «Цезарем» основывались на договоре о предоставлении услуг.

Тормис обдумал слова начальника службы информации и сделал неожиданный для собеседников вывод:

— Таким образом существует вероятность, что в будущем «Цесарь» может отказаться от наших услуг. Все зависит от того, кто возглавит корпорацию.

Сирота и Кузнецов переглянулись. Об этом они не думали.

— Что касается Бачуриной, — продолжил Ян Эдуардович, — то я не знаю, достанется ли именно ей предприятие. А если достанется, то захочет ли она сохранить агентство в нынешнем виде. Одним словом, мы должны с разных сторон проанализировать собственное будущее.

— Макс, а почему ты упомянул о бомбе? — перешел Тормис к следующей проблеме.

— К слову пришлось. Кажется, Татьяна Николаевна поначалу была убеждена, что катастрофа произошла в результате диверсии.

— Кстати, мне так никто и не рассказал, что произошло.

— Комиссия, расследующая причины катастрофы, пришла к предварительному выводу, что трагедия произошла из-за пожара в одном из двигателей. Все станет на места, когда найдут «черный ящик».

— Бывает, что и не находят, — заметил Ян. — А эта убежденность Бачуриной в диверсии имеет какие-то основания? Что скажет отдел информации?

— Мы пока не можем сказать с полной определенностью, что произошло. Но я склоняюсь к мысли, что имела место техническая неполадка. Большая часть наших людей была брошена на сбор информации о происходящем в городе всвязи с наступлением,

предпринятым на Великого незадолго до его смерти. Пришлось временно заморозить остальные операции. Пока я распорядился не прерывать эту работу. — Сирота и вздохнул: — Кроме того, у нас серьезные потери в штате. Мы лишились сразу двенадцать человек. Причем лучших. Не представляю, как латать возникшие прорехи. Где, например, взять руководителя оперативной группы?

— Откуда такие потери? — удивился Ян.

— Гришин взял с собой в Москву наиболее опытных оперативников, — снова не удержался от вздоха Сирота.

— У вас есть знакомые среди ровских детективов? Мы можем кого-то из них привлечь к работе?

— Не уверен, что они проявят готовность к сотрудничеству, — возразил Макс. — Не захотят портить отношения с городскими властями. Кроме того, Великий и Гришин погибли. Вы в городе неизвестны. А мы с Сиротой не пользуемся таким авторитетом, как погибшие.

Сирота добавил:

— Кроме того, мы сможем использовать новичков лишь для выполнения вспомогательных операций. И при этом никогда не будем уверены, что среди них не окажется чужаков.

— Похоже, мое предложение было неудачным, — признал Тормис. — Что ж, кадровыми вопросами займемся чуть позже, а сейчас основные усилия сосредоточим на сборе информации. Сегодня вечером жду вас с докладами, — Ян помолчал, затем добавил. — Для большинства сотрудников ваши визиты должны выглядеть как обычные посещения больного. Неплохо, если и наши друзья, и наши противники еще некоторое время будут видеть во мне лишь консультанта. Руководство организацией в ближайшие дни буду осуществлять через вас двоих. И, конечно, с вашей помощью. Я еще недостаточно знаком ни с людьми, ни с местными условиями. Это минус, от которого требуется избавиться как можно скорей.

— В кабинете Гришина вы можете просмотреть наши досье. Они в его компьютере, — заметил Сирота.

— Я помню об этом. Как-никак совсем недавно проверял системы безопасности в электронных системах.

— А что насчет личных файлов Гришина? — оживился начальник группы информации. — Сможете подобрать пароль?

— Это работа не на один час. Придется отложить ее на более поздний срок.

— Жаль, — огорчился Сирота. — В записях Юры мы нашли бы ответы на многие вопросы.

— Согласен. Это будет одной из первоочередных задач. И, кроме того, нам предстоит проверить всех, кто работал в окружении Великого. Включая и сотрудников службы безопасности.

— Всех?

— Даже тех, кого никак нельзя заподозрить.

— Вы намекаете, что среди нас появился предатель? — настороженно спросил Сирота.

— Не намекаю, а информирую. О том, что один из сотрудников нашей организации передает информацию на сторону, я узнал от Гришина.

— Он назвал имя?

— Предатель мертв, — отрезал Тормис.

— Час от часу не легче, — вздохнул Кузнецов.

Хотя самочувствие Яна оставляло желать лучшего, ему пришлось подняться с постели. Оформление необходимых документов, юридически передавших власть над детективным агентством в руки Тормиса, затянулось на несколько часов. Затем позвонили из нотариальной конторы, где обнаружилось посмертное распоряжение Великого на имя Гришина или его преемника. Ян в сопровождении Кузнецова и Сироты отправились в банк «Цесарь», где в присутствии нотариуса вскрыли ячейку в хранилище. Все это сопровождалось соблюдением огромного числа формальностей и отняло немало времени, зато документ, полученный Яном Эдуардовичем, прояснил будущее детективного агентства. Оно переходило в полное распоряжение Бачуриной.

Агентству вменялось в обязанность обеспечить безопасность Татьяны Николаевны. Под этим подразумевалась не только физическая охрана, но и защита интересов. В свою очередь вдова не имела права в течение года с момента смерти мужа продавать или передавать в чье-либо распоряжение предприятие и ограничивать его бюджет. Предусмотрительный Великий расписал все возможные варианты ситуаций, которые могли возникнуть после его смерти. Должно быть, на обдумывание многочисленных пунктов у него ушло немало времени. Тормис посмотрел на число и месяц: документ был датирован прошлым месяцем, когда, казалось, еще ничто не предвещало владельцу «Цесаря» опасной войны с неизвестным противником.

Остаток дня и ночь Ян Эдуардович провел, пытаясь разобраться в оперативных делах. Их оказалось так много, что для простого ознакомления потребовалось несколько часов. В эту ночь поспать детективам так и не довелось.

* * *

— Ты собираешься сегодня ложиться? Или так до утра и просидишь у экрана телевизора? — вошла в комнату жена, уже одетая в ночную рубашку.

Ходосеев посмотрел на супругу и, заставив себя улыбнуться, ответил как можно приветливей:

— Сейчас, Любушка. Буквально несколько минут. Мне позвонят, и я пойду умываться.

Чтобы не видеть супружницу, Ходосеев уткнулся в телевизор. Он лишь делал вид, что внимательно слушает новости, голова же была занята размышлениями о положении в Ровске, создавшемся после гибели Великого. Эта смерть несомненно приведет к краху «Цесарь». Ну, если не к полному краху, то, несомненно, к постепенному умиранию компании. Гигант, созданный Великим, будет разорван на куски конкурентами и недавними друзьями. В этом не приходилось сомневаться. Но какую выгоду сумеет извлечь из этого сам Ходосеев? Вот что действительно важно.

Жена удалилась в спальню, но дверь за собой не прикрыла. До Ходосеева доносилось ее ворчание. Любаня пребывала в дурном расположении духа. Муж, несмотря на все уговоры, в который раз отказался ехать к маме. Сослался на неотложные дела. А теперь торчит у телевизора, будто ему нечего больше делать.

Зазвонил телефон, заставив Евгения Михайловича невольно вздрогнуть от неожиданности. Прежде, чем поднять трубку, Ходосеев посмотрел на часы. Поздновато. Звонили из Москвы. Материалы, которые ожидал мэр, смогут передать только завтра, первым же самолетом. Окончив разговор, Ходосеев догадался позвонить в аэропорт и узнать, во сколько прилетает самолет из столицы. Услышанное его не слишком обрадовало.

Первый рейс по расписанию ожидался только послезавтра. Мазур будет недоволен задержкой.

Однако зять и сам не торопится информировать тестя о проделанной работе. Ходосеев вспомнил, что дежурный по управлению должен быть информирован о том, как можно связаться с Анатолием. Евгений Михайлович принялся перелистывать страницы справочника, проклиная себя за недогадливость. Мазур оказался на совещании у начальника управления. Связать мэра с зятем дежурный отказался, но обещал сразу же по окончании совещания передать, что звонил тесть.

Мазур дал о себе знать в двенадцатом часу. Он не стал распространяться о предпринятых его людьми шагах, отделавшись туманными фразами. Но Ходосеев догадался, что чекисты не слишком преуспели. Из намеков тестя мэр также понял, что начальник управления недоволен Анатолием и обещанные материалы теперь необходимы уже в качестве оправдательного документа.

— Завтра получишь. Я уже договорился с Москвой, — обнадежил Ходосеев Мазура.

Разговор оставил на душе Евгения Михайловича неприятный осадок: помощничек ему достался! Тютя. Но других нет, приходится рассчитывать на этого.

Тревожно запищал сотовый телефон. Звонок в столь поздний час мог предвещать лишь неприятности. Что на этот раз?

— Ты забыл обещание? — проговорил тихий женский голос. Звонила Вика. Вот черт! Ходосеев действительно забыл о свидании. Но не признаваться же в этом девочке.

— Я помню. Сейчас выезжаю.

Евгений Михайлович пожалел, что не догадался остаться у себя в кабинете. Черт понес домой объясняться с женой. Теперь надо придумывать убедительное объяснение.

— Ты куда? — вышла из спальни жена.

— Дела, — коротко бросил Ходосеев.

— А кто звонил? — подозрительно спросила Люба. Хотя вряд ли она могла понять, что звонила женщина.

Ходосеев постарался скрыть раздражение:

— Ты забыла, что произошло сегодня? Удивительно, что я вообще дома появился.

— Так кто же звонил? — настаивала супруга.

— Приезжает человек из Москвы, — ответил Ходосеев. — В связи с гибелью Великого.

— А при чем тут ты?

— Разве тебе объяснишь? — досадливо отмахнулся мэр, но внезапно его осенило: — Между прочим, и наш зять до сих пор не явился домой. И не известно, когда явится.

— Но ты ведь не следователь?

Ходосеев перестал одеваться, посмотрел на жену и, четко выговаривая слова, ответил:

— Ты понимаешь, что означает для нашего города корпорация «Цесарь»? И как отразится на всех нас смерть Великого? Я говорю о миллионах, которые недополучит бюджет, если «Цесарь» обанкротится. Одно слово — женщина. Волос длинный, а ум короткий.

Люба стояла с опущенной головой, запахнувшись в халатик. Когда она подняла лицо, Ходосеев увидел на глазах жены слезы. И все же, уже открывая дверь, не удержался, чтобы не пустить парфянскую стрелу:

— Ты совсем поехала на почве ревности. Сегодня у мужа не самый легкий день, дел невпроворот. А ты сцены устраиваешь!

Холодный ночной ветер остудил Ходосеева. Он уже пожалел, что был резок с Любой. Сколько раз Евгений Михайлович давал себе слово быть помягче с женой и не допускать подобных срывов. Но ничего не мог с собой поделаться. Люба была неплохой женщиной. И как жена — не хуже других. Но проблема состояла в том, что Ходосеев не любил ее. В свое время женился по расчету на дочери крупного чиновника, который немало поспособствовал карьере Ходосеева. Однако тесть уж три года как помер, да и Евгений Михайлович давно не нуждался в какой-либо протекции. Своей нынешней должности он достиг благодаря собственному труду. Люба же осталась живым напоминанием того, что ради карьеры Ходосееву приходилось совершать не вполне благовидные поступки.

Наилучшим выходом стал бы развод. Но у жены не только отец был влиятельной фигурой: она происходила из клана, обладавшего огромными связями.

Впрочем, сейчас его больше интересовало, как побыстрее добраться до дома любовницы. Служебную машину он не вызвал, личный автомобиль брать со стоянки не хотелось. Ходосеев поспешил к проспекту, надеясь поймать частника. Кто поверит, что мэр Ровска пользуется услугами такси? Потеха! Но на всякий случай мужчина надвинул шляпу на самый лоб. Еще не хватало, чтобы его опознали.

10

* * *

Тормис приехал в дом Великих ранним утром. Если бы не Кузнецов, охранники обязательно задержали бы Яна Эдуардовича на входе, а потом долго мурыжили: кто это имеет наглость выдавать себя за всем известного технического консультанта? За три дня болезни, как не удивительно, Тормис сильно изменился. Впрочем, он и сейчас был далек от полного выздоровления. Яна, и раньше отличавшегося худобой, теперь способен был свалить с ног даже порыв ветра. Бессонная ночь также не способствовала улучшению самочувствия. Из-за пепельно-серого цвета лица Тормис стал похож на выходца с того света.

— Бачурина распорядилась пропускать к ней только Зотова и Гайнанова, — доложил дежурный. — Аркадий Константинович уже приехал и работает в кабинете Великого. Адвокат утверждает, что получил разрешение Татьяны Николаевны.

Тормис скривился, как от зубной боли.

* * *

Бачурина проснулась от веселой возни, которую затеяли за окном воробьи. Птицы так громко и задорно чирикали, что можно было подумать, за окном лето, а не поздняя осень. Ливень, начавшийся вчера вечером, продолжался всю ночь и, кажется, не собирался заканчиваться и утром. Чему же радуются воробьи? Глупые птицы...

Придется вставать, раз уж разбудили, — рассудила Таня. Взглянув на часы, она отметила, что до встречи с Зотовым еще целых полтора часа. Делать ничего не хотелось. Даже думать. Но необходимо было, чем-то занять себя, чтобы отвлечься от мыслей, воспоминаний.

Бачурина откинулась на подушки и неподвижно замерла, вытянувшись поверх атласного одеяла. Она просто смотрела в потолок. На душе было пусто и холодно. Но глаза оставались сухими. Будто все слезы выплакала еще вчера.

Бездушные часы наполняли комнату тихим и размеренным звуком. Время, вечный странник, равнодушный ко всему окружающему, течет, превращая будущее в прошлое. Глупая затея — поторапливать его или пытаться повернуть вспять. А так иногда хочется... Но не пробуйте вдохнуть в прошлое жизнь. Оно мертво. И соединиться с ним можно, лишь

умерев самому.

Дверь тихо отворилась и в комнату заглянула горничная. У девушки был виноватый вид.

— В прихожей вас ожидают Максим и с ним еще один господин, — сообщила она.

— Через полчаса я буду в своем кабинете.

Горничная исчезла.

Войдя в соседнюю комнату, Бачурина увидела Кузнецова и высокого худого мужчину с бледным лицом. Она с трудом узнала Яна Тормиса.

— Я просила подождать меня в кабинете, — недовольно произнесла Таня.

— Там Зотов, — пояснил Тормис.

— Хорошо, говорите здесь.

— Я пришел представиться в качестве исполняющего обязанностей главы службы безопасности.

— Для этого мне требуется подписать какие-то документы? — равнодушно спросила Бачурина, опускаясь в кресло и жестом приглашая мужчин.

— Мы уже выполнили все необходимые формальности, — официальным тоном продолжил Тормис. — Должен поставить вас в известность, что агентство является обществом с ограниченной ответственностью. И, согласно уставу, большинством голосов пайщиков я утвержден временно исполняющим. Вы имеете право после вступления в наследство опротестовать данное решение и потребовать назначения другого человека или утвердить решение собрания.

— Давайте подождем, пока я вступлю в наследство.

— Еще у меня к вам просьба, — продолжал Тормис. — Я хотел бы сохранить в тайне свое новое положение. Для всех — я по-прежнему технический консультант.

— Как вам угодно. Поэтому вы настаивали, чтобы я приняла вас раньше Зотова? — поинтересовалась Бачурина.

— Не только. Хочу напомнить, что не Зотов или Гайнанов, а вы являетесь наследницей Великого.

— Воспитывать меня тоже входит в круг ваших обязанностей?

Сейчас Татьяна напоминала рассерженную кошку, готовую выпустить коготки, но Тормис продолжал как ни в чем ни бывало:

— Вы должны взять дела в свои руки, а не доверять их ведение посредникам.

— Почему? Зотов лучше разбирается не только в юриспруденции, но и в бизнесе, политике.

— Думаю, что Аркадия Константиновича ценил как специалиста и Великий. Но он не позволял ему самовольно занимать свой кабинет.

Слова Тормиса вызвали у Тани раздражение. Переживания последних дней совсем расшатали ее нервы.

— Как вы смеете указывать мне! — прошипела Бачурина. Ей пришлось приложить немало усилий чтобы не раскричаться.

— Смею. До тех пор, пока вы будете вести себя как маленькая девчонка.

От этих слов Яна женщина отпрянула, как от пощечины. Но мгновение спустя она выпрямилась в кресле, сжала губы. Куда девались раздражение и обиды? Казалось, даже горе отступило. Превращение было мгновенным. Перед Максом и Яном сидела совершенно иная женщина. Казалось она была высечена из льда. Впечатление усиливала снежная белизна кожи рук и лица, подчеркнутая черным траурным одеянием.

— Я учту ваши замечания.

Кивком головы графиня отпустила подчиненных.

* * *

После разговора с Бачуриной они прошли в кабинет Тормиса.

— В какой-то момент я подумал, что придется искать новую работу, — признался Макс, усаживаясь в кресло.

— Не переживай, у нас еще появится такая возможность, — пообещал Ян.

— Не стоило доводить ее до белого каления. Все-таки девка она неплохая.

— Нужно было пробудить ее от спячки. Для дела. Посмотришь, как после этого разговора с нами Бачурина примет Зотова. Будь уверен — адвокат больше не захочет оставаться в кабинете один. А плохая Бачурина или хорошая — не имеет принципиального значения. Главное — насколько она крепка.

— И как ваше испытание на прочность? Она его выдержала?

— Если бы нет, я тут же написал бы заявление об уходе. Я не самоубийца.

— И все-таки — вы недолюбливаете Татьяну Николаевну.

— По-твоему, лучше было оставить ее киснуть в жалости к самой себе?

— Значит, она даже не сможет погоревать по-бабьи за убитым мужем?

Тормис хотел было кое-что заметить насчет жалости, но подумал, что на сегодня уже достаточно нравоучений и достал из сейфа тонкую папку:

— Пора заняться делом. Нас ведь пока не уволили. Первая задача — найти внедренного агента.

— Вы говорили, что предатель погиб.

— Один. Но похоже, у него имелся сообщник. Или конкурент.

— Предатель... Не верится, что кто-то из наших ребят...

— Не хочу показаться циником, но искать придется и среди погибших в авиакатастрофе. Исключая, конечно, Гришина.

— Слава Богу, вы хоть кому-то верите, — ухмыльнулся Макс.

— Гришина я исключаяю не только потому, что он был моим другом. Юра достаточно умен, чтобы понять, для чего требуется та или иная информация. Работая на обе стороны, он легко бы просчитал ситуацию. И остался жив.

— Но это значит, что вы первый подпадаете под подозрение.

— А я никому и не говорил, что вне подозрений, — вполне серьезно ответил Тормис. — Достаточно того, что я сам себе доверяю. Но от тебя этого не требую.

— Вас послушать, получается, что в наше время верить вообще никому нельзя. Даже самому себе, — пробормотал Макс.

— В отличие от Мюллера я не добавляю: «Мне, правда, верить можно...» В настоящий момент вам, Максим, следует подозревать всех без исключения.

— А причем тут Мюллер? — не понял Кузнецов.

— Вы цитировали, причем почти дословно, «Семнадцать мгновений».

— Да, действительно. А я и не заметил.

— Для нашего поколения это был культовый фильм. Кстати, Юрий Владимирович ставил Мюллера сотрудникам КГБ в пример. Как образец того, как нужно разговаривать с людьми и работать с документами.

— Какой Юрий Владимирович?

— Андропов. Что за поколение пошло: «Семнадцать мгновений» не смотрят,

Андропова не знают. Впрочем, мы отвлеклись. Итак, вот предварительный список людей, которые могли быть в курсе планов Петра Алексеевича. Посмотрите, нельзя ли его дополнить.

— Список можно расширить вдвое, а то и втрое, — ознакомившись с документом, заявил Макс. — Ведь информатор, которого мы разыскиваем, может быть знакомым, супругом, родственником одного из этих людей.

— Совершенно верно, — согласился Ян. — Ты делаешь успехи. Нам придется составить второй список, расширенный. А пока займемся первым.

— А не был ли предатель причастен к вашему отравлению?

— Вполне. Кто-то имеющий доступ на кухню Дома.

— Мы пили с вами минералку в «Контес», — припомнил Макс.

— Но ведь ты остался здоров.

— И то правда.

— А я больше нигде ничего не ел и не пил. Только в Доме. Но давай пока оставим отравление. Это может увести нас в сторону.

* * *

— Прошу прощения, что побеспокоил вас в столь ранний час, но мои новости имеют чрезвычайный характер. — Извинение Зотова прозвучало, как упрек Бачуриной за то, что она заставила его так долго дожидаться.

— Это я должна просить прощения, — ответила Таня. — Вчера я приняла слишком большую дозу снотворного и никак не могла проснуться.

Бачурина назвала вполне правдоподобную причину опоздания. Не говорить же адвокату, что его держали в приемной потому, что графиня беседовала с телохранителями. С удивлением для себя Таня отметила, что сегодня она смотрит на Аркадия Константиновича совсем иначе, чем вчера, и видит в Зотове уже не опекуна, а младшего партнера. Младшего не по возрасту или опыту, а по положению. Последствия разговора с Тормисом. Он, конечно, малосимпатичный тип, но следует отдать должное — положение дел обрисовал точно и верно.

— Так что случилось? — спросила Таня, думая, что после смерти мужа уже ничего худшего произойти не может.

— Органы госбезопасности намерены произвести обыск в ровском доме Великого и в офисе корпорации «Цесарь», — выпалил Зотов.

— Откуда это известно?

— У меня есть источники, — уклончиво ответил Аркадий Константинович.

— Это связано с расследованием обстоятельств авиакатастрофы? — высказала предположение Бачурина.

— Кажется, Петра Алексеевича подозревают в причастности к какой-то противозаконной деятельности.

Услышанное не вызвало у Бачуриной возмущения, она лишь уточнила:

— Известно, в чем именно подозревают?

— Нет. — признался Зотов. — Могу лишь предполагать, что это будет связано с его бизнесом. Как бы там ни было, нам следует принять меры к тому, чтобы в руки следствия не попали документы, компрометирующие покойного. Я перебрал бумаги из стола Великого в офисе. Теперь следует пересмотреть все, что имеется у вас дома.

— Вы нашли что-нибудь способное заинтересовать милицию?

— Ничего существенного. Так, кое-какие письма, которые можно толковать двояко. Я их изъясл.

— А не имелось ли в бумагах намека, объясняющего причины покушения на Петю?

— Покушения? Петр Алексеевич погиб в результате покушения?

— Почему бы и нет. В самолет вполне могли подбросить бомбу. Так есть в бумагах Петра что-либо указывающее на его врагов?

— Ничего. Обычные деловые документы: письма, предложения сделок, договора, бизнес-планы. До последнего времени дела Петра Алексеевича складывались на удивление благополучно. Без каких-либо следов конфронтации.

Бачурина помолчала и, видя, что Зотову больше нечего сказать, предложила:

— Езжайте в офис и передайте Казарину, чтобы он привел всю отчетность корпорации в идеальный порядок.

— Но Казарину может не понравиться, что я даю ему рекомендации. С юридической точки зрения, мы ему не указ.

— Обижаться или нет — дело Казарина. Но отчетность на его ответственности. Впрочем, чтобы избежать ненужных трений, просто намекните о возможной проверке. Думаю, он поймет и избавится от сомнительных документов, если они у него есть.

Аркадий Константинович с нескрываемым удивлением смотрел на Бачурину. Еще вчера она не могла найти в себе сил выслушать доклад Гайнанова и Зотова. А сейчас уже отдает указания. И следует признать — весьма разумные.

— Петр Алексеевич наверняка и дома держал какие-то материалы, — напомнил Зотов. Он был бы не прочь заглянуть в домашний архив Великого. Уж там-то наверняка немало интересного.

— Об этом не беспокойтесь, — ответила Таня. Это был отказ. После беседы с Тормисом она решила не доверять эту работу никому. Теперь она даже жалела, что не присутствовала при осмотре кабинета в офисе.

— Но в сейфе лежит копия завещания, — напомнил Зотов. — Пакет нельзя вскрывать без нотариуса. И если при обыске...

— Сейфы я разрешу вскрывать только в присутствии нотариуса и свидетелей, — прервала адвоката Таня и уверенно добавила: — Ничего компрометирующего ни в офисе, ни в домашнем кабинете не найдут.

Слова графини Аркадий Константинович истолковал по своему: значит она уже осмотрела домашний архив, да и в сейф заглянула. Не ожидал он от девчонки подобной прыти. Значит, был прав Великий, когда говорил, что у нее большие способности и с ней можно работать.

Адвокат поразился еще больше, если бы узнал, что решение вскрыть опечатанные бумаги покойного мужа пришло в голову графини только что. И при ознакомлении с документами она не желала иметь такого свидетеля, как Зотов.

Татьяна Николаевна быстро набиралась опыта.

* * *

Едва попрощавшись с адвокатом, Бачурина вызвала Тормиса. Она предпочла бы иметь дело с Кузнецовым, но у Макса не было необходимого опыта.

Первым делом Татьяна сообщила новости, принесенные Зотовым. К ее удивлению, Тормис отреагировал спокойно.

— Служба ожидала в ближайшие дни чего-то подобного и приняла ряд мер. Особенно

после того, как чекисты пытались проникнуть в ваш дом и офис корпорации. Мы дважды в день осматриваем помещения, находящиеся под охраной Службы. И рекомендовали сотрудникам корпорации не держать при себе и в кабинетах ничего компрометирующего.

— А как насчет кабинета моего мужа?

— Вам должны были доложить о результатах осмотра.

— Я помню. Но в докладе ничего не говорилось о сейфах. Вы сможете вскрыть сейф Петра Алексеевича в его домашнем кабинете? Если нет, то найдите специалиста. Только надежного человека.

Тормис посмотрел на женщину, помолчал, будто раздумывая, затем улыбнулся:

— Что ж посмотрим, с чем предстоит иметь дело. Я имею в виду сейф. Придется послать за моим чемоданчиком.

Сейф оказался не самой сложной конструкции. Обычный железный ящик, в котором ненадежность замков пытались компенсировать их количеством. Замков имелось целых четыре, да еще запорное колесо с шифром. Внешне все выглядело очень солидно. Но Тормиса смутило, что сейф стоит на самом видном месте и бросается в глаза сразу же, едва переступаешь порог кабинета. Ян осмотрел и даже прощупал стальную дверцу, пытаясь убедиться, что его не ожидают неприятные сюрпризы. Но и после этого он не спешил приступить к работе. Бачурина тем временем просматривала ящики письменного стола.

— Если найдете ключи, скажите мне, — произнес Ян, направляясь к книжным полкам.

— Что с сейфом? — поинтересовалась Таня.

— Не думаю, что мы найдем в нем что-то важное. Из четырех замков закрыт только один. И ключ, я думаю, лежит в письменном столе или среди книг.

— А я так не считаю. Это слишком не похоже на Петра Алексеевича.

— Потому-то в сейфе, скорее всего, и нет ничего важного. Иначе не выставили бы его напоказ, фактически даже не закрыв. Но где-то здесь должен быть тайник. Если я ничего не найду — займемся сейфом. Но не хочется оставлять в замке следы отмычки.

— Делайте, что считаете нужным. Только поторопитесь. Следователи, могут явиться с минуту на минуту.

Некоторое время они молчали, занимаясь каждый своим делом.

— Ян Эдуардович, — позвала Бачурина, открыв очередную шкатулку. — Посмотрите. Это не те ключи, о которых вы упоминали?

— Дайте взглянуть. Они самые. Жаль, что Петр Алексеевич не оставил еще и записку с номером шифра.

Тормис наконец открыл свой загадочный чемоданчик, интриговавший Бачурину. Здесь лежали какие-то слесарные инструменты, но гораздо больше места занимали какие-то датчики и ноутбук.

— Вам доводилось уже заниматься подобным? — поинтересовалась Таня. Тормис, надевавший в этот момент наушники, оставил вопрос без ответа. Уязвленная Бачурина отвернулась и принялась просматривать разложенные на столе бумаги. Это напоминало ребус: какие-то счета, выкладки, записки, полные намеков и совершенно непонятные непосвященным.

Раздался щелчок открываемого замка.

— В качестве шифра Петр Алексеевич использовал дату вашего рождения, — сообщил Тормис.

Бачурина так и не смогла уловить по тону, хотел ли Ян Эдуардович сделать ей приятное,

указав на еще одно свидетельство любви мужа, или осуждал Великого за легкомыслие. Решила, что второе — больше соответствует натуре Тормиса. Но она дала слово не раздражаться и держать себя в руках.

В сейфе, как и предрекал Ян Эдуардович, ничего важного не оказалось. Даже пакета с завещанием. Пока Таня знакомилась с содержимым сейфа, Тормис приступил к осмотру комнаты.

Телефонный звонок заставил Бачурину вздрогнуть, будто неожиданный посетитель застал ее за неблагоприятным занятием.

— Серж Ларис хочет лично выразить свои соболезнования, — доложили снизу.

Сережа! Как же она забыла... Ведь Ларис, по существу, являлся в Ровске самым близким ее другом. Но он, увы, ничем, кроме участия, помочь не сможет. А для пустых разговоров сейчас нет времени.

— Извинитесь и скажите, что я себя плохо чувствую. Как только станет лучше, позвоню сама, — распорядилась Таня.

До разговора с Тормисом она ответила бы иначе. С прежней остротой вернулась антипатия к Яну. Но она не позволила чувству одержать верх над разумом. Тормис в нынешней ситуации был важнее Лариса.

Тормис нашел все же тайник, искусно замаскированный рядом с письменным столом, под паркетом. С небольшим сейфом, спрятанным там, пришлось повозиться куда дольше, чем с монстром в красном углу комнаты.

Бачурина быстро пробежала глазами попавшую в ее руки добычу. Это были дневники, записные книжки и другие личные бумаги Петра Алексеевича. Чтобы разобраться в них, понадобится не один день. И Таня забрала документы с собой. А в опустевший сейф положили несколько договоров и ничего не значащих писем.

Копию завещания в сейфе не обнаружили. Возможно, она хранилась в Москве. Тормис предложил подвергнуть подобному осмотру и кабинет Великого в обоих офисах корпорации. В здание ровской штаб-квартиры он намеревался отправиться лично, а в Москве поручить акцию доверенным лицам.

— Татьяна Николаевна, — сказал на прощание Тормис, — вам следует забыть фразу «найдите надежного человека». О том, чтобы вас окружали преданные люди, следует заботиться самой.

Конечно, проклятый чухонец не мог удержаться, чтобы не прочитать Тане мораль. Он был невыносим. Но приходилось терпеть — других людей в распоряжении Бачуриной не имелось.

* * *

Днем на Богоявленскую заехал Рейн и заставил Татьяну Николаевну улечься в постель.

— Послеобеденный сон еще никому не повредил.

— Вряд ли я засну.

— Тогда я буду вынужден попросить вас принять легкое успокоительное.

Пришлось уступить.

Проснулась она через два часа отдохнувшей и куда более спокойной, чем до сна. Едва Бачурина вышла из спальни, ей доложили о возвращении Тормиса и Кузнецова, посетивших за это время офис «Цесаря».

В кабинете Великого, уже осмотренном Зотовым (и, несомненно, Казариным), детективы не обнаружили ничего существенного. Правда, в сейфе внимание Яна

Эдуардовича привлекли два довольно увесистых пакета. Их решили привезти на Богоявленскую не распечатывая, вместе с остальными изъятыми бумагами.

Бачурина вскрыла бандероли, в которых оказались какие-то договора и соглашения, касающиеся бизнеса мужа. Не слишком вдумываясь в содержание документов, Татьяна Николаевна пробежала взглядом листы и передала их Тормису.

Ян с Максом принялись изучать добычу, обмениваясь впечатлениями и мнениями. Время от времени они делали попытки вовлечь в разговор и Бачурину. Однако Татьяна отвечала невпопад, погрузившись в какие-то свои размышления. Возможно, виной тому было успокоительное, принятое перед сном.

— Уже четверо суток, как погиб Петя, а я никак не могу поверить в его смерть, — внезапно, вне всякой связи с предыдущим разговором, проговорила Бачурина. — Он никогда не доверял мне ведение бизнеса.

— А «Контес»? — напомнил Макс.

— Я мечтала сделать из своего Дома моды серьезное предприятие, — задумчиво проговорила Бачурина. — Но Великий смотрел на это как на увлечение, игрушку. По крайней мере, у меня складывалось такое впечатление. И хотелось доказать ему, что это не так. Впрочем, муж, наверное, был прав. Без его денег, «Контес» оставался бы заурядным провинциальным ателье.

Тормис молчал. Пожалуй, следовало как-то ободрить женщину, тем более, он чувствовал, что Татьяна Николаевна ждет этого от него. Но он не знал, как.

— Сегодня привезут урну, — продолжала Бачурина, перескочив уже на другую тему. — Эту ночь Петр Алексеевич проведет под крышей родного дома. Хотя это имеет значение, наверное, только для меня. Ему уже все равно. А завтра похороны. Скорее бы все оказалось позади. Боюсь, что не вынесу этой пытки. — Она поспешно отвернулась. — Извините, мне нужно умыться...

Едва Бачурина вышла, Макс, приглушив голос, обратился к Тормису:

— Так что будем делать с тем гадом, который передавал Ходосееву сплетни о Великом.

— Максим, твой энтузиазм меня пугает. К тому же, распорядок дня Петра Алексеевича — это уже не сплетни. Дело куда серьезней, чем вам кажется.

Тормис прервал разговор на полуслове, так как в комнату вошла Бачурина.

— Забыла вам сказать, — абсолютно спокойным голосом заговорила графиня. — Пока вас не было, звонили Гайнанов и Зотов. Просят, чтобы служба безопасности представила им отчет о подготовке к завтрашнему дню.

— Понятное, что мы должны согласовывать свои действия с руководством «Цесаря». Но отчет от нас можете требовать лишь вы! — возмутился Кузнецов.

Тормис же неожиданно предложил:

— А почему бы не потешить их самолюбие? Максим, сходи и доложи о принятых на завтра мерах безопасности.

— Зачем? — удивился Кузнецов.

— Пусть знают, что ты оберегаешь Татьяну Николаевну как зеницу ока. И пусть почувствуют, что держат тебя под контролем.

— Меня?

— Тебя. Ведь они, кажется, не приглашали на совещание технического консультанта?

— Ян Эдуардович подал хорошую идею, — согласилась Бачурина. — Когда вернетесь из «Цесаря», расскажете, о чем вас там спрашивали.

Бачуриной, державшейся молодцом, все же стало плохо, когда из машины стали доставать мраморную урну с прахом Великого. Рейн привел женщину в сознание, дал успокоительное. Но легче ей не стало: было видно, что вдова в любой момент может потерять сознание. Однако увеличить дозу успокоительного Рейн посчитал неразумным.

Потянулись с соболезнаваниями посетители. Каждый, из проходящей мимо череды, уносил с собой частичку ее внутренней силы, так что все трудней и трудней было сопротивляться горю. Лишь к вечеру поток посетителей иссяк.

Татьяна отправила отдыхать всех домашних и осталась одна в огромном зале, где установили урну с прахом Великого. Теперь она неподвижно сидела на жестком неудобном стуле, не отрывая взгляда от мраморной вазы на черном, укутанном бархатом постаменте.

* * *

В это время Кузнецов докладывал Гайнанову и Зотову:

— Кладбище, Театр драмы, где состоится гражданская панихида, и большая часть маршрута процессии будут с утра взяты милицией под охрану. Ожидаются дополнительные специальные подразделения из соседних областей. Наши люди обеспечат непосредственную охрану Бачуриной в первом и втором кругах.

— Что это за круги такие? — поинтересовался Зотов.

— Первый круг — телохранители рядом с охраняемым. В случае опасности эти люди должны прикрыть объект охраны своим телом. Второй круг — охрана в трех-пяти метрах от объекта. Они контролируют ближнее окружение. Дальше — оцепление, сотрудники в штатском в толпе. Еще — снайперы и наблюдатели.

— Вы и снайперов задействовали?

Макс смешался:

— Только наблюдателей. Но привлечены саперы. В этот момент они исследуют все вероятные точки закладки фугасов.

— Каких фугасов? — удивились Гайнанов и Зотов.

— Мины. Я не думаю, что будет предпринята попытка повторения сценария покушения на Котляковском кладбище, но милиция считает иначе.

— Голубчик, — отеческим тоном проговорил Зотов, — вы все же не забывайте, что завтра похороны, а не облава на террористов. — И продолжил, повернувшись к Гайнанову. — Я не понимаю, к чему подобные предосторожности? Мы лишь спровоцируем ненужные слухи, осложнив задачу. Впрочем, об этом поговорим позже. А вы, голубчик, — вас, кажется, зовут Максим? — можете быть свободны.

* * *

Из офиса «Цесаря» примчался на Богоявленскую Максим Кузнецов. Бачурину он застал в домашнем кабинете покойного мужа. Татьяна Николаевна сидела в кресле Великого и теребила кружевной платок. Она была необычайно бледна, что подчеркивалось черными траурными одеждами. Кузнецов не знал, удобно ли сейчас говорить о делах, но Бачурина предложила ему садиться и сама задала вопрос о визите в офис. Максим вкратце пересказал содержание разговора с доверителями вдовы.

Татьяна смотрела на него, стараясь за чертами лица угадать характер. К сожалению, она была плохой физиономисткой. Однако чутье женщины подсказывало, что Макс можно доверять. Он предан ей душой и телом, преисполнен чувством долга и чести. Еще и потому,

что немного влюблен в нее.

Выйдя из-за письменного стола, Бачурина села на диван, рядом с Кузнецовым.

— Вы делаете больше, чем я могу ожидать. И все же у меня к вам еще одна просьба. Лично к вам, Максим.

— Вы можете полностью располагать мною, — заверил телохранитель.

— Не знаю, с чего начать и как сформулировать просьбу. — призналась Таня. — Если я буду говорить долго и сумбурно — заранее прошу меня простить.

Бачурина ненадолго замолчала, собираясь с мыслями, и заговорила негромким, доверительным тоном:

— Я не готова к роли, которая выпала мне после смерти мужа. Не знаю даже, могу ли положиться на окружающих. Меня очень смущают слухи, что среди тех, с кем я ежедневно имею дело, могут оказаться скрытые противники. Об этом твердят и Зотов, и Гайнанов, и Тормис. Но при этом все требуют, чтобы я предпринимала те или иные действия. И мне в создавшейся ситуации трудно определить, что действительно необходимо для пользы дела, а что может навлечь на меня новые беды. Поэтому у меня к вам, Максим, необычная просьба. По своей должности вы обязаны охранять меня. Так вот, я прошу вас охранять не только мое тело, но и мои интересы. Если вы посчитаете что, то или иное действие в дальнейшем может повредить мне — прошу не стесняться и высказать свое суждение. Все в чем я сейчас нуждаюсь, это добрый совет.

Кузнецов был польщен. Бачурина верно рассчитала: теперь Макс даже без особой просьбы приглядит за Тормисом. Если бы графиня прямо предложила Кузнецову следить за Яном, Максим оскорбился бы. А сейчас он будет стараться оправдать оказанное доверие.

Не то, чтобы Бачурина не верила Тормису. Но, трезво поразмыслив, она пришла к выводу, что и особых причин доверять Яну Эдуардовичу нет. К этому примешивалась и антипатия к «консультанту», оставшаяся со времени их первой встречи. Они с чухонцем вынуждены плыть в одной лодке, но выказывать друг к другу теплые чувства не обязаны.

После ухода Кузнецова Бачурина пододвинула телефон и нажала кнопку вызова дворецкого. Если кто-то и может ей рассказать о Тормисе, то это дворецкий Павел, в чьи обязанности, кроме всего прочего, входило и руководство многочисленным персоналом, обслуживающим дом Великого. Павел, по роду своих занятий, много знал и о сотрудниках службы безопасности.

Сведения дворецкого оказались весьма не полными. Но Павел посоветовал просмотреть копию личного дела Яна Эдуардовича, которое хранилось в компьютере Великого. Татьяна так и сделала. Теперь она знала, что Тормис работал во Втором главном управлении КГБ, затем в оперативно-техническом управлении КГБ СССР, был переведен в Эстонский КГБ на какую-то высокую должность. После развала Союза оказался не у дел и перебрался в Москву, где пытался заниматься бизнесом, да не преуспел. Последние три года преподавал в частной школе телохранителей. Имеет лицензию частного детектива. В активе несколько успешно выполненных операций. Тормис слывет неплохим профессионалом и порядочным человеком, насколько это возможно в нынешнее смутное время.

* * *

Татьяна спустилась в зал с прахом Великого. Эта мраморная ваза, украшенная бронзой, одновременно и притягивала женщину к себе, и пугала. Бачурина подошла к постаменту и, протянув вперед руку, с усилием заставила себя коснуться урны. Мрамор был холоден, как само дыхание смерти, и Татьяна ощутила, как этот холод проникает в ее сердце. Совсем не

вовремя и некстати вспомнилась сказка о Снежной королеве, которую она любила перечитывать в детстве. Вот и ей в сердце попал кусочек волшебного зеркала тролля. Сердце еще не оледенело от горя, но Бачурина и не противилась превращению. Она была не прочь и самой стать Снежной королевой, чтобы наказать мир, столь жестоко поступивший с ней.

А ведь все начиналось как совсем иная сказка, как добрая и радостная сказка о Золушке. С обязательным — в это так верилось — «и жили они долго и счастливо».

Гримаса судьбы: известие о смерти Великого принес тот же человек, что, по сути, и познакомил ее с Петей.

Дом засыпал вместе с населяющими его людьми. И когда затих последний звук, стало жутко от мертвой тишины, окружавшей ее. Сейчас как никогда она ощущала себя незащищенной перед враждебным миром. Не было никого, в чью грудь можно зарыть лицо, кто поймет, защитит, успокоит. То, что осталось от мужа, защитника и опоры, лежало здесь, в этом зале. Но какое дело мертвым до живых?

Бачурина вдруг ощутила непреодолимую потребность перемолвиться словом хоть с одной родной душой. Взглянув на огромные настенные часы, подаренные ее дядей Константином Никовани, она обнаружила, что уже гораздо позже, чем она думала. Два часа ночи. В Испании, где постоянно проживал Никовани, сейчас кажется полночь. Таня поднялась в свой домашний кабинет и принялась искать записную книжку, с номером телефона дяди. Никовани владел несколькими домами, но в это время года, вероятней всего, находился в Ла-Пуэбла на Мальорке.

— Oigo. Слушаю, — голос на другом конце провода, против ожиданий, не был сонным. Видно, Никовани не собирался еще ложиться спать.

— Buenos noches, tio! — произнесла Бачурина на испанском обычное приветствие.

— Hola! Девочка моя! Рад тебя слышать! Как твои дела?

— Плохо, дядя Константин. Умер Великий.

— Lo siento mucho. Соболезную тебе.

— Завтра похороны.

— Держись, девочка.

— Стараюсь.

Помолчали. Затем Никовани заметил:

— Но ведь Петр, кажется, ни на что не жаловался.

— Погиб в авиакатастрофе. А вы разве ничего об этом не слышали?

— Последние десять дней я провел в больнице. Нам не позволяли ни телевизора, ни газет. Так что я ничего не знал о происходящем в мире. Впрочем, в моем возрасте люди могут себе это позволить.

— Отчего вы оказались в больнице?

— Ничего страшного. Профилактический ремонт.

— Я вспомнила. Вы рассказывали о каком-то мюнхенском докторе.

— Я лечусь у него уже пятнадцать лет. Но хватит обо мне. Как ты там, после смерти Петра? Я могу чем-нибудь помочь?

— Не знаю. Боюсь, что ничем.

— Кто возглавит корпорацию?

— Не знаю. Мне сказали, что я имею какие-то права. Но завещание еще не оглашено. И все оказалось так сложно... Зыбко... Будто идешь по болоту. Не знаешь, на кого опереться, кому верить.

— Большинство людей верит другим, потому что не верит в себя.

— Тогда я не знаю, к кому отношусь — к большинству или меньшинству. Я сомневаюсь в своей способности разобраться в хитросплетениях большого бизнеса. И привыкла доверять людям.

— Раньше ты могла себе это позволить. О тебе заботился муж.

— Теперь мне часто приходится поступать подло, — пожаловалась Татьяна. — Интриговать даже в дни похорон мужа.

— Верю, что у тебя просто нет иного выбора.

— Не знаю, дядя. Иногда хочется все бросить и спрятаться где-нибудь в глуши.

— Тебе следует выполнить долг перед мужем. А когда кончатся поминальные дни, приезжай ко мне. Буду рад тебя видеть.

— Спасибо, дядя.

Попрощавшись с Никовани, Татьяна осталась сидеть в кресле, вспоминая прежние встречи с дядей, о существовании которого она узнала уже зрелой женщиной, в момент знакомства с князем.

* * *

Бал в Париже, устроенный Великим в ее честь — когда это было? Кажется, вечность назад. Хотя с того дня прошло всего три года.

Великий подвел к Тане, беседовавшей с женой российского посла, седовласого старца, сохранившего величественную осанку.

— Таня, разреши тебе представить графа Вольтурно. Граф великолепно говорит по-русски.

— Вы бывали в России?

— Ни разу. Но всегда хотел съездить. — Старик принялся осторожно расспрашивать Бачурину о детстве, о родных. Будто сомневаясь, что перед ним истинная наследница титула графов Бачуриных. Затем вдруг неожиданно сообщил:

— А ведь мы с вами родственники. Рассказывала ваша бабка о своей сестре Ольге?

— Да. Та вышла замуж за одного грузинского князя и уехала в Париж.

— Ольга Волонцевич — моя мать. Я князь Константин Никовани. Бабушка не раз говорила, что Никовани едва ли не самый древний род в Европе. Когда-то они правили древней Иберией. Оспаривали царский скипетр у владык Армении. Но тысячелетия стерли даже воспоминания об этом времени и развеяли могущество рода Никовани.

— Вы говорите как поэт, — не удержалась Таня.

— Естественно! Я ведь грузин. Хоть и родился в Париже, но зачат в благословенном Тбилиси.

— Сколько же вам лет? — недоверчиво посмотрела Таня на князя.

— А вы как думаете?

— Шестьдесят пять. Может, чуть больше.

— В нашем роду это еще не возраст. Мне гораздо больше. Но сколько — не скажу. Проболтаетесь, а это отпугнет женщин.

— Но если вы Никовани, почему представились графом Вольтурно? Не слишком похоже на грузинские корни.

— Тем не менее, я не самозванец, а-ля Монте-Кристо, — с достоинством произнес Никовани. — Граф Вольтурно — один из титулов, на которые я имею полное право. Правда, он не столь древний, как княжеский. Итальянский король Виктор-Эммануил даровал

графский титул моему предку, сражавшемуся добровольцем в войсках Гарибальди, за участие в походе 1860 года.

— Если бы я лучше знала историю своей семьи, вам не удалось бы меня одурачить. Но, увы, все, что мне известно о Бачуриных, Волонцевич и их родственниках, имеет в своей основе лишь рассказы бабушки. Но все-таки: зачем вы назвались графом Вольтурно? Не поверили, что я могу быть вашей внучатой племянницей?

— Только давайте опустим слово «внучатая». «Дядя» звучит как-то лучше, чем «двоюродный дед».

Никовани пригласил новоявленную родственницу погостить у себя на вилле в Ла-Пуэбла, на Мальорке. Вилла оказалась маленьким белоснежным дворцом, утопавшим в зелени садов. Тане здесь сразу понравилось. Она с восторгом осматривала дом и окрестности. Особый интерес вызвала библиотека, где среди множества книжных полок висели полотна старинных мастеров. Картины украшали кабинет: портреты князя, его предков и одно полотно Сальвадора Дали. На одной фотографии были запечатлены Дали и его жена Гала, сидящие вместе с Никовани за столиком на открытой веранде.

— Вы были с ними знакомы?

— Да. Мы познакомились еще в тридцатых. Но война всех разбросала.

— Какая война?

— Гражданская. Здесь, в Испании. С Дали мы встретились еще раз, уже через тридцать лет. Вот тогда и была сделана эта фотография.

— Это кто? — Бачурина указала на фото, где князь стоял у самолета с человеком, одетым в летную куртку.

— Бруно Муссолини, — пояснил Никовани.

— Муссолини?

— Да. Сын итальянского дуче. Во время войны его авиационная часть дислоцировалась здесь, на Мальорке.

— И что же, сын Муссолини участвовал в войне?

— Как и его отец, Бруно считал себя непревзойденным асом. Однажды он вызвал на поединок одного из лучших республиканских пилотов. Они встретились в бою у островов Колумбретес.

— И что же?

— Бруно вернулся на базу, расстреляв все боеприпасы. Его самолет был похож на решето.

— А противник?

— Капитан Диккинс. Тоже остался жив. Его русский И-16 получил больше трех сотен пробоин, но дотянул до берега. Каждый из них объявил себя победителем.

— Я думала, что подобные поединки давно ушли в прошлое. А вы тоже воевали?

— Да. Но, к счастью, недолго.

— Почему к счастью?

— Потому что понял: война выглядит привлекательно лишь в книгах. Пока мы дислоцировались на Мальорке и лишь изредка совершали налеты на побережье, война еще сохраняла для меня какой-то ореол романтизма. Паря высоко в небе, легко представлять себя эдаким рыцарем. Фактически остров оккупировали итальянцы. Но мы не интересовались, чем занимается их тайная полиция. Потом нас перебазировали на материк, и я увидел следы боев не с высоты, а на земле. Последствия наших налетов. Но еще страшней оказалась

жестокость, с которой относились друг к другу противники. Аресты, пытки, расстрелы — в этом не было ничего благородного. Нет ничего страшнее и бессмысленнее братоубийственной войны. Дали, когда рисовал свое «Предчувствие гражданской войны», предвидел ужас, ожидавший его родину. Я сумел понять эту картину много позже, когда самому пришлось пройти через все это.

— И все же вы остались во франкистской Испании?

— Да. И даже преподавал в военных училищах, а затем в академии. Я реалист и принимаю жизнь такой, какова она есть.

— Это, кажется, король? — указала Бачурина на еще один снимок, где фотограф запечатлел молодого Хуана-Карлоса в военной форме, на каком-то официальном мероприятии.

— Да, это нынешний король.

— С ним вы тоже знакомы?

— Я преподавал в академии, когда он там учился. Но в то время он еще не был королем. Да и наследным принцем его можно было назвать с большой натяжкой.

— Почему же?

— Отцу Хуана-Карлоса не довелось царствовать. Он жил в изгнании, в Италии. Испанией правил Франко. Генералиссимус пригласил молодого принца на родину, чтобы впоследствии тот возглавил государство. Но эта перспектива была настолько туманной... Кстати, в академии к принцу относились так же, как к любому обычному курсанту. По крайней мере, старались относиться.

— Вы встречались с ним после коронации?

— Здесь на острове расположена летняя резиденция короля, где тот отдыхает с семьей. Мне доводилось бывать там несколько раз.

— А это Питер Устинов? — указала на очередной снимок Татьяна. — Вы и с ним знакомы?

— Это на Лазурном берегу. Кажется, в конце семидесятых. А познакомились — на сорок лет раньше. На почве общих российских корней.

— И как же вы познакомились?

— Я был знаком с его отцом. А с Питером мы впервые встретились в тридцать пятом. Тогда ему было лет пятнадцать. А мне восемнадцать. В следующий раз мы встретились через два года. Во время коронации Георга VI, в июне тридцать седьмого.

— Вы были на коронации?

— В Вестминстерское аббатство были приглашены лишь главы иностранных дипломатических миссий, короли, президенты.

На другом снимке, привлечшим внимание Тани, Никовани стоял на фоне каких-то руин.

— Это все, что осталось от родового замка графов де Валонц, — пояснил князь. — Тех самых графов де Валон, или в другом написании — Валонц, от которых ведут свой род наши с тобой общие предки по материнской линии. Тебе известна история рода Волонцевичей?

— В общих чертах. Но я всегда считала, что предание о французском рыцаре, обосновавшемся в Польше — это всего лишь легенда.

— И, тем не менее, мне удалось найти подтверждение тому, что семейное предание основано на реальных событиях, хотя и очень приукрашено. Хроники рода де Валон сообщают о младшем сыне графа Гуго, отправившегося в крестовый поход на язычников. А вот о его возвращении или гибели ничего в хрониках нет. Зато в счетных книгах Тевтонского

Ордена я обнаружил запись о выкупе, выплаченном Орденом за плененного язычниками-пруссами французского рыцаря де Валонца.

— И этот рыцарь действительно влюбился в польскую красавицу и остался в Польше?

— А вот это как раз и не известно. Первое письменное упоминание о Волонцевичах относится лишь к 15-му веку. Кстати, ты знаешь, что княжеский титул Волонцевичей имеет русское происхождение?

— Каким образом?

— В 16 веке некий пан Михай Волонцевич женился на русской княжне и получил в приданое княжеский титул и земельные угодья на Украине. А если быть точным, девушку-сироту отдали пану по приказу короля. Ни о какой любви здесь не было и речи.

— Бабушка никогда ни о чем подобном не рассказывала.

— У англичан есть пословица: «у каждой семьи есть в шкафу свой скелет». У Бачуриных и Волонцевичей в шкафу припрятано немало скелетов. Впрочем, как у любой аристократической фамилии.

Вспоминая минувшие события, Бачурина незаметно для себя уснула. Ей снилось, будто они с мужем катаются на яхте в бухте Польенса. Кораблик скользил по голубым волнам, а на оранжевом берегу Таня видела дом. Тот самый, который они с Великим снимали во время отдыха на Балеарских островах. Какое счастливое это было время. Как жаль, что оно безвозвратно ушло.

Вестминстерской школы, присутствовал на церемонии в качестве пажа. Я зашел к фон Устиновым и там услышал рассказ о церемонии. В течении четырех последующих десятилетий мы не встречались, хотя я слышал о его успехах. А затем встреча, в память о которой остался этот снимок.

Фотографий было много, очень много.

— Вы прожили интересную жизнь, дядя Константин. Знали столько великих людей.

— Быть с кем-то знакомым, находиться рядом с гением, еще не означает самому быть личностью. Я это понял слишком поздно. На закате жизни.

12

* * *

Своим мрачным, траурным великолепием похороны Великого затмили в умах пораженных ровчан все события уходящего года.

Урну с прахом выставили для прощания в зале городского театра драмы. Проститься с покойным пришли отцы города, губернатор, важные люди из столицы, среди которых немало видных политиков, депутатов парламента, бизнесменов и даже министров.

— Директор машиностроительного завода. Он вместе с Великим учился в одном институте, — стоя рядом с Бачуриной, Гайнанов, шепотом называл характеризуя подходящих с соболезнованиями людей. Оказалось, референт знает чуть ли не всех и каждого.

— Татьяна Николаевна, — через минуту зашептал Гайнанов, — я могу ошибаться, но, кажется, прибыл Царедворцев. Известная личность. Советник президента и прочая... Вон он. Рядом с Самойловым.

Таня вскинула вопросительно бровь.

— Тот самый? Разве Великий был знаком с ним?

— Насколько я знаю, они встречались... Кстати, в последний раз — в Париже. Дай Бог памяти, как же его отчество... Иван Осипович. Точно: Иван Осипович.

Гайнанов, гордившийся тем, что не забывает ни одной услышанной им однажды фамилии или имени, какими сложными они не были, довольно улыбнулся. В рамках приличий — одними уголками губ.

К вдове, в сопровождении знакомого ей Самойлова, подошел величественный старик исполинского роста. Он на целую голову возвышался над толпой, и рядом с ним даже рослый Самойлов, успевший разменять шестой десяток, выглядел подростком. Трудно было поверить, что этому бодрому великану без малого три четверти века.

— Татьяна Николаевна, примите мои соболезнования. И разрешите представить академика Царедворцева.

— Спасибо за участие, Василий Федорович, — Бачурина пожала протянутую руку и обернулась к Царедворцеву: — Я не знала, что вы были знакомы с Петром Алексеевичем.

— Мы встречались. Но я не знал, что жена Великого — племянница моего давнего друга Константина Никовани. Он не имеет возможности находиться в этот тяжелый день рядом с вами и попросил меня оказать необходимую поддержку.

Бачурина поразились: что Царедворцев друг Никовани? Она едва нашла подобающие случаю слова:

— Благодарю вас. Если вы еще нигде не остановились, можете располагать моим домом.

— Спасибо. Мы с Самойловым уже разместились. Но вечером, воспользовавшись приглашением, нанесем вам визит.

— Жмудин, Иван Севастьянович, депутат парламента, — уже представлял Гайнанов следующего человека.

Подошел Серж Ларис, одетый в простое платье преобладающе черного цвета. Со злостью посмотрел на Гайнанова, но когда обернулся к Бачуриной, глаза были полны сочувствия. Серж ничего не сказал вдове, лишь сжал ее руку пальцами — и отошел.

Политики, бизнесмены, священнослужители, депутаты... Большинство считало необходимым сказать вдове несколько слов, полных притворного участия. После этого они спешили к стоящим поодаль Казарину и Лебединскому. Здесь уже задерживались подольше. «Вице-премьер», — прошелестело по огромному залу. В сопровождении свиты появился один из тех, кто олицетворяет собой государственную власть. Ослепляя вспышками, защелкали фотоаппараты репортеров. Вице-премьер подошел к вдове, пожал ей руку, произнес подобающие слова. Затем государственный муж надел повязку и встал в траурный караул у урны с прахом покойного. По соседству вертелись, на правах распорядителей церемонии, Лебединский и Казарин. Через десяток минут вице-премьер собрался покинуть зал, но заметил Царедворцева и задержался, чтобы обменяться с академиком несколькими фразами. У выхода из театра политика поджидали журналисты, обрушившие град вопросов и получившие несколько коротких ответов.

В ряд с урной Великого стояли гробы и урны с останками других погибших а авиакатастрофе, в окружении родственников и друзей. Но к вдовам и матерям, стоящим здесь, с соболезнованиями подходило совсем мало народу.

* * *

Вереница запряженных вороными лошадьми катафалков двинулась от здания Театра драмы к располагавшемуся неподалеку старому Зареченскому кладбищу. Следом потянулась траурная процессия. Для пущей торжественности организаторы отказались от автобусов, и весь путь предстояло проделать пешком.

Вдоль тротуара, через равные промежутки стояли милиционеры. Многие были вооружены автоматами. На крышах, вопреки прогнозам Кузнецова, расположились снайперы и наблюдатели, задействованные по случаю приезда вице-премьера. Кладбище оцеплено ОМОНОм, а близлежащие кварталы перекрыты для движения транспорта. Мерь безопасности были приняты беспрецедентные.

— А это кто? Неужто вдова? Молода слишком.

— Привыкла жить в неге и богатстве.

— Сколько ж это денег на такую процессию пошло?

— Ничего, вдове на ее век хватит. А мало покажется — другого найдет.

Обыватели, теснящиеся на тротуарах, кто шепотом, а кто и не стесняясь, в полный голос обсуждали проходящую мимо процессию. Обрывки этих разговоров долетали и до ушей Бочуриной, вызывая в душе гнев.

Вдова шла за катафалком, заставляя себя держать голову низко опущенной. А ей хотелось держать голову высоко и гордо, бросая вызов Жизни и Смерти, всему Ровску, уставившемуся на нее из окон и с тротуаров, Казарину, Лебединскому, всем кто хочет видеть в ней смазливую пустышку. В роду Бачуриных умеют смиряться с утратами, но никому не прощают причиненного зла. Таня найдет того, кто причинил ей горе, и поквитается с ним. Не для того, чтобы доказать что-то окружающим, а чтобы выполнить долг перед самой собой. Она не позволила себе плакать, даже когда опускали прах в яму.

— Зацепенела от горя, — говорили старушки. — Ей поплакать надо, вылить слезами боль. А то душа затвердеет, прикипит кровавой коркой.

— И слезинки не проронила. Не жалко ей Петра, — шипели родственники Великого, обиженные и обделенные несправедливым, завещанием, еще не оглашенным, но уже всем известным.

Только усевшись в машину, чтобы ехать домой, когда рядом не осталось свидетелей, Бачурина беззвучно завывала, кусая губы.

* * *

— Ну вот и похоронили Великого. Неплохо бы вслед за ним отправить и бабу.

— Ты что, с ума сошел? О чем болтаешь?

— Я дело говорю. Тебе с этого тоже обломилось бы. Только все следует повернуть как можно скорее.

— Ты что — не видишь, что в городе происходит?! Сплошной шухер. Хочешь, чтоб на меня Великого навесили?! Ментам только того и надо: и дело закроют, и меня под вышак подведут.

— Все под Богом ходим. Лучше подумай, что ты можешь получить в случае успеха.

— Для такого дела много информации требуется. Какая охрана, где бывает... А после смерти Великого его телохранители наверняка когти рвут. О Гарике Откате слышал? Был такой, под делового красился. Года два назад прямо у дома и пристрелили. Вместе с качком — охранником. Снайпера, понятно, не нашли. А мне и искать не надо. Гарик Великому дорогу перебежал. Ему по-хорошему предложили отвалить в сторону. Гарик не понял. Гришин мастер на такие разборки.

— Великого закопали. Гришин, верный его пес, тоже в аду, как и хозяин. Кого ты боишься? Шалаву-девку, умеющую только задом вертеть?

— Для чего же хотите ее убрать?

— Чтоб под ногами не путалась. А тут и случай удобный.

— Не нравится мне все это. И разболтался ты очень. Подставить меня хочешь?

— Ты меня не первый год знаешь...

— То-то и оно, что не первый. Давай, по саду пройдемся, покурим.

— Холодно.

— Ничего, не замерзнешь.

* * *

Оглашение завещания должно было состояться в доме Великого. В этот час здесь собрались все заинтересованные лица или их представители. Ожидали нотариуса.

С правой стороны большой залы плотной кучкой держались родственники покойного. При жизни Петр Алексеевич не слишком допускал их к бизнесу. Да и в дом родственники приглашались не часто. Близкая родня, родители и брат, давно умерли. Остались многочисленные кузены, которых из года в год, по мере того как богател Великий, становилось все больше. Нельзя, однако, сказать, что Петр Алексеевич зазнался и совсем забыл тех, с кем связывали кровные узы. Те из родни, кто желал преуспеть на том или ином поприще, получали разнообразную поддержку: стипендии для обучения, кредиты на организацию собственного дела. Но в корпорацию «Цесарь», как и другие предприятия, принадлежащие Великому, дорога родственникам была закрыта. Петр Алексеевич придерживался на сей счет строгих правил, считая, что карьере следует делать благодаря собственным способностям, а не родственным связям. Когда-то, в начале своей предпринимательской деятельности, он сильно обжегся, приняв под крышей своего кооператива нескольких родственников. Как своих, так и со стороны жены. Своими интригами они едва не довели Петра Алексеевича до разорения. Все мнилось, что их обделяют. Есть такая порода людей: сколько не дай, все им мало. Родственникам постоянно казалось, что их труд и способности не оценены по достоинству. Стоило Великому повысить в должности любого из сотрудников, как родственнички начинали его подсиживать. Особенно усердствовала родня жены, нашептывавшая ей, что Петр слишком доверчив и беспечен, что он доверяет всяким проходимцам. Затем это выливалось в семейные скандалы. Не мирились родные и между собой, разбившись на два враждующих клана, объединившихся вокруг брата и жены Великого.

В конце концов Петр Алексеевич выделил долю брата и тот открыл собственное предприятие. Скандалы на время затихли, чтобы вспыхнуть затем с новой силой. Прекратить весь этот кошмар удалось лишь ценой развода. С тех пор Великий, наученный горьким опытом, держал родственников на расстоянии. Если бы он состоял на государственной службе — другое дело. В этом случае грех не порадеть за родного человечка. А когда рискуешь собственными деньгами — родство только помеха. Поэтому никто из приглашенных родственников никогда раньше не бывал в доме Великого.

Большинство не виделось с ним по десятку и более лет. А некоторые даже никогда не встречались. Сейчас вся эта группа глазела по сторонам и прикидывали, сколько может стоить вся эта роскошь. Первая жена, с которой Петр Алексеевич развелся много лет назад, и дочь Великого от первого брака в Ровск не приехали, послав вместо себя специально нанятого адвоката. Адвокат был одет во фрак и бабочку, явно взятые напрокат, и стоял посреди комнаты, вытянувшись, как жердь. За напускным высокомерием он безуспешно пытался спрятать неуверенность. Наниматели требовали урвать как можно больший кусок от наследства, но адвокат не знал, как выполнить поручение, поскольку не имел никакого представления о состоянии дел Великого. Зотов еще вчера сообщил Бачуриной, что этот

человек посетил его с требованием представить отчетность предприятий Петра Алексеевича и копию налоговой декларации за прошлый год. Сейчас адвокат косил глазом на вдову, надувал щеки и хмурил брови, стараясь придать себе независимый и важный вид.

Для церемонии Таня выбрала простое черное платье без всяких украшений. На голове была шляпка, главным образом для того, чтобы скрыть лицо под вуалью. По правую руку от нее сидел Зотов, а позади, опираясь рукой о спинку кресла, стоял Гайнанов. Слева от Бачуриной расположились Казарин, Лебединский и другие руководители и сотрудники предприятий Великого. Им ничего не отказывалось из наследства, но их присутствие посчитали обязательным. По большому счету, они тоже были заинтересованной стороной.

Небольшими группами и по одному разместились другие приглашенные. Некоторые сидели в расставленных в помещении креслах, другие стояли или прохаживались, рассматривая картины, время от времени косясь в угол, где на постаменте, утопающем в венках и гирляндах из черных роз, стоял портрет Петра Алексеевича. Таким образом завещатель символически присутствовал при оглашении собственной воли. Терялись в догадках: кому принадлежит идея с портретом? В действительности же авторство принадлежало самому Великому, который еще год назад по пунктам расписал, как и что должно быть сделано после его смерти. Люди, как правило, мало задумываются о собственных похоронах. Если только не тяжело больны или не дожили до преклонного возраста. А здоровым и все еще бодрым, каким был Петр Алексеевич до последнего своего дня, хватает и тех проблем, которые преподносит жизнь. Пустая затея — сушить себе голову тем, как тебя закопают в землю, когда полон сил и энергии. Однако Великий, будто предвидя свою гибель, за год до нее составил два завещания. Одно касалось наследства, а другое — расписывало, каким образом и где Петр Алексеевич будет похоронен, когда и в какой обстановке будет оглашено завещание. Великий желал руководить даже собственным погребением.

Впоследствии основное завещание дважды дополнялось и переписывалось. А вспомогательное, так сказать, процедурное, осталось неизменным.

В зал вошли пятеро мужчин, уселись за стол, покрытый черным бархатом. Это были нотариусы. Разложив перед собой бумаги, председательствующий негромко произнес:

— Прошу занять свои места, господа.

Затем представился сам и представил коллег. Двое из сидящих за столом мужчин оказались швейцарцами, специально прилетевшими из Базеля.

Бачурина уже была знакома с содержанием завещания и не ожидала услышать ничего нового. Смотрела на портрет мужа, перевязанный черной лентой, и ни о чем не думала. Ни радовалась полученному богатству, ни горевала о потере мужа. На душе было пусто. Скрипучий голос старика, зачитывающего пункты доносился до нее будто издалека.

В отличие от вдовы, сидящий рядом Зотов, также знакомый с текстом завещания, наоборот, слушал очень внимательно, будто впервые для себя. Каждый раз, когда нотариус завершал чтение очередного пункта, Аркадий Константинович непроизвольно кивал головой. У человека, вздумавшего наблюдать за ним в эту минуту, обязательно сложилось бы впечатление, что адвокат подтверждает кивком согласие с зачитанным текстом.

Но самыми внимательными слушателями были родственники покойного, занявшие большую часть расставленных в зале стульев. Одна наиболее чувствительная тетка в тот момент, когда прочитали о безделице (речь, кажется, шла о какой-то мебели и посуде), унаследованной ею, разразилась громкими рыданиями и принялась причитать, нарушив тем

самым порядком церемонии.

Нотариус дождался, когда женщина успокоится, и продолжил чтение. Каждый из наследников получил свою долю. Кто дом, купленный Великим в родных местах и забытый им на десятилетия. Кто ежегодный пенсион. Кто стипендию на обучение детей. Кто акции, проценты с которых они получали и раньше, но которые находились в управлении Великого. Городской художественный музей получил несколько картин из коллекции Великого. Университет — средства на приобретение лабораторного оборудования и пополнение библиотеки. Одна из школ города — мощный компьютер.

Но все отказанное второстепенным и третьестепенным наследникам едва ли составляло и тысячную долю огромного состояния.

Когда нотариус перешел к заключительной части завещания и принялся перечислять, что отходит к Татьяне Николаевне, все присутствующие обернулись в ее сторону. Зотов с недоумением смотрел на нотариуса. Даже у Гайнанова перехватило дух от перечня богатств, доставшихся вдове. Не только многочисленное движимое и недвижимое имущество, но и весь бизнес Великого и его паи в других предприятиях практически полностью переходили ко второй жене покойного — графине Бачуриной.

Бачурина очнулась от состояния протрации, в котором находилась. Больше чем обрушившееся на нее богатство, ее поразила дата составления завещания. Всего лишь месяц назад. В те дни они были в Париже... Татьяна Николаевна вспомнила, что на обратном пути они сделали посадку в аэропорту рядом с Базелем. Она тогда еще удивилась, что аэропорт находится на французской территории, а в Швейцарию им пришлось проехать на автомобиле. Впрочем, ехать оказалось не долго. На дорогу и посещение Великим какой-то конторы ушло всего несколько часов, которые Бачурина провела, прогуливаясь по улицам и паркам старинного города. Петр сказал, что ему предстоит важная встреча, и Татьяна удовлетворилась объяснением.

Нотариус умолк. Зал казалось, зацепенел. Казарин и Лебединский сидели, совершенно огорошенные услышанным. Зотов и Гайнанов тоже выглядели пораженными, хотя совершенно по иной причине.

Итак, все стало на свои места. Хозяйкой корпорации стала Бачурина. С грохотом опрокинулся стул. Это вскочил адвокат, представляющий первую жену Великого. Собрание обернулось в его сторону. Нежданный оратор принялся доказывать несправедливость и незаконность завещания. Резкий, пронзительный голос адвоката удивительным образом не соответствовал его фрачному облику. Да и форма, в которой он поспешил выразить свой протест, никак не приличествовала дипломированному юристу. Каждому стало ясно, что этот человек нанят не для того, чтобы отсудить наследство, а чтобы досадить более ужачливой сопернице. Иначе объяснить выбор, павший на фрачного, было бы трудно.

Бачурина встала с кресла и молча удалилась. Свои права она предпочитала защищать в суде через адвокатов. А препираться с кем-либо, да еще в день похорон мужа, Таня считала ниже своего достоинства.

Большинство родственников, и до этого без особой симпатии относившихся к молодой вдове, расценили ее уход как свидетельство высокомерия по отношению к более бедным членам семьи Великих.

Лебединский наклонился к уху Казарина:

— Если этот сутяга начнет процесс против Бачуриной, суд может наложить на ее долю наследства арест. До окончания разбирательства.

Казарин согласно кивнул головой.

* * *

Темнота всегда таит в себе неизвестность. Но когда эта темнота вызвана повязкой, закрывающей глаза жертвы, она становится по-настоящему пугающей. Как намек на ту вечную темноту, из которой мы пришли, и которая нас всех рано или поздно ожидает. Но лучше поздно, как можно позже... И поэтому жертва мобилизовала все оставшиеся чувства, чтобы предугадать ожидающую ее участь. Вдруг есть еще шанс...

Ступеньки... Его долго вели по ступенькам. По меньшей мере — маршей десять вверх. А может и больше. Пленник сперва пытался считать ступени, затем марши лестницы, но оба раза сбивался со счета. Но был твердо уверен, что они поднялись на какое-то высотное здание. Скрипнула дверь. Волной накатили звуки городских улиц и свежий воздух. Судя по всему, его привели на крышу. И сейчас, скорей всего, на дворе стояла ночь. По телу пленника пробежала дрожь. То ли от прохладного ветерка, то ли от страшной догадки.

Человека поставили на парапет, придерживая руками, чтобы не упал раньше времени.

— Ты знаешь, что полагается за предательство, — послышался голос того, кто проводил допросы. — Если хочешь сохранить жизнь, должен заслужить это.

— Я все рассказал. Я больше ничего не знаю...

Больше всего пугало, что он даже не догадывался, в чьих руках находится. Казалось: зная это, еще можно было бы надеяться, что все обойдется. Но похитители с одинаковым усердием расспрашивали несчастного как о тех, кто вынудил его передавать служебную информацию, так и о покойном хозяине. Иногда человеку казалось: проверяют. Но если это и так, что изменится? Его песенка спета при любом раскладе. Он слишком много рассказал...

— Пеняй на себя, — устало проговорил палач. — И кстати... Сегодня хоронили Великого. Провезли через весь город. А от тебя даже могилки не останется...

Это был приговор, не оставляющий ни малейшей надежды. И как подтверждение этого, рот несчастного залепили кляпом. Он замычал, начал извиваться, пытаясь вырваться из держащих его рук. И когда удалось освободиться, он ощутил, что летит в пустоту...

В миг, отделяющий жизнь от смерти, человек понял: ему было что сообщить в обмен на свою жизнь. Прозрение пришло внезапно. Сложилось из мельчайших деталей, на которые он раньше не обращал внимание. Ему, маленькой сошке, вдруг открылся смысл игры. И игроков было не двое, как он считал раньше, а больше. И, кроме того, он вдруг ясно осознал, что в ближайшем окружении хозяина скрывался предатель. Человек вспомнил один случай... Но опять же, раньше не придавал увиденному значения, а понял все только сейчас. Слишком поздно. Стало обидно, что он сейчас умрет, а тот, другой, останется жив. Это несправедливо. Он не заслужил этого. Он ведь не предатель. Просто так сложились обстоятельства. Тело кулем свалилось на бетон... Но высота, с которой ему довелось падать, была всего-то с полметра.

Через миг над упавшим склонился палач:

— Теперь понял, что может тебя ожидать? Ты готов продолжить разговор?

Лежащий на бетоне молчал. Он был мертв. Сердце не выдержало ужаса, переполнившего его в момент, когда человек не ощутил под ногой опоры.

Исполнитель экзекуции пощупал у жертвы пульс и недовольно поморщился. Убийство не входило в его планы. Предателя следовало лишь припугнуть. Но негодяй оказался большим трусом, чем предполагалось.

— Вот черт, — сокрушенно проговорил палач, — надо было по-простому, яйца прижечь. А не играть в психологов.

— Что докладывать будем? — поинтересовался помощник. — Наждак с нас теперь такую стружку снимет...

— Доклады потом. Сперва избавимся от тела. В любом случае этот мерзавец заслужил свою участь.

Аркадий Константинович обосновался в кабинете Великого еще до того, как были выполнены все формальности. Уже на следующий после оглашения завещания день Зотов принялся изучать новые ворохи бумаг — занятие, которому предавался в течение последнего времени. Помощь в этом адвокату оказывал не только Гайнанов, но и Казарин в компании с Лебединским. У Казарина уже не было формальных поводов отказывать уполномоченным Бачуриной лицам в знакомстве с делами «Цесаря».

А положение корпорации было не столь блестяще, как казалось сторонним наблюдателям.

Великий любил рискованную игру. Но, даже попадая в безвыходные ситуации, он умел оборачивать обстоятельства к своей выгоде. Как бы плохо не складывались дела для других, Петр Алексеевич ухитрялся оставаться с барышом. Каждые шесть из семи операций, проводимых магнатом, привели бы менее удачного бизнесмена к колоссальным убыткам, а то и краху предприятия. Кого-то, но только не Великого! Тот умел получить хоть маленькую, но прибыль. Даже там, где ее совсем не ожидалось. Прибыль мизерную, никчемную, возможно, даже не стоившую затраченных на нее усилий. Зато одна из семи операций сразу приносила огромный куш.

Кроме финансовой игры, которую вел сам Великий, его богатства увеличивали несколько десятков фирм, занимающихся торгово-посреднической и производственной деятельностью. Прибыль от них была не столь велика, как от афер с акциями и ценными бумагами, зато поступления в кассу, а значит, и в кошелек магната, были стабильны.

Из года в год империя Великого росла. Но в последний месяц жизни Петра Алексеевича в делах стал наблюдаться сбой. Обанкротились, одна за другой, сразу две принадлежащие ему компании. Несколько фирм, расположенных в Ровске, заморозили свою деятельность из-за постоянных проверок и ревизий, которым их подвергали по приказу ровского мэра. Хуже всех пришлось казино «Соверен», пострадавшего от разбойного нападения. В ходе расследования вскрылись такие махинации, проводимые руководством «Соверена», что уголовное дело было возбуждено не только против налетчиков, но и против дирекции пострадавшего казино. Это не могло не сказаться и на репутации самого Великого. Раньше о том, что в «Цесаре» крутились миллионы, имевшие криминальное происхождение, говорили чуть ли не шепотом. А после смерти об этом уже кричали не только ровские, но и некоторые столичные газеты. В результате корпорация лишилась многих кредитов, которые могли бы помочь ей снова встать на ноги. Смерть Петра Алексеевича нанесла «Цесарю» непоправимый урон. Большинство сделок оказались незавершенными, вернуть вложенные в них средства не представлялось возможным. Банки не только отказали корпорации в дальнейших кредитах, но и отзывали ранее вложенные средства.

Этот год корпорация «Цесарь» впервые за время своего существования должна была завершить убытками. Казарин прямо сказал Зотову, что не видит, каким образом Бачуриной или кому-либо другому, вставшему у руля предприятия, удастся избежать потерь.

* * *

— Графиня, — негромкий голос разбудил Бачурину.

— Который час? — Таня чувствовала себя разбитой и опустошенной.

— Пять часов.

— Зачем надо было будить в такую рань? — Бачурина вновь закрыла глаза, стремясь вернуть прерванный сон.

— Вы сами вечером приказали разбудить вас в пять, — оправдывалась горничная.

— Да, приказала, — бесцветным голосом согласилась Таня.

Предстояло прожить еще один день. Еще один тяжелый день, столь непохожий на счастливый сон, который она видела этой ночью. Удивительно, что после смерти Петра Алексеевича она может видеть радостные сны, в которых все так хорошо и нет ни тревог, ни опасностей. Право — хоть не просыпайся.

— В гостиной вас дожидается Андрей Дмитриевич Гайнанов, — доложила девушка.

— Пусть заходит, — распорядилась Бачурина, набросив халат.

На лице горничной появилось недоуменное выражение: раньше нельзя было и предположить, чтобы Бачурина приняла кого-то в своей спальне...

— Доброе утро, графиня, — поздоровался Андрей Дмитриевич.

Вид у Гайнанова был измятый и измученный, глаза красные от бессонных ночей.

— Оставьте церемонии, Андрей. Мы не на приеме. Вы плохо выглядите. Выпейте кофе, а я пока приведу себя в порядок.

Когда Бачурина вернулась из ванной комнаты, Гайнанов обрушил на нее целую лавину информации, требующей безотлагательного решения. После обсуждения составили предварительное расписание на день. Все это было знакомо и обыденно, как и при управлении Домом моды. Только круг проблем стал шире и суммы, о которых шла речь, больше. А еще — некоторая напряженность и ощущение неустойчивости.

— Куда вы отправляетесь дальше? — спросила Татьяна Николаевна.

— В «Цесарь». У нас заседание. Тема обычная: как выйти из кризиса с наименьшими потерями. А что намерены делать вы?

— Буду вникать в документы. Учиться бизнесу.

* * *

Четыре директора «Цесаря» — Казарин, Лебединский, Зотов и Гайнанов — собрались в кабинете, ранее принадлежавшем Великому. Подобные заседания созывались теперь едва не каждый день. Собственно, назначение этой четверки на должности директоров и учреждение Директората должны были состояться лишь на ближайшем собрании акционеров, так как уставом подобный орган управления не предусматривался. Был генеральный директор, были его замы, было наконец Правление. Но прежняя система рухнула вместе со смертью Петра Алексеевича. Теперь, в результате компромисса между сторонниками Бачуриной и «старой гвардией», возникла идея Директората. Все участники игры понимали, что это временный орган, и каждый видел себя Наполеоном, который сметет аморфное образование и установит единоличную власть. Исторически это было неизбежно. Но пока директора разговаривали между собой с подчеркнутой вежливостью и всячески демонстрировали заинтересованность в благополучном разрешении кризиса.

— Мы можем сбросить балласт, — предложил Гайнанов. — Продать несколько убыточных предприятий, а вырученные средства направить на завершение наиболее перспективных проектов.

— Проблема в том, что убыточные никто не хочет покупать, — заметил Казарин. — У меня есть несколько предложений. Но все они касаются фирм, положение которых ни у кого не вызывает сомнений. Например, нашу нефтяную компанию. Или завод по производству

стекловолокна.

— Долю акций корпорации в алюминиевой промышленности готовы купить хоть сегодня, — вставил Лебединский. — Вырученных средств хватит, чтобы частично покрыть убытки и выправить положение. Все равно в ближайшее время мы не сможем активно участвовать в этой сфере бизнеса.

— Разумно, — согласился Казарин. — Но мне кажется, что не следует торопиться с продажей. По меньшей мере, до того времени, пока мы не убедимся, что нет иного выхода.

Председатель Правления как никто другой знал что ожидать значительных поступлений от предприятий корпорации, как и притока капиталов со стороны, не приходится. С другой стороны, акции, о которых упоминал Лебединский, в большинстве принадлежали Великому (а теперь Бачуриной) и корпорации были переданы лишь в доверительное управление. Сам Казарин не имел с этих акций почти никакого дохода, и их продажа не могла отразиться на его финансовом благополучии. Использовать же акции как средство давления при выработке политики российской алюминиевой промышленности, как это делал Петр Алексеевич, Казарин считал нереальным. Слишком крупные фигуры принимали участие в этой игре, чтобы чувствовать себя рядом в безопасности. Поэтому председатель Правления приветствовал бы продажу акций с тем, чтобы вырученные средства пустить на исправление положения дел в возглавляемой им корпорации. Да и Лебединский получил бы с этой сделки неплохие проценты: к нему давно подкатывались с предложением убедить Великого продать акции, суля за услугу огромные деньги, и знание Казариным подноготной этой сделки превращала банкира в преданного союзника председателя Правления. Лебединский и сейчас солидаризировался с Казариным практически по всем вопросам. Но хороший компромат привязал бы его еще крепче.

И все же Казарин посоветовал повременить с продажей акций. Ему не хотелось, чтобы его собственная заинтересованность в подобном исходе дела сразу же бросалась в глаза.

— До выплаты процентов по алюминиевым акциям осталось полтора месяца, — проговорил после долгого раздумья Зотов. — Мы подождем.

— Через полтора месяца цена может упасть так, что сумма полученных выплат не покроет разницы, — горячо возразил Лебединский. Его торопили с продажей.

— Все равно мы не можем решать этот вопрос без Бачуриной, — подвел черту Зотов.

— Тогда следует напомнить ей, — настаивал Лебединский, — что собрание акционеров не за горами. И от нас потребуют отчет о состоянии дел и план выхода из нынешнего кризиса. Перед акционерами мы должны предстать с реальными предложениями.

* * *

У Любы Ходосеевой неожиданно появилась новая подруга. В квартире двумя этажами ниже поселилась художница. Познакомились они случайно, в подъезде: художница выносила этюдник и задела им Ходосееву, испачкав пальто краской.

— Вот дьявольщина! Какая же я неловкая! Ну ничего, сейчас все исправим.

Женщина едва не силком затащила Любу в свою квартиру, сняла с нее пальто, усадила на диван и удалилась. Было слышно, как она чем-то гремит на кухне. Новая знакомая вернулась буквально через пару минут с чашкой чая и пирожными.

— Угощайтесь пока, а я отлучусь.

Ходосеева выпила чай, но к пирожному не притронулась. Не столько потому, что не хотела, сколько из глупой застенчивости. Хозяйка все не появлялась, и Люба принялась рассматривать квартиру. Книжные полки были заполнены книгами по искусству,

биографиями великих художников и красочными альбомами. И повсюду — картины: на стене, стопками на полу, даже под диваном, откуда торчали уголки холстов.

— Любуетесь моей мазней? — в дверях комнаты стояла хозяйка с пальто в руках.

— Почему же мазней? — вежливо ответила Ходосеева. — Наверное, ваши картины хорошо покупают, раз приобрели квартиру в престижном доме.

Художница рассмеялась:

— Деньги мне достались от бывшего мужа. Откупился, подлец, при разводе. Кстати, мы так и не познакомились. Мария Свиридова — художник и феминистка.

Последние слова Свиридова произнесла с вызовом.

— Любовь Ходосеева, — представилась Люба, добавив: — Домохозяйка.

— Ходосеева? Так наш мэр, наверное, ваш муж? Сволочь редкая.

Люба уставилась на художницу, не зная как реагировать на ее слова: возмущаться или соглашаться. Свиридова, конечно, была права но ведь Женя — ее муж.

— Удивляюсь, как красивым женщинам не везет на мужей. А если она еще и как человек из себя что-то представляет, то вообще падлюка достается. Из четырех моих мужей — трое были негодьями чистой воды. Пробу негде ставить. И лишь один, предпоследний — так себе, вода на киселе. Мужики как вид вымерли. То, что мы имеем, — это прожорливый мерзавец с членом. Да и тем большинство похвастать не может. А амбиций! Я, бык с яйцами, всех забодаю! — Свиридова внезапно оборвала свою пламенную речь и произнесла уже более спокойно: — Не обращайтесь внимания. Я еще от развода не отошла. Через месяц-другой опять стану видеть в мужчинах достоинства. Хотя бы в роли самцов. А потом опять влюблюсь... Грустно, правда? Дуры, мы бабы, дуры. Ну, все, пойдемте на кухню пирожные есть. А для кого нам, скажите, фигуру беречь?

Люба задержалась у новой знакомой на целых два часа. Беседовали о мужиках, о последней передаче «Я сама», и больше всего — об искусстве. Говорила в основном Свиридова. Но и Ходосеевой удавалось время от времени вставить удачные замечания. Особенно в том, что касалось художников прошлого. Ведь Люба когда-то интересовалась живописью, и даже сама пыталась рисовать.

— Как приятно, что среди соседей оказался интеллигентный и образованный человек, — на прощание сказала художница. — Будет с кем пообщаться. Заходите почаще, но только без мужа.

Вернувшись домой, Люба, к удивлению застала в квартире супруга. Впрочем, он собирался уже уходить — стоял перед зеркалом и поправлял волосы.

— Где это ты шастаешь? — поинтересовался Ходосеев, не из любопытства, а просто, чтобы показать, что заметил появление жены. И не дожидаясь ответа: — К ужину не жди, у меня сегодня важная встреча. Так что задержусь.

* * *

Таня отложила в сторону последнюю из просмотренных папок и взглянула на часы. Скоро ужин.

— Извините за вторжение, Татьяна Николаевна... — на пороге кабинета появился руководитель службы безопасности.

— Вы что-то хотели сообщить, Ян Эдуардович? И, наверное, как всегда, неприятное.

— Угадали. Мы не могли бы пройти для разговора в ваш кабинет?

В доме имелось два кабинета: один, ранее принадлежавший Великому, в котором они сейчас находились, и второй, самой Бачуриной, которым она в последнее время не

пользовалась.

— А почему бы нам не поговорить здесь? — поинтересовалась Татьяна, но поднялась с кресла, даже не ожидая ответа. Она уже знала, что Ян ничего не делает просто так. — Хорошо, пойдете.

В приемной, смежной с кабинетом Бачуриной, кроме секретаря, находился знакомый Тане молодой человек из охраны.

— Добрый день, Саша, — приветливо поздоровалась Таня с одним из тех, от кого зависела ее безопасность.

— Здравствуйте, Татьяна Николаевна.

Бачурина удивилась, зачем Тормис выставил у ее кабинета пост. Но промолчала.

— Так что вы хотели мне сообщить? — спросила Таня, усаживаясь в кресло за рабочим столом.

— Посмотрите, пожалуйста, на это, — Тормис протянул на ладони несколько крошечных предметов, по виду напоминающих радиодетали.

Бачурина посмотрела на Яна, не понимая, к чему тот клонит.

— Это «жучки» — подслушивающие устройства. Мы обнаружили их во время проверки столовой и в вашей спальне.

— Здесь тоже могут быть подслушивающие устройства?

— Были, — поправил Тормис. — Взгляните на стену у себя за спиной.

Бачурина развернулась вместе с креслом и заметила в обоях, на уровне головы, небольшие разрезы.

— Что это?

— «Жучки», которые мы обнаружили сегодня.

— И много таких насекомых может быть в доме? — поинтересовалась Бачурина.

— Может, какому-нибудь особо хитрому и удалось остаться незамеченным. Но я хочу обратить ваше внимание на то обстоятельство, что жучки в спальне и столовой давно бездействуют. А в этом кабинете, установлены не далее как вчера. Кто это сделал, я не знаю. Но во времени установки не сомневаюсь.

В дверь постучали:

— Извините, Татьяна Николаевна, — в кабинет заглянул телохранитель. — Приехал Гайнанов и направляется сюда. Я посчитал нужным предупредить вас.

— А откуда вы знаете, что он идет сюда? — удивилась Таня.

— Мы установили по дому дополнительные камеры. А в приемной у меня мониторы. И, кроме того, дежурные информируют друг друга о перемещениях внутри дома.

В голове Бачуриной вдруг мелькнула неожиданная мысль:

— Вы и о моих перемещениях извещаете друг друга? — спросила она Тормиса

— Само собой. В первую очередь. Вы ведь основной объект охраны.

— Надеюсь, хоть в спальне вы не натыкали своих микрофонов и телекамер? — с подозрением спросила Таня.

— Как можно?! — убедительно ответил Ян. — Ваши личные помещения неприкосновенны.

— А вот за дверьми и окнами наблюдаем, — вставил Саша. — Чтобы никто не пролез.

— Спасибо, успокоили, — не без сарказма произнесла Бачурина.

Лицо телохранителя внезапно приняло отрешенное выражение, будто он прислушивался к чему-то скрытому внутри самого себя.

— Гайнанов в приемной. Идет сюда, — предупредил он.

— Не могли бы вы принять меня после его ухода? — попросил Тормис.

— Если считаете нужным, — ответила Бачурина, добавив с улыбкой: — Я начинаю подумывать, не попросить ли и мне такой передатчик как у Саши? Чтобы знать все происходящее в доме.

— Это отвлекало бы вас от работы.

— Кстати, о работе. Распорядитесь оборудовать этот кабинет селекторной связью. Как это устроено в офисе «Контес» и кабинете Великого. Чтобы не приходилось секретарю по двадцать раз на дню заглядывать в приоткрытую дверь.

— Будет исполнено. И если разрешите, мы подготовим для вас кабинет Великого, — Тормис украдкой указал на зажатые в руке жучки, и Бачурина поняла намек. — Тот кабинет более приспособлен для работы и приема посетителей. Там уже установлено все необходимое оборудование. Думаю, во второй половине дня вы сможете перебраться.

— Хорошо, — согласилась Бачурина.

В кабинет вошел Гайнанов.

— Работаете?

— Вот, даю указания Яну Эдуардовичу о переустройстве кабинета.

— Разве вы дизайнер? Я думал, вы работаете в охране.

— Я — специалист по электронике. В кабинете Татьяны Николаевны отсутствует селекторная связь с секретарем, — пояснил Тормис.

— Если возникнут какие-то затруднения, сообщите мне, — Бачурина подала Яну знак, что он может быть свободен.

— Этот парень принял на себя обязанности завхоза? — поинтересовался Гайнанов, когда Тормис скрылся за дверью.

— Скорей электрика или телефониста, — ответила Таня, возвращаясь за стол. — А чему ты удивляешься? Как я выяснила, он раньше работал в техническом управлении КГБ. Линии связи — его специальность.

— Так будет хоть какая-то уверенность, что к телефонам не подключат какое-то устройство. Как ваше...

— Мы ведь договорились наедине обращаться друг к другу на «ты», — напомнила Татьяна.

— Трудно сразу перестроиться... Как себя чувствуешь, у тебя усталый вид.

— Вчера долго не удавалось уснуть, рано встала, много работы. Причин для усталости предостаточно. Как прошло совещание в «Цесаре»?

— Нужны кредиты, придется ехать в Москву.

— Надо, так надо. Ты уж распорядись насчет билетов.

* * *

Котя Фрумкин отложил в сторону книжку и, потянувшись, встал с кресла. Взглянув на часы, подошел к окну и стал наблюдать за небольшим зданием по другую сторону улицы. Этот особнячок занимала какая-то контора, непонятно чем занимающаяся. У служащих уже заканчивался рабочий день, одно за другим гасли окна кабинетов. Расстелив на подоконнике лист бумаги, Котя принялся заполнять расчерченную накануне таблицу, каждая клетка которой обозначала определенное окно: едва в кабинете выключали свет, в клеточку заносилось время ухода чиновника. Ниже, под графиком, отдельной строкой отмечались время прибытия и отъезда автомобилей от офиса, их номера или приметы. Занятие дурацкое,

но хорошо оплачиваемое.

Когда к Коте подвалил незнакомый парень с предложением подзаработать, мальчик сразу же согласился. Хоть и подумал, что чужак немного не в себе, — такие деньги за ерундовое поручение. Парень, дескать, работает в отделе кадров какой-то там фирмы и у них месячник укрепления дисциплины. Но Фрумкин сообразил: скорее всего, собирается обчистить пару кабинетиков, а для этого надо знать, когда чинуши линяют домой и не совершает ли по вечерам охрана обход помещений.

Моральная сторона дела не слишком волновала Котю. Каждый добывает бабки как может.

В коридоре послышались шаги. Фрумкин-младший тотчас спрятал график в ящик стола и уткнулся в книгу. В комнату, предварительно постучав, вошла мама:

— Костик, может, пойдешь погуляешь? Все праздники дома просидел и теперь не выходишь на улицу.

— Я лучше почитаю.

— А что читаешь? Хоть что-то толковое?

— Толковое, мама, толковое.

Женщина взяла в руки книжку и прочитала:

— «Философские сказки или веселая книга о свободе и нравственности». В мое время мы Майн Рида и Жюль Верна читали.

— Нам рекомендовали эту книгу на факультативе.

— Ну читай, читай...

Когда мама вышла, Котя отметил сразу два кабинета, в которых за время разговора успели потушить свет. А затем вновь принялся за чтение, не забывая периодически поглядывать на соседнее здание. Большая часть окон была уже темна, но один этаж светился едва ли не полностью. Похоже, в этих кабинетах никто домой и не собирался. Котя уже знал, что здание занимает дочерние предприятие корпорации «Цесарь». Мальчик прикинул, не запросить ли ему с парня побольше. Ведь особнячок задним двором соприкасается с, выходящим на соседнюю улицу фасадом дома покойного Великого. Через контору можно ночью спокойно пробраться и во дворец Царя, смерть которого наделала немало шума в городе. Но, поразмыслив, Котя отказался от своего намерения.

Фрумкин-младший, как и остальные жители улицы, не догадывался что контора, за которой он следит, является офисом детективного агентства, ныне возглавляемого Тормисом. Не мог он знать и того, что его дублирует еще один наблюдатель. Еще двое, независимо друг от друга, следили непосредственно за дворцом Великого на Богоявленской.

Бачурину обложили основательно.

* * *

Парень зябко передернул плечами: следовало надеть теплую куртку. Но он ведь не знал, что придется проторчать на обдуваемом всеми ветрами углу целых тридцать минут. Ох уж эти девушки, никогда не придут вовремя. Ага, вот, кажется, и она. Парень подавил в себе нарастающее раздражение и, лучезарно улыбаясь, поспешил навстречу невесте.

— Что ты так долго, зайчик?

— Сегодня хозяйка неожиданно уехала в Москву. Пришлось собирать вещи, а после ее отъезда нас заставили убираться в доме.

— А разве нельзя было убраться перед возвращением хозяев? Кстати, она надолго уехала? — якобы невзначай поинтересовался парень

— Не знаю. Может, на день, а может — на неделю.

— За это время столько пыли еще сядет.

— Ничего ты не понимаешь. Когда хозяева в отъезде, мы укрываем большую часть мебели чехлами. Часть вещей убираем. Кое-что сдаем в химчистку. В общем, делаем то, что не можем сделать при ней. Завтра с утра опять иду на работу, а вот послезавтра — отгул.

— Отлично! Проведем вместе целый день.

— А на сегодня у тебя какие планы? — большими доверчивыми глазами девушка посмотрела на возлюбленного.

— Сперва зайдем в бар, кофейку попьем. Или шампанского, если хочешь. А дальше решим.

— Продрог, бедненький. Извини, я ведь и вправду не виновата, что меня задержали.

— Ничего страшного. Я не умею на тебя сердиться, ты ведь знаешь.

— Но у тебя такой обеспокоенный вид. Что-то случилось?

— Да ничего пока не случилось, — парень обнял девушку за талию и наклонился к ее ушку: — Но очень надеюсь, что сегодня вечером кое-что случится. Приятное.

— Бессовестный, — отстранилась девушка, смеясь.

Хотя парень и улыбался, но в душе действительно волновался. Это была его первая серьезная вербовка. Сегодня требовалось решить, какому из двух вариантов дальнейших действий отдать предпочтение. Попробовать, по рекомендации своей «невесты», устроиться на работу в интересующий дом, или решиться на использование в качестве агента самой девушки. Как первый, так и второй варианты имели свои минусы и плюсы. А шеф торопил. Приказывать всегда легко. Впрочем, сегодня начальство останется довольным. Нужно только улучшить момент и передать сообщение об отъезде Бачуриной. И звонить осторожно, чтобы влюбленная дурочка ничего не заподозрила. Впрочем, не такая уж она и дурочка, к тому же довольно милая. Можно считать, с ней просто повезло. С такой приятно проводить время. Жаль только, что долго их счастье не продлится.

14

* * *

Прием, устроенный Бачуриной, отличался от прежних празднеств необыкновенной скромностью и чуть ли не аскетизмом. И главное небольшим числом гостей: всего-то двадцать приглашенных. Верхушка московского представительства корпорации «Цесарь», несколько близких друзей Великого, имеющих некоторый вес в мире бизнеса, двое политиков, способных помочь с получением кредитов — вот и все.

Для людей, привыкших к купеческому, а еще верней — княжескому размаху застолий Петра Великого с участием сотни и более приглашенных, нынешняя трапеза казалась едва ли не семейным ужином.

Гости по мере прибытия проходили в гостиную, где подавали аперитивы. Собравшись небольшими группками, они вполголоса разговаривали (главной темой, естественно, была трагическая гибель Великого). Все ждали приглашения в столовую. И все знали, что их пригласили, чтобы попросить денег.

Гайнанов, взявший на себя роль хозяина, переходил от одной группы к другой. Гости расспрашивали его, главным образом для поддержания беседы, о последних событиях в Ровске. На самом же деле никому не были интересны ни провинция, ни сам Гайнанов. Андрей Дмитриевич, считавшийся в Ровске значительным лицом, в окружении директоров банков и промышленных магнатов выглядел фигурой совершенно незначительной. Было

видно, что разговаривают с ним из вежливости. Кое-кто из приглашенных уже успел даже пожалеть о потерянном вечере.

* * *

Одна из дальних комнат дома была отведена под координационный и наблюдательный центр охраны. Отсюда при помощи системы телекамер, диспетчеры могли следить за происходящим в большинстве помещений здания и вокруг него, а также руководить действиями охранников, одетых в униформу, принявших облик официантов, швейцаров, слуг.

Гости Бачуриной, несомненно, были солидными и уважаемыми людьми. (убрать абзац) И никаких пакостей с их стороны не ожидалось. В прежние времена телохранители Великого старались не перегибать палку в своем усердии. Хотя бы потому, что детективные мании обходятся очень недешево, а предпринятые меры не дают видимых результатов. Так — игра в Джеймсов Бондов. Но после гибели Петра Алексеевича новый начальник охраны настоял не только на наблюдении за приглашенными, но и проведении некоторых специальных мероприятий, основной целью которых явилось снижение угрозы покушения до минимума. «Предают всегда друзья» — таким был основной довод Тормиса.

Кроме гостиной, диспетчеры следили также и за столовой, в которой в этот момент накрывали столы. Работа поваров и официантов не только контролировалась шеф-поваром и детективами, но и записывалась на видео.

Убранство зала отличалось великолепием. Интерьер был оформлен в стиле Золотого века Екатерины Великой. Впечатление усиливали ливреи и парики лакеев, одетых в соответствии с модой XVIII столетия, и даже манера официантов кланяться и подавать приборы. Но многие из гостей уже привыкли к роскоши подмосковного дома Великого, обставленного баснословно дорогой мебелью и увешанного картинами известных мастеров. А вот стол заслуживал особого внимания. Он тоже был произведением искусства. На скатерти из тяжелой золотой парчи красовались яркие пышные букеты в вазах золотистого цвета. Стены и мебель украшали гирлянды из живых цветов, так что создавалось впечатление, будто это не столовая, а оранжерея. Яства, выставленные на стол, тоже больше напоминали украшения, чем пищу.

* * *

Кроме операторов-охранников, за гостями из своего кабинета следила и сама хозяйка дома.

Готовясь к вечеру, Бачурина решила использовать то обстоятельство, что будучи Рюриковной по крови, она состояла в родстве с императорской фамилией. Раз нельзя похвастать мощной и связями, приходится выпячивать родовитость.

Сейчас она стояла у экрана, на котором была видна гостиная. Некоторые гости уже явно начинали скучать.

— Пора! — обернулась Татьяна к Зотову.

— Еще минутку, — старый адвокат с удовольствием смотрел на картинку. Казалось, ему нравится смешное и глупое положение, в котором оказался Гайнанов. Гости уже теребили его, спрашивая о хозяйке. — Еще минутка и они будут в надлежащей кондиции.

Аркадий Константинович знал толк в театральных эффектах.

* * *

Дверь отворилась, пропуская мажордома с церемониальным жезлом в руке. Трижды гулко ударил посох о пол, и в помещении воцарилась тишина.

— Их сиятельство графиня Бачурина, — бас колокольным гулом наполнил комнату, заставив всех обернуться к глашатаю.

Мажордом сделал шаг в сторону. В белом бальном платье в комнату вплыла Бачурина. Одевание, обильно украшенное узорами из алмазной крошки, вполне подошло бы и императрице. Впечатление усиливалось бриллиантовой диадемой на голове женщины.

Вместо одетой в траур вдовы, просящей не забыть ее в несчастье, гости увидели Царицу, законную наследницу империи Петра Великого. Король умер, да здравствует королева! Все как-то забыли о тяжелом положении корпорации «Цесарь», которое минуту назад обсуждали.

— Добрый вечер, господа, — мелодично проговорила Татьяна, обводя зал ласковым взглядом. Никого не выделяя, но при этом каждого одаривая лучезарной улыбкой. — Прошу к столу. Василий Федорович, будьте добры, проводите меня.

Татьяна Николаевна подала руку Самойлову, старейшему и наиболее уважаемому гостю. Среди собравшихся он выделялся богатством и влиянием, поэтому большинство приглашенных крутилось вокруг него, стараясь вовлечь в беседу или каким-то иным образом привлечь внимание.

Василий Федорович, к которому обратилась Бачурина, в ответ поклонился и взял графиню за кончики пальцев, держа на весу, как бесценное сокровище. Все расступились, и Бачурина, сопровождаемая Самойловым, направилась в столовую. Стало ясно — это подлинная хозяйка. Василий Федорович, государственный человек, владелец многомиллиардного состояния, к слову которого прислушивались и в Думе, и в правительстве, вдруг добровольно, по собственной воле уступил первенство Бачуриной и отступил на второй план. Пусть даже на сегодняшний ужин. Это совершенно не походило на того Самойлова, которого знали присутствующие.

— Черт побери, — наклонившись к соседу, шепотом проговорил один из приглашенных, когда все разместились за столом. — Когда она вошла в зал, моя поясница едва сама не сложилась в поклоне. Как она это проделала?

— Порода.

— Какая еще к черту порода? У меня референтом работает один бывший аристократ. Специально взял для представительских целей.

— Кто-то сказал, не помню, кто, но очень умный человек: не бывает бывших князей, как не бывает бывших сенбернаров. Возможно, твой аристократ из потомственных придворных графьев, получивших титул за примерное исполнение обязанностей постельничего. А эта... совсем из другого теста.

— Тебе-то откуда знать?

— А ты сам взгляни — как держится! Это не игра. Ни у одного актера так не получится. Черт! Как я раньше ее не разглядел.

— Будто мало красивых баб. Да у тебя самого супружница не хуже — красавица.

— А эта — царица.

— Отхватил Великий себе «сиятельство». Знал покойник толк в женщинах.

На последнюю реплику собеседник не ответил, а только скосил глаза на скатерть, под которой могли быть скрыты микрофоны. Сосед понял этот безмолвный намек.

* * *

— Все в порядке? — к Тормису, вышагивающему по автомобильной стоянке рядом с домом, подошел Макс.

— Здесь надо бы добавить телекамеру и датчик, — Тормис указал на стоянку, где ожидали хозяев десятка три машин.

— Зачем? И без того вся площадка просматривается двумя камерами. Вполне достаточно, — пожал плечами Кузнецов.

— Они установлены слишком высоко и не способны следить за тем, что происходит под машинами. Гости могут привезти на днище машин нежелательные сюрпризы сами не подозревая того.

— А датчик?

— Газовый анализатор взрывчатки. И такой же у въезда во двор, — добавил Тормис и сразу же пояснил: — Я обратил внимание, что Гайнанов выходит встречать некоторых гостей к самой машине. Может возникнуть ситуация, когда выйдет и сама Бачурина. Вы поручитесь за то, что кому-нибудь из приехавших не подложили взрывчатку? — Мы долго здесь не задержимся, а когда в следующий раз приедем — неизвестно.

— Но ты все же учти. И не расслабляйся. Предчувствия у меня какие-то... А предчувствие для телохранителя — все равно, что нюх для собаки. Не улыбайся. Отправляйся за гостями приглядывать. — Из «технаря» Тормис вновь превратился в руководителя всей службы безопасности.

Застолье было богатым. Перемены следовали одна за другой. Каждый мог выбрать блюдо по душе. За дичью, убитой в принадлежащих Великому охотничьих угодьях, следовала свежая рыба, выловленная в прудах Великого. Гарниры и салаты, включая самые экзотические, были приготовлены из овощей и фруктов, выращенных в оранжереях Великого. Одним словом — «а ля рус»: то ли ужин по-деревенски, то ли барская трапеза по-русски. А уж барином Великий всегда был щедрым и хлебосольным.

Пользуясь благодушием насытившихся гостей, за них взялись доверенные лица Бачуриной из числа руководителей московского офиса «Цесаря». Москвичи, недолюбливавшие Казарина, целиком встали на сторону Татьяны Николаевны. И теперь они занялись обработкой потенциальных союзников, способных предотвратить крах корпорации. Прием, устроенный графиней, ее эффектное появление и уверенность, с которой женщина держалась, как нельзя лучше помогали расположить собеседников к Бачуриной и договориться о новых, уже чисто деловых встречах. Зотов довольно улыбался.

Самой же Татьяне с трудом удавалось сохранять маску радушной хозяйки. На лице то и дело появлялась черная тень печали. Гости, возможно, этого и не замечали, а вот Тормис, успевший хорошо изучить Бачурину, ясно видел, что ей с трудом удастся сохранять беззаботный вид.

* * *

Воспользовавшись тем, что после обильной трапезы гости разошлись по разным комнатам, Бачурина поднялась в кабинет, где ее дожидался Самойлов.

— Что скажете, Василий Федорович?

— Вам удалось произвести на собравшихся впечатление!

— А на вас?

— Меня вы давно покорили. Но мы говорили о других... Конечно, среди них нет, способных оказать действительно реальную помощь, но и несколько миллионов займа, которыми могут рискнуть эти банкиры, «Цесарю» не помешают. Кое-что и я подброшу. Но вам сперва следует укрепиться в Правлении корпорации.

— Вы мне что-то посоветуете?

— Я уже передал рекомендации Зотову. Жалко, что не смогу лично присутствовать на собрании... Улетаю на неделю в Монреаль. Может, перенести? Хотя — нет. Тянуть с проведением собрания тоже не стоит.

— Во время последнего телефонного разговора вы обещали узнать, какими делами в последнее время занимался Петя, — напомнила Бачурина.

— Кое-что мне удалось раздобыть. Не знаю, насколько вам это пригодится, — Самойлов протянул женщине конверт.

Татьяна Николаевна села за письменный стол, вскрыла пакет и углубилась в чтение. Документы были отпечатаны на английском и немецком языках. Бачурина пробежала глазами английский вариант.

— В архиве мужа этого договора нет. А почему перевод средств осуществляется за рубежом?

— Это я не знаю. Могу лишь допустить, что таким образом Петя хотел уйти от налогов. В остальном — договор абсолютно легален. Если в нем и есть какой-то тайный смысл, он мне неизвестен. Можете оставить документы себе. А вот это, — Самойлов протянул еще один листок, — следует уничтожить сразу по прочтении. Человек, который передал мне сию бумагу, настаивал, чтобы это произошло в моем присутствии.

Бачурина взяла бумагу, как бомбу. И, едва прочитав ее, поняла: это и есть настоящая бомба.

— Кто это?..

— Не надо имен, — предостерегающе поднял руку Самойлов. — Все, что необходимо, мои люди уже передали главе вашей охраны.

Бачурина встала с кресла, намереваясь включить измельчитель бумаг в углу кабинета. Предугадывая ее намерения, Василий Федорович произнес:

— Лучше сжечь. Только будьте осторожны. Это специальная бумага.

— У меня нет спичек, — ответила Татьяна, положив, однако, листок в пепельницу.

Мужчина достал зажигалку. Документ вспыхнул, едва лишь он приблизил к нему язычок пламени. Бумага сгорела за доли секунды, будто была изготовлена из пороха, но при этом выделила на удивление мало света и тепла. Для верности Самойлов перемешал пепел карандашом, отчего в пепельнице осталась лишь серая пыль непонятного происхождения.

— Кстати, хочу поздравить: вам удалось заполучить отличного специалиста.

Бачурина поняла, что речь идет о Тормисе. Она не могла судить о степени компетентности Яна, но слова Самойлова немало для нее значили, и акции телохранителя резко поднялись вверх.

— Вас проводить? — предложила хозяйка.

— Благодарю. Я найду дорогу.

Самойлов ушел. Бачурина спрятала конверт в сейф и последовала за ним. Внизу ждали гости, и ей не хотелось, чтобы кто-нибудь заметил слишком долгое отсутствие хозяйки и самого почетного из приглашенных.

Уже у дверей зала она невольно услышала разговор двух мужчин.

— А Артур Христофорович, дружок Великого, не приехал... Обещался, а не приехал...

— Я звонил ему. Сказался больным. Зато Самойлов здесь и секретничает с вдовой.

— Может, из-за Самойлова Артур и не приехал? Недолюбливают они друг друга.

Заметив Бачурину, мужчины заговорили о другом.

Подойдя к Гайнанову, Татьяна Николаевна громко, чтобы услышали стоящие рядом,

произнесла:

— Андрей Дмитриевич, перед отъездом нам еще следует навестить Оганесова. Свяжитесь с Артуром Христофоровичем и уточните время. И спросите, как его самочувствие.

Минут через двадцать после ухода Бачуриной дверь кабинета вновь открылась. Вошедший не стал включать свет. Пройдя в темноте к письменному столу, он опустился на колени и принялся шарить под сидением одного из кресел. Нашупав крохотную пластмассовую таблетку, приклеенную к дереву, человек оторвал ее и положил себе в карман. После чего так же тихо вышел, заперев за собой дверь.

* * *

Охотник в мощный бинокль, снабженный усилителем яркости, наблюдал за трассой. До появления кортежа оставалось минут двадцать. Но Охотник предпочел прибыть на место заранее, чтобы успеть подготовиться и держать дорогу под контролем. На случай, если «клиент» проследует с опережением графика.

Нынешняя акция была ему не по душе. Моральные соображения к этому не имели никакого отношения. Просто предстоящая операция была грубой и не продуманной в мелочах, а значит, опасной, как всякая срочная работа. Но предложенная сумма, вполне компенсировала риск. К тому же заказчик предоставил исчерпывающую информацию, что значительно облегчало задачу.

На дороге появилась черная «Волга», несшая на себе сразу три антенны: на капоте, багажнике и на крыше. Это обилие приемо-передающих устройств не понравилось Охотнику. Нехорошие предчувствия тут же получили подтверждение: «Волга» снизила скорость и остановилась на обочине.

Почти одновременно с этим завибрировал пейджер, прикрепленный к запястью Охотника: помощник засек активные радиопереговоры. Ликвидатор не нуждался в подобном предупреждении, он и сам догадался, что тщательно спланированная операция провалилась по какой-то глупой случайности. К тому моменту, когда на пейджере появилось кодовое слово, Охотник уже спускался в балочку, где был спрятан мотоцикл.

* * *

По окончании приема, когда все гости уже разъехались, Татьяна переоделась и спустилась во двор к поджидавшему ее «Мерседесу».

Этим вечером Бачурина и Гайнанов собирались навестить давнего приятеля и компаньона Великого, Артура Оганесова. Еще в Ровске, созвонившись с Оганесовым, они узнали, что банкир занемог и просит его извинить. Но если Татьяна Николаевна сочтет возможным посетить больного — он будет безмерно рад. При этом Артур Христофорович заверял Бачурину в своих симпатиях и полной ее поддержке.

По дороге на дачу Оганесова обсуждали прошедший ужин и возможное поведение его участников в будущем.

Беседу прервал Максим, сидевший рядом с водителем. После обмена по радиотелефону отрывистыми фразами с одним из коллег телохранитель обернулся к Бачуриной:

— Прошу прощения. У нас изменение маршрута.

— Что такое?

— По пути нас встретит Ян Эдуардович и все объяснит.

Темно-синий «BMW» начальника службы безопасности они увидели при выезде из города. «Мерседес» притормозил, и Кузнецова на переднем сидении сменил Тормис.

Машины тут же сорвались с места.

— На трассе, по пути на дачу Оганесова, обнаружено взрывное устройство. Сейчас там работает следственная группа.

— Кто обнаружил мину? — нахмурилась Таня.

— В направлении дачного поселка двигался эскорт «членовозов». Датчики на передовой машине среагировали на посторонний предмет у дороги. Кто именно из министров или политических деятелей направлялся по этой трассе, пока держат в секрете. Известно также, что поездка была незапланированной.

— Так, может, покушение готовилось и не на министра? — вмешался в разговор Гайнанов.

— Поэтому я и настоял на встрече.

— Намекаете, что метили в Татьяну Николаевну? — бросил Андрей Дмитриевич, по-прежнему считавший Тормиса обычным специалистом по электронике.

— Не исключаю такой возможности.

* * *

Оганесов, увидев из окна дачи подъезжающий «Мерседес», выскочил встречать Бачурину на крыльцо. Он явно был испуган. И вовсе не походил на больного.

— Видели возню на трассе? Представляете, перед самым поворотом к моей даче была установлена мина! — возбужденно говорил Артур Христофорович.

Новости распространялись с удивительной быстротой.

— Мы ехали в объезд, по другой дороге, — ответила Татьяна. — Поэтому ничего на трассе не заметили.

— Да? А я успел проехать до того, как выставили пост и всех стали поворачивать в объезд. В сумерках различил несколько машин и людей в лесопосадке, но не придавал этому значения. О мине мне только на даче рассказали. Что творится, а, что творится?! А если это на меня охотились? Как вы думаете? — энергично жестикулируя, Оганесов скороговоркой выстреливал фразы, затем запнулся... и продолжил еще более оживленно. — О! Приношу извинения! Татьяна Николаевна, прошу ручку. Надеюсь, вы простите меня, что не поздоровался сразу. Просто я слишком поражен случившимся. Вы только подумайте: почти у забора моей дачи кто-то установил мину! Представляете!? А я как раз должен был проезжать мимо этого места!

Бачурина и Гайнанов не стали задерживаться у Оганесова. Да и разговор получился какой-то скомканный. Возбужденный случившимся, Артур Христофорович никак не мог настроиться на деловой лад. Гости поспешили откланяться.

* * *

Поезд на Ровск отправлялся глубокой ночью. Домой Бачурина возвращалась без Зотова и Гайнанова, которые должны были остаться еще на некоторое время в Москве. Тормис, пропадавший неизвестно где, объявился лишь перед тем, как Татьяна Николаевна усаживалась в машину. Вид у него был значительно повеселевший.

— Появились новые сведения о вчерашнем инциденте на трассе, — доложил Тормис, когда автомобиль отъехал от дома. — Дело ведет ФСБ.

— И что вам удалось разузнать?

— Я встретился с одним из бывших сослуживцев. В лесополосе у трассы была обнаружена усовершенствованная радиоуправляемая мина. Точнее, две мины, установленных на расстоянии в несколько метров.

— Значит, там должен был прятаться и человек. Удалось кого-то задержать?

— Оператор-наводчик мог находиться на значительном удалении от закладки.

— Управляемая мина... Но почему не снайперская винтовка или, скажем, гранатомет? — удивленно спросила Бачурина.

— Посчитали более надежным.

— А почему мина оказалась в лесополосе, а не у дороги?

— Использовались усовершенствованные мины направленного действия. Аналог нашей МОС-50, хотя конструктивно и ближе к американской «Клеймор». Кстати, в комплект «Клеймора» также входят две мины с дистанционным управлением. Но в нашем случае это были более серьезные игрушки.

— Я не разбираюсь в оружии, — несколько раздражено ответила Бачурина, уставшая от переездов и встреч.

— При взрыве подобной мины десятки, а то и сотни тысяч осколков не рассеиваются вокруг, а выстреливаются в одном направлении. Такой взрыв способен уничтожить все живое в полосе тридцати метров. Эксперты утверждают, что начальная скорость осколков достаточно велика, чтобы пробить корпус небронированного автомобиля. Использование двух мин гарантирует, что при взрыве машина не успеет проскочить опасный участок.

— Серьезно подготовились. Вы уверены, что покушение направлено против меня?

— Нет. Но то, что мины были предназначены не министру, охрана которого их обнаружила, — совершенно точно.

— Не знаю... Не такая уж я большая шишка, чтобы использовать столь сложное оружие. Будто на Троцкого охотились. Это все равно, что стрелять по воробьям из пушки.

— Вы не воробей. А Троцкого, между прочим, — заметил Ян, — убили обыкновенным педорубом.

— Тем более... Для того, чтобы ликвидировать меня, тоже не станут прибегать к слишком хитроумным штучкам. И, кроме того, я не понимаю: кто может столь сильно желать моей смерти?

— Хотел бы я знать ответ, — задумчиво проговорил Тормис.

— Ян Эдуардович, я не вижу вашего багажа, — удивленно проговорила Бачурина уже у самого вокзала. — Разве вы не едете с нами?

— Придется задержаться, но я встречу вас в Ровске. Воспользуюсь услугами Аэрофлота.

* * *

Километрах в сорока от пункта назначения поезд «Москва-Ровск», к удивлению пассажиров, сделал незапланированную остановку на маленьком полустанке. Пользуясь минутной задержкой, из спального вагона торопливо выпрыгнуло несколько мужчин, один из которых помог спуститься женщине в брючном костюме. Тотчас тепловоз дал гудок и поезд тронулся, торопливо набирая скорость. А странная группа, не имевшая с собой багажа, поспешно погрузилась в поджидавшие у перрона джипы. Свидетелями странной сцены стали лишь несколько пассажиров соседних со спальным вагонов, которые в момент остановки выглянули в окно.

15

* * *

На Богоявленской машины встречал Тормис, прилетевший утренним рейсом.

— Меня уже тошнит от поездок, — призналась Татьяна Николаевна, высаживаясь из джипа. — Не дождусь, когда наконец смогу принять ванну. Или я сперва должна выслушать

ваш доклад?

— Доклад подождет, — заверил Ян Эдуардович. Несмотря на бессонную ночь, он выглядел все же куда лучше Бачуриной.

* * *

Когда Татьяна после завтрака и непродолжительного отдыха прошла в кабинет, ее уже дожидался Тормис.

— У меня к вам просьба. — Ян Эдуардович уселся в предложенное кресло, так как разговор предстоял долгий. — Хочу попросить вас ограничить свои выезды из дома.

Татьяна Николаевна некоторое время молча смотрела на Яна, будто пытаясь вникнуть в его слова. Наконец, произнесла:

— Для такой просьбы у вас должны быть серьезные основания.

— У нас имеются сведения, что на вас готовится покушение.

Женщина не выразила никаких эмоций и даже не удивилась. И опять, лишь через долгую минуту молчания, Бачурина спросила:

— Откуда поступили эти сведения? Есть какие-то доказательства? Или вы сделали вывод на основании московского случая с миной?

Вместо ответа Тормис достал из кармана небольшой диктофон и нажал кнопку. Из динамика раздался мужской голос: «Великий сыграл в ящик. Неплохо бы вслед за ним отправить и бабу.»

— И это все?

— Мы располагаем записью всего разговора. Но разве не достаточно этого фрагмента, чтобы понять серьезность ситуаций?

— Я хотела бы услышать и остальное. — Бачурина не смогла скрыть раздражения. Ее покладистый характер за последние дни изменился не в лучшую сторону.

— Это будет нарушением правил оперативной работы, — спокойно объяснил Тормис.

— Секретность? Вы забываете, что находитесь не на государственной службе.

— Татьяна Николаевна, — примирительным тоном произнес Тормис, — я ни на секунду не забываю, кто мой работодатель. Но и вы должны доверять своей службе безопасности. Иначе наша работа лишится смысла. Позвольте, я вам кое-что объясню, а вы примете решение: стоит ли настаивать на своем. Хорошо?

— Что ж, попробуйте.

— Уже то, что я дал вам послушать отрывок, неосторожно с моей стороны. В разговоре со своими доверенными людьми вы можете сослаться на факт существования такой записи, а через этих людей ваши слова могут долететь до ушей заинтересованных лиц, которые проверят, не могли ли их подслушать. И в следующий раз они примут все меры, чтобы не допустить этого.

— Но если я уже знаю о существовании записи, почему не могу прослушать остальное?

— Вместо объяснений мне пришлось бы прочитать вам целый цикл лекций по оперативно-розыскной деятельности.

— Похоже, мне стоит ознакомиться с этой наукой. Хотя бы с ее азами.

— Вы это серьезно? — удивленно произнес Ян Эдуардович.

— Вполне.

— Что ж, я подготовлю вам пару брошюр для начала.

— Спасибо. Так что насчет записи? Вы говорили о доверии. Почему бы и вам не довериться мне?

Тормис замешкался, размышляя, и в конце концов махнул рукой:

— Бог с вами. Вечером я принесу полный вариант записи. Но предупреждаю: вы взваливаете на себя страшный груз.

Он поднялся с кресла, но Бачурина жестом остановила его:

— Раз уж мы заговорили о покушениях, Есть новости по поводу смерти Петра Алексеевича?

— Расшифровка «черного ящика» показала, что причиной катастрофы стал отказ двигателей. В ближайшие дни ждем окончательный результат анализа деталей моторов.

— У Великого в руководстве «Роллс-Ройса» имелись знакомые. Если вы достанете несколько образцов деталей, мы сможем переправить их в Англию. Пусть над ними поработают британские эксперты.

— Независимая экспертиза? Неплохая мысль, — Тормис с уважением посмотрел на собеседницу: хоть и капризная стерва, но котелок у нее варит.

— Не такая уж независимая, — заметила Татьяна. — На самолете были установлены двигатели именно этой фирмы.

— Тем более, англичане предпримут все возможное, чтобы выяснить истинную причину катастрофы и вернуть себе доброе имя.

* * *

Днем из Москвы прилетели Зотов и Гайнанов. После совещания с союзниками в руководстве ровской штаб-квартиры «Цесаря» они приехали на Богоявленскую и надолго заперлись с Бачуриной в ее кабинете, обсуждая детали предстоящего сражения за голоса акционеров.

Шансы Татьяны Николаевны занять пост председателя Правления можно было оценить как «пятьдесят на пятьдесят». И троица, подобно заговорщикам, просчитывала возможные ходы и интриги, с помощью которых можно было бы перевесить чашу весов на свою сторону. Из кабинета они обзванивали потенциальных союзников и колеблющихся противников. Разошлись глубокой ночью.

Тормис, учитывая занятость Бачуриной, посчитал, что сегодня им уже не придется встречаться, и свой рабочий вечер спланировал соответствующим образом. Тем больше он удивился, когда Татьяна Николаевна позвонила и напомнила, что они договорились продолжить утренний разговор.

— И не забудьте кассету.

— Кофе хотите? — предложила Бачурина, когда Ян появился в кабинете. — Нет? А я, наверное, выпью.

Таня прошла в угол, где стоял столик с различными мудреными приспособлениями, включая кофеварку. Пока кофе заваривался, Бачурина молчала, что-то обдумывая. И лишь налив в чашку ароматный напиток, попросила Тормиса включить магнитофон с интересующей ее записью.

Дослушав кассету до конца, она спросила до странности спокойным голосом:

— Я могу попросить вас назвать их имена? Или это тоже является нарушением ваших правил?

— Это зависит от того, как хорошо вы играете в покер.

— Вообще не играю, — уголком рта улыбнулась женщина.

— Мы знаем лишь одного, — после некоторого колебания ответил Ян. Он знал, что, откровенно отвечая Бачуриной, идет ва-банк. И все же решился, рискнуть. — Это ровский

уголовный авторитет Боксер. Кто второй — выясняем.

— И что вы думаете о предложении неизвестного Боксеру? Я правильно поняла: хрипловатый голос принадлежит ему? Ему предлагали меня убить?

— Вы правы: неизвестный выступает посредником.

— А заказчик?

— Могу сказать только то, что обычно говорят сыщики в оправдание своих неудач: ищем.

— Насколько серьезно сделанное Боксеру предложение? Тот действительно может пойти на подобное преступление?

— Вполне. Если устроит цена и опасность будет невелика. За ним числятся два или три нераскрытых убийства. Но доказательств у следствия никаких. Осторожный, черт. У нас есть досье на Боксера. Как-нибудь ознакомьтесь с ним.

— Я не собираюсь покидать дом в ближайшие дни, — после небольшого размышления проговорила Бачурина. — Но обязана присутствовать на собрании акционеров. Может, существует какой-то выход? Например — опередить Боксера?

— Убрать? — хмыкнул Тормис.

— Просто сообщить, что мы знаем о его замыслах.

— Вряд ли это даст какой-то результат. Боюсь, что покушение на вас готовят фигуры покрупней Боксера. Уголовником просто хотят заслониться, отвлечь. Чтобы, когда мы сосредоточим внимание на авторитете, ударить наверняка. У меня нет никаких доказательств, но предчувствия говорят мне, что киллер уже в Ровске или прибудет сюда в ближайшие дни.

— А вы мнительны, — не удержалась от укола Татьяна.

Тормис никак не отреагировал на ее слова.

— Давайте исходить из худшего. В Москве убийца знал, что вы собираетесь навестить Оганесова, значит, обладал исчерпывающей информацией о вашем распорядке и маршрутах. Покушение провалилось из-за случайности, — о mine мы узнали лишь из перехвата переговоров охраны министра. — Ян ударил кулаком о ладонь: — Нет гарантии, что он не получит необходимой информации и в этот раз. Мы не можем оцепить весь путь следования вашей машины к офису «Цесаря» — не хватит людей. Да и вряд ли подобная мера сможет остановить киллера.

Бачурина, откинувшись в кресле, погрузилась в размышления. Ситуация выглядела фантастической: глубокой ночью, буквально через две недели после похорон мужа, она обсуждает возможность собственной насильственной и скорой смерти. И при этом не убивается от горя, не холодеет от ужаса. Все чувства будто атрофировались.

— Мне следует определить каким-то образом свое место в корпорации. Если я не сделаю этого, меня даже Зотов с Гайнановым перестанут воспринимать всерьез, — объяснила Бачурина свое желание присутствовать на собрании акционеров.

Таня взяла со стола список, пробежала его взглядом.

— Есть предложение: пусть в госбезопасность позвонит аноним и предупредит о покушении, готовящемся на видного политического деятеля. Например, N — Бачурина назвала фамилию скандально известного депутата парламента. — Эту же информацию следует скормить журналистам.

— А почему не выбрать фигуру посolidней? Ведь будут присутствовать и другие депутаты, представитель Госкомимущества. Или вот министр Панкратов.

— Серьезный человек и к безопасности своей относится серьезно. Они предпочитают действовать тихо, а шут, которого я назвала, поднимет шумиху. Ему ведь любой скандал только на руку. А тем более покушение на его драгоценную особу! МВД и госбезопасность будут просто вынуждены принять меры по его охране.

— Неплохо придумано. — С каждым мгновением эта женщина нравилась Тормису все больше. — Только следует поработать над дезой. Чтобы выглядела правдоподобной и не привела к нам.

— А каким образом этот демагог стал нашим акционером? — поинтересовалась Татьяна.

— Знаете, увидев его фамилию в списке, я тоже задал себе тот же вопрос. И навел некоторые справки. Ничего не могу сказать определенно, но, кажется, этот человек оказал Великому какую-то услугу при приватизации «Химволокна». А в благодарность получил акции «Цесаря».

— Вот еще что... Установите наблюдение за Зотовым. Только очень осторожно. У вас есть на него досье? Я хочу знать, чем вызвано желание Аркадия Константиновича помочь мне. И постарайтесь узнать, какие источники в органах имеет Зотов. Он как-то обмолвился об этом.

— К утру подберу необходимые материалы. Честно говоря, я уже подготовил краткие справки на тех, кого вы приблизили к себе после гибели Петра Алексеевича.

Тормис положил на стол папку, которую до этого держал в руках. Бачурина быстро пролистала страницы:

— Я вижу, тут и ваша краткая автобиография.

— Это распечатка из компьютера Петра Алексеевича. Я ее не редактировал, но должен сказать, что данная справка дает только самые общие сведения. Советовал бы собрать обо мне более подробные сведения.

— Спасибо за совет. — Бачурина не стала говорить, что уже осведомлялась о прошлом Тормиса у различных людей. — Досье, пожалуйста, оставьте мне, для ознакомления.

— Постарайтесь только, чтобы оно не попало на глаза посторонним.

— А кто, по вашему, посторонний?

— В данном случае — все, кроме меня и вас.

— Да у вас просто мания на почве конспирации! Что ж, придется с ней мириться.

16

* * *

Прошло время. Другие события стали вытеснять из памяти жителей Ровска авиакатастрофу, в которой погиб Великий, и похороны банкира. Не слишком долго вспоминали и о молодой вдове. Если и упоминали, то главным образом в связи с доставшимся ей огромным наследством. Но постепенно со страниц газет исчезли публикации о красавице-графине, телевидение уже не спешило показывать Татьяну Николаевну в новостях, да и в частных разговорах ее имя всплывало все реже.

Что касается корпорации «Цесарь», после смерти хозяина стремительно сдающей свои позиции, то о ней почти и не вспоминали. Все были убеждены, что «Цесарь» доживает последние дни. Незначительные кадровые перестановки, никого, кроме сотрудников, не интересовали. И лишь накануне собрания акционеров «Цесаря» в обществе вновь возрос искусственно подогреваемый интерес к компании и ее делам.

* * *

Проснувшись, Бачурина долго лежала, уставившись взглядом в потолок. Затем, не вставая с постели, повернулась вполоборота, рассматривая стеганое одеяло, кружевные наволочки на подушках, будто видела их в первый раз. Кровать была слишком огромной для одного человека. Как и спальня, как весь особняк, который Великий мечтал превратить в родовое гнездо. Он все надеялся, что Таня родит ему наследника. Но за четыре года совместной жизни Бачурина ни разу не забеременела. Врачи утверждали, что она вполне способна родить ребенка. С Великим тоже — все в порядке. У него от первого брака даже была дочь Лиза.

Может, передать этот особняк дочери Петра? Лизе сейчас двадцать пять. Всего на четыре года младше Тани. Великий оставил ей лишь небольшую сумму и ежегодный пенсией. Девочка чувствует себя обделенной. Все-таки родная кровь. А на долю Бачуриной хватит и домов, и денег. Но Лиза, как и ее мать, ненавидит отца. Даже не пожелала носить его фамилию. Какая из нее наследница?

И все же Бачурина ощущала неясное чувство вины — будто присвоила чужое. И еще она чувствовала недомогание. От накопившейся усталости даже подташнивало.

Преодолев себя, Татьяна вскочила с кровати, взмахнув, по пути в ванную, несколько раз руками для очистки совести. Затем занялась наведением «марафета», отметив, что за последнее время она растеряла свой естественный румянец. Здоровый цвет кожи теперь приходилось создавать с помощью макияжа. Одновременно Бачурина размышляла над составлением речи, которую предстояло произнести на собрании. После завтрака встретила с портной.

Накануне Гайнанов высказался в том духе, что первое впечатление о человеке более чем на половину складывается от его внешнего вида, несколько меньше — от манеры говорить, и совсем мало — от содержания речи. Это не означает, что можно нести с трибуны полную ахинею. Но все же разумные слова лучше воспринимаются, когда их слышишь от оратора, который выглядит по-деловому. С учетом этого Бачурина соорудила соответствующую прическу, подобрала костюм и, взглянув на себя в зеркало, удовлетворенно хмыкнула.

Сам советчик подъехал на Богоявленскую ближе к полудню. Устроив перед Андреем Дмитриевичем небольшую репетицию, Татьяна поинтересовалась впечатлением. Гайнанов высказался в превосходных степенях. И, кажется, в своих комплиментах был искренен.

— Я уверен в успехе, — убежденно произнес Андрей Дмитриевич, предпочитая помалкивать о своих волнениях и сомнениях.

— Цыплят по осени считают. Давайте подождем до конца собрания.

Гайнанов посмотрел на часы и стал собираться:

— Позвоните мне перед выездом из дома. Я выйду встретить вас и по пути в зал проинформирую о настроениях акционеров.

— Договорились.

Бачурина не сказала, что анализом настроений акционеров и членов Правления занимается также информационная служба Сироты. Пусть Гайнанов и дальше пребывает в уверенности, что он является единственным человеком, способным оказать ей необходимую помощь.

После его ухода Татьяна в очередной раз, стоя перед зеркалом, принялась зачитывать свою речь, время от времени поглядывая на отражение.

В кабинет вошел Тормис и встал в углу, явно смущаясь ситуацией.

Таня услышала за спиной какие-то звуки, обернулась и вздрогнула:

— Что за манера появляться без стука!

— Вы сами меня вызвали и велели зайти в кабинет сразу же после Гайнанова.

— Все равно следовало постучать... Ну ладно. — Как я выгляжу?

— Как Шарон Стоун...

От неожиданности Татьяна даже захлопала в ладоши:

— Bravo, Ян! Я и не знала, что вы способны на комплименты. Но должна заметить, что я куда моложе этой актрисы.

— Именно ее профессию, а не молодость и красоту, я имел виду. Я просто не успел закончить предложение. Вы выглядите, как кинозвезда, которой поручили сыграть Маргарет Тетчер. — Ян был невозмутим.

Татьяна с удовольствием слушала Тормиса, но когда тот завершил предложение, улыбка сошла с ее лица.

— Значит, вы считаете образ неудачным?

— Мне больше понравился образ, в котором вы явились перед гостями в своем подмосковном доме. Он отражает вашу сущность. А строгий деловой стиль, который вы выбрали сегодня... В нем чувствуется некоторая фальшь.

Бачуриной захотелось указать нагледу на дверь. Но он был нужен и Татьяна спросила вполне миролюбиво:

— Бальное платье не совсем подходит для делового собрания.

— Понимаю, — кивнул Тормис. — Если вы хотите получить профессиональный совет, следует нанять опытного имиджмейкера.

— Вы неисправимы. На вас трудно не обижаться. Но я постараюсь. И объясните: к чему вся эта лекция?

— Мужчины и женщины при знакомстве оценивают друг друга с эротической стороны. А вас ожидает практически мужская аудитория. Почему бы не воспользоваться этим для привлечения симпатий?

— А почему бы и вам не воспользоваться знаниями психологии и не попробовать высказывать свои мысли в более приемлемой форме и в более подходящий момент?

— Вы правы, — неожиданно охотно согласился Тормис. — Виноват.

— Впрочем, я вызывала вас не для того, чтобы пикироваться. Меня интересует последний анализ настроений акционеров.

Когда Тормис ушел, Бачурина посмотрела на себя в зеркало. Более критично, чем прежде. А ведь Ян Эдуардович прав. Холодная деловитость мужиков действительно отпугнет. Кроме того, мешает ощущение, будто она надела чужое платье. Но, увы, менять что-либо уже поздно. Почему этого не заметил Гайнанов? Ему следовало бы предупредить ее заранее.

Бачурина взглянула на часы и решила, что у нее все же есть время несколько оживить свой образ, чуточку подправив детали и изменив макияж.

* * *

Второй раз за этот год Кумов приехал в Ровск. Как и в предыдущий приезд, он поселился на «запасной» квартире Шаховского. Расположение дома оказалось весьма удобным — практически в центре, но несколько в стороне от оживленных центральных улиц. Кроме того, в этот раз в Ровск Алексей приехал на машине, скромной, выдавшей вида «семерке». И поселившись на «хате» Барина, Кумов решал и вопрос о стоянке для автомобиля. Один из сборных гаражей во дворе принадлежал Ленчику.

Днем Алексей решил прокатиться по городу, осмотреться.

Мимо проплыла реклама «Цесаря». К удивлению многих, со смертью основателя корпорация не развалилась. Город гадал: сколько времени понадобится красотке, чтобы промотать унаследованные миллионы.

Кумов посмотрел в зеркало и улыбнулся: за ним следовала знакомая «Лада», впервые замеченная им во дворе у Шаховского. Леша уже знал, что машина принадлежит тестю одного из сотрудников городского угро капитану Задорожному. Любопытствуют менты. Интересно им узнать: что вновь понадобилось Шанхаю в Ровске. Ну что ж, нам скрывать нечего. На отдых приехал. Водочки с друзьями детства попить, с девочками повеселиться. Какие уж тут тайные замыслы. Пока идет вживание в образ, слежка даже полезна. «Топтуны» — как зрители, перед которыми следует играть свою роль с полной отдачей. Однако следовало признать — менты сработали оперативно, сели на хвост практически сразу, как Кумов появился в Ровске.

Кумов включил приемник, и из динамиков полилось что-то приторно-слащавое, чему он не знал названия, но что живо напомнило давно минувшие школьные годы, когда все девчонки с ума сходили от Руссоса. Голос неизвестного певца так же обволакивал, напоминая грека, которого Леша и недолюбливал. Кумав прервал соловьиные трели, настроив радио на другую волну.

Дорога впереди сужалась. Появились знаки ограничения скорости и «Обгон запрещен».

Сзади, завывая сиреной, приближался черный джип. Менее родовитые автомобили сворачивали в сторону, притормаживали, пропуская его вперед. Даже «Лада» сыскарей посторонилась. Кое-кто из водил из-за излишней услужливости подался слишком вправо и застрял в непролазной грязи. Кумов посмотрел в зеркальце: кому это оказывают такое почтение? Номера частные.

Джип-торопыга уже завывал за спиной, рычал от нетерпения, всюю сигналил, требуя посторониться. Но Леша и не думал сворачивать в грязь. Оно ему надо, потом по холоду мыть машину? К тому же он действует в соответствии с правилами дорожного движения и скорость превышать не намерен. Как приятно иногда соблюдать законы.

К счастью, дорога вновь превратилась в нормальную трассу и Кумов с чистой совестью подался вправо, пропуская джип.

Поравнявшись с семеркой, торопыга посигналил. Плавно опустилось тонированное стекло, и пассажир, сидящий рядом с водителем, что-то прокричал. Леша уменьшил звук магнитофона и тоже опустил стекло.

— Дебил, ты что, спишь за рулем?

Парень в кожаной куртке, прическа ежиком, весь из себя крутой, скорчив презрительную мину сообщил, что он думает о сексуальных наклонностях владельца «семерки». Выслушав тираду, Кумов вытащил из кобуры пистолет и молча направил на матерщинника. Водитель джипа, вильнув, резко затормозил, стараясь уйти из-под прицела. Удар. Скрежет металла о металл. В зеркало Леша увидел, как в джип врезалась мусороуборочная машина.

— Мафиози, — пробурчал Алексей и вновь бросил взгляд в зеркальце: видели ли сцену сыскари? Все в порядке: видели. Имидж не пострадал.

— Видал?! А?! — закричал с нескрываемым восторгом Кунин. — Как он его? Интересно, пистолет настоящий или газовый? Есть повод остановить и проверить. Давай нашим сообщим, вдруг «пушка» действительно настоящая.

— Настоящая, настоящая, — заверил Задорожный. — Но рацию не трогай — у него есть разрешение на ношение.

— Как же так?

— А вот так. Мужик со связями, вот и выбил себе документ. Что касается ДТП, — Задорожный оглянулся, — то мусоровоз не пострадал. А крутые из джипа пусть сами с Шанхаем разбираются. Я им в этом не подмога.

Кунин еще немного поерзал на сидении и успокоился.

— Как же такой, как Кумов, мог получить лицензию на «пушку»?

— Мог. Еще как мог. Кстати, за последние два года, если верить досье, Кумов не замечен ни в чем хоть сколько-нибудь сомнительном. А по старым грехам получил полное прощение. Одно я хотел бы знать: как ему это удалось? Впрочем, против него никогда не имелось достаточно улик.

— Чего ж мы за ним следим?

— Оттого и следим, что — личность, — не без уважения сказал Задорожный.

— Так пусть за ним госбезопасность наблюдает. У них и специальная служба есть.

— Может, чекисты и присматривают, только я их пока не заметил. На других надейся, а сам не плошай. Не знаю, как по их линии, но раньше Кумов был нашим клиентом. Хотя ни разу и не попался.

— Я смотрю, ты о нем много знаешь.

— Главным образом от полковника Савченко и майора Гайденко. Шанхай — тогда у него было это прозвище — в девяносто втором немного погастролировал в Ровске. Впрочем, претензий мы к нему не имели. Шорох, который он поднял в городе, был нам на руку. Зато получили возможность понаблюдать, как он работает. И потом, когда в прошлый раз из Москвы сообщили Савченко, что Кумов вновь собирается в наши края, полковник решил подстраховаться.

— Это когда Великий гробанулся? Когда мы Шаховского пасли?

— У тебя память, как решето. Что ты вообще в сыске делаешь? Ты ж присутствовал, когда Гайденко

— Помню, помню я. Тогда Шанхай так быстро смылся из Ровска, что я уж грешным делом подумал будто это он устранил Великого.

— Просто суета, которая поднялась тогда в городе, стала помехой в осуществлении каких-то планов Шанхая. Именно поэтому он и приехал сюда повторно.

— Зачастил в Ровск. Хотелось бы мне знать, что ему понадобилось.

— Не только тебе интересно. Нашему начальству тоже. Вот и приставили нас к «старому знакомцу».

* * *

Впервые за много дней Татьяна покинула стены своего дома. Выйдя на крыльцо, она остановилась и вдохнула полной грудью свежий уличный воздух. Телохранители нетерпеливо переминались с ноги на ногу, обеспокоенно оглядываясь вокруг, но Бачурина не торопилась садиться в машину. Кузнецов, державшийся, как обычно, рядом с графиней, посмотрел на часы и выразительно кашлянул.

— Поехали! — Татьяна уселась на заднее сидение лимузина, и Макс захлопнул за ней дверцу.

Знакомые улицы, по которым мчалась машина, сегодня почему-то казались особенно неприветливыми. Может, из-за пасмурной погоды, может, из-за тонированных стекол,

окрашивающих мир в серое, а может, потому, что с утра Бачурина чувствовала себя разбитой. Весь день она боролась с подступающей тошнотой, теряясь в догадках, чем она вызвана. Возможно, это была реакция на волнение перед ответственным выступлением. Вот и сейчас, чем ближе подъезжали к зданию корпорации, тем хуже себя чувствовала Татьяна.

— Останови машину, — попросила она водителя.

Шофер удивленно посмотрел на Кузнецова. Тот обернулся к хозяйке и, увидев, что лицо женщины приобрело мертвенно-белый цвет, распорядился:

— Остановливай.

Татьяна нашла в себе силы открыть дверцу и выйти из лимузина. На свежем воздухе стало немного лучше.

— Что случилось? — рядом уже стоял обеспокоенный Макс.

— Все в порядке. Немного укачало, — слабым голосом проговорила Бачурина.

Подняв голову, она заметила, что и остальные телохранители успели покинуть автомобили сопровождения и занять позиции вокруг.

— Давно не пользовалась машиной, — оправдываясь, проговорила Татьяна. — Наверное, отвыкла от запахов бензина и выхлопных газов.

Она попыталась отойти от лимузина, но пошатнулась и ухватилась за дверцу. Мир вокруг вдруг стал белоснежно-сияющим и в нем двигались неправдоподобно черные силуэты. Ее вырвало.

Случайные прохожие с удивлением смотрели на богато одетую молодую женщину, стоящую рядом с сияющим «Линкольном» в окружении своры телохранителей. Красотка явно перебрала и сейчас ее выворачивало наизнанку.

Проезжавшая мимо черная «Волга» притормозила, пассажир на заднем сидении наклонился к стеклу, чтобы лучше видеть происходящее, и зло прошипел:

— Так тебе и надо, стерва!

* * *

Гайнанов, стоя на ступеньках у центрального офиса корпорации, то и дело поглядывал на часы. По всем подсчетам Бачуриной давно уже следовало приехать. До начала собрания оставалась какая-то пара минут. Неужели она не понимает, что это не свидание и опаздывать даже такой хорошенькой женщине, нельзя? Точность — вежливость не только королей, но и королев.

Холодный пронзительный ветер рвал полы плаща, и мужчина проклинал себя за то, что не догадался надеть шарф и шляпу. Сотовый телефон, с которым он обычно не расставался, как нарочно забыт в кабинете. А часы показывают, что собрание должно начаться еще десять минут назад. Андрей взглянул вдоль проспекта и зашел в вестибюль. От дежурного он позвонил Зотову и попросил немного задержать начало. Затем стал набирать номер телефона Бачуриной. Послышались гудки, но никто не спешил поднимать трубку. Гайнанов в сердцах выругался и подошел к огромному стеклу, сквозь которое мог следить за всем происходящим на улице.

— Андрей Дмитриевич, — подбежал один из сотрудников корпорации. — Меня прислал Зотов. Ему звонили от Бачуриной. Татьяна Николаевна не приедет.

— Что?! Как это не приедет?

— Я не знаю, что произошло. Но Бачурина не сможет присутствовать на собрании.

Чертыхаясь, Гайнанов поднялся в зал заседаний. Казарин с трибуны уже произносил речь. То, что собрание открывал Михаил Петрович, уже само по себе явилось огромным

поражением Бачуриной и ее союзников. Этим как бы признавалась главенствующая роль нынешнего председателя Правления. Зотов сидел с весьма кислым видом, который ему никак не удавалось скрыть. Под неодобрительными взглядами опоздавший прошел к своему месту в президиуме. Пользуясь отсутствием Гайнанова, Лебединский занял его стул и теперь Андрей был лишен возможности спросить у Зотова, что же произошло.

* * *

Когда Бачурина вдруг стала медленно оседать на землю, Макс успел подхватить ее. Татьяна Николаевна безвольно повисла на его руках с закрытыми глазами, и Кузнецов испугался, не подстрелил ли хозяйку снайпер. То, что он не слышал звука выстрела, ничего не значило, — винтовка могла быть снабжена глушителем. Но, слава Богу, крови не было.

Вместе с подоспевшим телохранителем Макс уложил потерявшую сознание женщину на заднее сидение лимузина и устроился рядом.

По пути домой Кузнецов успел связаться с Рейном и вызвать его на Богоявленскую. Затем позвонил Тормису.

* * *

Ходосеев выслушивал доклад руководителя планово-экономического отдела, когда ему позвонил зять. Мэр прижал трубку рукой и попросил подчиненного подождать в приемной — разговор не был предназначен для чужих ушей. Мазур жаловался на начальника управления, окрысившегося на него в последние дни с подачи губернатора, и просил в связи с этим переговорить с Мостовым. В конце беседы зять упомянул, что, когда ехал на работу, видел Бачурину. Стояла у своего лимузина и травила. Где-то, видно, перебрала.

— В натуре, — смеялся Мазур, — обрыгала весь багажник, как пьяная проститутка!

Ходосеев сразу вспомнил о собрании акционеров «Цесаря», которое шло в эти минуты, и сообразил, какую пользу он может извлечь из сообщения зятя.

— Перезвоню тебе позже — перебил мэр Мазура и, ударив пальцем по рычагу телефона, тут же стал набирать номер своего пресс-секретаря. — Быстро ко мне, одна нога там, другая здесь.

* * *

Все пошло наперекосяк. Не удивительно, что результаты собрания акционеров оказались совсем иными, чем этого ожидали в доме на Богоявленской. Казарин, Зотов и Лебединский заняли посты директоров корпорации, образовав своеобразный триумvirат. Таким образом, сторонник Бачуриной остался в меньшинстве. К тому же Казарин был назначен временно исполняющим обязанности генерального директора. Зотову с трудом удалось добиться, чтобы в решение собрания включили пункт об обязательной подотчетности директората перед Бачуриной. Казарин легко с этим согласился. Отчитываться — еще не означает принимать во внимание мнение и тем более выполнять указания взбалмошной девчонки, даже не соизволившей явиться на собрание.

Что касается Гайнанова, то он был оставлен на прежней должности — заместителя генерального директора. Для Андрея это означало полный крах его надежд.

* * *

Пока Рейн осматривал Бачурину, Тормис распекал в соседней комнате Кузнецова:

— Зачем понадобилось делать остановку?! А если бы вас действительно ожидал снайпер? Ведь ты знаешь о предупреждении агентуры.

— Татьяне Николаевне стало плохо, — оправдывался Макс.

— Ну и что? Стало плохо — поворачивайте домой. Испачканный салон можно вымыть.

А если потеряем Бачурину, ты ее оживишь?

Кузнецов посмотрел на Тормиса и увидел, что тот обеспокоен куда больше его самого. Возможно, Ян знал нечто, остававшееся неизвестным самому Максу.

— Когда вы уехали, мне сообщили о появлении в городе одной весьма подозрительной личности. Из досье этого человека явствует, что он имел отношение к проведению или подготовке нескольких силовых акций. Доказательств нет, но это лишь свидетельствует о мастерстве исполнения. Поэтому нам следует соблюдать предельную осторожность. Возможно, он прибыл лишь для того, чтобы встретиться с друзьями. Может, у него в Ровске дела. А может, что-то затевает. Кстати, прибыл он еще несколько дней назад, а узнал я об этом только сегодня. Вот тебе уровень нашей системы противодействия.

Из спальни Бачуриной вышел Рейн. Телохранители тотчас прервали беседу.

— Ничего серьезного, — успокаивающе проговорил доктор. — Здоровью графини ничто не угрожает. По меньшей мере, по вашей части. Если это отравление, то, скорей всего не преднамеренное. Но вы правильно сделали, что сразу поставили меня в известность. Позвольте мне телефон. Я хочу вызвать лаборанта, необходимо сделать анализы.

— Может, требуется транспорт? — предложил Кузнецов.

— Сделайте любезность. Сейчас я расскажу, куда нужно подъехать.

* * *

Перед началом собрания у здания «Цесаря» не было видно ни одного журналиста. Но вечером выходящих участников заседания встречало сразу несколько корреспондентов, фотографов и операторов.

— Скажите, как вы объясняете отсутствие на заседании Татьяны Бачуриной? — сунул под нос Гайнанову микрофон невесть откуда взявшийся юркий паренек.

— Без комментариев, — отрезал Андрей. Он был не в том расположении духа, чтобы общаться с журналистами. Да и что он мог сказать?

Неподалеку в окружении репортеров спускался по лестнице сияющий Зотов. Можно было подумать, что он одержал одну из значительнейших побед в своей жизни. Адвокат шутил и отвечал на вопросы, ухитряясь при этом давать журналистам практически нулевую информацию. Увидев Гайнанова, Аркадий Константинович сделал знак, приглашая союзника в поджидавшую машину.

— Не расстраивайтесь, Андрей, — успокаивающе говорил Зотов по пути к дому Бачуриной. — Мы проиграли авангардные бои, но генеральное сражение еще впереди. Не забывайте, что это было экстренное заседание. А через месяц-полтора предстоит годовое отчетное собрание акционеров. Есть возможность подготовиться и улучшить свои позиции.

Адвокат был куда более осторожным в прогнозах, чем даже сегодняшним утром. Он не мог ни понимать, что поражение, это всегда поражение. И оно не может повисить шансы на победу в грядущем сражении.

Разговор с Бачуриной не улучшил настроение Гайнанова. Татьяна Николаевна казалась ослабленной внезапным недугом и, видимо, поэтому не смогла реально оценить итоги сегодняшнего заседания. Она рассеяно выслушала Зотова, извинилась и покинула кабинет.

Посетители не стали задерживаться. В приемной столкнулись с доктором Рейном.

— Что с Татьяной Николаевной? — сразу же поинтересовался Зотов.

— Не могу сказать. Очень похоже на отравление, однако клиническая картина не совсем ясна. В иной ситуации я предположил бы обычный токсикоз. Но, во-первых, нам всем известны нынешние обстоятельства, которые вынуждают отказаться от подобной

версии. А во-вторых, совсем недавно в этом доме мне уже пришлось пользоваться пациента с подобными симптомами. Внезапные приступы слабости с потерей сознания, тошнота, рвота. Этот больной был мужчиной, что, естественно, отmeldo подозрения в токсикозе. Но давайте подождем результатов анализов.

Выйдя на улицу, Зотов поинтересовался у Гайнанова:

— Что вы думаете обо всем этом?

— Если доктор сомневается в диагнозе, то я — тем более. Что же касается отравления, о котором упоминал Рейн, то я помню, что на последнем приеме, который давали Великий и Бачурина, действительно стало плохо некоему Тормису.

— Я помню его. Из службы безопасности. И что это за человек?

Гайнанов пожал плечами:

— Консультант по электронным системам или что-то в этом роде.

— А как насчет токсикоза?

— Вы думаете, Татьяна могла забеременеть? Когда? От кого? После смерти Великого прошло всего-то чуть больше двадцати дней. — Андрей непонимающе уставился на адвоката.

— Она никогда не упоминала при вас о своей беременности? — осведомился Зотов.

— Я не настолько близкий друг семьи, чтобы можно было говорить со мной на подобные темы. Но, тем не менее, слышал стороной, что у Бачуриной с Великим были в этом отношении проблемы.

— Ты хочешь сказать, что она бесплодна? Ведь у Пети есть дочь от первого брака.

— Я никогда не обращал особого внимания на эту сторону жизни Великого и Бачуриной.

— И напрасно. Если она забеременела, у нас могут возникнуть некоторые проблемы. Они уже возникли.

— Я больше склоняюсь к мысли, что это отравление, — возразил Гайнанов.

— И все равно: я обратил внимание на симпатичного молодого человека, который везде сопровождает Бачурину. Следует приглядеть за ним.

— Вы имеете в виду Макса? Я не думаю, что с ним у Татьяны возможен роман, — Андрей даже улыбнулся.

— Дай-то Бог.

Адвокат так посмотрел на Гайнанова, будто заподозрил и его в любовных шашнях с графией.

«А неплохо было бы», — мелькнула у Андрея шальная мыслишка. Он и раньше задумывался о подобной возможности. Но так и не рискнул перейти от планов к действиям.

— Тебя подбросить к дому? — предложил Зотов.

— Да что тут идти? — три минуты. Прогуляюсь, проветрюсь.

— Ну, как хочешь. Встретимся завтра в моем кабинете. Нужно прикинуть, что можно предпринять.

Адвокат открыл дверцу «Мерседеса» и уселся на заднее сидение:

— До завтра.

Мягко шурша шинами, автомобиль покатыл по улице. А Гайнанов медленно зашагал к своему дому. Ему было о чем поразмыслить.

* * *

Тормис смотрел из окна особняка на разговаривающих у подъезда Зотова и Гайнанова,

когда к нему подошел Рейн. По суетливым движениям врача и его озабоченному виду Ян понял, что Рейн получил результаты анализов и, похоже, обнаружил в них нечто необычное.

— Присаживайтесь, доктор, — предложил Ян Эдуардович и сам уселся напротив.

— Следует произвести повторные, более тщательные анализы, — поблескивая линзами очков, проговорил врач. — Но и на основании полученных общих анализов я могу сделать предварительный вывод...

Несмотря на свою хваленую невозмутимость, Тормис даже подскочил в кресле:

— Вы уверены, что правильно... э, поставили диагноз?

То, что сообщил доктор, оказалось куда более важным, чем крах надежд сторонников Бачуриной в «Цесаре».

Рейн достал из внутреннего кармана специальный чехольчик с бархоткой и принялся протирать очки. Выждав продолжительную паузу, достаточную, чтобы собеседник осознал глупость своего вопроса, доктор наконец ответил:

— Я, конечно, не специалист в данной области. Но моих скромных знаний вполне достаточно, чтобы поставить, как вы выразились, диагноз. Подождите результатов повторных анализов и убедитесь в верности моего предположения.

Ян Эдуардович успел оправиться от поразившей его информации и принять решение. Его голос прозвучал необычайно жестко:

— Вне зависимости от того, правилен ваш диагноз или нет, никаких разговоров на эту тему вести не следует. Кандидатуры врачей, которых собираетесь пригласить для консультаций, согласуете со мной. Все, что касается обследования Бачуриной, должно быть засекречено.

— В этом есть надобность? — Рейн удивленно моргал за стекляшками очков.

— Это не только медицинская проблема, — грустно улыбнулся Тормис. — С Бачуриной я переговорю сам.

* * *

— Андрей Дмитриевич! — из темноты перед Гайнановым неожиданно вырос парень в кожаной куртке.

Гайнанов удивился: кому он мог понадобиться? Кроме того, он никак не мог припомнить этого человека. Но разве упомнишь всех в корпорации...

— С вами хочет поговорить старый знакомый, — сообщил незнакомец, загораживая путь.

— Какой знакомый? У меня сейчас нет времени на разговоры.

— Вам придется найти это время.

Гайнанов обратил внимание на руку, которую тот держал в кармане, и правильно истолковал сказанное. Тем более, что к ним подъехала машина, в которой, несомненно, сидели сообщники настырного молодца.

Едва проснувшись, несмотря на плохое самочувствие и еще более плохое настроение, Бачурина потребовала утренние газеты. Ее интересовало, как пресса осветила вчерашнее собрание акционеров «Цесаря». Увиденное в газетах не способствовало улучшению настроения. Тон большинства публикаций был пренебрежителен и одновременно агрессивен. Крах еще одной «пирамиды» — общее резюме статей. Пролистав очередную газету, Татьяна уже хотела отложить ее в сторону, как вдруг наткнулась на заметку, помещенную рядом со статьей о «Цесаре». В ней живо описывалась бытовая сценка из жизни «новых русских». Молодящаяся красотка, успевшая с утра перебрать коньяку, старательно извергает на свет Божий содержимое своего желудка. И происходит это все посреди одной из центральных улиц города, где остановился огромный «Линкольн» богатенькой пьянчужки. А чтобы никто не мешал, ее окружили дюжие молодцы с выпирающими из-под пиджаков пистолетами. Чуть ниже — обзор корреспонденции газеты, посвященный задержке выплат зарплат медикам, педагогам и прочим слоям трудящегося населения.

Героиня заметки не была названа по имени, но в Ровске лимузин «Линкольн» имелся лишь у Бачуриной. Кроме того, материал располагался следом за статьей о «Цесаре», в которой прямо говорилось, что Татьяна Николаевна отсутствовала на заседании «по невыясненным причинам». Так что догадаться, о какой «пьянчужке» идет речь, пытливому читателю не составляло труда. Особенно уязвило Татьяну слово «молодящаяся».

Она в сердцах швырнула газету на пол:

— Макс, вы можете узнать, кто автор этого пасквиля? — спросила она у телохранителя, заглянувшего на шум.

— Я сейчас приглашу Тормиса, поговорите с ним, — отвел глаза парень.

Ян Эдуардович не заставил себя ждать. Он поднял с пола газету и, аккуратно сложив ее, прошел к креслу:

— Вижу, успели ознакомиться. Сами виноваты. Кузнецову я уже сделал замечание.

— Замечание? Макс? За что?

— Непродуманными действиями вы не только подвергли свою жизнь опасности, но и наиглупейшим образом подставились.

— Вы считаете, нарочно?!

— Вы допустили ошибку, Макс не сумел предостеречь от нее. А я указываю на допущенную вами оплошность. Вот и все.

— Ну ладно, я хочу знать имя автора этого произведения.

— Вы имеете в виду всю подборку публикаций или какую-то определенную статью?

Бачурина удивленно посмотрела на собеседника. Она как-то упустила из виду, что все публикации, несмотря на разных авторов, но могут исходить из одной инстанции.

— Вы знаете, кто за этим стоит? — поинтересовалась Татьяна.

— Ходосеев. — коротко ответил Ян.

Бачурина задумалась. Она была осведомлена о застарелой вражде между Великим и ровским мэром, но не могла допустить, что в неприязни можно опуститься до заведомой

клеветы. Впрочем, в войне все методы дозволены. Ослабление «Цесаря» означало усиление позиций ровского мэра. Поэтому, как знала Татьяна, Ходосеев и проводил среди акционеров корпорации «разъяснительную» работу.

— Мне стало плохо, — оправдываясь, проговорила Таня. — Что же, умирать надо было в этой машине?

— Умереть вы могли, покинув машину. И это несмотря на предупреждение, которое я сделал вчера вечером.

— В тот момент я совершенно забыла и о Боксере, и о заговоре...

— Это не оправдание. Следовало вызвать врача, едва заметив признаки недомогания. Возможно, тогда вы не потеряли бы сознание прямо на улице, а мы — сумели найти безопасный способ доставить вас в «Цесарь».

Упреки Тормиса были справедливы. Но какая женщина допустит, чтобы последнее слово осталось не за ней?

— Насколько я понимаю, в настоящий момент Ходосеев является нашим основным противником. Уверена, что у вас есть на него досье. Я хотела бы ознакомиться с материалами на мэра. Будьте добры, принесите их мне и, пожалуйста, в полном виде. Без купюр.

Тормис ушел, оставив приказание Бачуриной без комментариев. Но не успела за ним закрыться дверь, как в комнату заглянул Кузнецов.

— Татьяна Николаевна, Ян и вам высказал свое «фэ»? Знали бы вы, как мне досталось!

— Ты тоже считаешь меня виноватой во вчерашнем? — поинтересовалась Бачурина.

— Как вам сказать... В основном это моя вина. Останавливаться на улице — действительно большая глупость. — Кузнецов помолчал и добавил: — Там, где идет большая игра, нет места обычным человеческим слабостям.

— Это твои слова? — удивилась Бачурина.

— Нет, — признался Макс. — Наждак вчера распекал.

— На него похоже, — согласилась Татьяна.

Когда Тормис вернулся в спальню, он застал Бачурину уже одетой.

— Ян Эдуардович, — примирительно проговорила она, — давайте не трепать друг другу нервы. Предстоит еще долгая совместная работа и поэтому я предлагаю вам заняться моим образованием. Я должна знать хотя бы азы этого вашего оперативного искусства. Чтобы в дальнейшем не допускать ляпсусов.

Тормис, ожидавший, что женщина станет капризничать и донимать его колкостями и придирами, сумел лишь выдавить из себя нечто, означающее согласие. Но затем вновь нахмурился и пробурчал:

— Разве Рейн уже разрешил вам покидать постель?

— Я чувствую себя почти в норме. Между прочим, мне так никто и не сказал, в чем причина недомогания.

— А куда подевался Гайнанов? — спросил Тормис, пытаясь перевести разговор на другую тему.

— Андрей с Аркадием Константиновичем вылетели в Москву. Зотов попытается вдохнуть уверенность в наших московских союзников, а Гайнанов — выйти на Гуковского. Великий с помощью этого чиновника выбивал у правительства кредиты. Может, и нам повезет. Но вы не ответили на мой вопрос.

— Увольте, Татьяна Николаевна, я не привык сообщать людям подобные известия.

Пожалуй, вам лучше поговорить с Рейном.

— А он отсылает меня к вам. Итак, Ян Эдуардович, я жду.

* * *

После знакомства со Свиридовой, у которой она стала часто бывать, Люба вновь вспомнила о своем увлечении живописью. Она даже достала давно заброшенные рисовальные принадлежности и набросала несколько рисунков. Однако прежних навыков вернуть не удалось. Рисунки были неплохими для дилетанта, но совсем не передавали настроение, которое хотела вложить в них Ходосеева. Да, шанс проявить себя художницей она давно утратила. Не начинать же в сорок пять с самого начала. Пришлось ограничить свое увлечение приобретением художественных альбомов. Она стала завсегдатаем художественных салонов и книжных магазинов. А с покупками шла к Свиридовой, где часами листала книги, пока художница работала над очередным полотном.

Однажды, рассматривая полки книжного магазина, Ходосеева услышала за спиной:

— Любочка! Какая встреча!

Оглянувшись, она заметила свою сокурсницу Катю, которую не видела уже двадцать лет и, честно говоря, готова была не видеть еще столько же.

— Я слышала, твой Женя карьеру сделал? — зашебетала однокашница.

Люба напряглась: не хватало еще, чтобы эта дура произнесла на весь магазин должность мужа. Но та не стала развивать тему мужниной карьеры, перескочила на себя, потом на общих знакомых, затем на книжные новинки.

— Прекрасную книгу ты купила, — похвалила Катя, рассматривая том, который Ходосеева держала в руках. Это была «Иллюстрированная энциклопедия антиквариата».

Ходосеева думала, что последует фраза типа «у богатых свои причуды» или «конечно, ты себе можешь это позволить». Но обманулась. Катя произнесла совсем иное:

— Если действительно интересуешься антиквариатом и вообще искусством, тебе обязательно нужно познакомиться с Борей.

Люба не успела даже поинтересоваться, кто этот Боря, а сокурсница уже призывно махала рукой:

— Подойди сюда.

Боря оказался весьма импозантным мужчиной приблизительно одних лет с Ходосеевым. Он подошел, продолжая листать только что приобретенную книгу по искусству средневековой Европы. Люба обратила внимание, что книга написана на английском языке.

— Уткнется в книгу и света Божьего не видит, — сварливо, но в то же время не без гордости произнесла Катя. — Боря, я хочу тебя познакомить со своей институтской подругой. Это мой кузен, между прочим, профессор Стокгольмского университета. Большой умница.

— Оставь — сглазишь, — отмахнулся Борис. — А вы, как вижу, тоже интересуетесь красивыми вещами. Или купили кому-то в подарок? Занимательная книжица.

В его словах сквозила дружелюбная снисходительность, с которой профессионалы обычно беседуют с любителями.

— Вот он всегда такой — все внимание на книги. Боря, разреши тебе напомнить, что перед тобой привлекательная женщина.

— Вы действительно профессор Стокгольмского университета? — поинтересовалась Ходосеева не без некоторого удивления.

— Да, читаю лекции по истории российского искусства. Всего несколько в год. Это

дает небольшой приработок и право козырять профессорской должностью.

— Вы больше похожи на киноактера, — невольно признала Люба.

— Это, как говорят мои студенты, благодаря прикиду.

Таких привлекательных мужчин, как Борис, Ходосеева действительно встречала не часто. Среднего роста, не красавец, но в то же время с какой-то изюминкой. Чем-то похож на Клинта Иствуда, только значительно моложе. Прическа ухоженная, видно, что потрудился настоящий мастер. Одежда модная и в то же время вполне консервативная — несомненно из дорогого магазина: из-под распахнутого длиннополого осеннего пальто выглядывал отлично скроенный костюм. Обувь сияла, будто мужчина прилетел в магазин по воздуху, а не пришел, как все, по слякоти. Но главное — глаза, светящиеся умом и волей, и в то же время удивительно мягкие.

— Вы, как вижу, сомневаетесь в том, что я искусствовед, — усмехнулся Борис. — Что ж, сегодня я договорился со своими друзьями из музея художеств, что покажу сестре некоторые картины из запасников. Если хотите, можете пойти с нами.

Ходосеева хотела отказаться, но неожиданно для себя согласилась. Это было второе замечательное знакомство за последние десять дней. Но Свиридовой она о нем не рассказала.

* * *

Развалясь на заднем сидении «Мерседеса», Гуковский назидательно втолковывал Гайнанову, расположившемуся у противоположной дверцы машины:

— Поверь мне, женолюбие не является грехом. Примеры тому — мудрый царь Соломон и наш равноапостольный Святой Владимир.

Андрей Дмитриевич, еще помнивший кое-что из школьного курса истории, возразил:

— Владимир с принятием христианства отказался от многоженства.

— Что не мешало ему каждую ночь укладывать в постель свеженькую девку. Наши предки знали, что делали. И ты поступил совершенно правильно, взяв молодую жену. Но если желаешь стать долгожителем, надо окружить себя целым гаремом нимфочек.

Гайнанов взглянул на собеседника. Многочисленные любовные связи, если это действительно правда, а не слухи, престарелому ловеласу явно не пошли на пользу. За последний год Гуковский сильно сдал. Да и пьет он больше, чем следует... Но вместо этого Андрей произнес очередную банальность:

— Я так и поступаю. «Свою маю, і чужих не минаю».

— Не-е, это не совсем то. Вы, молодые, копите любовниц, заносая их в список побед и растрчивая на девок миллионы. Не содержать их надо, а держать рядом с собой, тогда веселые и свеженькие девочки отдадут тебе часть своей энергии.

— Ваши слова пристали бы какому-нибудь вампиру, — усмехнулся Гайнанов. — Кровь пить еще не пробовали?

Гуковский пронзительно рассмеялся:

— Это мысль. Но есть одна закавыка: наибольшей энергией обладает чистая кровь девственниц и младенцев. Это знал еще Жиль де Ре.

— Время Синей Бороды, слава Богу, прошло.

— Ты так думаешь? Хочешь, назову настоящих упырей? Это твои холодные светские красавицы, звезды эстрады и кино. Вот они подлинные вампиры. Все соки из тебя высосут. И обходятся дорого. От таких надо бежать, как черт от ладана. И дело тут не в возрасте. Старость не означает ограничений на секс. Просто изменяется подход.

— Старый конь борозды не портит?

— Вот-вот. Не помню, где я вычитал фразу: «Я буду ощущать себя мужчиной, пока у меня есть хоть один палец». — Гуковский засмеялся старческим дребезжащим смехом. — Кажется, сказал Илья Эренбург. Оценить это я сумел лишь недавно. Когда на смену юношеской пылкости пришел опыт.

Машина въехала на территорию загородного дома Гуковского. Раньше эта дача принадлежала какому-то государственному ведомству. Десять гектаров леса оградили высоким глухим забором, за которым построили комплекс зданий. Задумано было великолепно, а получилось по-русски: с размахом, но до жути неуютно. А может, это сделали намеренно. Ведь строился объект в сталинские времена, а Вождь любил зловещие намеки. Недаром большинство госдач высших сталинских сановников несут в своей архитектуре что-то от учреждения или тюрьмы. Словом, не дача, а казенный дом. Это впечатление складывается из множества малозаметных деталей: оттенков краски, раз и навсегда утвержденных хозупром, стандартным набором казенной мебели, инвентарной бирочкой на пальме. Все было основательным, крепким, но каким-то ненастоящим, как реквизит в театре. Множество мелочей постоянно напоминало временщикам, что они целиком и полностью зависят от Хозяина. Стоит тому сменить милость на гнев, как интерьер мгновенно изменится. И чиновник, даже не выезжая с дачи, окажется в своеобразной тюрьме, рассчитанной на одного узника. Тюрьме пока еще комфортабельной, но со всеми присущими пенитенциарному заведению атрибутами: высокими заборами, овчарками, охранниками у ворот. Потому и стулья здесь жесткие, чтобы не только головой, но и задницей чувствовали, чем на самом деле являются их наркомовские посты.

С крушением империи значительную часть госдач растащили в частную собственность чиновники разных рангов. Нынешние и бывшие.

Отхватил свой кусок пирога и Модест Семенович. И начал обустривать новое владение. Не ограничившись заменой мебели и частичным залатыванием дыр, он подверг здание капитальной реконструкции. Только на черепицу из Германии потратил столько, сколько обычный инженер не зарабатывает за всю жизнь. Зато домик получился — игрушечка. С английским парком, с аккуратно подстриженными лужайками, по которым бродили павлины, с зеркальным прудом. В его водах отражалась белоснежная беседка с подпирающими купол дорическими колоннами — единственное, что осталось от некогда стоявшего здесь барского имения.

Сейчас на даче опять воцарилось запустение. В былые времена порядок здесь поддерживали четыре десятка постоянных работников — охранников, поваров, садовников, плотников. Осталась лишь экономка, приезжающая через день, да дюжина охранников, дежуривших попарно у ворот. Два года назад, после смерти жены, Гуковский потерял интерес к имению, которое мечтал превратить в родовое гнездо, и целый год оно простояло пустым. Теперь Модест Семенович наезжал сюда едва ли не ежевечерне, чтобы провести ночь с очередной «очаровательницей» или устроить настоящую оргию. Все условия для этого имелись: закрытый бассейн, сауна, множество просторных спален. И главное, удаленность от посторонних глаз.

Вот и сейчас Гуковский ехал отдохнуть и расслабиться. А заодно прихватил и Гайнанова, подкараулившего старика в приемной министра.

Едва Андрей Дмитриевич и Модест вышли из «Мерседеса», как тот развернулся и уехал. Мужчины прошли в огромный парадный зал, наполненный золотым солнечным светом. И

здесь на них налетела стайка красоток, одетых в нечто прозрачное и неосязаемое. Две девицы повисли на Гайнанове, а три принялись увиваться вокруг хозяина дома.

— Ну, ну, баловницы, — посмеиваясь и похлопывая девушек по мягким местам, приговаривал Модест. — Дайте хотя бы выпить с дороги. Я уж не жду, чтобы нас накормили.

Прелестницы тотчас повлекли мужчин в столовую.

— А это, девочки, Андрей Дмитриевич Гайнанов, прошу любить и жаловать, — по пути представил гостя Гуковский. — Мужчина он молодой и крепкий. Может, кому из вас понравится, так уж постарайтесь ему приглянуться... Он человек не жадный.

— Ну каковы красавицы? — Гуковский теперь принялся расхваливать и обратил глаза на девиц. — Обрати внимание на груди. Попробуй ягодицы — как литые.

— Действительно хороши, — согласился гость, убирая руку одной из девиц со своей ширинки. Не потому, что это было неприятно, а просто мешало движению.

* * *

Давненько он так не парился! И уж было не без греха. Разморенный паром и любовью, Гайнанов раскинулся на дубовой полке. Чуть в стороне в живописных позах, расположились трое девушек. Четвертая красotka улеглась в ногах банкира, пытаясь ласками пробудить в нем любовный огонь.

Из белых клубов вышел в наброшенной мокрой простыне Гуковский. Он парился в соседнем отделении со своей пассией.

— Что притихли? — Гуковский пошлепал по плоскому животу одну из девушек и, не дожидаясь ответа, направился к полке, на которой лежал гость.

Гайнанов пошевелинулся, делая попытку встать, но красotka удержала его рукой. Да и не было у Петра Алексеевича большого желания подниматься.

Модест подошел совсем близко. Принялся рассматривать, как девка старается раззадорить гостя.

— А ну, помогите подруге, — кликнул остальных.

Отдыхавшие нимфы вспорхнули со своих мест и поспешили на зов. Они окружили Гайнанова, принялись целовать и вылизывать, как похотливые кошки.

— Поглубже, поглубже, — Модест, взяв за волосы, несколько раз качнул голову девушки, задавая амплитуду движения. — Покажи, на что способна. Только не проглоти.

После сауны был обед. Не то чтобы пиршество, но вполне приемлемо. По принципу «Лукулл обедает у Лукулла». О чем Гайнанов тут же и заявил, стремясь продемонстрировать начитанность и сделать приятное хозяину.

— Спасибо за сравнение. Но я не собираюсь уходить на покой. И, кроме того, надеюсь, что умру в здравом уме и меня не опоят отравой слуги, — засмеялся в ответ Гуковский.

Гайнанов смешался. О Лукулле он знал лишь, что этот римлянин прославился своим чревоугодием.

Кроме обильной выпивки, обед сопровождался также и «культурной частью». Сперва одна из нимфочек показала «танец живота». А когда перешли к десерту, Гайнанов смог наблюдать профессионально исполненный стриптиз. Греховное застолье затянулось до глубокой ночи. Андрей Дмитриевич пытался время от времени завести разговор о кредите, но Модест подмигивал какой-нибудь из девочек и та уж старалась сделать так, чтобы мужчина забыл о делах.

— Пусть приезжает Танюша, тогда и поговорим. Попаримся! — куражился хозяин дома. — Давно мечтал с ней познакомиться.

Окончательно пресытившийся любовью и вином, Гайнанов к концу ужина уже ничего не помнил и не соображал.

Проснулся он в том же зале. Столы таинственным образом исчезли, лишь на полу валялись пустые бутылки. Завернувшись в простыню, в которой вышел вчера из сауны, Андрей отправился искать Модеста. Но ни Гуковского, ни его нимфочек не обнаружил. Будто привиделось ему вчера. Дом был пуст.

Свою одежду Андрей Дмитриевич обнаружил в предбаннике, где ее вчера и бросил. Одеваясь, Гайнанов заметил, что трусы измазаны губной помадой — шуточки Модеста.

У ворот особняка Андрея ожидал автомобиль, довезший его до Москвы. Гайнанов пытался дозвониться Гуковскому, но безрезультатно. Ничего не дали и поездки в министерство и домой к чиновнику. От поездки в столицу у Андрея Дмитриевича остались лишь похмелье и чувство опустошенности.

18

* * *

После своего неудачного выезда на собрание акционеров Бачурина не покидала дома на Богоявленской. Говорили, что большую часть времени она проводит в постели из-за возникших проблем со здоровьем. По крайней мере, на Богоявленскую в какой-то момент зачастили медицинские светила, обнаружившие у молодой вдовы целый букет болезней: что-то там с почками, желудком и по женской части. Хотя известно: были бы у пациента деньги, а уж от чего лечить, врачи всегда найдут.

Что касается попыток руководить «Цесарем», то Татьяна Николаевна перестала вмешиваться в дела корпорации. Управление деньгами и пакетом акций она доверила своим конфидентам Зотову и Гайнанову. И правильно: бабам нечего делать в большом бизнесе.

* * *

Тормис застал Бачурину перебирающей на своем столе многочисленные папки.

— Я могу вам чем-то помочь?

— Вряд ли, Ян Эдуардович. Я удивляюсь, как Петру Алексеевичу удавалось управляться с такой прорвой дел.

— Может, потому, что на его столе никогда не скапливалось столько бумаг?

— Но я не успеваю даже просто прочитать поступающие документы. Не то, чтобы вникнуть в содержание каждого. На это уходит очень много времени.

— Разрешите взглянуть, что вам прислали на ознакомление?

— Думаю, что от начальника службы безопасности у меня не может быть секретов.

Заглянув в десяток папок, Ян сложил их аккуратной стопочкой и отодвинул в сторону:

— Татьяна Николаевна, как давно вам довелось принимать гостей?

Вопрос застал Бачурину врасплох.

— Ну, месяца полтора назад. Но какое это имеет отношение к нашей проблеме?

— Самое непосредственное. Просто я хочу привести в качестве примера праздничный ужин.

— Действительно, какие еще примеры могут убедить женщину? — не удержалась от шпильки Татьяна.

Тормис не обратил на выпад внимания и, сделав небольшую паузу, начал читать очередное поучение — занятие, которому в последние дни он посвящал немало времени.

— Все проблемы делятся на три категории: стратегические, тактические и оперативные. При встрече гостей ваша стратегическая задача — произвести на них

благоприятное впечатление.

— Пожалуй, — согласилась Бачурина.

— В свою очередь, стратегическая проблема состоит из нескольких тактических. Какие блюда подавать, как сервировать стол и так далее. Допустим, у вас отличный повар и вам нет нужды вмешиваться в его работу. Он сам все сделает на высшем уровне. А вот с официантами проблема. Они поставили не тот сервиз, и стол застелили неподходящей скатертью. В этом случае приходится самой решать тактическую проблему и приказывать заменить сервиз и скатерть.

— А оперативные проблемы? Что это такое?

— Оперативные? Это проблемы еще более низкого уровня: в какой прачечной была выстирана скатерть, сколько за это заплатили и каким порошком пользовались. Как правило подобные проблемы встают перед обычными домохозяйками. Но даже ваш дворецкий не часто сталкивается с подобными пустяками. Для этого есть кастелянша. Да и вам совсем ни к чему забивать голову мелочами. Приказали сменить скатерть — и довольно. Можно переходить к более важным делам.

— Но если мы отбросим в сторону пустяки, а нерешенных проблем все равно осталось слишком много?

— Стратегических проблем никогда не бывает много. А у хорошего руководителя никогда не возникнут трудности с тактическими проблемами. Официантов можно простить, если они допустили одну ошибку. Но если они повторяют ее раз за разом, значит, вам следует подумать о смене метрдотеля, дворецкого или кто там еще заведует подобным хозяйством.

— Кажется, я поняла. Я никогда не успею подготовиться к встрече гостей, если сама буду наблюдать: не пригорел ли соус, вытерта ли пыль на серванте и начищено ли столовое серебро.

— Вы уловили самую суть.

— Замечательно, когда можно положиться на слуг. А если нет?

— Надо уметь подбирать помощников. Если вы справитесь с этой задачей, то помощники помогут подобрать остальной штат.

— Но что же делать со всем этим? — Бачурина указала на горы документов на столе. — Похоже, мои помощники хотят, чтобы я совсем запуталась в мелочах.

— Для начала давайте попросим вашего секретаря разобрать папки.

— А дальше?

— Посмотрим, чем именно заваливает вас каждый из помощников.

Разговор прервал телефонный звонок.

— На ловца и зверь бежит. Это Зотов, — прикрыв трубку, сообщила Бачурина. — Аркадий Константинович, хорошо, что позвонили. Я совсем запуталась в этих бумагах. Да, я понимаю, что искусство управления — сложная наука. Мне кажется, я никогда ее не освою. Спасибо, что верите в мои способности. Здоровье? Терпимо. До свидания.

Пока Татьяна Николаевна разговаривала с адвокатом, секретарь рассортировала папки по стопкам.

— Давайте взглянем, что получилось, — предложила Бачурина.

Документы были разложены в пять стопок. Две наиболее высокие составляли папки, поступившие от руководителей корпорации, Казарина и Лебединского. Еще две, тоже внушительные — от Зотова и Гайнанова. И самая маленькая — из других источников.

— И как вы это объясните? — поинтересовалась Татьяна Николаевна.

— Все очень просто. Чем больше документов пришлют вам Гайнанов или Казарин, тем большее впечатление они пытаются произвести на вас выполняемым объемом работ. И кроме того: оказавшись погребенной под этим ворохом бумаг, вы вскоре окажетесь в зависимости от этих людей, так как не сможете обойтись без их пояснений.

— А пятая стопка?

— Это отделы и фирмы, чьи руководители не участвуют в борьбе за власть. Им незачем привлекать к себе внимание и заваливать вас бумажными Монбланами.

— Мне понятно, что движет Казариным и Лебединским. Но Зотов и Гайнанов?

— Они тоже люди. И понимают, что их теперешнее положение зависит от того, насколько вы нуждаетесь в них. Вот и стараются по мере сил укрепить свои позиции. Это вовсе не означает, что им не следует доверять. Просто не нужно передоверять им свои полномочия. Без особой на то необходимости.

— Как раз сейчас такая необходимость налицо. Но давайте посмотрим, что поступает от вас. А то все Казарин и Лебединский. С какими проблемами вы, Ян Эдуардович, пришли ко мне?

— Что ж, ознакомьтесь.

Прочитав материалы, Бачурина посмотрела на Тормиса:

— Только что вы критиковали других. А сами хотите, чтобы я занималась вашими проблемами на уровне тонкостей. Или как вы говорите — на оперативном уровне. Какой пример из хозяйственной практики вы можете привести в свое оправдание?

— Пример? Сейчас подумаю. Вот, пожалуйста... Представьте себе, что среди ваших гостей попался привередливый гурман. Но при этом — язвенник и страдает массой различных аллергий. А вам очень важно произвести хорошее впечатление именно на этого гостя.

— Представила. И что же?

— Не разумно ли будет в таком случае выяснить: какие блюда любит гурман? Какую диету ему рекомендуют врачи? И после этого обсудить меню с шеф-поваром.

— Вы и есть этот шеф-повар?

— Шеф-повар — это ваш управляющий. А я — тот, кто добывает информацию о пристрастиях важных гостей. Распорядиться же полученным знанием вы должны сами. Можете принять решение сами, а можете передать информацию, без раскрытия источника, подчиненным. Чтобы они более верно ориентировались в обстановке.

— А почему бы вашей службе на основе полученной информации не вырабатывать решения?

— Соблазн велик, но тогда получится, что хвост вертит собакой.

— Но наш век называют веком информации. Из-за огромного ее потока, обрушивающегося на людей каждый день.

— И тем не менее, заметьте, я принес вам одну единственную папочку.

— Верно, от вас поступает не слишком много бумаг. Можно подумать, вы целыми днями бездельничаете.

— А может, это свидетельствует о хорошей работе службы?

— Ну хорошо. С вами мы разобрались. А что делать со всем этим? — Бачурина указала на высящиеся на столе стопки.

— Вам уже пора формировать собственную команду. Увеличьте для начала штат

секретарей. Только без лишней огласки. Пусть ваши рекруты обрабатывают весь поступающий массив данных. Таким образом будете учиться не только вы, но и они. И в «Цесарь» придете с собственным аппаратом.

— Вы еще в это верите?

— Иначе не стал бы тратить время.

— Вы оптимист, Ян Эдуардович. И если закончили лекцию, — не смею задерживать. В десять мне предстоит еще выслушивать нотации Рейна.

* * *

Проезжая мимо здания областного суда, Кумов заметил у дверей усиленный наряд автоматчиков. Неподалеку стояло несколько милицейских машин, расхаживали вооруженные патрули. Сегодня начинался суд над молодчиками, «наезжавшими» на одно из предприятий корпорации «Цесарь». Однако суд не являлся свидетельством того, что корпорация вернула себе былую мощь, — скорее наоборот. Подсудимые были неопытными «бакланами», в прежние времена не смевшими косо взглянуть даже на киоск с эмблемой «Цесаря». Но после смерти Великого эти сямки решили, что смогут поживиться наследством вдовушки и взять «шефство» над сетью обменных пунктов. Но — сразу же попались, моментально раскололись, и дело на удивление быстро передали в суд. Даже в СИЗО толком не попарились. Судебное заседание тоже не затянется. И пойдут ребятишки по этапу. Вот только сроки у них будут не детские. Налицо преступная группа, и прокурор будет только рад отчитаться о победе над ровской организованной преступностью. Получат «мафиози» под самую завязочку. Ну да такая уж доля бакланья.

На проезжую часть вышел гаишник, поднял жест, преграждая дорогу «семерке» Кумова. С противоположной стороны подъехала колонна из нескольких автомобилей, впереди которых шли легковушки с мигалками. Четыре автозака один за другим въехали в ворота суда. Ни абы кого — банду привезли!

Гаишник отступил в сторону, махнул полосатой палкой. Проезжай!

Шанхай припарковал машину у центрального универмага и прошел внутрь. Задорожный направился за ним следом, а Кунину пришлось на полминуты задержаться, чтобы объясняться с некстати подоспевшим контролером. Подъезды к ЦУМу давно были превращены в платную стоянку. Громиле, нацепившему красную повязку сборщика платы, оказалось наплевать на красную корочку, которую ткнул ему опер, он даже пытался схватить Кунина за рукав. Пришлось пообещать слишком ретивому работничку посодействовать в увольнении.

Когда Кунин заскочил внутрь магазина, он увидел Задорожного стоящим посреди зала и беспомощно озирающимся. Объект наблюдения исчез.

Оперы доложили о ЧП начальству, но вопреки ожиданиям, избежали головомойки. Савченко даже не удивился их сообщению, лишь проворчал нечто вроде того, что этого следовало ожидать, и приказал сторожить «семерку» Шанхая.

Шанхай объявился через полтора часа, нагруженный свертками с покупками. Как ни в чем ни бывало забросил пакеты на заднее сидение и спокойно, не торопясь, вернулся на квартиру, где остановился.

Вечером Задорожный и Кунин перешерстили всю оперативную сводку за день. За время, пока подопечный находился вне контроля, произошли две драки, две кражи личного имущества, одно ограбление квартиры, но ничего, в чем можно было бы заподозрить Шанхая.

— Если он и сотворит что-то, мы об этом даже не узнаем, — задумчиво проговорил Савченко, когда сыскари доложили о результатах наблюдения. — А если и узнаем, не сможем доказать.

Полковник посмотрел на подчиненных, будто ждал опровержения. Но те молчали.

— Ладно, орлы, хватит прохлаждаться. С завтрашнего дня возьметесь за настоящее дело, — твердо, как о давно принятом решении сообщил Савченко. — И так начальство мне темечко проклевало.

— А Шанхай? — полюбопытствовал Задорожный.

— Если натворит что, будем ловить. А пока незачем устраивать за ним слежку.

— Но сегодня он явно что-то затевал, — возразил Кунин.

— У тебя есть доказательства преступных намерений гражданина Кумова? Нет. Налицо лишь ваша с Задорожным профессиональная неподготовленность.

* * *

Боксер сидел на заднем сидении новенькой «Мазды» и рассматривал ровские улицы.

— Притормози-ка здесь, — неожиданно приказал он водителю. — И сходи купи мне сигарет.

Водила послушно вылез из машины, сообразив, что шеф хочет остаться один. От газетного киоска к иномарке вразвалочку подошел представительный кавказец. Чуть поодаль подпирала углы еще двое, одетых попроще, но не из тех, что торгуют на базарах.

— Чем порадуешь? — после рукопожатий и обычных приветствий спросил кавказец.

— Бачурина не выползает из своей норы.

— А там ее никак не достать?

— Пробовали подкатиться к обслуге. Только по рогам получили. Девка, может, и дура, но безопасностью у нее заправляет кто-то крутой.

— Я узнавал: молодой парень — Макс Кузнецов. До этого ничем себя не проявил. Еще один, Сирота, переключился на обслуживание «Цесаря». В доме на Богоявленской даже не появляется.

— Не знаю, кто там за старшего, но оборону он держит глухо. Не подобраться. А вы еще не отказались от мысли прищучить девку?

— К чему ты спрашиваешь? Кишка тонка провернуть такое?

— Ты меня не подначивай. Я не мальчик. Спрашиваю потому, что слушок пошел, будто у Бачуриной рак. Я проверял — к ней что ни день врач приходит, каких-то специалистов из столицы привозили.

— Что за специалисты?

— А хрен их знает! Медики.

— Ну, даже если и рак — знаешь, сколько, бывает, с этим раком живут? Мы все перемрем, пока она окочурится. Этот вопрос следует серьезно прощупать. Может, она эти слухи сама и распространяет.

— Только полный валет будет о своей слабости трубить. Люди — что волки. А волки — санитары леса. Слабого да больного рвут на части.

— Ладно. Ты пока продолжай подготовку, а я попробую прощупать, насколько серьезны эти слухи.

— Значит, если подвернется возможность...

— ...то грех упускать.

— Понял.

— Вот и хорошо, что понял. Наш уговор остается в силе.

Боксер угрюмо смотрел в окно, на серую мокрую улицу. Он уже сомневался, что сможет добраться до Бачуриной, пока та не покажется на людях. Но не признаваться же в собственной слабости. Придется делать еще одну попытку.

— Что нового в Ровске? — тем временем спросил собеседник, как бы подводя черту под деловой частью разговора.

— Да появился тут на днях один старый знакомый. Из Москвы.

В интонации Боксера кавказец уловил намек.

— Что за знакомый?

— Шанхай.

— Шанхай? Не знаю такого. Что за птица?

Боксер испытывающе посмотрел на собеседника. Может, тот и не знал Лешку, нельзя знать всех на свете. Но ведь Шанхай какого-то рожна сидит в Ровске. Не для того же, чтобы только водку жрать да баб трахать.

* * *

Решив заняться подбором собственной команды, Бачурина потребовала досье на возможных кандидатов. Начала с Гайнанова. Бог знает, что она надеялась найти в этих бумагах. Но в этот раз Тормис представил ей не личные дела из отдела кадров, а материалы детективного агентства — куда более полные, чем официальные характеристики. Детективы знали о своих подопечных много такого, что было неведомо даже женам и близким друзьям объектов наблюдения.

Впрочем, досье Гайнанова не содержало ничего существенного или тем более компрометирующего. Так, несколько интрижек во время командировок и — на курортах. Тем более, что некоторых из случайных партнерш Гайнанова «подбросил» референту начальник службы безопасности корпорации «Цесарь» Гришин. Девушки предоставили весьма откровенные отчеты о проведенных ими «операциях». Бачурина поморщила нос, но прочитала все рапорты до конца. Неужели когда-то и Великий читал эти донесения? Несомненно. А теперь в этой куче грязного белья приходится копаться ей.

По-настоящему уязвило Таню донесение о похождениях Андрея на даче Гуковского во время последней поездки в Москву. Среди ночи в машину к водителю Гайнанова подседа проститутка и очень красочно описала, чем занималась с хозяином и гостем. При этом весьма скептически отозвалась о сексуальных способностях мужчин.

Татьяна поймала себя на мысли, что испытала некоторые разочарование и даже обиду, но одернула себя: она ведь не жена и даже не любовница Андрея.

Что касается бизнеса, то, судя по всему, ничего компрометирующего в поведении Гайнанова замечено не было.

Удивительно, но с осени количество в досье документов значительно уменьшилось. Еще раз пролистав папку, Бачурина заметила, что порядковые номера на листах за последние два месяца идут не по порядку. Все ясно — ей передали только те материалы, ознакомить с которыми посчитали нужным. Опять шпионские правила? Или Тормис ведет свою игру?

Полученной информации было явно не достаточно чтобы прийти к какому-либо однозначному выводу.

Сейчас Таня как никогда нуждалась в сильном и надежном человеке, способном защитить ее интересы. Но где его взять, этого верного друга? На кого она может без опаски опереться? Кто заслуживает доверия — Гайнанов? Зотов? Тормис? Каждый из них уверяет в

своей преданности, однако наверняка преследует собственные интересы. И для того, чтобы убедиться в совпадении этих интересов с целями Бачуриной, нужно то, чего ей сейчас не хватает — время.

Из задумчивости вывел телефонный звонок. Голос в трубке был грозен:

— Ты почему не спишь?

— Кто это? — удивилась Бачурина.

— И родственников не узнаешь, — констатировал звонивший.

— Дядя Константин! — воскликнула Татьяна (Никовани теперь часто звонил в Ровск). — Но как вы узнали, что я не сплю?

Она бросила взгляд на часы: уже полночь. Где то время, когда она жила по распорядку?!

— Можно подумать, что в этом доме телефон имеется только у тебя.

Намек дяди не смутил Бачурину: она знала, что князь периодически звонит дворецкому Павлу, и осведомляется о делах племянницы. И тем не менее, произнесла с осуждением:

— Следите?

— Что делать? — вздохнул Никовани. — Если за тобой не присмотреть, загонишь себя, как лошадь.

— Приходится гнать. Жизнь такая...

— Неприятности?

— После того, как я узнала, что на меня готовят покушение, любая неприятность покажется мелочью. Хотя, возможно, хотят просто припугнуть. Чтобы продала свою долю акций.

Бачурина не боялась вести откровенные переговоры по своему личному телефону. Тормис позаботился о надежности и безопасности связи: ее аппарат, был снабжен скремблерами, засекречивающей аппаратурой связи. К тому же дядя был по сути единственным, с кем она могла позволить себе откровенность.

— Мне доводилось быть предметом охоты. Следует признать, это вызывает малоприятные ощущения. Может, есть резон уехать на месяц-другой? Погостишь у меня.

— Было бы неплохо, но мне еще только предстоит укрепиться в своем наследстве. На это требуется время.

— И верные люди, — вставил Никовани.

Замечание старого князя заставило Татьяну тяжело вздохнуть.

— Что, людей не хватает? — понял Никовани.

— Верных людей, — поправила Бачурина. — В последние дни мне часто намекают, что нельзя полностью доверять даже ближайшим помощникам.

— Они правы. Ведь речь идет о сотнях миллионов долларов.

— Небольшое утешение.

— Меня значительно больше волнует покушение. Я предполагал, что возникнут осложнения, и предпринял кое-что... Но все же постараюсь придумать, как помочь твоему горю. А утром перезвоню. Жаль, сейчас не могу приехать к тебе. В котором часу ты поднимаешься?

— Похоже, сегодня мне не придется ложиться.

— Глупости. Обстоятельства вертят, как хотят, только слабыми людьми. Ты всегда можешь остановиться и отдохнуть, восстановить силы. Ложись спать, а дядя Константин немного поработает на тебя.

— Уже полтретьего. А на шесть у меня назначена встреча. Нужно столько обдумать.

— Чепуха. Я сам был таким — все торопился жить. И чуть не загнал себя, как скаковая лошадь. Учись на моем примере и не повторяй ошибок.

— Хорошо, дядя.

— Утром я тебя разбудю. Спокойного сна.

— Спокойной ночи, — устало произнесла Бачурина, не желая спорить со стариком.

Она пододвинула к себе досье на Зотова и углубилась в чтение. Через несколько минут глаза ее сомкнулись и Бачурина, опустив голову на руки, уснула.

* * *

Таню разбудил зуммер сотового телефона, лежавшего в кресле рядом с диваном.

— Алло... — Поднося трубку к уху, Бачурина недоуменно осмотрелась вокруг, не понимая, как она оказалась на диване, укрытая одеялом.

— Молодец, девочка, все-таки послушала совета старика, — послышался голос князя Никовани. — Слышу по голосу, что спала. Правильно сделала.

— Уснула прямо в кресле, — призналась Таня. — Наверное, вы так подействовали.

— Э! Продолжай работать в прежнем темпе — и будешь засыпать на ходу. Но перейдем к делу. Я переговорил кое с кем из своих друзей в Грузии и Москве. Обещали помочь. Конечно, в самом Ровске они не располагают ни нужными связями, ни прочными позициями. Но что-нибудь придумают. Это люди слова. Кстати, с одним из них ты знакома — Иван Царедворцев. Настоящий мужчина. Сейчас таких мало даже на Кавказе.

— Царедворцева я помню, — встала Татьяна.

— Кроме того, — продолжал Никовани, — на днях я связался с одним человеком и попросил тебе помочь. Не хотел об этом говорить, но сейчас тебя нужно приободрить. Он большой специалист по экстремальным ситуациям.

— Кто этот человек?

— Надежный парень. Большого по телефону сказать не могу. Он сам с тобой свяжется. Но ты знай, что он рядом и готов в случае нужды оказать необходимую поддержку.

— А как я его узнаю?

— Не беспокойся — узнаешь. У него много имен, но тебе он представится Авакумом. Береги себя. Buena suerte!

— Adios!

* * *

Таня поднялась с дивана и прошла в ванную комнату. Когда она вернулась в кабинет, на журнальном столике в углу уже дожидался горячий кофе.

— Доброе утро, Татьяна Николаевна! — в двери показался телохранитель.

— Доброе утро, Саша. Ты не расскажешь, как я оказалась на диване?

— Я заглянул в кабинет, вы спали прямо в кресле. Вот я и перенес вас на диван.

— И я не проснулась?

— Ну, вы что-то говорили... Но не по-русски. Наверное, на испанском.

— Да? Раньше я во сне не разговаривала. И что же я сказала?

Саша пожал плечами:

— Нихт ферштейн.

— Не силен, значит, братец, в языках. У меня была назначена встреча, — неожиданно вспомнила Таня.

— Дворецкий от вашего имени перенес встречу на обед.

— Даже так? Ай да дядя! — удивилась Бачурина. — А что ты хотел?

— Ко мне пришел сменщик. Хочу представить его вам.

— Что же, я теперь постоянно буду под чьим-то присмотром?

— Мы постараемся лишний раз на глаза не попадаться.

— Договорились.

В кабинет вошла невысокая худощавая девушка. Рядом с массивным, накачанным Сашей она казалась особенно маленькой и хрупкой.

— Это Ирина, — представил сменщицу Саша. — Вы присматривайте за ней, Татьяна Николаевна. И не давайте в обиду.

Девушка лишь усмехнулась на слова телохранителя.

— Здравствуйте, — вежливо произнесла она. — Я буду временно исполнять обязанности вашего секретаря.

— Но у меня есть секретарь, — возразила Таня.

— Ну тогда помощника секретаря.

— Ира у нас не гордая, — усмехнулся Саша и серьезно добавил: — Между прочим, она мастер спорта по стрельбе из пистолета.

— Мелкокалиберного, — с улыбкой поправила Ира. — Настоящие мне не доверяют. Говорят, надорвусь.

— Прибедняется, — прокомментировал Саша. — А еще Ирина отлично владеет восточными единоборствами. В общем, ценный кадр.

— Доброе утро! Вы уже познакомились? — в кабинет вошел Тормис. — Извиняюсь, что без стука. Но у вас все двери открыты.

— Посты предупредили о вашем приближении, — Саша воспринял последнее предложение Тормиса как намек на собственную нерадивость.

— Знаю, — Ян указал на свое ухо, где, как и у всех телохранителей, скрывался наушник. — Взаимовыручка — это хорошо. Но не надо перекладывать свои обязанности на товарищей.

— Как обстоят наши дела? — спросила Бачурина, когда за молодыми людьми закрылась дверь.

— Прежде всего мне хотелось бы получить обратно досье.

Бачурина обернулась и вдруг заметила, что письменный стол абсолютно пуст — ни единого листа бумаги. Внутри все похолодело. Неужели досье похитили? Но ведь кабинет охранялся... Не может быть, чтобы Дима...

Тормис молча смотрел на Бачурину. Ему важно было увидеть реакцию женщины, оказавшуюся его начальницей.

— Распорядитесь никого не впускать и не выпускать из дому. Быстро. Без объяснений причин. Возможно, пока я спала... Следует допросить Сашу: видел ли он бумаги на столе, когда ночью входил в кабинет?

Она не впала в панику и не стала обвинять в краже телохранителя, предпочитая разобраться в ситуации.

— В этом нет необходимости. Это я приказал заглянуть к вам в кабинет и, если вы уснули, спрятать документы в сейф.

Бачурина почувствовала, как к лицу прилила кровь. Что себе позволяет этот охранник?! Но вскоре гнев сменился стыдом. Ведь ее предупреждали об особом отношении к досье. Она действительно допустила непоправимую безответственность.

— У меня для вас маленький подарок, — будто ничего не произошло, проговорил Тормис, меняя тему разговора. — Папка для деловых бумаг. По виду не отличается от обычной. А в действительности — маленький сейф. Было бы неплохо, чтобы все материалы, поступающие от меня, вы читали прямо отсюда, не доставая из папки.

— Почему? — Таня еще чувствовала некоторую неловкость, но одновременно была благодарна Яну за то, что он не стал читать ей поучений.

— При появлении неожиданного визитера достаточно просто захлопнуть папку. Открыть же ее можно, лишь набрав специальный шифр. Сейчас установлена дата вашего первого приезда в Ровск.

— Что сейчас в папке?

— Материалы на кандидатов в вашу команду. То немногое, что удалось наскрести на этот час. И краткий отчет о последних наблюдениях за Телком.

— За кем?

— За Гайнановым. Телок — кодовое имя, которое он получил в наших документах.

— Кажется, мне никогда не привыкнуть к вашей конспирации и секретности. Я тоже получила от вас какое-то прозвище?

— Кодовое имя.

— И какое же?

— До сих пор вы были «Лаской».

— Неплохо. Если только не обманываете. Я ожидала нечто вроде «Телочки». А вас как прозвали? — вкрадчиво спросила Таня, уже знавшая прозвище Тормиса.

— Наждак.

— Кажется, я понимаю, чем вы заслужили свое прозвище. С биографиями кандидатов ознакомлюсь чуть позже. И насчет досье... Вам удалось выявить, что за источники у Аркадия Константиновича в госбезопасности?

Вопрос был задан как бы между прочим, но Ян понимал, что она спрашивает неспроста. Это означало: не имеет ли адвокат с силовыми ведомствами более тесных связей, чем это допустимо при его положении. Одновременно графиня хотела проверить, насколько оперативно работает подчиненное ей детективное агентство. Девочка взрослеет на удивление быстро.

— Зотов свою информацию получает от знакомого в прокуратуре, — ответил Тормис. — Это специальный прокурор, с которым в случае необходимости сотрудничает контрразведка. Между прочим, он сказал, что силовики просят санкцию на обыск в доме покойного Петра Алексеевича. Возможно, он это сделал не без задней мысли.

— Значит, вы можете утверждать, что Аркадий Константинович не сотрудничает с контрразведкой?

— Ни с контрразведкой, ни с какой-либо иной спецслужбой, — заверил Тормис. — Хотя у него имеется достаточно знакомых среди силовиков. Но это — уже другая тема.

19

* * *

Бекас забрался на чердак и долго сидел у открытого люка, привыкая к темноте и вслушиваясь в тишину. Вроде все спокойно. Перед выходом на дело его начали терзать нехорошие предчувствия. Бекас вообще считал план Боксера полной бредятиной. Это ж надо — садануть из противотанкового ружья по окну. Да еще с расстояния в полтора километра. Стекло, даже бронированное, положим, не устоит перед пулей. Но что толку — ведь оно

зеркальное. Попробуй угадай, кто там сейчас в кабинете и в кого попадешь. Полный бред. А попробуй, скажи это Боксеру — забуцает ногами до смерти. Крестный отец хренов! Хочет доказать, что способен на крутые дела, только вот творить эти дела намерен чужими руками.

Бекас положил в углу принесенный сверток и подполз к чердачному окну. Вынул из чехла бинокль и принялся рассматривать особняк на Богоявленской. Лишь бы не перепутать окна. Кабинет на втором этаже, четвертое окно справа. Окно выходит во двор, но с этой высоты его видно. Стрелять следует ровно в десять Бачурина в этот момент будет находиться в кабинете. Боксер утверждал, что пуля разрывная и достаточно одного выстрела, но Бекасу наплевать, он лишь нажмет на курок. А что там будет с Бачуриной, его не колышет. Это проблема Боксера.

* * *

В квартале от высоты, на которой засел Бекас, на колокольне реставрируемого собора устроился в засаде еще один мужчина. Он был одет в черную маску и черный комбинезон. У ног в футляре лежало противотанковое ружье Дегтярева, такое же, как у Бекаса, но усовершенствованное. Да и остальное снаряжение было не ровня тому, что имел уголовник. Не говоря уже о подготовке.

В отличие от Бекаса, снайпер в точности знал все детали покушения. Детали, о которых не подозревал и Боксер. Игра шла крупная и на дилетантов рассчитывать не приходится. Хотя без их помощи не обойтись. Бекас своим выстрелом должен разнести стекло на мелкие кусочки, и тогда наступит очередь снайпера. Ему даже нет нужды стрелять именно в Бачурину: достаточно, чтобы пуля влетела в окно. Отравляющее соединение на основе цианида взрывом будет разбрызгано по комнате, обрекая всех присутствующих на смерть. А если повезет и снайпер увидит мишень собственной персоной, он не упустит шанса доказать свое мастерство.

* * *

Телефон внутренней связи отвлек Бачурину от чтения газеты. Звонил Тормис.

— Татьяна Николаевна, вы свободны?

— В каком смысле, Ян Эдуардович? Вы намерены предложить мне свою руку и сердце?

— К подобной жертве я еще не готов.

— Неужели вы шутите, Ян? — женщина улыбнулась. — Значит, сегодня снег пойдет.

— Снег на улицах лежит уже целую неделю. А на сегодня синоптики обещали потепление.

Бачурина взглянула в окно. На подоконнике действительно лежал снег. Как же она не заметила, что наступила зима? Что-то рано в этом году.

— Из-за вашей пленки на окнах я едва различаю время суток. Откуда мне знать, что творится на улицах? — И уже серьезно она добавила: — Если у вас что-то срочное — поспешите. В десять ко мне придет Рейн.

В этот раз Тормис пришел не читать лекции, а доложить о проделанной работе.

— Вот образцы, взятые из различных частей «Гольфстрима». Комиссия обнаружила на некоторых элементах двигателя нагар неизвестного происхождения. Экспертам не удалось идентифицировать вещество, поэтому в официальном отчете о нем не упомянули.

— Посмотрим, что скажут по этому поводу эксперты «Роллс-Ройса». Я сегодня же свяжусь с нужными людьми и скажу, по какому адресу отослать образцы.

— Хотите отправить их по почте? На мой взгляд, лучше командировать курьера. Нужно лишь придумать убедительную причину, по которой он едет за рубеж.

— Это по вашей части. Что еще?

Тормис достал из дипломата и положил на стол коробочку из прозрачного пластика, внутри которой виднелось нечто, напоминающее серебристую нить.

— Что это?

— Подслушивающее устройство. Одно из самых совершенных, которые мне доводилось встречать. Я даже не берусь указать все возможности этого жучка. Такой должен стоять целое состояние. Но, даже имея такие деньги, достать подобное устройство невероятно сложно.

— А у вас он откуда?

— Обнаружили в стене позади вашего кресла.

— Здесь?! Но вы едва ли не ежедневно проверяете все помещения в доме. И, помнится, вы уже находили «жучки» в моем рабочем кабинете.

— Наши приборы оказались не способны засечь его излучение. К тому же последние недели прибор не действовал.

— Как же тогда вы обнаружили «клопа»? Когда?

— В ходе оперативных действий мы вышли на одну из ваших горничных. Честно говоря, совершенно случайно: заинтересовались личностью ее жениха.

— Хотите сказать, что одна из моих горничных шпионила?

— С некоторыми поправками можно сказать и так. Девушка лишь снимала информацию с помощью специального устройства и передавала своему жениху.

— Значит, все, что говорилось в этом кабинете, известно нашим противникам?

— Мы не знаем, какую информацию получал противник на протяжении двух или трех недель работы этой закладки.

— Что вы намерены предпринять? Установили наблюдение за «женихом»?

— Он исчез. Уехал на днях в длительную командировку. Будто предчувствовал что-то. Горничная получила от него письмо, в котором «жених» обещает в скором времени вернуться. Но с тех пор — ни ответа, ни привета.

— Опять тупик?

— Не совсем. У нас имеются некоторые зацепки, которые, возможно, выведут нас на шефов «жениха» окольными путями.

— Кто эта горничная?

— Вита Тимофеева.

Бачурина вспомнила живую симпатичную девушку, которая ей всегда нравилась.

— Ни за что бы не подумала. Что с ней теперь будет?

— Сейчас с Витой беседуют мои люди.

— Надеюсь, обойдетесь без излишеств? Как это называется: допрос третьей степени? «Горячая» обработка?

— Откуда вы этого нахватались?

— Прочитала в одном пособии для служб безопасности. Его приобрели по моей просьбе.

— Дайте и мне полистать на досуге.

— Хотите повысить квалификацию?

— Нет, посмотреть, какие еще глупости вы вычитали.

— Так уж и глупости.

— Нам нет нужды прибегать к крайним мерам. Ограничились психологическим

воздействием. Девушка сейчас подавлена. Мы легко доказали, что тот, кого она считала женихом, всего лишь использовал ее. Уязвленное женское самолюбие и страх перед уголовным наказанием делают ее разговорчивой.

— А ее действительно можно привлечь к уголовной ответственности? По какой статье — шпионаж?

— Вита думает, что находится в руках правоохранительных органов. И мы не собираемся убеждать ее в обратном.

— Что вам удалось узнать?

— «Жених» подкатил к ней этой осенью. Вскружил голову и без труда завербовал. Вита передавала ему различную информацию. Всякую мелочь: расположение комнат, распорядок дня хозяев, ваши взаимоотношения. Затем «жених», который, кстати, представился сотрудником контрразведки, попросил установить подслушивающее устройство. И подсказал, каким образом это сделать. Незадолго до смерти Великого он покинул Ровск, объявив Вите, что его отправляют в длительную командировку. Затем ненадолго появился вновь. Чтобы уехать и больше не возвращаться.

— А он не может быть действительно из контрразведки?

— Не исключено. Хотя... Работа под чужим флагом — обычный прием в деятельности подобного рода.

Неожиданно Бачурина встала:

— Извините, что прерываю, Ян Эдуардович, — Татьяна попыталась улыбнуться, но улыбка получилась какой-то кривой. — Вы не обидитесь, если я вас покину на минутку?

Она торопливо вышла из-за стола и скрылась за дверью туалетной комнаты.

— Татьяна Николаевна, к вам доктор Рейн, — по громкой связи доложила секретарь. Ян посмотрел на часы: без одной минуты десять. По Рейну можно сверять время.

— Пусть входит, — вместо хозяйки ответил Тормис.

— Добрый день, добрый день, — Рейн остановился посреди помещения и оглянулся: — Так-с, а где несравненная Татьяна?

Тормис указал на туалетную комнату.

* * *

Бекас выжидал до последнего. Он заранее решил взять в руки оружие в самый последний момент: если возникнут осложнения — тьху-тьху-тьху — пусть менты докажут, что это его ружье. Бекас боялся и с радостью дал бы стрелкача прямо сейчас. Но когда до намеченного срока осталось всего пять минут — пополз к свертку, оставленному у люка. Развернул тряпки, извлекая оружие. Вставил в специально изготовленный зажим оптический прицел. Но зарядить ружье не успел.

Откуда-то из темноты вынырнули две темные фигуры, выхватили из рук оружие. Кто-то плеснул на Бекаса водкой, а бутылку с остатком сунули ему же в карман. Уголовник не успел сообразить, что происходит, как его подтолкнули к чердачному окну.

* * *

Витька Лыжник дожидался появления Бекаса за рулем старенького, но еще резвого «Фольксвагена-Гольф». Чтобы Витька заранее не мандражировал, ему не сообщили деталей предстоящего дела. Просто велели подогнать машину к определенному месту и ждать Бекаса. На место стрелка подвез другой кореш, который, высадив пассажира, тут же укатил. С помощью этих нехитрых предосторожностей Боксер надеялся избежать внимания случайных прохожих, жителей дома и бдительных старушек.

Насвистывая, Витек отбивал пальцами по баранке ритм мелодии и разглядывал сквозь лобовое стекло облака. Время от времени он посматривал на часы. Двигатель работал на холостом ходу, а нога водителя лежала на педали. Как только Бекас вскочит в машину, Лыжник даст по газам — и ходу.

Интересно, что может делать Бекас в высотке? Может, бомбит квартиру? Витек наклонился пониже, чтобы взглянуть на окна нависающей над ним громады, и услышал чей-то душераздирающий крик. Он успел увидеть падающего человека, молотящего по воздуху руками. В следующее мгновение тело ударилось об асфальт в каких-то трех метрах от «Фольксвагена». Витек ошалело уставился на труп. Не меньше минуты он рассматривал распластавшегося на проезжей части мертвяка, и ему казалось, что видит перед собой Бекаса. Лыжник, не отдавая себе отчета, открыл дверцу, будто собирался выйти из машины.

Это был Бекас. Витек узнал его. В панике Лыжник рухнул обратно на сидение и стал жать на педаль газа, не замечая, что двигатель успел заглохнуть.

Наконец машина рванула с места. На повороте незахлопнутая дверца распахнулась, но водитель не обратил на это внимание.

— Что произошло? Что случилось?! — у высотки стала собираться толпа.

— Мужика сбила машина.

— Я сама видела. На него наехала вишневая «девятка».

— Это была красная иномарка.

— Женщина, а вы разбираетесь в машинах?

— А причем тут машина? Она просто остановилась.

Дежурная милицейская группа, прибывшая к месту происшествия, в ходе недолгого разбирательства выяснила, что гражданин Бекасов Н.П., он же «Бекас», ранее судимый, будучи в нетрезвом состоянии упал с крыши высотного здания по улице Чкалова.

— Чего его понесло на крышу? — спросил один милиционер другого, осматривая чердачное помещение.

— Ты его спроси, — последовал ответ.

На чердаке обнаружили сумку с веревкой, стеклорезом и хирургическими перчатками.

— Там ниже живет семья художника Сафонины. Точней сказать, прописана. Сафонин вот уж второй год как купил более просторную квартиру, а эту держит для сына. Квартира практически постоянно пустует, — доложил инспектор, проводивший опрос жильцов.

— А, тогда картина ясная. Тут из Октябрьского района сообщили, что Бекас сидел как раз за квартирную кражу.

* * *

Человек выпил кофе, поставил чашку на стол и вышел на улицу. В мужчине, одетом в потертые джинсы и кожаную куртку, теперь никто бы не узнал того затянутого в черное снайпера, каким он был еще недавно.

Охотник не стал дожидаться намеченного часа. Шестым чувством почувствовал опасность. Напарник, наблюдавший за подходами к колокольне и контролировавший эфир, молчал. Значит, не видел угрозы. А может, добрались до него первого. Так или иначе, снайпер не стал дожидаться сигнала и поспешил вниз. Ружье он оставил на колокольне. Если попытка сорвалась, незачем пытаться повторять старый сценарий. Охотник потому и жив до сих пор, что не поджидает свои жертвы в подъездах и не признает устоявшиеся схемы. Какими бы удачными они ни были. А еще потому, что доверяет своей интуиции, чувству опасности.

Снайпер уловил сигнал тревоги, когда уже спускался по лестнице. Начни он отход только сейчас, шансы на спасение были бы минимальными. Но он успел. Опять успел. По подземным коммуникациям Охотник перешел в подвал соседнего дома, переделся и вышел на свет Божий. Неторопливо выпил в забегаловке кофе, закурил и прогулочным шагом направился в сторону центра. Сейчас ему лучше всего оказаться среди толпы. Посидеть в ресторане, сходить на открытие выставки, туда, где тусуется много людей.

В прежние времена он, из глупого чувства долга, рискнул бы своей жизнью и выполнил задание. Тогда он руководствовался какими-то идеалами. Мальчишеский романтизм... И хотя идеалы оказались пустышкой, снайпер до сих пор любил вспоминать былые дни, гордился своим офицерским званием и боевыми наградами. Но в нынешней мирной жизни ему не нашлось места. Разве что убирать из жизни двуногих хищников по приказам таких же акул-толстосумов. Работенка, которой не приходится гордиться: вроде живодера, отстреливающего бешеных псов. Малоприятная работа. Зато за нее хорошо платят. Но деньги — это не то, за что умный человек способен отдать жизнь. И Охотник предпочел не рисковать. Он уже предпринял некоторые шаги на тот крайний случай, если придется прибегнуть к более изощренному способу устранения. Правда, для этого понадобится приблизиться к жертве вплотную. Но можно использовать и смертника, не подозревающего о том, какая участь ему уготована.

20

* * *

Возвращаясь после очередной вылазки в город в свое пристанище, Кумов увидел неподалеку от дома, в скверике, Шаховского, выгуливающего Бакса. Алексей, посигналил и Барин, помахав приветственно рукой, принялся тащить упирающуюся скотинку к «семерке».

— Гуляете? — поинтересовался Кумов.

— Вышли с Баксом подышать свежим воздухом и решили заглянуть к тебе, — Шаховской поправил выглядывающую из кармана дубленки бутылку «Абсолюта».

С мороза водочка пошла легко и приятно, согрела душу, разогнала тоску, не туманя мысли, не сковывая движений и языка.

Вскоре бутылка опустела. А душа требовала еще. Шанхай предложил заказать выпивку по телефону, а Ленчик все порывался сбегать в коммерческий ларек. Тут неподалеку. Кумов однако убедил Барина, что бизнесмену его масштаба не пристало бегать за бутылкой. Даже если очень хочется, а нечего. Вспомнив о своей крутизне, Шаховской согласился, что ради поддержания престижа можно немного и потерпеть. Усевшись в уголок и устроив у себя на коленях телефонный аппарат, Ленчик принялся накручивать диск, да все не мог попасть куда следует. Шанхай тем временем пошел на кухню заваривать кофе. Вслед за ним увязался и Бакс.

— Что, скотинка, жрать охота? Сейчас что-нибудь смастерим и на твою долю, — Кумов потрепал бультерьера по загривку и заглянул в холодильник.

Предвкушая угощение, Бакс облизнулся, но когда Шанхай протянул ему кусок кровяной колбасы, бультерьер разочаровано фыркнул: стоило ради этого идти на кухню. Пес осуждающе посмотрел на человека, да так, что тому стало стыдно и он тут же отрезал попрошайке кусок вареной говядины. Который сразу же был съеден.

Из зала донесся голос Барина:

— Ты этого проглота не балуй! Знаю, что сейчас он разыгрывает перед тобой комедию о несчастной голодной собаке.

Не будучи уверен, что Шанхай прислушается к его совету, Шаховской прошел на кухню и остановился в дверях.

— Ты посмотри на эту раскормленную свинью, — с ним же стыдно во двор выйти. Скоро по ступенькам не сможет спускаться.

Барин ухватил пса за уши и принялся тягать его из стороны в сторону. Бакс зарычал и сделал вид, что хочет укусить хозяина.

— Ах ты моя крысятина любимая!

Шаховской и бультерьер затеяли возню, кончившуюся тем, что Барин собственноручно отдал псу всю остававшуюся ветчину.

— Все одно нам сейчас свежей колбаски привезут, — оправдываясь проговорил он, заметив насмешливый взгляд приятеля. — Люблю я этого барбоса. Наверное, больше Витки. А почему бы нет? Тряпок он не просит, скандалов не закатывает. Жрет, правда, много. Но и я люблю покушать. Тоже грешен.

В прихожей мелодично заиграла музыка. Шанхай с удивлением узнал мелодию гимна Советского Союза.

— Это я звонок перепрограммировал, — пояснил Барин. — Класс, правда?! Узнаешь? «Союз нерушимый республик свободных схватила навеки Великая Русь...»

— Дверь открой, — напомнил Кумов. — Ты кого-то ждал?

— Доставка, должно быть, подъехала.

— Так быстро?

— А че тут особого? У нас все быстро.

Шаховской подошел к двери, спросил:

— Кто там?

— Доставка: выпивка, закуска и десерт, — последовал ответ.

Барин защелкал запорами, ногой отталкивая в сторону любопытствующего Бакса. В прихожую, потрясая бутылкой водки в одной руке и сумкой с продуктами в другой, ввалился Дима Генералов по прозвищу «Генерал» — любитель женщин и прожигатель жизни, никогда не унывающий, морально неустойчивый весельчак и пьяница, занимающийся в свободное от разгула время журналистикой вперемешку с фарцой. Как и Шаховской, Дима был старым знакомым Кумова.

— Привет, дружище, — Генералов облобызал не успевшего отстраниться Шанхая. — Чертов Барин только час назад сказал мне о твоём приезде. И видишь — я тут же примчался. И не с пустыми руками. Шнапс унд шпиц!

Дима вновь потряс сумкой, высоко подняв ее над головой. Затем указал себе за спину, на хихикающих у двери троих девиц:

— А это на сладкое.

Шаховской, заперев за вошедшими дверь, помог гостям снять шубы, затем подтолкнул их к Кумову:

— Знакомьтесь, девочки, — это Леша, мой старый кореш. Он парень скромный, но при этом не последний человек в столице.

Улыбчивая блондинка в облегающем черном платье подскочила к Шанхаю, схватила его за локоть:

— Все, бабоньки, это мой кавалер!

— Не наглей, Танька, — осадил ее подруга, — дай человеку самому выбрать.

Барин на правах хозяина прервал обсуждение щекотливого вопроса и предложил всем

пройти в столовую.

— А, может, лучше — сразу в спальню?! — хохотнул Генералов. — А впрочем, правильно — первым делом рюмка водки, а уж девушки потом. И не ссорьтесь, Лешка у нас такой парень, что его на всех хватит и еще останется.

— А мы что — хуже? — обиделся Барин.

— Да уж мы то знаем, какой ты, — вставила блондинка, продолжая тесно прижиматься к Кумову. — В прошлый раз показал себя во всей красе!

— А что — «в прошлый раз»? — поинтересовался Дима.

— Ой-ой-ой! Выпил немного лишнего — а разговоров теперь будет! — хоть Шаховской и постарался сделать вид, что слова женщины его не затронули, но, тем не менее, было заметно, как он смутился.

— Этот Казанова, — не унималась блондинка, — на той недели ввалился ко мне среди ночи на квартиру. Часа полтора бахвалился, какой он неутомимый любовник. Потом вылакал остатки принесенной с собой водки, облевал всю ванную и отрубился, даже не раздеваясь. Ни тебе любви, ни ласки!

— Вы сюда водку пришли пить или языками чесать? — поспешил Барин сменить тему разговора. — А ты, Танька, оставь Алексея в покое — никуда он не денется. И давай сваргань какой-нибудь закусон.

Гулянка быстро стала набирать обороты. На столик выставили бутылки со спиртным, закуски. А потом рюмка за рюмкой собравшиеся принялись «набирать норму».

— Тебя, Леша, и не узнать, — говорил Генералов, — набрался лоска по заграницам. Смотрю на тебя и даже сомнение берет — и ты, и не ты. На улице встретил бы — не узнал. Богатым будешь.

— Куда ему дальше. Ты бы лучше меня когда не признал, — вмешался Шаховской.

— Попробуй тебя не узнать! Один раз увидишь, всю жизнь потом морда будет сниться в кошмарных снах, — отвечал Генералов и, наклонившись к Шанхаю, прошептал:

— А ты сюда приехал по делу?

— Хочу немного развеяться.

— Да ладно... Чего бы ты еще в Ровск приперся. Совсем нас за фраеров считаешь? Сейчас у нас крутой передел идет. Великий скопытнулся, Ходосеев под себя бановский рынок тянет, Боксер тоже куски рвет. Даже Барину кой-какая мелочишка перепадает.

— Меня это не интересует.

— Конечно, свои миллионы ты заработал честным путем.

— Не в этом дело.

— А, понял: ты уже завершил стадию накопления первичного капитала. Поздравляю. Теперь респектабельным становишься? Фамилию сменил. Может, еще найдешь себе какого-нибудь знатного предка? Сейчас модно иметь родословную. Или вот — посватайся к Бачуриной. Графиня и богачка покруче западных миллионеров.

— Что за Бачурина?

— Вдова Петра Великого. Во, фамилии у людей, а?

— Вдовушка далеко, а я рядом, — блондинка обвила руками шею Шанхая. — И между прочим, мы с ней почти полные тезки.

— Только фамилии разные и репутации, — хохотнул Генералов.

— Мы все здесь со звучными фамилиями, — опять вмешался Барин. — Хотя я и не претендую на родство с аристократами. С таким же успехом я мог бы носить и фамилию

Айвазовский. Леня Айвазовский — звучит?!

— Я Генералов не потому, что мои пращурсы генералы. А потому, что они были крепостными или денщиками у какого-то генерала. И я унаследовал их гены. Бар и не люблю, и завидую, и ненавижу... И жить без них не могу. Как мои прадеды. Потому, что не хочу и не умею быть свободным. Хочу лишь насолить барам.

— Ты не обращай на него внимания. Его с телевидения и из газетенки выкинули. Что-то он там одобрителное о нац-социалах ляпнул.

— Это о каких нац-социалах?

— Появились у нас умники, решившие построить коммунизм для одного отдельно взятого города. А для начала стали обкладывать данью банки и фирмы.

— Рэкетеры, что ли?

Барин, вспомнив свое прошлое, скривился, размышляя: не обидеться ли на подобное сравнение. Но затем согласился:

— Своего рода. Они звонили и требовали перевести средства на счета детских домов, больниц и тому подобное. В случае отказа обещали неприятности. Пару раз побили стекла и кинули в офис одной фирмы бутылку с коктейлем Молотова. Придурков, конечно, поймали.

— Я сказал, что это был заговор рабов. Сравнил «нац-социалов» с пугачевцами и разинцами, — вставил Генералов.

— Тогда понятно, за что турнули, — улыбнулся Шанхай. — Пугачева и Разина вспоминать не стоило.

— Прав был классик: все рабы, сверху донизу. — Генералов ударил кулаком по столу. — А мы ничем не лучше наших предков. И бунт наш против существующего порядка — рабский бунт, как наших прадедов, что жгли поместья бар, а потом сидели на пепелище и думали: а дальше как? Кто укажет, когда сеять, когда пахать. Не привыкли жить свободными. Да и хлопотно это, самому отвечать за себя и последствия своих поступков. И приходили новые господа. Устраивали новые порядки. И начинались на мужицких кухоньках разговоры: а старые бары не такие уж и плохие были. И хлеб тогда дешев был, и жить было куда легче. И снова бунт, русский бунт! Черт с ним, что кровавый, обидно — что бессмысленный! Потому, что бунт рабов. Пугачевщина или махновщина — все равно. И то, и другое — восстания холопов. И «нац-социалы» от них не далеко ушли.

— Эх, русская душа — не понятна ни шиша, — заржал Барин. — Русскими жили, русскими и помрем.

— Это ты-то русский? Смесь еврея с татариним. — Генералов обиделся на то, что его перебили.

— Щас как дам по сопатке, увидишь — русский у меня кулак или нет, — потянулся через стол Шаховской.

Шанхай перехватил его руку, вложил в ладонь рюмку с коньяком и подтолкнул обратно в кресло.

— Как мне надоели эти политические разговоры, — громко заявила Татьяна, стараясь разрядить обстановку.

Бакс привстал в кресле и коротко гавкнул. Похоже, он был согласен с гостей.

— Политика для мужиков, все одно что хоккей. Столько эмоций и времени отнимает, а толку, как от козла молока, — поддержала блондинку подруга. А чтобы Генералов не вздумал протестовать, бросилась ему на шею и залепила рот жарким поцелуем.

Татьяна, тезка Бачуриной, уже разливала по рюмкам коньяк.

* * *

Домофон в прихожей призывно загудел:

— Любовь Андреевна, вам бандероль, — сообщил вахтер. Люба набросила на халат плащ и спустилась вниз. Вахтер вытащил из-под конторки пакет и протянул Ходосеевой.

— Только что принес посылный. Я расписался за вас.

Люба разорвала оберточную бумагу и увидела под ней роскошный художественный альбом, посвященный творчеству итальянских художников эпохи Возрождения. Ни открытки, ни записки в бандероли не оказалось. В качестве отправителя указан магазин, в котором Ходосеева недавно приобрела книгу по антиквариату.

— Это я заказала книгу, и ее, наконец, прислали, — почему-то стала оправдываться женщина.

Поднявшись в квартиру, Ходосеева еще раз пролистала страницы книги, но и в этот раз не обнаружила того, что искала. И все-таки она была уверена, что подарок послан Борей.

После увлекательной экскурсии по запасникам художественного музея она часто вспоминала этого обходительного и образованного мужчину. Оказывается, и он помнил о ней. И ведь сумел узнать адрес! Женщина почувствовала непонятное беспокойство. Требовалось немедленно что-то предпринять, оставаться в четырех стенах опостылевшей квартиры было просто невыносимо.

— Пойду, прогуляюсь, — неизвестно кому сообщила Люба.

Но вместо того чтобы одеваться, отправилась в душ. Влажная, с тюрбаном из полотенца на голове она уселась перед трюмо наводить красоту. Из зеркала смотрела похожая на подростка худенькая женщина с испуганными глазами. В уголках рта и под глазами лежали тоненькие морщинки, предательские свидетели прожитых лет. Люба принялась замазывать морщинки тональным кремом. Она не слишком часто пользовалась косметикой и мазки получались неаккуратными, совсем не такими, как того желала женщина. И страшно мешало внутреннее, до дрожи в руках, напряжение. Будто после крепчайшего кофе.

Ходосеева посмотрела на полученный результат. Нет, косметика ей положительно не идет. Сейчас она выглядит как уличная потаскуха. Люба принялась стирать помаду и тени. Взглянув на разноцветные полосы на лице, почувствовала, как на глаза навернулись слезы.

* * *

Боксер размышлял. И чтобы мыслительный процесс протекал быстрее, достал из холодильника бутылку водки. А с водкой известно, как дело обстоит: раз уж открыл — надо допивать. Иначе выветрится.

В комнату вошел здоровый бугай из «торпед», охранявших авторитета.

— Там гость.

— Кто?

Молодчик назвал пришедшего. Боксер чертыхнулся, махнул шестерке, чтобы провел гостя, а сам поспешно убрал со стола бутылку.

— Что расскажешь? — в дверь шагнул уже знакомый кавказец. Снял и передал сопровождавшему его бугаю пальто, шарф и шапку.

— Ты и сам, наверное, все знаешь.

— Я знаю, что Бачурина жива.

— Это еще полбеды.

— Не понял...

— Моего стрелка сбросили с крыши высотки.

— Как сбросили? — удивился вошедший.

— Как, как... Молча!

— Может он сам... того. Оступился?

— Все может быть. Только, куда он тогда спрятал ружьецо? На чердаке его не обнаружили, вниз тоже не упало. Да и какого черта ему понадобилось на крыше?!

Гость задумался. Слишком много вопросов. Если Бекасу помогли упасть, то кто? И что произошло со снайпером? Но об этом лучше поразмышлять позже. Боксер ничего не знал о втором стрелке. И не должен был узнать.

— Слышь? А Гришин точно разбился на том самолете, с Романовым? — внезапно произнес Боксер.

— Почему спрашиваешь?

— Это вполне в его стиле: несчастный случай — и ни у кого никаких вопросов.

— Гришин не остановился бы на твоём стрелке. Добрался бы и до тебя. Да и меня не пропустил.

— Бр-р, — затряс головой Боксер, отгоняя дурные мысли. — Выпить хочешь?

— Не время.

— А по мне — самая пора, — Боксер полез за водкой.

— У тебя есть соображения по поводу того, что произошло?

Остановленный вопросом гостя, Боксер замер, держась за ручку дверцы холодильника. Внимательно посмотрел на собеседника. Медленно и с некоторой угрозой процедил:

— Появилась тут одна мыслишка.

— Не будь шизофреником, — правильно истолковал посетитель взгляд хозяина. — Мне нужна Бачурина. И если бы я решил убрать твоего урку, то сделал это после того, как он выстрелил по мишени.

— А я вовсе и не о тебе говорил, — дал попятную Боксер.

— Тогда кого?

— Не хочу зря языком трепать. Надо сперва проверить.

— Ладно, — заторопился гость. — Мне еще надо сделать несколько звонков.

— Можешь воспользоваться моим телефоном.

— Чтобы завтра с утра милиция читала распечатку моих разговоров?

— Ты нас за лохов не держи. Шифраторы, дешифраторы — у нас с этим все в порядке.

— Не сомневаюсь. И все равно должен откланяться.

— Тогда наше вам с кисточкой. Жердь, проводи.

* * *

Продолжение вечера Шанхай помнил урывками. Он жадно припал ко рту Татьяны, ощущая губами прикосновения ее языка, при этом они медленно кружили посреди зала под музыку... А может, все было несколько иначе: вначале танцевали, а затем принялись целоваться. Потом Кумов и женщина оказались в темной комнате. Она извивалась под ним, требуя чтобы партнер не останавливался. Еще, еще! Мало любви, мало наслаждения! Больше! Еще больше! Шанхай полностью отдался сексу. Все в мире стало неважным, кроме женщины под ним, ее груди, бедер, ее лона. Он мял ее тело, входил в него все глубже и глубже, изливая накопившееся напряжение. Волна оргазма бросила его в вязкий колодец изнеможения. Женщина оплела его руками и ногами, не желая отпускать, стремясь продлить сладкий миг. Впилась ногтями в спину мужчины, оставляя на ней кровавые полосы.

Не давая себе расслабиться, Шанхай перевернул женщину на живот и вновь вошел в нее.

У Татьяны к этому моменту уже не оставалось никаких сил, она могла лишь слабо стонать от получаемого удовольствия, полностью поглотившего и растворившего в себе ее личность, ее волю. Не осталось ничего, кроме ощущения самки, находящейся в полной власти самца, и покорной истомы.

В какой-то момент к ним присоединилась брюнетка, имени которой Кумов никак не мог вспомнить. Татьяна не стала разыгрывать ревность — появление в постели еще одной партнерши позволило ей несколько прийти в себя и перевести дух.

Даже вдвоем женщинам пришлось потратить немало сил и проявить изрядную изобретательность, чтобы утихомирить бушующие гормоны Шанхая.

Под утро, лишившись последних сил, они успокоились.

— Когда у тебя в последний раз была женщина? Сколько же ты это копил? — прежде чем уснуть, пробормотала Таня.

* * *

Несмотря на бурно проведенную ночь, Кумов проснулся затемно. Стараясь не разбудить спящих рядом женщин, сполз с постели, оделся, не включая свет. Выскользнул из комнаты.

В прихожей достал из своей сумки теплую спортивную куртку и вязаную шапочку. Где-то скрипнула дверь, застучали когти, и в коридор из-за угла вышел Бакс. Хрюкнул, желая доброго утра, и строго уставился маленькими глазками на человека, недоумевая, куда тот собрался в столь ранний час. Поразмыслив, бультерьер подошел к стоящей у двери тумбочке и стащил зубами поводок.

— Предлагаешь взять тебя с собой? — догадался Шанхай. — Что ж, пойдем, если только обещаешь вести себя прилично и не гоняться за кошками.

Улица встретила освежающим морозом и тишиной. Шанхай вздохнул полной грудью, постоял несколько минут, прислушиваясь к ощущениям внутри себя и чувствуя, как улетучивается туманивший до сих пор голову алкоголь. Затем слегка дернул Бакса за поводок:

— Ну что, пробежимся?

Темные улицы, освещаемые редкими фонарями, были пустынно. Мужчина и собака пробежали несколько кварталов вдоль проспекта Лермонтова, свернули в одну из подворотен и дворами выбежали к Ботаническому парку, раскинувшемуся на склонах огромной балки.

Если кто-то и следил за квартирой Шаховского, то преследовать Кумова по выбранному им маршруту было бы затруднительно. Шанхай прикинул, сколько «топтунов» потребовалось в этом случае для скрытного наблюдения. По грубым оценкам выходило больше десятка. Плюс конспиративные квартиры, автомобили, специальная аппаратура. Одним словом, операция по наружному наблюдению вылилась бы ее организаторам в кругленькую сумму. Трудно предположить, чтобы местное управление внутренних дел или госбезопасности были в состоянии выбросить на ветер бюджетные денежки, ради неопределенного результата. Кумов — не та фигура. Ну, а если вдруг его все же посадили на «короткий поводок», будет полезным узнать это как можно раньше. Но нет... Пробегая мимо одиноко стоящей в парке скамейки, Шанхай заметил рядом с ней пустую банку из-под пепси. Это был знак, что слежка за ним не ведется.

Кумов остановился рядом со скамейкой, достал из кармана шоколад. Откусил большой кусок, дал несколько долек бультерьеру, тот мигом слизнул их с ладони и принялся из всех сил вилять хвостом, выпрашивая лакомство. Вдвоем они быстро расправились с плиткой

«Наполеона». Бросив в сугроб смятую обертку, Шанхай и Бакс потрусили обратно.

В смятой бумажке была завернута зашифрованная записка, предназначенная одному из помощников Шанхая. В конце концов, в Ровск он прибыл не ради отдыха.

21

* * *

Андрей Дмитриевич прошел через боковой вход мимо скучающих охранников, поднялся на второй этаж.

— Где сейчас Татьяна Николаевна? — спросил Гайнанов у худенькой девицы, вышедшей ему навстречу.

— В спальне. Она ожидает вас, — ответила Ира, освоившаяся с ролью секретаря.

Андрей удивился. Для послеобеденного отдыха — слишком поздно. Для того чтобы укладываться на ночь — рано. Что-то случилось?

Бачурина лежала в постели. Вид у нее был неважный: бледная, похудевшая, с темными кругами под глазами. Два дня назад, когда Гайнанов видел Татьяну в последний раз, она все еще себя плохо чувствовала. Вчера они разговаривали по телефону, и графиня заверяла Андрея, что совершенно выздоровела. Да и сегодня днем в телефонной беседе Бачурина не упомянула о недомогании. Но внешний вид ее свидетельствовал об обратном. Особенно почему-то поразили Гайнанова руки, лежащие поверх одеяла, — белые, с бледно-голубыми жилками под тонкой кожей.

— Печальное зрелище? — произнесла Бачурина, перехватив его взгляд.

Усевшись в кресло у постели, Гайнанов принялся нести утешительную чепуху, понимая, что его оптимизм не слишком убедителен.

— Андрей, у тебя были какие-то важные вопросы ко мне, — напомнила Татьяна Николаевна.

— Дела могут подождать.

— Я так не думаю. Вряд ли мне станет лучше через день или два. Поэтому давай не откладывать дела в долгий ящик.

Гайнанов откашлялся и, поставив на колени портфель, достал документы.

— Ситуация сложилась крайне серьезная. Для завершения ряда крупномасштабных программ, начатых Петром Алексеевичем, необходимы кредиты, но с этим возникли проблемы. Ряд проектов мы заморозили. Это означает неизбежные убытки, но иного выхода нет. Но мы не можем остановить выполнение всех программ, это равносильно объявлению банкротства. Кроме того, остаются срочные платежи, выплаты процентов. Кредиторы уже сейчас намекают на судебное разбирательство и наложение ареста на имущество корпорации.

— Все настолько серьезно?

— Честно говоря — даже хуже, — признался Гайнанов.

— Что ты предлагаешь?

— Мы сократили расходы, провели мероприятия по экономии средств, чтобы высвободившиеся активы направить на первоочередные задачи. В этой связи у нас возник ряд вопросов.

— Я слушаю.

— Дом моды «Контес» получил от «Цесаря» кредиты на общую сумму семьсот тысяч долларов. К сожалению, надежд на возвращение этого долга нет. Если учесть деньги, вложенные в рекламные компании, и — иные косвенные расходы, прошедшие через счета

корпорации, сумма потерь вырастает до полутора миллионов.

Татьяна знала, что «Контес» обошелся ее мужу недешево. Но не думала, что настолько. Названная Гайнановым цифра ее поразила.

— У нас была договоренность с Савоном об открытии совместного предприятия. Эксперты давали высокую оценку этому проекту и считали, что каждый вложенный рубль окупится.

— Это так. Но у нас сейчас нет средств на модернизацию швейной фабрики. Мы вынуждены отказать Савону.

Женщина ничего не ответила и лишь смотрела на противоположную стену, где висела картина с мрачным пейзажем.

— К нам поступило предложение продать «Контес». Вместе со зданием, в котором он находится.

— От кого поступило предложение? — едва слышно произнесла Бачурина.

Андрей назвал имя известного модельера. Сумма, которую тот предлагал, приблизительно равнялась долгу «Контес». Но выплачиваться должна была в течение полугода.

— К тому же мы избавимся от ежемесячных издержек на содержание этой убыточной фирмы, — добавил Гайнанов.

— Другого выхода нет? — с надеждой спросила Татьяна.

— Увы. Даже задержка с принятием этого решения грозит банкротством «Цесаря». Вопрос стоит таким образом: или «Контес», или «Цесарь».

— Что ж, избавимся от предприятия титулом пониже. Дом моды слишком дорогая игрушка. Но у меня к вам просьба: попробуйте договориться не о продаже здания «Контес», а о долгосрочной аренде. Дом Бачуриных должен хотя бы формально оставаться собственностью нашего рода.

— Но это значительно уменьшит сумму контракта.

— Продайте подмосковный особняк. Мне вполне достаточно городских домов. Пробежитесь по списку собственности и избавьтесь от всего, что возможно.

— Это ваше личное имущество. Не знаю, стоит ли, — с сомнением произнес Андрей.

— Я должна попытаться сделать все возможное для «Цесаря». Поэтому полученные от продаж деньги передайте через одну из моих компаний корпорации в виде кредита.

— Раз уж зашел об этом разговор... Я слышал, ты хочешь подарить часть картин городу?

— Правильней сказать — оставить себе часть картин.

— А нельзя ли с этим повременить?

— Почему?

— Хотя бы потому, что это выглядит как уступка Ходосееву, проявление слабости. Во всяком случае, многими это будет расценено именно так, что негативно отразится на репутации корпорации.

— Но есть еще какая-то причина...

— Правление рассматривало возможность использования коллекции в качестве залога для получения кредита.

— И кто же это предложил?

— Лебединский. У него и клиент имеется.

— Но ты против? — высказала догадку Бачурина.

— Я предложил Лебединскому в таком случае также внести посильный вклад в дело

спасения корпорации и заложить свои дом и авто.

— Валентин Валентинович, как я понимаю, не согласился с подобным предложением.

— Тем не менее, меня обязали передать предложение Лебединского. Я против этого залога, но мы не можем позволить себе показать слабость. Тем более, перед таким типом как Ходосеев.

— Я учту твои соображения. Попробую устроить все так, чтобы мой дар укрепил позиции корпорации, а не наоборот.

— Тебе решать.

— Что еще? Может, есть иные пути выхода из кризиса, кроме продажи коллекции?

— Все тот же Лебединский постоянно твердит о продаже акций «Химволокна» и «алюминиевого» пакета акций. Ко мне тоже подваливали сомнительные личности, намекая, что я должен повлиять на вас и ускорить эту продажу.

— Сильно давят? — Бачурина не скрывала тревоги. Андрею показалась, что она в первую очередь беспокоится не за бизнес, а за него, Гайнанова.

— Наседают. Но это не слишком интересная тема для разговора.

— Может, тебе требуется помощь Кузнецова?

— В телохранителях пока не нуждаюсь. Но все равно, спасибо за предложение. Что касается пакета акций, о котором мы говорили, то появилась возможность не продать, а передать его в залог. Это позволило бы корпорации получить некоторую передышку.

— Дайте и мне передышку, — внезапно взмолилась Бачурина и откинулась на подушку.

Гайнанов посмотрел на женщину. Она лежала с закрытыми глазами, почему-то закусив губу. В его душе поднималась волна жалости. Он помнил Бачурину, еще недавно щедро обласканную Фортуной, имевшую все, о чем только может мечтать женщина: красоту, молодость, богатство, всеобщее преклонение. Теперь она вдова, оказавшаяся перед угрозой разорения. Что же касается красоты... Смерть мужа и болезнь будто состарили ее на десяток лет. Это была уже не та принцесса, которую помнил Гайнанов.

— Когда я должна дать ответ?

Вопрос застал его врасплох.

— О залоге? — переспросил он. — Если вы решились на продажу части личного имущества, то с решением можно повременить. Но не слишком долго.

— Месяц?

— Месяц, пожалуй продержимся, — согласился Гайнанов.

— Андрей, а почему Зотов послал именно тебя с этим разговором? Ведь подобные вопросы в его компетенции? — Таня повернула голову и смотрела на посетителя в упор, вызывая его на откровенность.

— Наверно потому, что считает наши отношения товарищескими.

— И ты по-прежнему мой друг, — это прозвучало не то как утверждение, не то как вопрос.

— Разве есть какие-то сомнения? — удивился Андрей.

— Никаких.

Последнее слово Бачурина произнесла как-то глухо, с непонятной интонацией. Он еще более внимательно посмотрел на нее:

— Что-то случилось?

Бачурина слабым движением указала на тумбочку, где лежала тоненькая папка:

— Любопытствуй, что доброжелатели прислали по факсу.

В папке оказалась копия газетной статьи, по всей видимости, на французском. Гайнанов, с его знанием языка, не мог прочитать текст, но он сразу узнал фотографию, где они с Бачуриной были сняты на веранде парижского кафе. Андрей сразу почувствовал недоброе.

— Что пишут? — осипшим голосом спросил он.

— Что ты мой любовник и наша связь началась еще до смерти Великого. Что мы устраивали свидания в Париже. В убийстве Петра нас прямо не обвиняют, но намекают.

— И что теперь? — Гайнанов живо представил, как его изгоняют из «Цесаря» ради доброй репутации Бачуриной.

— Наши противники допустили ошибку, поторопившись прислать копию статьи из парижской бульварной газетки. Теперь мы можем подготовиться.

— К чему? — удивился Андрей Дмитриевич.

— К появлению перепечаток в нашей прессе. Не скажу о московских изданиях, но ровские, которые держат еще сторону Ходосеева, не сегодня-завтра преподнесут своим читателям «сенсацию».

— И как я должен встретить ее появление? — спросил Гайнанов. Кажется, вновь возродилась надежда остаться на высокооплачиваемой должности.

— С достоинством. Подготовь жену, продумай свою линию поведения. Посоветуйся с Зотовым. А чтобы показать тебе, что и после появления пасквиля мое отношение не изменилось, я решила отдать в твое подчинение информационную службу корпорации.

— Информационную службу? — переспросил Гайнанов.

— Я решила расчленить детективное агентство. Макс Кузнецов с охранным подразделением останутся при мне, а Сирота перейдет под твое начало. Мне все равно ни к чему промышленная разведка, она и так практически работает на тебя и Зотова. Кроме того, руководство такой структурой усилит твое влияние в корпорации и в дальнейшем ты сможешь предупреждать провокации, подобные сегодняшней.

— Постараюсь оправдать доверие.

— Я знаю, что могу положиться на тебя. И у меня к тебе просьба.

— Какая?

— Пользуйся служебным автомобилем...

— Приходится. Ведь моя машина до сих пор в ремонте.

— Но тебе еще нужен телохранитель. Ведь Зотова сопровождает телохранитель.

— Ему положено, он член Правления и директор. А я всего лишь зам.

— Но ведь с этого момента и твой статус в корпорации повысился, — напомнила Бачурина. — Если не против, я сама распоряжусь о необходимых формальностях.

— Не стоит, отдыхай и набирайся сил. Я скажу, чтобы тебе пока перестали привозить документы на ознакомление.

— Право не стоит. Это ведь совсем небольшой объем информации. Основной поток поступает ко мне через корпоративную компьютерную сеть. Сейчас я просто приказала ее не распечатывать. Все равно это никак не влияет на ход дел в компании. А вот если ко мне перестанут привозить копии решений Правления и Директората, это сразу будет расценено как ухудшение моего здоровья.

— Если не секрет, что тебя беспокоит? Я имею в виду здоровье.

— Пустяки.

— Ну все же?

— Кое-что по женской части... Одним словом, не тема для разговора с джентльменом. Поэтому давай поговорим о чем-то другом.

Выйдя из особняка на уличный холод, Гайнанов зябко поежился. Он пожалел, что отпустил машину. Что ж, придется прогуляться до дома пешком.

В кармане пальто приглушено пискнул сотовый телефон. Андрей приложил к уху аппарат и шагнул с тротуара за рекламный щит, пытаясь укрыться от пронзительного ветра.

— Какое она приняла решение? — слышался из микрофона знакомый голос.

Гайнанов повел глазами по окнам домов с противоположной стороны улицы. Откуда-то оттуда за ним наблюдали, иначе, как бы узнали, что он вышел из дома Бачуриной?

— Попросила месяц на размышления, — не без злорадства сообщил Андрей трубке.

— Понял, — буркнул невидимый собеседник.

А вы думали, сволочи, что плод созрел и готов сам упасть к вам в руки? Ждите! Гайнанов чувствовал удовлетворение, будто это он проявил твердость и готовность к борьбе, по сути, отвергая предложение о передаче акций «Химпрома». А разве не так? Теперь он не тот, что был еще час назад. Он становится фигурой. А с этими... Гайнанов вновь посмотрел на окна. С этими надо будет пересмотреть соглашение.

А может, намекнуть Сироте, чтобы тот проверил жильцов домов по соседству с особняком Бачуриной? Авань удастся выйти на наблюдателей. Нет, это опасная игра с непредсказуемым результатом. Так могут всплыть весьма нежелательные факты, которые можно истолковывать по-разному.

* * *

От дома Ходосеевых до художественного музея общественным транспортом надо ехать с пересадкой. А пешочком — всего пять кварталов. Не близко, но и не край света. Люба преодолела этот путь за каких-то двадцать минут. Что касается автомобиля «Вольво», записанного на ее имя, то ни она, ни Евгений Михайлович им не пользовались.

Ходосеева дважды прошла мимо подъезда музея, не решаясь войти вовнутрь. Затем набралась храбрости и взялась за массивную бронзовую ручку.

— Извините, я не могла бы увидеть Бориса? — спросила Люба у милиционера, дежурившего в вестибюле.

— Какого Бориса? — подозрительно посмотрел милиционер.

Только сейчас Ходосеева спохватилась, что не знает ни фамилии своего нового знакомого, ни его должности в музее. Она принялась путанно объяснять, что Борис искусствовед и помогает составлять музею каталог.

— Зоя Дмитриевна, — позвал милиционер проходившую мимо сотрудницу. — Тут какого-то Бориса спрашивают.

— Бориса? У нас вроде нет никакого Бориса.

— Он искусствовед, — вновь начала объяснять Ходосеева и совсем некстати добавила: — Он профессор Стокгольмского университета.

— Швед, что ли? — удивился милиционер.

— Ах, Борис! Борис Семенович, — внезапно вспомнила сотрудница. — Пойдемте, я вас провожу.

По пути она поинтересовалась:

— А не могла я вас видеть на недавнем открытии выставки картин из музеев Гамбурга?

— Да, я была там с мужем, — призналась Люба.

Сотрудница с интересом посмотрела на посетительницу, гадая кто же ее муж.

Открывать экспозицию прилетел обер-бургомистр Гамбурга, являвшегося побратимом Ровска, поэтому в музее присутствовала вся городская верхушка. Ходосеев не только посчитал обязательным явиться самому, но и взял с собой Любу. Отчасти уступая ее просьбам, отчасти, чтобы похвастаться перед иноземным гостем женой, неплохо разбирающейся в живописи. Это было одним из немногих официальных мероприятий, где Ходосеев присутствовал с женой.

Борис сидел в библиотеке с каким-то толстым фолиантом. Рядом лежали ручка и блокнот, в который ученый делал выписки. Люба с удивлением отметила, что в очках он действительно больше похож на профессора, чем на кинозвезду. Впрочем, очки совсем не портили Бориса, скорей наоборот, делали его лицо более интересным и интеллигентным. Хотя Ходосеевой почему-то казалось, что по отношению к новому знакомому больше подошло бы слово интеллектуал, а не интеллигент.

— А, Люба, рад вас видеть! Как же вы нашли меня?

— Это было не сложнее, чем выяснить мой адрес, — парировала Ходосеева и с удовлетворением отметила, что Борис, оказывается, умеет краснеть.

— Очень хорошо, что вы пришли. И главное — вовремя. Я как раз собрался идти пить чай. Составите мне компанию. Или знаете что? Я вас познакомлю с Элеонорой Даниловной, директором сего богоугодного учреждения.

— Что вы! Я совсем не готова, — испугалась Люба, а внутри почувствовала укол обиды: она ведь пришла не с директрисой знакомиться.

— Это превосходная женщина, — убеждал тем временем Борис, подхватив Ходосееву под руку и мягко, но уверенно увлекая за собой. — Даже странно, что вы не познакомились раньше.

Элеонора Даниловна удивленно подняла брови, увидев ворвавшегося в ее кабинет Бориса, да еще с какой-то незнакомой дамой, одетой, как на прием.

— Разрешите представить вам Любовь Ходосееву.

Директриса расцвела улыбкой:

— Борис много рассказывал о вас. Оказывается, вы большая ценительница искусства.

— Но мы встречались с ним всего один раз, — удивилась Люба.

— Борис Андреевич — проницательный человек. И знаете, он предсказал, что вы будете заходить к нам чаще.

Смущенно улыбаясь, Ходосеева взглянула на Бориса, занятого сервировкой стола:

— Я часто бываю в музее. В качестве рядового посетителя. А сегодня, собственно, пришла поблагодарить Бориса Андреевича за присланную книгу.

— Она вам понравилась? — живо откликнулся искусствовед.

— О какой книге идет речь? — осведомилась Элеонора Даниловна.

За чаем говорили о картинах, художниках, книгах. Тем временем подошел бородатый мужик, сильно смахивающий на хиппи. Оказалось — художник Талисманов. Люба не была с ним знакома, но фамилию часто слышала. Талисманов оказался в компании своим человеком. Он без спроса налил себе чаю и включился в общий разговор, с интересом поглядывая на Ходосееву. Спohватившись, Элеонора Даниловна, наконец, представила художнику гостью.

— Заочно мы знакомы, — заявил Талисманов. — Мне о вас рассказывала Свиридова. До чего, однако, мир тесен!

Ходосеева не заметила, как пролетели два часа.

— Собственно, а ты зачем заглянул? — спустя час или более того поинтересовался у Талисманова Борис.

— Да вот, хотим обсудить с Элеонорой, что делать с картинами, которые намерена подарить городу Бачурина.

— Это бесценный дар, — почему-то вздохнула директриса. — Весь вопрос: где разместить картины?

— А что, хорошая коллекция? — поинтересовалась Люба.

Талисманов принялся рассказывать о картинах, украшающих особняк на Богоявленской, то и дело упоминая фамилии всемирно известных художников.

— Знаете что? — в конце концов предложил он. — Когда я в следующий раз отправлюсь туда, возьму вас с собой.

— Не знаю, удобно ли это.

— Удобно, удобно.

Борис вызвался проводить Ходосееву домой. Идя рядом с новым знакомым, Люба вновь заговорила о предстоящем посещении дома Бачуриной:

— Мой муж был в натянутых отношениях с Великим. Как расценит мое появление вдова?

— Прежняя вражда должна умереть вместе со смертью одного из соперников, — уверенно заявил Борис. — И я считаю, что плохие отношения мужей еще не повод для неприязни между женами. Я Бачурину лично не знаю, но Элеонора и Талисманов весьма ее расхваливают.

* * *

После ухода Гайнанова Татьяна немного полежала с закрытыми глазами, отдыхая.

Разговор отнял слишком много сил. Но она решила сделать еще один телефонный звонок.

— Танюша, это ты? Ушам не верю! — Ларис, услышав голос Бачуриной, искренне обрадовался. — Наконец-то объявилась! Я тебе звоню, звоню... Несколько раз подъезжал на Богоявленскую, но ни разу даже до секретарши не добрался. Тебе хоть говорили о моих звонках?

— Я время от времени видела твою фамилию в списке.

— В каком списке?

— Тех, кто мне звонил.

— И что, много таких желающих? — с сомнением спросил Ларис.

— В иные дни на три страницы. Большинство звонков затем переадресуется руководству корпорации, пресс-секретарю и другим.

— А если звонит какой-то большой начальник? Его тоже пропускают через это сито?

— Большие начальники звонят не слишком часто. А если и звонят, то делают это через своего секретаря.

— Кстати, как твое здоровье?

— Не дождетесь...

— Чего? — не понял Ларис. — А! Так ты еще шутишь?! Значит, все в порядке. А то тут ползут всякие гадкие слухи.

— Гадкие?

— В том смысле, что ты серьезно больна, — пояснил Ларис.

— Уже иду на поправку. (убрать абзац)Давай лучше поговорим, как ты жил в это время.

Что в «Контес»?

— В «Контес»? Все скучают о тебе, часто вспоминают. Поездка во Флоренцию и Рим, с которой говорил Савон, сорвалась. Тебе докладывали об этом?

— Честно говоря, не помню. После смерти мужа я долгое время была сама не своя. Недавно только начала отходить. Но не будем о грустном. Что нового в мире моды?

— Ну, особых новостей нет. Но недавно мне звонил, — Ларис назвал фамилию известного кутюрье, того самого, о котором упоминал Гайнанов. — Предлагал перекупить «Контес» и превратить его в филиал своего Дома. Я послал его куда подальше.

Бачурина промолчала. Не нашла в себе сил сообщить, что кутюрье таки нашел лазейку. А Ларис уже принялся рассказывать об общих знакомых.

* * *

Разговор с Ларисом был для Бачуриной, как поток свежего воздуха, несмотря на чувство вины, которое точило женщину из-за предстоящей продажи Дома Моды. Татьяна лежала на постели с улыбкой, которая сошла с лица, едва она увидела входящего в спальню Тормиса.

Ян присел у постели и сразу же огорошил новостью:

— Мы выяснили, кто передал заказ на вашу ликвидацию. Помните голос «неизвестного» на кассете? Это некий Юсуп Джафаров.

— Кто такой?

— Интересная личность. Одного с Боксером поля ягода.

— Боксер... Это ему заказывали мою смерть. Отказался от своего намерения?

— Не совсем.

Что-то в словах Тормиса заставило Бачурину насторожиться. Но спрашивать она ничего не стала: если не докладывает, значит, нет в этом необходимости. И, кроме того, она боялась услышать нечто такое, о чем впоследствии будет жалеть.

— И что этот Юсуп? Уголовник, как Боксер?

— Только внешнего лоска побольше и калибр покрупней. Покойный Петр Алексеевич имел с ним какие-то дела. Я принес вам для ознакомления досье на Юсупа Джафаровича Джафарова.

— У вас, я вижу, чуть ли не на всех имеются досье.

— Только на тех, кто представляет для нас интерес или попал в наше поле зрения. Вообще-то считалось, что Юсупов поддерживает дружбу с лидером враждебной Боксеру группировки. Но иногда враги становятся друзьями. И наоборот.

— Вы что-то не договариваете, Ян Эдуардович. Что за привычка, сказав «а», никогда не говорить «б»?!

— Гайнанов встречался с Юсупом. Он сообщил вам об этом?

— Нет. Деловая встреча?

— Не думаю. Слишком много предосторожностей. Мы ничего бы не узнали, если бы раньше не засекли Джафарова с Боксером и не установили наблюдение.

— Может, Андрей почувствовал вкус к шпионским играм?

— Тогда бы он использовал в комбинации возможности информационной службы. Но Сирота не осведомлен об этих контактах. Я интересовался.

— Андрей как-то упомянул, что на него наезжают. Я предлагала посоветоваться с Максом, то Гайнанов сказал, что справится сам. Не имел ли он в виду Юсупа?

— Это не оправдание. Особенно для руководителя подразделения службы безопасности

концерта.

— Осуждаете меня за это решение?

— Вы действовали непродуманно.

— Не совсем. Я проконсультировалась с Сиротой и договорилась, что тот будет передавать Гайнанову лишь самую необходимую информацию. Сирота лишь формально подчинен Андрею Дмитриевичу и имеет прямой выход на меня.

— Хм, честно говоря, я не ожидал от вас столь изощренного коварства.

— Приятно слышать.

— Значит, мы можем гнать через Гайнанова дезу? И получатель будет считать, что добытая информация является абсолютно правдивой.

— Если только не усомнятся в надежности источника.

— Это уже забота Юсупа.

— Вообще-то, я думала через Андрея оказывать влияние на Зотова и косвенно на Казарина с Лебединским.

— Вы делаете успехи, Татьяна Николаевна.

— У меня нет иного выхода. Вы же видели поступивший факс...

— Теперь ждите бури.

— Руганью меня уже трудно пробить. Нужно оружие посерьезней. Так что там насчет Боксера?

Неожиданный поворот разговора застал Тормиса врасплох.

— В каком плане?

— В плане покушения на меня.

— Он предпринял попытку, — признался Ян. — Неудачную. Теперь заперся в своем доме, как в крепости. Кажется, что-то его здорово испугало.

— Вы узнали, что именно?

— Кто-то сбросил его человека с крыши. А позавчера был избит и попал в больницу начальник «контрразведки» Боксера.

Бачурина достаточно изучила Тормиса, чтобы уловить в его голосе озабоченность:

— Вас что-то беспокоит?

— Вы не поручали это Максиму или Сироте?

— Но ведь вы уже спрашивали их об этом? Разве не так?

— Они отрицают. Но это ничего не значит.

— Я не давала подобного распоряжение. Может, Юсуп?

— Не думаю. Похоже, появилась какая-то неизвестная сила, имеющая какие-то интересы в Ровске. И мне это не нравится.

Бачурина долго молчала, размышляя. Затем распорядилась:

— Мы должны знать все, что происходит в городе. Что касается Джафарова, оставьте мне его досье для ознакомления. Думаю, что вы уже подобрали материалы и на Гайнанова. Оставьте и эти бумаги. Я хочу, чтобы в дальнейшем вы ежедневно готовили краткую справку о том, что Андрей Дмитриевич делал в течение дня. С Юсупа — глаз не спускать. Я должна знать, кто за ним стоит.

— Будет исполнено, — Тормис выпрямился в кресле, будто перед ним была не молодая женщина, измученная недомоганием, а генерал.

Боксер затаился. Он сократил до минимума прием посетителей и совершенно перестал выезжать в город. Для оправдания был пущен слух, что авторитет заболел чем-то респираторным. Но люди сведущие намеками, что насморк главаря «бановской» группировки имеет скорее нервное происхождение. Когда твоих людей начинают отправлять по одному на больничные койки, а кое-кого и выбрасывать из окон — поневоле заосторожничаешь. По городу ходили предположения одно фантастичней другого. Да и сам Боксер терялся в догадках: что это — ответ на попытку покушения на Бачурину или Юсуп и его шеф Паша натравливали Боксера на графиню с целью отвлечь его внимание, а сами исподволь готовились нанести по авторитету удар и захватить контролируемые тем территории? Недаром Паша через своих эмиссаров обхаживает Ходосеева. Думают, Боксер щи лаптями хлебает. Не на того напали! У Боксера тоже есть свои люди в окружении ровского мэра. И он осведомлен о шагах Паши, направленных как против корпорации «Цесарь», так и против бановской группировки.

В общем, авторитет до поры, до времени не собирался покидать своей норы. А пока десятки агентов Боксера сновали по городу, собирая информацию. Все добытые за день сведения суммировались и ежевечерне докладывались главарю.

В комнату заглянул Жердь:

— Приехал Мосол.

— Пусть заходит, — буркнул Боксер.

После того, как Бугор попал на больничную койку, контрразведку группировки возглавил двухметровый «шкаф» по кличке Мосол. Не потому, что был пригоден к данной деятельности, а потому что Боксер абсолютно доверял бывшему мяснику, раньше состоявшему у него в телохранителях.

Когда Мосол вошел в комнату, половицы под ним прогнулись и жалобно застонали.

— Узнал, кто отметелил Бугра? — угрюмо поинтересовался Боксер.

— Он и сам не знает. Или армейцы, или менты. Но не знакомые Бугру.

— Он сам решил, что нападавшие были ментами, или это твое мнение?

— Бугор так считает. Я ведь этих ментов не видел.

Боксер выбрался из-за стола, прошелся по комнате. Встал за спиной здоровяка:

— А почему Бугор решил, что его мудохали менты?

— Или армейцы, — добавил Мосол. — На урок не похожи, масть не та. А для обычной сывоты — били слишком мастерски.

— Что слышно про Шанхая?

— Бухает, по лебедям ударяет. Гуляет. И его день и ночь пасет милиция. Сам видел, как два глаза перли за Шанхаем по улице. Морды ментовские, я их сразу чую.

Боксер согласно кивнул. О том, что Шанхая взяла под наблюдение уголовка, докладывал и Бугор. Значит, Шанхай не тот человек, которого нанял Паша. Может, братва ошиблась, решив, что вместе с Юсупом в Ровск приедет и опытный мокрушник? Это ведь только слухи. Имей Юсуп своего стрелка, стал бы он обращаться за помощью к Боксеру? Тогда кто сбросил Бекаса? Неужто люди Бачуриной? Что ни говори, а покойный Гришин сколотил крепкую организацию.

Выслушав городские сплетни и пересуды, Боксер отпустил «шкафа». День подошел к концу. В спальне уже дожидалась девка, с которой авторитет спал всего вторую неделю. Еще не успела наскучить. Да и хороша в постели, хоть и не профессионалка.

Боксер потянулся и крикнул в комнаты:

— Жердь! Выпусти кобелей на ночь и обойди дом. Пора спать ложиться.

Телохранитель послушно отправился выполнять приказание. Авторитет в последнее время осторожничал до невозможности. Особенно после того, как пришлось расстаться с Бугром. Установил систему видеонаблюдения, да по соседству на «хате» постоянно сидела тройка-четверка ребят. Попробуй, сунься.

Жердь выпустил собак, достал сигареты. Закурил, разглядывая небо. Целый день было пасмурно, а к ночи облака разошлись. Наверное, к морозам.

Вдруг со стороны дома раздался истошный женский крик. Жердь бросился к двери, но она оказалась заперта, отпереть ее можно было только изнутри. Телохранитель заметался по двору. Встревоженные криком и метаниями человека, залаяли собаки. Крик послышался вновь. Жердь оглянулся, увидел полено и метнул его в окно. Завыла сирена. Телохранитель достал пистолет и рукояткой посбивал осколки. После этого полез в окно.

— Стой! Ты куда, падла! — закричали с соседнего двора двое или трое урок, поспеивших на сигнал тревоги. Один из них, видя лезущего в разбитое окно злоумышленника, пальнул из охотничьего ружья.

* * *

Через час к дому Боксера подъехал майор Гайденко. Узенькая улочка была заполнена машинами: милицейскими, с включенными мигалками, и иномарками группировщиков, услышавших о стрельбе у дома Боксера. «Братва» собиралась небольшими кучками, о чем-то тихо переговаривалась, поглядывая на сотрудников милиции. Но на рожон не лезли, а их предводители всячески демонстрировали готовность к сотрудничеству. У самого дома виднелись микроавтобусы ОМОНа и несколько джипов УБОПа. Из-за множества автомобилей подъехать к дому не было возможности.

Заметив Задорожного, отдававшего распоряжения сотрудникам угрозыска, Гайденко махнул рукой:

— Эй, капитан, распорядись, чтобы дали дорогу.

Задорожный подошел, тоскливо оглядел улочку:

— Безнадежно, товарищ майор. Дальше не проедите. Я лучше сержанта пришлю, чтобы за машиной приглядел.

— Что произошло? — поинтересовался Гайденко. — Я слышал: Боксера убили.

— Черт его знает. Тело обнаружила девка, ночевавшая в доме. Боксер заглянул к ней, сказал чтобы готовилась и пропал. Она подождала, а потом, услышав из ванной шум воды, пошла туда. И увидела на полу Боксера. Мертвого. Вроде как наступил на обмылок, поскользнулся и ударился шеей о край ванны. Эксперты нашли и мыло, и волосы на ванной. Следов посторонних в доме нет. У девки просто не хватило бы сил сломать такому бугаю шею.

— А телохранитель где был?

Задорожный в нескольких словах рассказал о действиях телохранителя, что стало известно с его слов:

— Смех и грех получился. Видно, дружки приняли Жердя за злоумышленника и саданули по нему дробью. Парню повезло. Большинство дробинок попали ему в правую руку и ягодицу. Руку немного защитила кожаная куртка. А вот ягодице досталось. Могли и все хозяйство отстрелить. Впрочем, заряд был ослабленный и Жердь больше испугался, чем пострадал. Вот тут и началась катавасия. Сигнализация воеет. Девка наверху верещит. Жердь орет. Собаки заходятся лаем. А дружки с соседнего двора никак не могут в дом Боксера

попасть. Собаки не пускают. Псов перестреляли бы, но тут патрульная машина подъехала. Кто-то из соседей позвонил. А потом и все остальные подоспели.

— Значит несчастный случай?

— Похоже.

— Слышу в твоём голосе сомнение.

— Я не сомневался бы, не имей мы уже один несчастный случай. С Бекасом. Да и Бугор очень кстати в больницу попал. И опять — случайность.

— Если ты прав: имеем пример очень чистой работы. И доказательств преднамеренного убийства нам вовек не сыскать.

— Но попробовать все-таки следует?

— А куда деваться? Работа такая.

* * *

Слухи о проделках жен достигают ушей мужей в самую последнюю очередь. В справедливости этого утверждения Евгению Ходосееву пришлось убедиться на собственной шкуре. В то время, как он уже был готов начать наступление на корпорацию «Цесарь», официально обвинив ее покойного владельца в торговле наркотиками и отмывании грязных денег, мэру Ровска сообщили, что его жена не сегодня-завтра займет кресло директора Фонда Великого.

— Что-то я не пойму вашей игры, — заявил городской прокурор, давний соратник мэра, сверля Ходосеева кабаньими глазками.

— О чем это ты? — не понял Евгений Михайлович.

Прокурор вкратце пересказал циркулирующие в городе слухи.

— Что за ерунда?! — возмутился мэр.

Прокурор лишь пожал плечами и поспешил откланяться. Ходосеев никогда не интересовался личной жизнью жены. О том, что у Любы может возникнуть роман с кем-нибудь на стороне, Евгений Петрович и не думал. Не потому, что не был ревнивым (своих любовниц он ревновал о-го-го!), а просто привык считать жену серенькой мышкой, на которую никто не обратит внимания. Да и сама Люба была слишком робкой, чтобы крутить амур. А уж интересами и увлечениями жены Ходосеев не интересовался и в молодости. Покупает свои книги, шастает по музеям, и слава Богу. Оказывается, напрасно не интересовался.

Дома Любы не оказалось. Евгений Петрович сел у телефона и задумался: куда звонить? В художественный музей? В Фонд Великого, телефона которого он не знал? А может, самой Бачуриной? Проклятье! Мэр потянулся к трубке, решив позвонить зятю. Но замер: просить, чтобы чекисты искали его жену? Ходосеев позвонил вахтеру и даже против обыкновения обратился к нему на вы:

— Не скажете, как давно ушла Любовь Андреевна?

Вахтер удивился:

— Она уже вернулась. Вместе со Свиридовой, из семнадцатой квартиры.

Перепрыгивая через ступеньки, мэр сбежал на два этажа ниже и позвонил в квартиру художницы.

Дверь открыла хозяйка. Она оказалась на голову выше мэра и больше походила на гренадера в юбке, чем на творческую личность. В крупных лошадиных зубах Свиридовой торчала сигарета. Выпустив в Ходосеева струю дыма, она холодно поинтересовалась:

— Чем обязана?

— Люба... Любовь Андреевна у вас? Пусть поднимется домой.

В ожидании жены Ходосеев яростно мерил шагами зал, то и дело натыкаясь на мебель. Сказать, что он был в бешенстве, означало ничего не сказать. И когда в прихожей раздался звук звонка, Евгений Михайлович метеором примчался к двери и распахнул ее настежь, готовясь обрушить на супругу свой праведный гнев. Но в коридоре никого не оказалось. Лишь на коврике у порога лежал пакет из плотной бумаги.

— Что за глупые шутки? — пробормотал Ходосеев, наклоняясь за конвертом.

Надорвав край пакета, мэр вытащил несколько цветных фотографий отменного качества. Снимки легко можно было бы принять за порнографические, если бы одним из действующих лиц не являлся сам Евгений Михайлович. На каждой фотографии Ходосеев был запечатлен в новой позе и с новой напарницей.

Лишь через пару минут, услышав шаги поднимающейся жены, мэр осознал, что продолжает стоять на лестничной площадке с фотографиями в руках. Он бросился обратно и сунул пакет в портфель.

— Ты что-то хотел, дорогой? — спросила Любовь Андреевна, входя в квартиру.

Евгений Михайлович, еще минуту назад готовый выплеснуть на жену волну ярости, сейчас растерянно молчал. Смущало содержимое подброшенного пакета. Да и жена, честно говоря, немного сбивала с толку. Во-первых, говорила она мягко, но твердо, как человек, ощущающий свою силу. Это было совсем не похоже на всегда безропотную и покорную Любу. Изменилась и внешность супруги. Строгий костюм, прическа. И главное — лицо! Черт возьми, это было лицо думающего человека!

— Что это значит? — выдавил из себя Ходосеев.

— Что именно? — спросила Люба, усаживаясь в кресло и забрасывая ногу на ногу.

— Что означают разговоры о Фонде Великого?

— Это означает, что я нашла себе занятие по душе.

— Занятие по душе?! А ты не могла посоветоваться со мной?

— А разве тебя это интересовало?

Благожелательно-мягкий тон бесил Ходосеева. Да она издевается над ним! И он взорвался. Стремясь взять верх в стычке голосом и напором.

— Может, ты прикажешь мне теперь дома сидеть, пока по своим фондам будешь шастать?

Жена и теперь нарушила привычную схему. Не стала жаловаться на судьбу, сварливым голосом перечисляя обиды, не заплакала. Она просто дала мужу выговориться.

— Тебе это было бы полезно.

— Что?! — от крика взбешенного мэра задребезжали хрусталики на люстре.

— Женя, уймись, ради Бога. Не хватало, чтобы соседи вызвали милицию.

— Милицию?! — Ходосеев стукнул кулаком по столу так, что дерево жалобно хрустнуло.

— Если не успокоишься сию секунду — подам на развод.

— Да как ты проживешь без меня? Ведь ничего не умеешь!

— Как-нибудь проживу, — Люба оставалась по-прежнему спокойной. — А вот что будет с тобой?

— На что ты намекаешь?

— А ты сам подумай, — женщина достала из сумочки сигареты и закурила.

Ходосеев потерял дар речи. Что происходит? Может ему подменили жену?

— Женя, раз ты затеял этот разговор, то давай расставим точки над «і». Для меня не секрет, что я давно не устраиваю тебя как женщина.

«У нее кто-то есть! У нее кто-то есть», — завертелось в голове у мэра. Теперь все стало понятно: и внешний вид, и уверенный тон. Ходосеев не слушал больше жену, он придумывал кары, которые обрушит на неверную. Из задумчивости его вывело лишь слово «развод», прозвучавшее за этот вечер во второй раз. «А ведь она не шутит», — понял Ходосеев. И, похолодев, вспомнил о пакете, о котором в пылу ссоры успел забыть.

— Подумай о том, что я сказала, — Люба поднялась с кресла.

— О чем подумать? — тупо переспросил Евгений Михайлович.

— О последствиях развода.

Ходосеева ушла, оставив супруга в раздумьи. Мэр стал прикидывать, как скажется на его карьере развод. Во-первых, он лишится поддержки клана жены. Это в лучшем случае. Но если теща и Люба начнут подзуживать своих родственников, занимающих достаточно высокие посты, и те ополчатся на Евгения Михайловича... К тому же бракоразводный процесс вряд ли прибавит мэру популярности в преддверии выборов, особенно, если станет известно о его многочисленных любовных связях. А тут еще эти снимки! Если они попадут в руки жены...

Едва мэр вспомнил о пакете, как зазвонил телефон.

— Ходосеев, ты все понял? — послышалось в трубке.

— Алло! Кто это?!

— Пора тебе, Евгений Михайлович, уgomониться.

Голос был мужской, но мэр не сомневался, что угроза исходит от Бачуриной. Ничего, на нее тоже компромат имеется. Пусть не на нее лично, а на покойного Великого. Но если мазнуть как следует, на весь «Цесарь» дегтя хватит. Не отмоются.

Евгений Михайлович, подхватив в руки портфель, поспешил закрыть входную дверь и отправился в кабинет, чтобы запереть злополучные фотографии в сейфе. «Если попросить Мазура, сможет он найти шантажиста?» — мелькнуло в голове, но Ходосеев тут же отмел вздорную мысль. Толик самостоятельно способен найти разве что собственную ширинку. Да и то, не всегда. Вот послал Бог помощничка.

Евгений Михайлович набрал на сейфе код и с усилием открыл тяжелую дверцу сейфа. Бросив пакет на нижнюю полку, хотел уже было запереть сейф, как вдруг обнаружил, что там чего-то не хватает. А именно — папки с компроматом на Великого. Ходосеев выпученными глазами смотрел в стальное нутро, ничего не понимая. Ведь утром все было на месте! Почему-то вспомнился Боксер, убитый этой ночью. И смутные слухи о причастности Бачуриной к этой смерти, которые с утра гуляли по городу. В голову полезли совсем уж нелепые мысли. «Может, она и своего муженька... того!» — Евгения Михайловича передернуло. От такой всего можно ожидать. Он поспешно выгреб содержимое сейфа в портфель и выскочил в зал. Уже надевая пальто, подумал: а разве его служебный сейф надежней домашнего?

Евгений Михайлович опустился в кресло, в котором недавно сидела Люба, и достал из забытой женой пачки сигарету. Болела ушибленная рука.

Вновь зазвонил телефон. На этот раз сотовый, в кармане пальто.

— Алло, — хриплым голосом произнес несчастный мэр, ожидая новых неприятностей.

Звонила Вика.

— Женя, я заглянула к Зине. Заедешь за мной после работы?

Любовница не могла выбрать худшего времени для звонка. Чертовы бабы уже так достали, что он чувствовал себя ярым женоненавистником.

— Иди ты!..

В трубке уже звучали короткие гудки, а Евгений Михайлович все никак не мог закончить забористую тираду. Но зато уж отвел душеньку.

* * *

Тормис застал Бачурину, за телефонным разговором. Не прерывая беседы, она указала Яну на кресло напротив.

— ...Да, я учту ваш совет. Но прошу, чтобы вы тоже позвонили Ивану Осиповичу и напомнили о его обещании. Для меня это важно. Обязательно позвоню, чтобы сообщить, как все прошло. И скорей выздоравливайте. Целую.

— Что за Иван Осипович? Уж не Царедворцев?

— Он самый.

— И с кем же это вы беседовали о Царедворцеве?

— С дядей.

— Каким дядей? — удивился Тормис.

— С моим дядей, Константином Никовани. Кажется, старик заболел. Надо бы слетать его проведать.

— И далеко дядя живет?

— На Балеарских островах.

— Ого! Не ближний свет.

— Не смотрите на меня так, Ян Эдуардович. Я не собираюсь лететь в ближайшие дни.

— Просто я удивляюсь. Вы никогда не упоминали о своем дяде.

— А вы никогда и не интересовались. Что ж, приступим к работе.

— Этой ночью скончался Боксер, — сообщил Ян Эдуардович.

Татьяна испытующе посмотрела на мужчину.

— Наши люди не имеют к этому никакого отношения, — заверил Ян.

Бачурина взяла принесенную сводку и углубилась в чтение. Пробежав глазами первый абзац, она стукнула ладонью по столешнице:

— Ян Эдуардович, я прошу вас выяснить, кто распространяет эту мерзкую клевету! — Она раздраженно взмахнула зажатым в руке листком.

— Какую клевету?

— О моей причастности к смерти Боксера. И опять эти слухи о смерти Серенко. Я специально попросила выяснить, кто он, и узнала, что этот человек погиб от несчастного случая. Почему вдруг его смерть вспомнили? Я еще могу понять, когда мне приписывают покушение на Боксера. Но почему — Серенко? Кому это могло понадобиться?

— Мне.

— Вам?!

— И вам тоже, — ни мало не смущаясь добавил Ян. — Это по моему приказу распустили слух. Как и многие другие. Гоним дезу.

— Но зачем? Вы можете объяснить: зачем?! — почти крикнула Татьяна Николаевна. — Какую пользу может принести эта напраслина?

— Мы ничего не делаем без определенного смысла.

— Но при чем тут этот Серенко? Кто он вообще такой? Я никогда раньше даже не слышала этого имени.

— Серенко — никто, пустой звук. Но им мы пугали наших врагов перед прошлым собранием акционеров. А теперь имя Серенко всплыло, потому что обстоятельства его смерти сходны с обстоятельствами гибели Боксера.

— А если милиция поверит и начнет трепать мне нервы?

— Пусть проверяют. Лишь убедятся, что мы не имеем к этим смертям никакого отношения.

— И все же объясните: зачем понадобилось распространять эти слухи?

— Кто услышит, задумается: стоит ли задирать «беззащитную» вдову.

— Это обо мне? Ладно. Но почему вы убеждены, что слух достигнет ушей тех, кому он предназначен? И главное, поверят ли ему?

— Слухи передаются даже в среде критически относящихся к ним людей. Их передают хотя бы ради того, чтобы продемонстрировать свою осведомленность. Через две недели весь Ровск будет говорить о том, что смерть Серенко сошла вам с рук. Еще через неделю, а то и раньше, сопоставят обстоятельства этого «несчастливого случая» с тем, что произошло с Боксером. И вскоре Ровск заговорит о том, что Боксер поплатился за свою наглость. Не надо было разевать пасть на то, что принадлежит вам. Собственно, уже начали так говорить.

— Но я повторяю: поверят ли этому слуху наши противники?

— Главное, поверят друзья. Друзья всегда склонны верить самому худшему. А уж по отношению друзей будут судить и враги. А если даже и не поверят, все равно в своих планах будут исходить из худшего.

— У вас на все имеется объяснение. Вы что же, готовы реорганизовать свою организацию в агентство по изучению слухов?

— А как вам нравятся обвинения в торговле наркотиками?

— Ради Бога! Вы думаете, что говорите?!

— Но ведь ходят и такие слухи. Ими пытались прикрыть обыск, проведенный в вашем доме едва ли не сразу после смерти Великого. Помните, тогда к вам и в офис «Цесаря» сразу же явились чекисты?

— Увы, помню.

— Этот слух о наркотиках опять стал циркулировать в Ровске.

— Кто его распространяет?

— Ходосеев, кто же еще.

— Никак не уймется. Пора бы его приструнить.

— Думаю, через день-два мы это сделаем.

— Хоть эту занозу удалите, — вздохнула Татьяна. — Кстати, мне очень расхваливают жену Ходосеева, Любовь Александровну. Говорят, очень приятная и симпатичная женщина. Рекомендуют ее в администраторы картинной галереи, которую я передаю городу.

— У меня нет возражений.

— А вот у меня почему-то появились сомнения: уж не вы ли позаботились о том, чтобы именно Ходосееву рекомендовали на эту должность?

— Все получилось само собой. Мы приложили минимум усилий. Кстати, возможно Любовь Андреевна займет должность не администратора, а директора Фонда. У нее вдруг обнаружились организаторские способности. Об учреждении Фонда и назначении Ходосеевой его директором мы заявим завтра.

— Но, как это будет выглядеть? Вы собираетесь шантажировать мужа, а жена возглавит Фонд Великого.

— Жена за мужа не ответчица.

— Надо будет напомнить об этом кредиторам «Цесаря». Что еще?

— Раз мы заговорили о клевете — вот исследование реакции на перепечатки из парижского бульварного листка. Большинство ровчан восприняли публикации как клевету и завалили редакции газет протестами. Звонят — телефоны раскалились!

— Я вижу, вы радуетесь. Это вы организовали волну возмущения?

— Были задумки, но мы от них отказались, когда увидели, что общественное мнение на вашей стороне и не нуждается в подогреве. Венец — завтрашняя публикация в городском официозе. Мне уже удалось получить верстку. Подборка фотографий, на которых вы запечатлены с губернатором Мостовым, Самойловым и другими известными личностями. Общий заголовок: «Это тоже любовники Бачуриной?»

— В городском официозе? Опровержение? — удивилась Татьяна.

— Это похоже на капитуляцию Ходосеева, — заметил Ян.

— А что вы оставили на десерт? Я вижу у вас в руках папку.

— Материалы на директорат и Гайнанова.

— Пришло время поставить всех на место?

— Пришло.

23

* * *

Казарин заперся в кабинете и распорядился никого не впускать и ни с кем не соединять. Ему надо было подумать. В последние дни произошло много такого, что требовало анализа. Смерть Боксера. После ухода Великого уголовник распоясался вовсю. Немало крови он попортил и Казарину. Так что несчастный случай, унесший жизнь авторитета, отрадное событие для корпорации. Вот только если бы не упорные слухи, что к этому приложила руку Бачурина. Такой поворот не устраивал Михаила Петровича. Положим, у самой графинюшки на подобное злодейство — кишка тонка. Но Гайнанов или Зотов вполне могли. А где гарантия, что они не прибегнут к силовым методам против своих соратников-конкурентов? Вот и мэр неожиданно изменил свое отношение к «Цесарю». Припугнули или купили? Недаром жена Ходосеева возглавила недавно созданный Фонд Великого. А может к мэру применили и кнут, и пряник. Сперва прижали, отчего он ходит, как в воду опущенный, а потом показали морковку. Вот и поджал хвост. Тоже неплохое событие, если бы и в этом случае не торчали уши Бачуриной. Как бы Татьяна Николаевна не преподнесла какого-то сюрприза на сегодняшнем собрании. Правда, говорят, что она продолжает болеть. Но Гайнанов и Зотов — здоровы, как быки. И явно что-то затевают. Что?

Ожил телефон на столе. Казарин недовольно поморщился: ведь просил ни с кем не соединять.

— Михаил Петрович, звонили от Бачуриной, — доложила секретарь. — Просят срочно подъехать на Богоявленскую.

— Зачем?

— Сказали, по неотложному делу.

Казарин хотел распорядиться, чтобы секретарша перезвонила Бачуриной и уточнила время и тему встречи, но следующая фраза секретаря заставила его переменить решение.

— Вызваны также Лебединский, Зотов и Гайнанов.

В коридоре председатель Правления столкнулся с соперниками. Зотов и Гайнанов имели обеспокоенный вид. Они тоже явно не знали, чем вызвано столь неожиданное

приглашение, да еще в день экстренного собрания акционеров. У подъезда офиса Казарина ожидал Лебединский, решивший присоединиться к союзнику, чтобы не отправляться на Богоявленскую в одиночестве.

* * *

Руководители корпорации мчались на вызов Бачуриной, гадая, что означает ее выходка. Женский каприз? Или она хочет сообщить что-то по-настоящему важное?

Татьяна Николаевна приняла их неласково. Даже не предложила сесть.

— Валентин Валентинович, — обратилась она к Лебединскому, — вот эта крайняя стопка документов поступила ко мне из банка, управляющим которого вы являетесь, в течение последней недели.

Приглашенные обернулись и увидели в углу кабинета, у стены, четыре огромные стопы папок. Казарин с Лебединским переглянулись. Они и не подозревали, что через их офисы проходит столько бумаг. Они просто распорядились передавать наследнице копии всех входящих и исходящих, без пометок. Пусть сама разбирается.

— Разрешите? — банкир подошел к самой большой из стопок, взял верхнюю папку. — Да, это, кажется, из моего банка.

— Это действительно важные документы, с которыми мне необходимо познакомиться?

— По всей видимости, так. Таков обычный порядок.

— Тогда зачитайте, пожалуйста, любой документ из папки, которую вы держите.

Лебединский непонимающе уставился на Бачурину. А затем, не придумав ничего лучшего, взорвался возмущением:

— Вы оторвали нас от работы, чтобы устраивать сцены? Это неслыхано!

— Хорошо. Я зачитаю сама.

Татьяна Николаевна раскрыла скоросшиватель, пробежала взглядом по первой странице и обратилась к присутствующим.

— Вопрос, который нам следует рассмотреть, касается предоставления кредита под залог имущества. Какой-то «челнок» просит несколько тысяч долларов на свой бизнес, под проценты.

— Я не понимаю, что вас не устраивает в этом предложении? Риск минимальный. Мы не первый год занимаемся подобным.

— И для каждой такой сделки вам требовалась подпись Петра Алексеевича? У вас нет специалистов, способных решить этот вопрос без моего личного участия? Интересно, что скажут акционеры, когда им представят перечень документов, направляемых мне на ознакомление? Возможно, они решат, что вам не хватает опыта и способностей.

— Я не позволю вам разговаривать со мной в подобном тоне!

— Это я не позволю вам поступать со мной, как с глупенькой девчонкой! И вам придется дать отчет в своих действиях перед собранием акционеров.

— Вот и отлично. Там и поговорим! На собрании!

Лебединский повернулся, чтобы уйти. Но Бачурина его остановила:

— Вы ведь утверждали, что это важные документы, требующие скорейшего рассмотрения.

— Я и сейчас это утверждаю. Сейчас не такое время, чтобы пренебрегать делом из пустого каприза или глупых амбиций.

— Вы совершенно правы, Валентин Валентинович. Дело — прежде всего. И потому я не стану выяснять с вами отношения. Но вы упомянули о прохождении документов. Я не

поленилась узнать, какой порядок существовал при Петре Алексеевиче. И выяснила: прежде, чем бумаги попадут на мой стол, они должны быть завизированы вами. А я лишь одобряю или отвергаю ваше решение. Я, а не вы, конечная инстанция. Поэтому будьте любезны, пройдите в соседнюю комнату и просмотрите эту кипу документов. Вы без труда убедитесь, что все они без вашей подписи.

Лебединский оглянулся на Казарина. Но тот смотрел в сторону и совершенно не собирался поддерживать управляющего банком.

— Я пришлю за этими документами и просмотрю их в своем офисе. Это все?

— Еще один вопрос. Изучая бумажные завалы, мы обнаружили в них необъяснимые лакуны. И постарались сами восстановить отсутствующее. Ознакомьтесь, пожалуйста, вот с этим, — Татьяна Николаевна подала банкиру одну из трех красных папок, лежащих перед ней.

Управляющий еще раз оглянулся на Казарина, но тот вновь проигнорировал умоляющий взгляд союзника. Валентин Валентинович с опаской раскрыл папку. Едва взглянув на документы, он отшатнулся, будто увидел змею.

Дверь отворилась, в кабинет вошли двое молодых людей, по-видимому, вызванные Бачуриной.

— Саша, помогите Валентину Валентиновичу отнести папки в свободный кабинет. И окажите ему необходимую помощь. Как только управитесь, Валентин Валентинович, сразу же ко мне. Я приму без промедления.

Михаил Петрович, обладавший быстрым и цепким умом, уже понял, что Лебединский подставился самым глупым образом. Сколько раз он предупреждал банкира, чтобы тот воздержался от махинаций с кредитами. Но тот совершенно опьянел от бесконтрольности и пользовался банком, как своим собственным. Интересно, на чем его поймала девчонка? Наверняка на сущем пустяке. Вот дурак! Подчинится он теперь Бачуриной или нет, — уже не играет никакой роли. По требованию девчонки Правление освободит Валентина Валентиновича от занимаемой должности. Да и кто он такой? Всего лишь управляющий. Служащий, на место которого всегда можно найти другого.

Смотреть на Лебединского было неприятно. Его плечи как-то сразу поникли, и управляющий, опустив голову, вышел шаркающей походкой в сопровождении атлетов.

Когда за проигравшим закрылась дверь, Бачурина взяла в руки следующую красную папку. Казарин поспешил упредить удар, произнеся с улыбкой:

— Теперь, как понимаю, настал мой черед? Однако вы можете легко убедиться, что направленные мной на подпись документы оформлены по всем правилам.

— Вы правы. Но только отчасти. Поскольку лишь часть документов, наиболее важных, имеет вашу визу. И они совершенно теряются в ворохе других, вроде сводной ведомости движения средств на счетах строительного треста.

— Материалы отобраны мной лично. Остальные посланы на тот случай, если бы вы захотели более глубоко вникнуть в тот или иной вопрос. По-видимому документы перепутались при перевозке. Я прикажу наказать виновного.

— Надеюсь, вы в дальнейшем не допустите подобного. Я вас больше не задерживаю.

Бачурина отложила красную папку в сторону, так и не открыв ее. Раз Казарин капитулировал, обострять отношения не было нужды.

Своих соратников Татьяна Николаевна отчитывать не стала. После ухода Казарина она пригласила их сесть, предложила кофе. После чего стала обсуждать трудности, которые

могли возникнуть в ходе собрания. О стопках документов, высившихся в углах, больше не вспоминалось. Но Зотов и Гайнанов были достаточно умны, чтобы понять — что урок предназначался и им тоже.

— Свекруха кошку бьет, а невестку поминает, — проговорил Гайнанов, когда они вышли из кабинета.

Зотов полностью согласился молодым коллегой. Девочка оказалась далеко не так проста, как казалось поначалу, и манипулировать ею вряд ли удастся. Аркадия Константиновича интересовало также, на кого был собран компромат в последней оставшейся красной папочке. На него или на Гайнанова?

Ой, не случайно на столе у графини лежало именно три, а не две или четыре папки.

Ну и штучка же эта, Татьяна Николаевна!

* * *

Спустя три часа после того, как Зотов и Гайнанов вышли от Бачуриной, из ворот особняка на Богоявленской выехала кавалькада автомобилей, среди которых выделялся длинный, как крейсер, «Линкольн».

Охотник с любопытством смотрел на промчавшиеся мимо него лимузины. Он все-таки верно рассчитал, что Бачурина не сможет отказаться от посещения отчетного собрания акционеров. Впрочем, это было не слишком сложно. Но правильно выбрать путь, по которому кортеж проедет к «Цесарю», — свидетельство профессионализма Охотника. Отличное место для засады. Если на повороте установить взрывное устройство, нечто среднее между картечью и миной, шквал осколков сметет все три автомобиля. Можно подстраховаться и расстрелять останки машин из гранатомета. Все необходимое для проведения акции уже переправлено в Ровск. Однако время использовать этот арсенал не пришло.

Катайся пока, Татьяна Николаевна. Тебе еще придется познакомиться с моим искусством. Но не сейчас. Позже.

Охотник бросил последний взгляд вслед скрывшейся кавалькаде и направился к машине, оставленной в квартале от этого перекрестка.

* * *

Как и в прошлый раз, Гайнанов вышел встречать Бачурину. Но сейчас вместо дождливой осени стояла зима, и Андрей Дмитриевич не выскочил во двор в одном пиджачке, надел и шапку, и пальто.

У подъезда выстроились рядами престижные иномарки акционеров. У всех входов и ворот, вдоль тротуаров топтались, выпуская при дыхании клубы пара, сотрудники милиции и службы безопасности. Сторонний человек мог бы подумать, что ожидается приезд какого-то высшего государственного чина, а не рядовой мультимиллионерши.

Вот показался первый «Мерседес» с мигалкой на крыше. Автоматически Гайнанов сделал шаг навстречу. И почувствовал, что кто-то трогает его за локоть. Обернувшись, Андрей увидел телохранителя Бачуриной.

— Татьяна Николаевна просит, чтобы вы встретили Самойлова и Царедворцева. Они подъедут с минуты на минуты, — сообщил Кузнецов.

— Макс, а разве вы не с Татьяной Николаевной? — удивился Гайнанов.

— Графиня уже в здании, в своем кабинете.

— А как же? — не находя слов Андрей указал на «Мерседесы», сворачивающие во двор.

— Татьяна Николаевна уже в кабинете, — повторил телохранитель, — и просит вас

встретить Самойлова и Царедворцева. Они, кажется, уже приближаются.

Макс повернулся в противоположную сторону улицы, откуда подъезжал «ЗИЛ» в сопровождении черных «Волг». Андрей обратил внимание на флажок с гербом Ровска на капоте.

Не успел Гайнанов подойти к центральному входу, где в окружении небольшой свиты дожидался гостей Зотов, как регулировщики перекрыли улицу, чтобы «ЗИЛ» беспрепятственно развернулся и припарковался перед «Цесарем». Из машины выбрался губернатор Мостовой. Как старому знакомому, кивнул Зотову и посторонился, чтобы могли выйти его спутники, академик Царедворцев и Самойлов, недавно ставший главой одной из думских фракций. Андрей Дмитриевич ничего не знал ни о намечавшемся визите этой троицы в «Цесарь», ни о том, что Самойлов и Царедворцев в Ровске. Это был сюрприз не только для Гайнанова, но и для Зотова.

Казарин хмуро взглянул на часы. Пора бы начинать, а Гайнанов и Зотов задерживаются. Лебединского тоже нет. Но его отсутствие Михаила Петровича не удивляло. Он знал, что еще вчера вечером управляющий банком написал прошение об отставке. Лебединского «ушли». Того гляди, и до Казарина доберутся. И вот генеральный директор, председатель правления, как мальчишка, дожидается, когда соизволят появиться его замы. Гендиректору только и остается, что делать вид, будто он просматривает бумаги и все идет как надо. Время от времени он поглядывал в зал, где заметил Ходосеева. Присутствие мэра означало полную его капитуляцию. Соотношение сил складывалось явно не в пользу Казарина. Михаил Петрович оглядел собравшихся, прикидывая, на кого из недавних союзников может положиться. Многие отводили взгляд. Но больше всего беспокоило то, что он не видел Оганесова. Не приехал, подлец! А ведь обещал.

Наконец объявились Гайнанов и Зотов. Пройдя на свое место, адвокат наклонился к Казарину:

— Приехала Татьяна Николаевна. Сейчас подойдет.

Михаил Петрович, пытаясь сохранить хорошую мину при плохой игре, важно кивнул головой, в душе проклиная и Зотова, и Бачурину.

Из бокового прохода на сцену, где находились места президиума, вышла Татьяна Николаевна. При ее появлении Гайнанов и Зотов поднялись с мест, их примеру последовали остальные. Тем более, что в двух шагах за Бачуриной следовали трое мужчин, известных всем в этом в зале. И если кто-то мог себе позволить оставаться в кресле в присутствии женщины, то при появлении губернатора встали все. Да и Самойлов с Царедворцевым были людьми уважаемыми. В хорошей компании предстала графинюшка перед акционерами. Задействовала тяжелую артиллерию. Теперь даже сомневающиеся, убедились в крепости ее позиций. Чуть позади них шел человек, чье появление в свите Бачуриной было не менее символично.

Увидев за Татьяной Николаевной Оганесова, Казарин понял, что его игра проиграна окончательно и бесповоротно. Артур наконец определился, на чьей он стороне и, как всегда, выбрал победителя. Казарин нашел в себе силы улыбаться и пожимать руки высоким гостям. Но ему было сейчас ой как не радостно.

* * *

Через четыре часа после начала собрания пресс-секретарь Бачуриной сообщил собравшимся журналистам первые новости. Татьяна Николаевна стала президентом и председателем Правления корпорации «Цесарь». Зотов и Гайнанов получили должности

вице-президентов. Что касается Казарина, он остался членом Правления.

* * *

Охотник увеличил изображение на экране. Итак, вот во двор корпорации въезжает «Линкольн» в сопровождении двух «Мерседесов». Но среди охраны не видно оживления. Более того, в это самое время личный телохранитель Бачуриной находится в метрах пятидесяти от «Линкольна», на противоположном углу здания. Охотник вызвал нужные кадры. Гайнанов указывает на приближающийся кортеж, а Кузнецов объясняет, что Бачурина уже в офисе. Охотник не имел возможности записать разговор мужчин, но их жесты были красноречивы. Эскорт лимузинов, с помпой промчавшихся по городу, всего лишь отвлекающий маневр. Теперь остается отыскать машину Бачуриной. Это должна быть простенькая, малоприметная машина. На экране замелькали изображения — компьютер производил отбор автомобилей, которые были засечены в течение нынешнего дня как у дома на Богоявленской, так и у офиса корпорации. Таковых оказалось пять. Затем в дело включился человек. Охотник просмотрел отобранный материал и исключил из списка машины Зотова и Гайнанова. Осталось еще три автомобиля. Выбор Охотник остановил на черной «девятке». По всем признакам, Бачурина отправилась в «Цесарь» именно на этой машине. Вопрос теперь заключается в том, вернется ли она из офиса прямо домой? И воспользуется ли все той же «девяткой»?

* * *

По окончании собрания был устроен банкет для наиболее важных лиц из приглашенных, соратников Бачуриной и высоких гостей.

* * *

Все получилось! Бачурина сама не верила этому. Однако факт: она добилась того, чего хотела, и даже большего. Президент корпорации! А ведь ей нет еще и тридцати... И это еще не вершина. Недаром на банкете Самойлов намекал, что имеет на ее счет большие планы. И речь теперь шла не о почетном вице-председательстве в Союзе финансистов, а о чем-то большем. И мандат депутата Думы для этого «Чего-то» — только начало. Если только Татьяна Николаевна этого захочет.

Перспективы пьянили. А пока Бачурина сидела в полутемном кабинете и ожидала, когда ей скажут, что можно отправляться домой. По мере того как спадало возбуждение, она все больше чувствовала усталость. И все больше хотелось оказаться в родных стенах на Богоявленской.

Оказывается, ко всему можно привыкнуть, даже к добровольному затворничеству, на которое она себя обрекла. Раньше Таня не могла и представить, что сможет без малого два месяца прожить не выезжая из дома. Без театра, выставок, без встреч с друзьями. Наконец, без «Контес». Пережила... Впрочем, не до театров было.

— Татьяна Николаевна, — в кабинет заглянул Макс, — можно идти. Машина уже ждет.

Персональный лифт спустил Бачурину и Кузнецова в подземный гараж, где к этой минуте не оставалось никого из посторонних. Никто, кроме телохранителей, не мог видеть, как президент корпорации садится в рядовую «девятку». Впрочем, акционеры и сотрудники «Цесаря» были уверены, что Бачурина уехала на «Линкольне» еще двадцать минут назад.

Макс помог Татьяне устроиться на заднем сидении. Обошел машину и уселся с противоположной стороны. Кроме Кузнецова в «девятке» находились еще один телохранитель и водитель. Автомобиль вырвался на залитые электрическим светом улицы вечернего города. Ровск готовился к Новому году. Машины сопровождения присоединились

в квартале от «Цесаря» и шли в пятидесяти метрах впереди и позади «девятки».

— Красный свет, — предупредил водитель, притормаживая на перекрестке.

Телохранитель на переднем сидении заерзал, обеспокоено поглядывая на соседние машины и на тротуар.

— «Дозор», — вызвал Кузнецов по радиии передовую машину. — Незапланированная остановка.

— Мы заметили. В эфире порядок.

— «Ратник» вызывает «Воеводу», — дала о себе знать замыкающая группа. — В поле обзора ничего подозрительного.

Бачурина принялась смотреть в окно. На город медленно падал снег. На тротуаре, напротив входа в магазин, курил мужчина, одетый не по сезону в куртку из джинсовой ткани и черную лыжную шапочку. Наверно жену дожидается. Поглядывает на витрину и двери магазина. Когда мужчине надоело это занятие, он стал рассматривать остановившиеся машины. В какой-то момент Татьяне показалось, что незнакомец смотрит прямо на нее.

* * *

Охотник терпеливо поджидал жертву. Когда черная «девятка» приблизилась к перекрестку, загорелся красный свет. Все произошло, как и планировалось. Передовая машина с аппаратурой радиоконтроля оказалась отрезанной от объекта охраны, а сама «девятка» стала прямо над канализационным люком. То, что люк лет уж десять был скрыт под слоем асфальта, никакой роли не играло. В этом случае важно лишь то, что к люку имелся доступ снизу. Охотник еще раз убедился, как важно детально изучить местность, на которой предстоит работать. Он улыбнулся и нажал кнопку на спрятанном в левой перчатке устройстве. Тотчас красный свет сменился на желтый, цвет предупреждения.

Едва зажегся зеленый — «девятка» рванула с места. Охотник почувствовал необоримое желание помахать ей вслед.

Жаль, что заказчики отменили покушение, наложив «табу» на любые акции в ближайшие три дня. А ведь какая возможность представилась! Запрется теперь графиня в своем особняке, и жди, когда она снова в городе покажется. Но кто платит, тот и заказывает музыку. А за беспокойство и упущенный шанс Охотнику отвалили неплохой куш отступного.

Другой бы положил денежки в карман и отдыхал. А Охотник использовал сложившуюся ситуацию для проверки собственного профессионального уровня. Тем более, что подготовленные сценарии использовать уже не придется. «Всегда новое» — вот девиз Охотника.

Что ж, результат получился неплохой. Охотника едва не обманул трюк с лимузинами и малолитражками, но он все же переиграл охрану Бачуриной. В этом помогли телекамеры, установленные вокруг особняка на Богоявленской и офиса корпорации, и компьютер, обработавший поступающую информацию. И еще чутье.

В общем, Охотник был доволен собой. Ощущение торжества от маленькой победы портило только воспоминание о недавней газетной шумихи вокруг парижских походов вдовы Великого. За спинами довольных друг другом Бачуриной и Гайнанова киллер неожиданно увидел себя! Он вспомнил инцидент в Париже, когда едва не попал в объектив уличного фотографа. В мужчине на фото, прикрывающемся журналом, вряд ли кто узнает Охотника. Тем более, в Ровске. И все же, после появления фотографии сразу в нескольких газетах он чувствовал себя так, будто гуляет по улицам голым. Того и гляди, станут пальцем показывать: это тот самый, из Парижа. Но кто мог представить, что женщина в кафе — это

Бачурина!? И уж вовсе в голову не приходило, что в будущем, вслед за мужем, придется принимать заказ на ликвидацию вдовы.

Значит, сегодняшнее короткое «свидание» — уже не первое. До свидания, Татьяна Николаевна. Рад был тебя увидеть. Мы еще встретимся. Скоро. Очень скоро.

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

24

* * *

Бачурина удивительно быстро вошла в курс дел. Ежедневное, в течение полутора месяцев, ознакомление с доставляемыми из офиса «Цесаря» материалами пошло на пользу. Однако новая госпожа президент удивила сотрудников центрального офиса не только своей осведомленностью, но и тем, что прибыла с собственной командой. «Людам Бачуриной», расставленным в ключевых местах, не понадобилось время на раскачку и ознакомление с обстановкой, они сразу же включились в работу. Приход в корпорацию этой команды оказался сюрпризом даже для Зотова и Гайнанова. Не так проста оказалась графинюшка, как казалась.

* * *

Машина Охотника неслась на север, в сторону Москвы. Шел снегопад, временами переходящий в настоящую метель. Быстро темнело, видимость не превышала десятка метров. В такую погоду люди предпочитают оставаться дома, а в дорогу отправляются лишь при крайней необходимости. Поэтому «жигуленок» Охотника мерял пустынную трассу один.

Свернув на обочину, Охотник притормозил и взглянул на часы. До связи оставалось меньше двух минут, а до развилки, где планировалось провести сеанс связи, еще около семи километров. Не успеть. Придется рискнуть и остановиться для разговора в неподходящем месте. Впрочем, чего бояться? Кто его станет пеленговать? Спутниковые телефоны сейчас не редкость. Единственное, что может насторожить, так это то, что при этом используется шифратор. К тому же не примитивный инверсор, а сложная «профессиональная» аппаратура. Для пущей безопасности осуществлялась не голосовая связь, а через клавиатуру подключенного ноутсебука с дополнительной кодировкой. Компьютер ускорял процесс шифрования и дешифровки, что делало возможным обмен фразами через не слишком большие промежутки времени.

В жизни Бачуриной и ее окружения произошли значительные перемены. А значит, для успешного осуществления акции требовалась дополнительная информация. Татьяна Николаевна продолжала безвылазно сидеть в своем особняке, но без знания распорядка дня объекта и его окружения, без сведений о системе безопасности надеяться на успех акции не приходилось. Об этом Охотник поставил заказчика в известность во время второго сеанса связи. Сегодня он должен был получить ответ.

Набрав сообщение, Охотник нажал кнопку передачи. На экране появилась надпись «ждите». Компьютеру потребовалось около четверти минуты, чтобы зашифровать и отправить три слова. Ответа пришлось ждать куда дольше. Наконец на экране появился коротенький текст: «Мы можем предпринять попытку проникновения в жилище объекта. Но после получения необходимой информации вы должны осуществить акцию не позже, чем через неделю. Задержка с исполнением будет расценена как провал задания. Сообщите о своем согласии или отказе».

Неделя на исполнение. И еще не известно, насколько полными будут полученные

сведения. Это задание оказалось самым сложным из тех, что доводилось выполнять Охотнику. Но решение трудной задачи — разве это не удел настоящих мужчин. А риск... Риск лишь щекочет нервы, делает охоту более увлекательной.

Охотник согласился. Конечно же, согласился.

И опять в дорогу. Ночь, метель, а водитель стремился выжать все из мотора, не думая ни о правилах движения, ни о собственной безопасности. Требовалось как можно скорей покинуть район выхода на радиосвязь. И, кроме того, в его распоряжении имелось всего пять часов на то, чтобы преодолеть без малого триста километров и вернуться в Ровск. В иной день это не составило бы большого труда, но сегодня... Охотник жал и жал на педаль газа. Двигатель ревел. Колеса бешено вращались, «жигуленок» с трудом протискивал себя сквозь разыгравшуюся пургу. Ничего, ближе к Ровску погода улучшится. Если, конечно верить синоптикам.

* * *

Татьяна Николаевна вернулась с заседания Правления озабоченной. Корпорация, несмотря на все усилия, продолжала балансировать на самом краю пропасти. Один неверный шаг, и все рухнет в тартарары. А ведь совсем недавно казалось, что кризис миновал. Но победить претендентов на кресло президента еще не означало решить все проблемы корпорации.

— Пригласите ко мне Яна Эдуардовича, — распорядилась Бачурина, поднимаясь в домашний кабинет.

Графиня предпочитала руководить корпорацией из своего особняка, поэтому все правое крыло первого этажа было отведено под ее личный офис. Здесь она принимала посетителей, проводила заседания Правления.

С каждым днем Татьяна Николаевна все больше использовала службу безопасности не для физической защиты своей особы, а для решения возникающих перед корпорацией проблем. Организация, специализирующаяся на охране, постепенно приобретала черты разведывательной службы. Бачурина поручала Тормису прощупать позиции того или иного госчиновника, следить за конкурентами, лоббировать интересы «Цесаря» в министерствах. Потихоньку стали подбираться и к депутатам Государственной Думы — участок работы, совершенно запущенный после смерти Великого.

В ожидании руководителя разведки Бачурина углубилась в изучение черновых набросков статьи, которую намечалось поместить в очередном номере журнала «Профиль». В следующем году планировалось начать настоящее информационное наступление, чтобы создать у широкой публики образ «Цесаря» как респектабельной и преуспевающей компании. Немалую роль в этом уделялось и формированию имиджа самой Бачуриной. Для этого, в общем-то, и служила статья в «Профиле».

— Я не помешал? — Ян Эдуардович вошел в кабинет без стука. Раз секретарь его не остановила, значит хозяйка кабинета предупреждена и не имеет ничего против беседы с Тормисом.

— Вот, читаю заметки статьи. Тут все больше о моих предках. Оказывается, прапрадед участвовал в переговорах, предшествующих заключению Порт-смутского договора.

— Это после русско-японской?

— Да, мирный договор подписал с российской стороны Кассиди, предок Олега Кассиди.

— Кто это?

— Олег Кассиди? Знаменитый модельер, создававший платья для самой Жаклин Кеннеди.

— Эмигрант, наверное?

— Еще первой волны. Американец русского происхождения. Сейчас ему... даже затрудняюсь сказать, сколько. Всегда мечтала встретиться. Это известнейший в мире моды человек. А ведь я тоже хотела сделать карьеру модельера. Я тут сделала пометку, чтобы журналист как-то обыграл это обстоятельство.

— Но вы пригласили меня не для обсуждения статьи.

— Верно. Ян Эдуардович, мы никак не можем преодолеть трудностей с получением кредита. Придется самой ехать в Москву. Но прежде, чем я отправлюсь к Баланову, оцени, насколько велики шансы на успех. Гайнанов говорит, Петр Алексеевич уже подкатывался к Баланову и вроде все решил. Почему же сейчас возникли трудности? Покопайся в архиве. Нет ли там чего по линии службы безопасности. далее продолжение речи. Гуковский — тебе что-нибудь говорит эта фамилия?

— Модест Семенович?

— Баланов в этом вопросе целиком полагается на Гуковского.

— Гайнанов уже делал попытку договориться с Модестом. Кончилось все заурядным пьянством.

— Значит, повторим попытку. Организуй мне встречу с Модестом. И узнай о нем побольше.

* * *

За окном плавно падали крупные хлопья снега, а столбик термометра упорно полз вниз. Погода — как с рождественской открытки. Может, хоть в этот раз на Новый год будет снег и мороз, а не дождь и слякоть. Следующий год обещает быть особенным. Совсем не таким, как предыдущие.

Люба Ходосеева вспомнила недавнее собрание в «Цесаре», на которое ее пригласили вместе с мужем. Женя сидел насупленный, но когда к ним подошли Бачурина и Самойлов — оживился, и постарался произвести на московского гостя впечатление. Он это умеет, когда захочет. Говорят, Самойлов один из богатейших людей России и делает успешную политическую карьеру. По меньшей мере, так потом утверждал муж, довольный новым знакомством. На Ходосееву этот банкир-политик произвел впечатление умением держаться и галантностью. Когда Любу представили ему, он поцеловал ей руку и, обернувшись к губернатору Мостовому, произнес:

— Не знаю, как со всем остальным в Ровске, но в красивых женщинах вы не должны ощущать недостатка.

Комплимент, на вкус знатока, мог показаться тяжеловатым. Да и предназначался не только Ходосеевой, но и стоящей рядом Бачуриной. Но Люба не была избалована вниманием мужчин и потому при словах банкира вспыхнула от удовольствия. Роль светской женщины ей нравилась с каждым днем все больше.

— Люба! Тебя к телефону, — раздался голос мужа из комнаты.

Евгений Михайлович теперь большую часть вечеров проводил дома. Хотя работал не меньше, а больше. После встречи с Самойловым Ходосеев стал подумывать о дальнейшей карьере. Тем более, что он стороной услышал, будто на следующий год Мостовой собирается перебраться в столицу, то ли в правительство, то ли в администрацию президента. И если постараться, очень можно рассчитывать на освободившееся кресло губернатора. В этом

свете даже Бачурина перестала казаться ему монстром.

Люба прошла в зал и подняла трубку. Звонила Свиридова.

— Ты давно Борю видела?

— Вчера.

— А Талисманова?

— Третьего дня.

— Значит, не знаешь, куда они запропастились?

— А зачем они тебе понадобились?

— Обещали помочь с компьютерной версткой буклета и сквозь землю провалились.

Хоть бы один догадался оставить телефон программиста. Ну скажи, разве можно мужикам верить? — Не прощаясь, Маша повесила трубку.

— Что гренадерша от тебя хотела? — поинтересовался Евгений Михайлович, не питавший симпатий к Свиридовой.

— Буклет ей надо закончить. Программиста не может найти.

— А когда у вас открытие? — спросил Ходосеев, в последнее время ставший проявлять интерес к делам жены.

— Через месяц.

— Так чего беспокоиться?

— Через неделю с нами должна встретиться Татьяна Николаевна. Мы хотели показать ей хотя бы оригинал-макеты печатной продукции. К тому же мы собираемся выпустить набор открыток, посвященных Фонду Великого.

— Ну-ну, — пробурчал Ходосеев то ли осуждающе, то ли одобряюще — не поймешь. Затем ему пришла в голову какая-то мысль, и он вскинул голову: — А Бачурина будет присутствовать на открытии?

— Не знаю. Возможно, нет. Татьяна Николаевна еще недостаточно хорошо себя чувствует.

— Так-так, — Евгений Петрович забарабанил ручкой по столу. — Вы еще не решили с помещением для коллекции? А почему бы вам временно не использовать муниципальную галерею?

— Я посоветуюсь...

— «Посоветуюсь»... Ты ведь директор Фонда! Привыкай к этому.

Ходосеев стал обдумывать, как обернуть открытие Фонда Великого с пользой для себя. Раз Бачурина не появится, значит, председательствовать будет Любка. Ну и он сам, как мэр, будет присутствовать. Тем более, что мероприятие состоится в муниципальной галерее. В общем, надо дать задание пресс-секретарю, чтобы прикинул, как можно развить эту тему в новостях.

Любовь Андреевна тоже погрузилась в размышления. Она думала о том, что изменениям в своей судьбе обязана двум людям: Маше и Борису.

* * *

— Где ты пропадал? — поинтересовалась Ходосеева у Бори при встрече. — Ведь должен был помочь Маше с буклетом.

— Совсем из головы вылетело! — стукнул Борис ладонью о лоб. — А чтобы подобного больше не случилось, запиши номер моего пейджера. И разреши сделать тебе маленький подарок.

Мужчина протянул элегантный браслет из какого-то серебристо-матового материала.

— Симпатичная вещичка, — женщина с интересом принялась рассматривать безделушку.

— Главное ее достоинство скрыто от глаз, — голосом заговорщика сообщил Борис.

— И что это за достоинство?

— Если нажать на вот эту выпуклость — откроется доступ к такому же пейджеру, как у меня.

— Но это, наверное, стоит кучу денег?! Я не могу принять такой подарок.

— Боже мой! От кого я это слышу? Кто говорит о деньгах? Жена мэра? Директор Фонда Великого? Разве это деньги? Деньги — это когда их столько, сколько, например, у Бачуриной. И, кроме того, я приобрел эту безделушку на рождественской распродаже, со значительной скидкой. А ежемесячную плату тебе придется вносить самой.

— Спасибо. Я видела нечто подобное — пейджер в виде браслета — в сериале о Коломбо.

— Кто это еще такая?

— Такой, — улыбнувшись, поправила Люба. — Это не женщина, а мужчина. Лейтенант полиции Коломбо. Ты что, ни разу не смотрел этот сериал?

— Я редко смотрю телевизор.

— Верно твоя сестра говорит — тебя интересуют только картины. Да, кстати, актер, играющий Коломбо, рисует.

— Могу себе представить его картины!

25

* * *

— Татьяна Николаевна, к вам посетитель.

За день эта фраза, пожалуй, прозвучала раз тридцать. Даже в выходные находились дела, требующие безотлагательного решения. Основной поток посетителей секретари заворачивали к помощникам Бачуриной. Но наиболее важных персон, принимала хозяйка дома. Ирина, выполняющая роль секретаря-референта, обычно сообщала по селектору фамилию и цель визита. Сейчас она не назвала имени. Значит, посетитель был особый.

Таня посмотрела на экран монитора. В приемной рядом с Ирой стоял пожилой мужчина восточной внешности.

— Простите, как доложить графине? — осведомилась Ирина, поправляя очки, которые недавно стала носить. Не из-за плохого зрения, а для поддержания имиджа.

— Джафаров, — четко выговаривая буквы, произнес посетитель.

— Я это поняла, — вежливо улыбалась Иринка. — Как доложить по имени-отчеству и о цели визита?

— Юсуп Джафарович Джафаров. Я старый компаньон Петра Алексеевича.

Нынешний кабинет Бачуриной имел два входа. Один — через приемную, другой — через комнату отдыха. Вторая дверь отворилась, и в комнату вошел Тормис.

— Принять мне его? — спросила Бачурина, указывая на монитор. Она испытывала перед посетителем невольный страх.

— Обязательно. Надо узнать, с чем он пришел.

— Мне страшно, — призналась Татьяна Николаевна. — Даже его имя почему-то ассоциируется у меня со смертью.

— Не стоит опасаться, я буду за дверью. И, кроме того, сейчас сюда подойдет Сергей Шешель. Да еще Иринка в приемной.

— Джафаров, скорее всего, захочет поговорить со мной наедине.

— Так ведь Сергей глухой. Так и скажите Юсупу.

— Хорошо. Будь наготове. У меня недобрые предчувствия.

— Все будет о'кей. — Прежде чем покинуть кабинет, Ян Эдуардович положил на стол книжку и пояснил. — Это деталь к вашему психологическому портрету.

Татьяна молча кивнула.

— Ирина Викторовна, пригласите Юсупа Джафаровича, — проговорила Бачурина к селектору.

Джафаров оглядел кабинет, когда-то принадлежавший Великому. Здесь мало что изменилось. Вот только за столом сидел не осанистый Петр Алексеевич, а хрупкая женщина, почти девочка. И на столе среди папок и бумаг лежала книга, в яркой обложке. Джеки Коллинз. Его дочь недавно читала этот роман. Бачурина учится жизни по женским романам? Посетителю стоило труда не улыбнуться.

Юсуп поклонился хозяйке кабинета, уселся в предложенное кресло и вкрадчиво начал:

— Я понимаю, что вы сейчас переживаете смерть мужа. А проблема, с которой я пришел, довольно щекотливая и малоприятная. Дело в том, что мы с вашим мужем совместно вели некоторые дела...

— Как я понимаю, после Петра Алексеевича остались какие-то неоплаченные долги?

— Совершенно верно.

— И какую сумму вам должны?

— Я не хотел бы обсуждать этот вопрос в присутствии посторонних. Повторяю: дело щекотливое.

— Не беспокойтесь, Сергей глухой. Последствия контузии, полученной в Чечне.

Юсуп обернулся и посмотрел на стоящего за его спиной телохранителя. Здоровяк, глядя сверху вниз, улыбнулся, демонстрируя дружелюбие.

— Он действительно глухой?

— Зачем мне вас обманывать? После смерти мужа следовало принять некоторые предосторожности, и я пригласила на службу Сергея. Он глухой, но с реакцией у него все в порядке.

— А он не может читать по губам?

— Может. Но вы сидите к нему спиной. А я не собираюсь произносить ничего компрометирующего.

— Что ж, так тому и быть. Так вот, ваш муж должен людям, которых я представляю, некоторую сумму.

— Сколько?

— Пять миллионов. Наличными.

— Сумма внушительная, — осторожно произнесла Бачурина. — Сколько это в долларах?

— Я и говорю о долларах. Пять миллионов долларов.

— Вы в своем уме?

— Вполне.

— И у вас есть подтверждающие документы?

— Вот копии гарантийных обязательств, — Юсупов протянул через стол папку с документами.

Бачурина быстро пробежала глазами текст, отпечатанный на русском и английском

языках.

— Что за товар должен был поставить мой муж? — прочитав текст, спросила Татьяна Николаевна.

— Если вам это не известно, то я не вправе открыть суть нашей сделки. По крайней мере, сейчас. У меня нет на то полномочий.

— Недельный срок... Это следует обдумать. Я могу оставить у себя копии?

— Конечно. Как же иначе?

— Все это так неожиданно... Смерть мужа, беспокойства о его бизнесе... Теперь вы с этим колоссальным долгом.

Бачурина прошла к бару, налила себе коньяку. Пригубила. Вернулась в кресло, грея бокал в ладонях.

— Вообще-то я не пью крепких напитков, но в такой день... — пояснила Таня, будто оправдываясь. Затем вспомнила, что не предложила выпить гостю. — Может, и вы что-нибудь желаете? Коньяк? Виски? Может, кофе? Извините, что не предложила сразу — голова идет кругом.

Бачурина вновь подошла к бару, некоторое время перебирала бутылки. Затем остановилась на одной.

— Это азербайджанский коньяк. Изготовлен по какой-то особой рецептуре. Кто-то подарил его Петру Алексеевичу, Великому коньяк нравился.

— Спасибо за благоприятный отзыв о коньяке. Это был мой подарок.

— Тогда тем более вам нельзя отказываться, — Таня протянула гостю бокал. — Извините, но я несколько минут поразмышляю, прежде чем принять какое-то решение.

— Это ваше святое право.

В отличие от хозяйки кабинета, Юсуп Джафарович выпил коньяк одним глотком.

— Бар в вашем распоряжении.

— Благодарю. Может быть, позже.

Юсуп наблюдал за Бачуриной, сидящей напротив него по другую сторону стола. Он ожидал увидеть растерянную, убитую горем молодую женщину, с которой будет невозможно вести деловой разговор. Но, похоже, сложности, возникшие с установлением своей власти над корпорацией, беспокоят вдову больше, чем кончина мужа. Все-таки Бачурина вышла за Великого не по любви, а ради денег. А ведь какой любящей женой казалась...

Через некоторое время Джафаров почувствовал, что выпитое действует на него как-то необычно. В желудке ощущался некоторый дискомфорт. Голова была затуманена больше, чем можно было ожидать от глотка коньяка.

— А если я несколько повременю с выплатой долга? Какие проценты будут начислены?

— Ради вас — минимальные, — ответил Юсуп, больше прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, чем к собеседнице.

— Что ж, обсудим наши дела, — произнесла Бачурина, подавая Шешелю знак, чтобы тот оставил кабинет.

— Мне уйти? — слишком громко, как обычно говорят глухие люди, спросил телохранитель.

— Подожди в приемной, — повторила Таня приказание.

— Прониклись ко мне доверием? — поинтересовался Юсуп.

— Просто предстоящий разговор, не требует свидетелей. Даже глухих. Что же касается собственной безопасности, — я позаботилась о ней.

— Каким же образом? — усмехнулся Джафаров. — В ящике вашего стола лежит пистолет?

— Пистолет имеется, — заверила Бачурина. — Верней сказать, автомат. С таким, знаете, стволом, в который легко входит мой большой палец. Я в этих вещах плохо разбираюсь и не могу сказать, что за штука управляет им, но с того момента, как вы вошли в кабинет, дуло автомата смотрит прямо вам в живот.

— Интересно. Очень интересно, — пробормотал гость, не зная, как реагировать на подобное признание.

— Автомат достался мне в наследство от мужа. А кресло, в котором вы сидите, оборудовано уже по моему предложению. И я не советовала бы вам делать резких движений. В сидение вмонтировано специальное устройство, и стоит мне заподозрить вас в плохих намерениях...

— Все это интересно. Но, может, достаточно меня пугать?

— Что ж, давайте обсудим ваше требование.

— Давайте, — кивнул Юсуп.

— Прежде хотелось бы узнать, что за товар должен был поставить мой муж.

— Я не могу раскрыть секрет.

— Можете. Как только правильно поймете причину своего недомогания.

— Что вы хотите этим сказать? — побледнел Юсуп. Возможность отравление обеспокоила его больше, чем басни о каких-то устройствах в мебели.

— Вы только не волнуйтесь. И не делайте резких движений. Иначе я не смогу вам ничем помочь.

— В чем помочь?

— В ваш коньяк был подмешан яд. Сейчас вы ощущаете тошноту, ваше тело немеет, а рассудок мутится.

По мере того, как Бачурина перечисляла симптомы, Джафаров ощущал, как яд все больше проникает в клетки его тела. Почему-то вновь попалась на глаза яркая книжица, лежащая на столе. «Леди-Босс». Кажется, роман посвящен дочке какого-то американского мафиозного босса. Эдакий вариант женского «Крестного отца». Может, начитавшись подобного чтива, вдова решила обратиться к методам мафии? Джафарову совсем некстати вспомнился покойный Боксер...

— Если мы с вами придем к взаимопониманию, можете рассчитывать на противоядие, — продолжала Бачурина.

— Это бред какой-то! Вы начитались глупых книжек!.. Вы не посмели бы!..

— Разве? Неужели вы считаете, что титул графини — это просто ничего не значащая приставка к имени? В роду Бачуриных было немало храбрых воинов, безрассудных авантюристов, лукавых царедворцев. Цареубийцы тоже случались. Яд, который я вам дала, — семейный секрет. Умрете — и ни одна экспертиза не сможет доказать, что это отравление.

— Вы не понимаете, какие люди стоят за этим! Моя смерть не сойдет вам с рук.

— Вам-то какая разница? Вы ведь к этому моменту будете мертвы. Кроме того, почему вы решили, что я не знаю, кто за вами стоит? Сегодня вы сделали два телефонных звонка. Человек, с которым шел разговор, посоветовал надавить на меня.

— Раз вам это известно — вы должны понимать, что упоминаемый человек не оставит мою смерть безнаказанной.

— Пять миллионов — достаточная сумма, чтобы списать смерть любого. Не так ли? Кроме того, вы всего лишь посредник, передаточное звено. Возможно, мне удастся найти более удачную кандидатуру на эту роль. О вас забудут, как о производственной издержке.

— Что вы от меня хотите?

— Во-первых, подробный, без утайки, рассказ о сделке, которую вы заключили с Великим.

— Боюсь, вам не понравится правда.

— Поторопитесь, наше время ограничено. Через полчаса противоядие может оказаться уже бесполезным.

— А где гарантия того, что вы не блефуете?

— Мне нет нужды отягощать душу грехами, которых можно избежать. И, кроме того, выгодней сохранить вам жизнь.

— Хочется в это верить, — произнес Джафаров. К этому моменту он был стопроцентно убежден, что Бачурина действительно подсыпала ему яд.

Вытирая носовым платком выступивший на лбу пот, Юсуп начал свой рассказ. Великий действительно оказался вовлеченным в торговлю наркотиков. Правда, лишь косвенно. Он получал большие суммы наличных от покупателя, а продавцу перечислял уже безналичные средства после подтверждения получения товара. Догадывался ли Великий, в какого рода сделках он принимает участие, Юсуп не знал. Но банкир наверняка понимал, что вовлечен в противозаконную деятельность.

— Имена. Назовите имена, — потребовала Татьяна Николаевна.

Джафаров не стал упорствовать и выдал людей, участвовавших в наркобизнесе. Своя жизнь дороже.

— Это они приказали вам организовать на меня покушение?

— Что? Какое покушение?

— Детали, которые вы обсуждали с Боксером. И не подпрыгивайте так на сидении. Разве я не предупреждала, что вам следует избегать резких движений?

— Что вы плели о покушении? — просипел мужчина, продолжая ерзать в кресле.

— Вы заставляете повторяться. Я говорю о предложении, которое вы сделали Боксеру. И о попытке, которую тот предпринял.

— Так это вы его? — теперь Юсуп испугался по-настоящему. Он уже не верил в благополучный для себя исход.

— Успокойтесь, я не намерена сводить с вами счеты. По крайней мере, до тех пор, пока вы будете мне полезны. А сейчас расскажите: чьим посредником вы выступали? Тех людей, о которых уже говорили?

Поглядывая на часы, Джафаров начал торопливо говорить, сбивчиво и малосвязно.

Когда он умолк, Татьяна Николаевна протянула пакетик с порошком:

— Примите. Сейчас вас отвезут обратно. Полежите, отдохните. Обязательно выпейте молока. К вечеру симптомы отравления бесследно исчезнут. А завтра приезжайте ко мне: еще раз обсудим наше дело. И вот еще что... На вашем месте я не стала бы никому рассказывать о том, что здесь произошло.

Джафаров тяжело поднялся с кресла, развернулся к двери, собираясь уходить.

— Когда он достиг, дверей Татьяна Николаевна предупредила:

— Вам не стоит больше встречаться с Гайнановым. Я знаю, что Андрей Дмитриевич неподкупен и верен мне — потому никаких подозрений с моей стороны. Просто предстоит

много работы и не надо отвлекать его по пустякам.

«Продал, сука», — со злостью подумал Юсуп, но в следующее мгновение изменил свое мнение. Хозяйка дома попросила:

— О том, что мне известно о ваших встречах, Гайнанову знать не обязательно.

На устах молодой женщины играла обворожительная улыбка. Однако у Юсупа по спине пробежал неприятный холодок: «Можно считать, что парень покойник. Однако мы недооценивали эту дочь змеи. Впредь с ней следует быть поосторожней».

— Ира, будь добра, — распорядилась Татьяна Николаевна, — попроси кого-нибудь проводить Юсупа Джафаровича к машине.

Джафаров изо всех сил старался сохранять достойный вид. Казалось, его организм полностью разладился.

— Андрей Дмитриевич, проходите в кабинет, — услышал Юсуп голос Бачуриной и тут только заметил Гайнанова. Новоиспеченный вице-президент стоял в углу комнаты, удивленно уставившись на Джафарова.

Обернувшись, для прощального кивка, Юсуп обратил внимание на то, как Бачурина на глазах у остальных подчиненных берет своего заместителя под локоть и мило улыбается. Она явно не скупилась на знаки расположения к Гайнанову. Несомненно, все истолкуют это как знак особых отношений.

«Ох змея! Эта и покойному Петру Алексеевичу даст вперед сто очков. А был ли ее порошок действительно противоядием? Можно ли верить бесстыдной гяурке?» — подумал Джафаров, поклявшись впредь быть с Бачуриной осторожней и никогда больше не принимать из ее рук ни еды, ни питья.

— Где у вас туалет? — спросил он у сопровождающего. — Видно, съел что-то несвежее. Мутит.

— Сюда, пожалуйста, — показал молодой человек. Рядом с представительным Юсупом он казался почти мальчиком.

«Паше говорить о сегодняшнем инциденте не стоит, — продолжал размышлять Джафаров, запершись в одной из кабинок. — Он не поймет, почему я остался жив, решит, что Бачурина перевербовала... Но ведь действительно: у нас с ней появилась общая тайна, мы почти сообщники».

— Вот стерва! — вырвалось у Юсупа не столько от злости, сколько от восхищения.

* * *

Не успел Джафаров выйти на улицу, как двое сотрудников технического отдела повторили весь его путь по дому — каждый коридор, каждую комнату, включая кабинет Бачуриной. С помощью специальной аппаратуры они искали «жучки», которые мог оставить посетитель. Это было распоряжение Тормиса. Особенно тщательно исследовали кабинку туалета, где Юсуп надолго задержался и оставался практически без всякого надзора. Затем, по дому еще раз прошелся начальник техотдела службы безопасности. Все было чисто.

* * *

— Что это за посетитель вышел от тебя? — поинтересовался Гайнанов. — На нем лица не было.

— Некий Юсуп Джафаров. Имел с Петром совместные дела, — ответила Таня. — Ты его не знаешь?

— Не припомню. Должно быть, не самый крупный компаньон.

— Да, — кивнула Бачурина, усаживаясь в кресло. — Обыкновенный посредник. Пришел

с каким-то разговором, да все юлил вокруг да около. Не мог собраться с духом. А потом ему и вовсе стало плохо. Обещал подойти завтра. Ты наведи о нем справки: что за человек? Если стоящий — направь ко мне. А нет — пусть Казарин с Зотовым занимаются.

— Слишком о многих мне приходится наводить справки. Скоро придется создать собственный штат информаторов.

— Может быть, может быть... Только давай обсудим эту проблему завтра. Ладно. Побудь пока здесь, а я схожу... «попудрю носик.»

Войдя в комнату отдыха и плотно прикрыв за собой дверь, Бачурина первым делом поинтересовалась у находящегося здесь Тормиса:

— Разговор записывался? Или ты догадался отключить запись?

Ян отрицательно покачал головой, подумав, что девочка быстро учится.

— Аппаратура не смогла ничего записать. У Юсупа с собой, по-видимому, имелся генератор «белого шума».

— Что это такое?

— Специальный прибор, делающий невозможным прослушивание, а в некоторых случаях и запись, — пояснил Тормис. — Иногда их называют скремблерами.

— Юсупа не обыскивали?

— У нас в коридорах металлодетекторы. Считаю, этого достаточно.

— А если бы у него была с собой мина?

— Кажется, кто-то еще недавно обвинял меня в излишней мнительности...

— Пять миллионов — достаточная сумма, чтобы отправить на тот свет любого человека.

— Вы уже это говорили. Что касается взрывчатки — Джафаров не лучшая кандидатура в камикадзе.

— Разве не бывает часовых или радиоуправляемых мин? Смертнику не обязательно знать, что он служит всего лишь средством доставки.

— Вы правы. О такой возможности я как-то докладывал Гришину. Но потом — как-то выпало из головы. Сегодня же закупим анализаторы.

— Завтра, — поправила Бачурина.

— Да нет, уже сегодня.

— Вот черт! Всегда так... Куда время летит? Никуда не уходи. Нам еще надо многое обсудить. Только выпровожу Гайнанова.

— Андрей, ты единственный человек, которому я могу доверять, — обратилась Таня к Гайнанову, возвращаясь в кабинет.

— Я польщен. Но такое вступление подразумевает, что вслед за ним последует просьба.

— Ты прав: я хочу, чтобы ты вошел в доверие к Зотову.

— К Зотову? У тебя появились сомнения?

— Думаю, что Аркадий Константинович желал бы занять более ответственный пост в нашей корпорации. Должности моего консультанта и члена правления его вряд ли устроят. Не забывай, что он считает меня всего лишь смазливой женщиной, почти девочкой. Должна признать, он отчасти прав, я действительно не готова к крупной игре и я всего лишь женщина. Мне не хватает знаний, выдержки, силы воли. Поэтому я ищу опору в тебе и Аркадии Константиновиче. Все остальные — лишь исполнители. Ты работаешь в корпорации уже не первый год. А вот Аркадий... Он умен. Очень умен. Обладает связями, деловой хваткой. Сейчас он самый мощный мой союзник. Но у Зотова интересы не только в

Ровске, и ограничиваются они далеко не одной корпорацией «Цесарь». Поэтому полагаться на него мы можем только с оглядкой. Я хочу, чтобы ты за ним присматривал.

— Почему ты не обратишься с этой просьбой к своей службе безопасности?

— Здесь нужны не мускулы или умение стрелять, а голова. И, кроме того, разве не в твоём ведении находится служба информации? Так кому я должна поручить это щекотливое дело? Да и нет у меня больше людей, которым можно полностью довериться.

— Что я должен предпринять?

— Ты не навязывайся к Зотову с дружбой. Просто внуши, что считаешь его достойным места если не официального главы корпорации, то по меньшей мере «серого кардинала». Дай понять, что ему уготована роль Ришелье при Людовике XIII. Роль слабого безвольного короля-марионетки, естественно, отводится мне.

— Это имеет какой-то смысл?

— Имеет, — завершила Бачурина. — Может, женщины и лишены способности мыслить логично, но Господь не обделил их коварством и женским чутьем. Пусть Зотов следит за Казариным и остальными. А ты понаблюдаешь за Зотовым.

— А кто присмотрит за мной?

— Я сама, — Бачурина подошла вплотную к мужчине и положила ему руки на плечи.

— Но будешь ли ты по-прежнему доверять мне? — сдавленным голосом произнес Гайнанов. Кровь ударила ему в голову.

— Буду. До тех пор, пока не обманешь, — Бачурина посмотрела референту в глаза. — Мне нужен кто-то, на чье плечо я могла бы опереться. А сейчас иди. Я хотела бы, чтобы ты остался... Но совершенно нет сил. Жду не дождусь, когда смогу упасть в кровать.

— Ты слишком много работаешь.

«Куда больше, чем ты предполагаешь», — подумала Бачурина. Она поцеловала Гайнанова, будто клюнула в губы, и отстранилась:

— Иди.

* * *

Еще никогда в жизни Джафаров не чувствовал себя так мерзко, как сегодня. Но по мере удаления от особняка Бачуриной Юсуп успокаивался. Неделя. Только неделя — и проблема с графинюшкой будет решена. Мужчина усмехнулся. Жизнь штука куда более сложная и опасная, чем в романах. И Татьяне Николаевне придется иметь дело с реальным киллером, а не с одним из ходульных персонажей Коллинза.

Джафаров уставился в окно, размышляя над донесением хозяевам.

— Э, ты что — дорогу забыл? — внезапно воскликнул он, заметив, что водитель везет его не в том направлении.

Шофер притормозил, обернулся, и под огромной кепкой-аэродромом Юсуп увидел незнакомого парня.

— Поговорить надо, — произнес незнакомец — и треснул Джафарова дубинкой. Разговор получился короткий.

* * *

— Вы меня начинаете пугать, — произнес Тормис, когда Бачурина вновь появилась в комнате отдыха.

Таня упала на диван, вытянула ноги, попросила:

— Приготовьте, пожалуйста, чай. Если не затруднит.

— Может, кофе?

— Хотелось бы. Но вы ведь знаете, мне нельзя.

— А чай?

— Я его пью с молоком. Но себе вы можете приготовить кофе.

— Кстати о напитках. Что вы подсыпали в коньяк Юсупову?

— К сожалению, на этот раз не оказалось подходящего яда. Поэтому пришлось довольствоваться вполне безобидным лекарством. Правда, его нельзя принимать вместе с алкоголем. Но ничего, переживет. Заодно почистит желудок. Вы слышали наш разговор?

— Не все, но достаточно для того, чтобы у вас возникло желание меня убрать.

— Не говорите чушь. По вашему, я за пару месяцев превратилась в «Крестного отца»?

— Вы делаете семимильные шаги в этом направлении.

— Кто бы мог подумать, — погружившись в свои мысли и не слыша реплики Тормиса, проговорила Таня.

— Вы о наркотиках или о заказчике убийства?

— Обе новости стоят одна другой. И неизвестно, какая важней.

— Они взаимосвязаны.

— И как нам теперь поступать? — спросила Бачурина, зная что готового ответа у Тормиса быть не может.

— Возможно, придется прибегнуть к крайним средствам.

— Это обезопасит меня от угрозы покушения?

— По меньшей мере со стороны одного врага.

— Не знаю, не знаю... Устранив одного врага, мы можем нажать сразу нескольких. И весьма могущественных.

— Но и оставить угрозу без ответа — тоже нельзя.

— Правда. А тут еще эти пять миллионов... Придется отдавать. Только где взять эти миллионы? И как отдавать: безналичкой или «черным налом»?

— Хотите вернуть эти деньги?

— А что остается? Вы не хуже меня знаете, что, эти деньги в покое нас не оставят. И в конце концов доберутся.

Ян смотрел на молодую женщину и пытался вспомнить, какой она была в их первую встречу. Бачурина осталась неотразимой красавицей. Она и сейчас по-прежнему полна обаяния. По крайней мере, умеет произвести впечатление. Особенно на тех, кому хочет понравиться. Но бессонные ночи и полные тревог дни, наполнившие вдовью жизнь, безвозвратно унесли свежесть и беззаботность, которые раньше делали ее такой очаровательной. Усталость положила вокруг глаз желтые тени, которые приходится прятать под макияжем. В уголках рта появились глубокие морщины, придающие лицу властное и иногда даже жестокое выражение.

Прежняя милая, жизнерадостная, немного наивная девочка умерла вместе с Петром Великим, и Тормис стал свидетелем рождения нового человека, жесткого и циничного. Но это было необходимое превращение. Без него Тане не сохранить ни богатства, ни даже жизни. Такова цена.

Бачурина устало смотрела перед собой. Тусклый взгляд, скорбно опущенные уголки плотно сжатых губ.

— Вот ваш чай, графиня.

Ян протянул Тане фарфоровую чашку, поставил на столик молочник и сахарницу. Себе налил кофе, настолько крепкий и ароматный, что клубящийся над кружкой пар казался

осязваемо вязким.

— Спасибо. Надеюсь, я не подала вам дурного примера и вы ничего не подсыпали в чай?

— Вы и мне не доверяете?

— Доверяю. В силу необходимости.

— Как Гайнанову?

— Вы сами разрушили веру в него.

— У меня возникло ощущение, что он претендует на какие-то особо доверительные отношения с вами.

— Просто рассчитывает занять пустующее место в моей постели, — ответила Таня, держа в руках чашку и о чем-то задумавшись.

Ответ не шокировал Тормиса. Он только поинтересовался:

— Вы таким образом собираетесь обеспечить себе его верность?

— При необходимости, можно попробовать и такой способ. Хотя я не уверена в его эффективности.

— Так что мы будем делать?

— Давайте обсудим это завтра. Я сегодня чертовски устала. И, если не трудно, подайте книгу. Хочу хотя бы взглянуть, что я «читаю».

* * *

Очнувшись, Джафаров дернулся в неосознанном желании бежать, но, увидев направленный на него пистолет, затих. Да и куда бежать? Судя по всему, он находился в каком-то подвале. И похититель наверняка действовал не в одиночку.

— Меня интересует, что ты рассказал Бачуриной и что не рассказал. Особенно о том парне, которого вы наняли для ее ликвидации.

— О Боксере? — спросил Джафаров, стараясь выиграть время и прощупать собеседника.

— Нет, — улыбнулся незнакомец. — О другом. Для которого ты должен был добыть сведения.

Похититель был слишком осведомлен. А Юсуп — слишком измучен событиями нынешнего дня, чтобы оказать сопротивление. Его уверенность в собственной силе дала трещину еще в кабинете Бачуриной. А теперь Джафаров раскололся полностью. Тем более что пока он спал, ему ввели в вену наркотик, подавляющий волю. Но не слишком сильную дозу, чтобы пациент не понес полную околесицу.

26

* * *

Кумов, Шаховской и Бакс выпили на троих без малого четыре бутылки водки. Честно говоря, Бакс даже не пригубил, хотя и на его долю налили стопочку. Сейчас бультерьер заглядывал в лицо хозяина и время от времени тяжело вздыхал. Барин наконец-то соизволил обратить внимание на своего зубастого друга:

— Ну, что ты раз-з-вз-дыхался? Наめкаешь, что пора на улицу?

— Пожалуй, и нам не помешает проветриться, — проговорил Шанхай, бросив взгляд на темень за окном. — Мороз быстро приведет в чувство.

— Точно! — подхватил Шаховской. — А потом можно и девочкам позвонить!

Бакс зацокал когтями в коридор и вернулся в комнату с поводком в зубах. Умная скотинка всячески стремилась поторопить своего хозяина. Наконец мужчины оделись в

полушубки и вышли из квартиры. Пес, перепрыгивая через ступеньки, белым мячом скатился вниз, увлекая за собой Барина. Кумов едва поспевал за ними. Выскочив из подъезда, Бакс напрямик рванул к ближайшему дереву и замер, задрав заднюю ногу... Бусинки глаз зверюги в этот момент уменьшились до размера острия иголки, пасть распахнулась в широчайшей улыбке. Уф-ф!! Шаховской с пониманием смотрел на питомца. Когда-то и ему доводилось ходить на оправку по строгому расписанию.

— Прогуляемся немного? — предложил Шанхай.

— Пошли, — согласился Барин. — Заодно купим ликера и шампанского. Надо же чем-то девочек угощать.

— Дались тебе эти девочки...

— Дались, не дались, а сегодня дадутся... — Шаховской засмеялся собственному каламбуру, а затем ехидно поинтересовался: — Что это ты вдруг такой праведный сделался?

— Просто сегодня нет настроения.

— На это дело всегда должно быть настроение. Я ведь тебе предлагаю не фифочек из института благородных девиц, а профессионалок. С ними не приходится задумываться о том, как себя подать, что сказать. Не надо вы-выкореживаться.

— Кочевряжиться.

— Коче... В общем, ты меня понимаешь. С ними просто. Но, если не желаешь, пожалуйста. Хозяин-барин. А я вот не против. Может, мне это, сейчас как воздух нужно... женская ласка.

Мужчины шли по заснеженной улице, освещенной редкими фонарями. Бакс семенил впереди, изредка оглядываясь на хозяина.

— Гляди, это не о тебе с нашей Танькой? — Шаховской указал на стену, где мелом было выведено «А+Т=Л».

— А где она? Я ее уже дня три не видел, — откликнулся Шанхай.

— А вот мы ей позвоним...

Проехал ярко освещенный трамвай, ведомый усталым водителем, торопящимся в парк. Откуда-то, скорей всего из ближайшего переуллка, доносилось чье-то нестройное пение и пьяные выкрики.

Из-за угла вышли двое мужчин. Шаховской с Кумовым, хоть и были далеко не трезвыми, но сохраняли какое-то подобие благочинности; эти же двое давно, перешагнули черту, отделяющую человека от обезьяны. Правда с комплексом льва. Залились огненной водой выше ватерлинии. Пьяная волна вынесла доморощенных флибустьеров на Лермонтовский проспект, как раз напротив недавно открытой турецкой шашлычной.

— Ты, гляди — воскликнул один. — По-чучмекски что-то написано!

— У, падлюки, понаехали, наживаются на наших бедах! — второму мало было слов, душа требовала дела, а потому он схватил с земли большой кусок льда и запустил в витрину.

Лед разлетелся на мелкие кусочки, стекло задрожало, но удар выдержало.

— Да не снегом надо, хорошим кирпичом!

Оба борца с социальной несправедливостью бросились на поиски оружия пролетариата. Увы, поиски оказались бесплодными. В бессильной ярости один из героев закричал истошным голосом в белесое зимнее небо:

— Чурки!!!

— Попрятались, сволочи, — морально поддержал товарища второй. — Ни одного не видно.

Шаховской, Кумов и Бакс, стоя на противоположной стороне дороги, наблюдали за этой сценой.

— Как ты думаешь, Шанхай, — задумчиво проговорил Барин, — если мой папа родился в Казахстане, я могу считаться чуркой?

— Ну, не знаю, — ответил Кумов, пытаясь отгадать, куда клонит приятель. — Это уж как ты сам ощущаешь. А вот меня часто принимают за азиата.

— Чурки!!! — вновь заорал на другой стороне улицы пьяный.

— Эй! — окликнул его Шаховской. — Чего надрываешься?

— Оно тебя?.. — огрызнулся хулиган.

— Ты, кажется, чурок звал. Вот я и хочу спросить, что тебе надо.

— Храбрый, да? Конечно! С клыкастой жирной крысой на поводке... Был бы ты без собаки...

— Во, дурак! — рассмеялся Барин. — Стал бы я на вас Бакса натравливать?! Вы ж не мытые, еще укусит кого и заразится. Сейчас я Бакса отведу, а потом вернусь и по-мужски поговорим.

— Вернешься, как же! Видали мы таких крутых: за угол завернешь и наутек бросишься.

— Не брошусь, — заверил Шаховской противника и обратился к Кумову: — Шанхай, посторожи их, пока я домой смотаюсь.

— Давай, — согласился Кумов.

— Я недолго. Туда и обратно.

Едва Барин с Баксом скрылись за поворотом, парочка стала наступать на Кумова.

— Ты тоже такой храбрый?

— Ребята, давайте подождем, когда он вернется, а потом уже... станем разбираться, кто из нас храбрый, — спокойным голосом проговорил Шанхай, наблюдая, как они обходят его с двух сторон.

— Как же, — так он тебе и вернется! — расхохотался один.

— Может, и тебя отпустить? Чтобы сбежал за приятелем?! — вторил ему другой.

Первый, подобравшись к Шанхаю поближе, замахнулся... и взлетел в воздух. Перекувырнувшись через голову и описав ногами широкую дугу, он грузно шлепнулся на тротуар. Приземлился мужик крайне неумело, всей спиной. Удар выбил воздух из легких, и герой, распластавшись на льду, широко раскрытым ртом пытался вдохнуть, напоминая при этом выброшенную на сушу рыбу. А Кумов тем временем занялся вторым...

Шаховской еще издали заметил, что Шанхай стоит один. Забияк поблизости не было видно. Барин замедлил бег, остановился, чтобы отдышаться, и лишь через добрых полторы минуты вновь продолжил путь.

— Отпустил? — отрывисто бросил он, подойдя к приятелю. // Обиделся.

Кумов отрицательно покачал головой и взглядом показал себе за спину.

— Ну, дерево, — не понял Шаховской.

— Ты на ветки посмотри, — пояснил Шанхай.

Барин взглянул вверх и восторженно заорал на всю улицу:

— Вот вы где, голубки!!! Соколы мои ненаглядные!

«Соколы», тесно прижавшись к стволу, сидели почти у самой верхушки дерева.

— Это ты их туда загнал? Ну даешь! — Шаховской подскочил к дереву и принялся трясти его. — Груши, груши, вы созрели?!

Однако, как ни старался Барин, раскачать толстый ствол ему не удалось. Тогда он

предложил:

— А давай снежками с них шапки сбивать! Кто первый сшибет!

— Думаю, не стоит...

— Это почему же?!

— Вон, «воронок» сюда мчится, — Шанхай указал в конец улицы, где из темноты приближался синий мигающий огонек.

— Эх, жалость! Только развлекаться начали.

Прятели поспешили скрыться в ближайшей подворотне, оставив «груши» висеть на дереве.

С прогулки Кумов вернулся озабоченным. Надпись на стене, которую заметил Шаховской, на самом деле служила вызовом на связь.

Шанхай совсем не случайно повлек приятеля на прогулку в этот час и именно по этой улице. А вот то, что и Барин заметил знак, — было уже случайностью. Заметил, но не понял. В отличие от Кумова.

* * *

— Что это у тебя за прелестная вещичка? — поинтересовалась Свиридова, увидев на руке Любы новый браслет.

— Это пейджер. Удобней носить на руке в виде браслета, чем в сумочке, — Ходосеева подняла руку, чтобы подруга могла получше рассмотреть обновку.

— Разрешить? — не удержалась Маша. — Действительно удобно. И сколько такая штучка стоит?

Простой вопрос смутил Любу. Она не знала, ни сколько стоит такой пейджер, ни где его приобрел Борис. Замешательство Ходосеевой не ускользнуло от наметанного глаза художницы.

— Все понятно — подарок, — произнесла Свиридова, возвращая браслет. — Как я понимаю, от Бориса?

— Я не хотела бы, чтобы об этом было всем известно, — честно призналась Ходосеева.

— Не беспокойся — я не сплетница. И не ханжа. Твоему козлу-мужу давно следовало наставить рога. Поразвесистей. И Борька, как объект для любовной интрижки, ничем не хуже других. Я удивилась, если бы такой мужик, как он, не завел в длительной командировке романчик.

— Он не похож на обычного ловеласа, — возразила Люба.

— Хо-хо! У тебя, конечно, большой опыт общения с провинциальными Казановами.

— Я не об этом. Иногда действительно кажется, что Борис испытывает ко мне какие-то чувства. И временами пытается ухаживать. А затем вдруг, будто чего-то испугавшись, отдалается. Знаешь, он даже ни разу не попытался меня поцеловать.

— Вот это действительно сюрприз! Я-то думала, ваши отношения давно перешли границы платонических... Борька не похож на робкого парнишку. Может, он голубой? Хотя нет, не похож. Дьявол разберет этих интеллектуалов... А ты, Любаня, сама прояви инициативу. А обстановочку подходящую я создам.

— Что ты?! — испугалась Ходосеева. — Я не могу. Мне просто приятно общение с Борисом. Я и не думала...

— «Не думала». Хочешь сохранить верность своему Ходосееву? Эх, бабы, сами не знают, чего хотят, — Свиридова вернула матерную поговорку, отчего еще больше смутила Любу. — Ты гляди: покраснела! Двадцать лет замужем, а все краснеет... Хрен с тобой,

поступай, как знаешь. Как говорил Платон, Солон или какой-то другой древнегреческий умник: как ни поступишь, все равно пожалеешь. Ты за своими любовными переживаниями не забыла, что завтра встреча с Бачуриной?

* * *

Последний месяц Татьяна Николаевна разговаривала по телефону с дядей Константином едва ли не через день. А в некоторые недели — ежедневно. У них даже выработался определенный график, но в этот раз Никовани позвонил вне всех расписаний. Среди ночи. И после разговора с дядей Бачурина срочно вызвала Кузнецова.

— Макс, я срочно должна покинуть дом, но так, чтобы об этом знали ты и я. Это очень важно.

— Невозможно. Двоих-троих человек придется поставить в известность. Но их молчание я вам гарантирую.

— Хорошо. Собирайся. Повезешь меня в город. Сам, без сопровождающих.

Месяц назад Кузнецов усомнился бы в разумности подобного приказа и обязательно поставил в известность Тормиса. Но сейчас он не стал этого делать. Бачурина доказала, что многому научилась, и ее действия всегда направлены на достижение определенной цели. Хотя иногда и кажутся с точки зрения мужчин нелогичными и опрометчивыми. Если Татьяна Николаевна приказывает, значит, в этом есть необходимость.

Поэтому Макс не воспротивился тому, что, приехав на место, Бачурина пересела в поджидавший ее автомобиль, оставив Макса дожидаться в «девятке» и беспокоиться.

Но все обошлось. Хлопнула дверца. Татьяна Николаевна подошла к «девятке» и уселась рядом с Кузнецовым. Макс поставил пистолет на предохранитель и спрятал его в кобуру.

— Так надо было, — проговорила Бачурина, будто оправдываясь перед телохранителем.

* * *

Утром Татьяна в первую очередь вызвала Тормиса. Но не в рабочий кабинет, а в спальню.

— В городе находится еще один убийца, — сообщила она пораженному начальнику службы безопасности.

— Мне об этом ничего не известно, — признался Ян, гадая, откуда к Бачуриной могли поступить подобные сведения.

— Самодеятельность Боксера была лишь прикрытием для настоящего киллера. Сегодня вы должны получить вещественные доказательства — два противотанковых ружья. Одно предназначалось для человека Боксера, а второе — неизвестному наемнику.

— Человек Боксера — Бекас, — догадался Ян. — Они собирались обстрелять особняк. Но зачем? Ведь прицельная стрельба невозможна.

— Им известны местонахождение моего кабинета и распорядок дня. А боеприпасы, которыми они намеревались воспользоваться, были заряжены отравляющим веществом. Достаточно, чтобы снаряд разорвался в помещении, в котором я находилась.

— Но откуда вам это известно? Ведь Юсуп ни о чем подобном не говорил.

— Конечно, стал бы он раскрывать все свои карты.

— Хорошо бы с ним еще раз поговорить. Жаль, что ночью он покинул Ровск.

— Джафаров сообщил нам достаточно.

— Надо переместить ваш кабинет в другую комнату, — спохватился Тормис.

— Я распорядилась, чтобы подготовили мой бывший кабинет. А тем временем в кабинете мужа вместо стекол установят пуленепробиваемый пластик и кевларовые жалюзи.

— Сами догадались?

— Конечно, нет. Макс подсказал. Он еще посоветовал установить на соседнем здании дополнительные щиты, замаскировав их под рекламу. Таким образом помещение будет полностью защищено от снайпера.

— Разумно, — согласился Тормис.

— Мы вчера допустили непростительную ошибку, — вновь заговорила Бачурина.

Ян насторожился.

— Джафаров мог быть использован в качестве смертника, — продолжила Татьяна Николаевна.

— Мы учли эту ошибку. Уже приняли меры.

— До сих пор нам везло. Надо бы и самим подсуеиться, а не ограничиваться ожиданием неприятностей. Имя заказчика известно, с него и следует начать поиск убийцы.

— А если устранить Пашу? — забросил пробный шар Тормис. — Возможно, смерть заказчика остановит киллера.

— Вряд ли. Паша — лишь известный нам враг, с его смертью ничего не изменится. Только остальные станут осторожней. К тому же я еще не готова отдать подобный приказ. Да и для этого потребовалось бы время, а его-то у нас и нет. Давайте обсудим, что мне может угрожать. О снайперах мы позаботились. Из особняка я не выезжаю.

— Закладку мин тоже можно исключить.

— Остаются посетители. А случайные люди ко мне не ходят.

— Гайнанов?

— Может быть. Все зависит от того, как Джафаров воспринял мои слова об Андрее Дмитриевиче. И поделится ли он своими сомнениями с хозяевами... Нет, Гайнанов отпадает. К нему имеет подход Юсуп, а не киллер.

— Все равно, мы не должны исключать вашего зама.

— Возможно, возможно. Но пока не стоит устанавливать за Андреем слежку. Это насторожит наших «друзей».

— Я хочу вернуться к вопросу о снайперах. Что помешало покушению?

— Это мне неизвестно, — невозмутимо ответила Бачурина.

Возвращаясь в свой офис, Тормис размышлял: откуда она получила свои сведения?

Уже на лестнице Ян вспомнил, что ему незачем спускаться на первый этаж и выходить на улицу. Теперь между особняком и зданием, в котором размещалось охранное агентство, был сооружен переход. Да и вообще, в жилище Бачуриной были произведены значительные переделки. В помещения, прежде занятые картинами и музейными экспонатами, переместились библиотека, столовая, гостиная. А освободившиеся площади на первом этаже отводились под офис президента. Скоро через парадную дверь потоком повалят посетители, курьеры, служащие корпорации, сотрудники личного аппарата Бачуриной. Макс с ног сбился, пытаясь преобразовать систему охраны в связи с новыми обстоятельствами. Нельзя было сказать, что он или Тормис радовались подобной реконструкции, но альтернативой являлись ежедневные поездки Бачуриной в центральный офис. От чего она отказалась.

* * *

— Я убью Бориса. Клянусь! — возмущалась Свиридова. — С ним невозможно иметь дело.

— Что случилось? — поинтересовалась Ходосеева, заходя в квартиру подруги.

— Этот потенциальный Дон-Жуан, — так Свиридова стала в последнее время называть

Борю, — обещал подвезти нас к особняку Бачуриной и прихватить по пути отпечатанные образцы буклета. До встречи с Татьяной Николаевной осталось меньше сорока минут, а до сих пор нет ни Бориса, ни образцов.

— Он звонил мне с утра и сказал, что его срочно вызвали в Петербург. А образцы он передал Талисманову. Тот привезет буклет и отвезет нас на Богоявленскую.

— Борис уехал? Надолго?

— Не больше, чем на неделю. В Ровске у него еще дела, обязательно вернется.

— Что за дела?

— Этого я не знаю.

— Вот, голубушка, еще один пример того, что на мужиков полагаться нельзя. Давай готовиться к выходу. Возможно, нам придется добираться на такси и без образцов. Талисманов еще более ненадежный товарищ, чем твой Борька.

Как и предрекала Свиридова, Талисманов задержался. Но художник догадался позвонить и предупредить, что образец все еще не готов и его подвезут прямо на Богоявленскую. Буквально через двадцать минут.

— Что я говорила?! — торжествовала Свиридова. — Придется дело передать в надежные женские руки.

Маша тут же позвонила куда-то, вызвала какую-то Иришу и, продиктовав адрес рекламного агентства, в котором изготавливался оригинал-макет буклета, попросила позаботиться о выполнении заказа. Люба удивлялась предприимчивости Свиридовой: без году неделя в городе, а обзавелась множеством знакомств. Сама Ходосеева не была способна на подобное и завидовала подруге. Как и Борису, также обладавшему способностью устанавливать связи с нужными людьми. Люба удивлялась, почему место директора Фонда предложено не этим двоим, а ей. Только потому, что она жена мэра?

— А Борька точно уехал? — Свиридова посмотрела на подругу так, будто подозревала ее в обмане. — А ну, дай-ка браслетик, попробую высвистеть твоего дружка. Может, он просто загулял. И сходи, завари кофейку. Приятно выпить перед выходом горячего.

* * *

Охотник затаился. В этот день везению Бачуриной должен прийти конец. Но и умирающая змея способна ужалить, и поэтому он предпочел не рисковать и держаться подальше от места осуществления акции. Все, что от него требовалось, он выполнил, остальное сделают «добровольные» помощники. А Охотник залег на конспиративной квартире, никуда не выходил и все время проводил за телевизором, положив рядом с собой радиоприемник, настроенный на милицейскую волну. О результате акции он узнает одновременно с ментами. Жаль, что в новостях сообщат об этом лишь вечером, а то и на следующий день. Однажды Охотник работал в Америке, в Нью-Йорке. Ему понравилась эта страна. Хотя бы тем, что новости там распространяются значительно быстрее. И Охотник смог увидеть на экране «ящика» труп своей жертвы уже через пять минут после совершения акции. Впрочем, то было совсем простое дело — жертва практически не предпринимала мер безопасности. Единственная сложность заключалась в том, чтобы «снять» ее в людном месте. Это было показательное убийство, демонстрация силы.

Охотник взглянул на часы. Пора бы стражам порядка и забеспокоиться. А на милицейской волне — тишь и покой. Заняты какими-то пустяками: кражами да драками. Что ж, подождем еще.

* * *

У себя дома Татьяна Бачурина казалась совсем иной, чем в актовом зале «Цесаря»: более женственной, домашней. Не было того ощущения силы и властности, которое исходило от нее во время голосования акционеров. Татьяна Николаевна была младше Ходосеевой. Ее молодость и красоту не смогла победить даже болезнь. Но стоило хозяйке дома заговорить, как Люба ощутила, что духовно собеседница более зрелая личность. Речь скорее шла о взгляде на жизнь, способности управлять обстоятельствами, а не плыть по воле случая — что, собственно, и определяет зрелость человека. В этом отношении Бачурина была взрослой, а Ходосеева, пожалуй, — еще подросток. И количество прожитых лет не имело никакого значения.

И все же Любе было легко и приятно общаться с Бачуриной. Вскоре женщины перешли на «ты».

А вот Свиридова, всегда такая бойкая и не лезущая за словом в карман, держалась скованно и напряженно, будто пребывание в обществе Татьяны Николаевны действовало на нее угнетающе.

Обсудив деловые вопросы и перейдя к болтовне о пустяках, Ходосеева случайно взглянула на одну из фотографий, стоящих на столе. Этот снимок был знаком ей по газетам: Бачурина улыбается Гайнанову в одном из парижских кафе. Только это цветное фото было, куда лучшего качества. Мелькнуло воспоминание о слухах по поводу отношений вдовы Великого с молодым замом покойного, но тут же угасло. Не Любе, неспособной разобраться в своих отношениях с Борисом, осуждать молодую женщину за увлечение. Однако глаза невольно вернулись к фото. Ходосеева едва не воскликнула, обратив внимание на деталь, которая отличала эту фотографию от тех, что были помещены в газетах.

Когда две подруги вышли из дома Бачуриной на холодный воздух, Свиридова спросила с усмешкой:

— Что это ты, голубушка встрепенулась, когда увидела на столе фото Бачуриной?

— Ты заметила?

— Конечно. Мне этот снимок тоже знаком.

Ходосеева помолчала, раздумывая, говорить или нет подруге, но затем схватила Свиридову за локоть и взволнованно прошептала:

— Там третья фигура. Мужчина за спинами Бачуриной и Гайнанова. В газетах его лица нельзя было различить из-за журнала, которым он прикрылся.

— Ну-ну, — нетерпеливо проговорила Свиридова, учуявшая нечто интересное и неожиданное.

— На фото видно лицо третьего.

— Не теми!

— Мне показалось, что это Борис.

Люба ожидала, что подруга рассмеется, заявит, что ей везде мерещится потенциальный любовник. Но Свиридова прищурилась, что-то обдумывая, и проговорила тихо, будто поняв нечто недоступное Ходосеевой:

— Борис в Париже?.. Занятно.

* * *

Татьяна получила удовольствие от беседы с Ходосеевой и Свиридовой. Она с радостью поговорила бы еще, и не только о делах Фонда, но проклятый график... Пришлось попрощаться с посетительницами. Следующим в кабинет вошел новый управляющий банком — бывший директор авторынка, принадлежащего «Цесарю». Затем Ира доложила о приезде

Гайнанова, которого не было в списке посетителей.

— Андрюша, как ты думаешь, чем можно достать Гуковского?

— Это в смысле получения кредита? На этот вопрос, кроме Петра Алексеевича, мой ответить разве что Гришин. Я как-то спросил Великого, чем тот заинтересовал Модеста, но Петр Алексеевич отрезал: «Тебе это не интересно».

— Значит, у него имелось что-то интересное для старика? Деньги?

— Не думаю. Разве что речь бы шла о гигантских суммах.

— Компромат? Ну там, вино, девочки, возможно, какие-то извращения.

— Этим Гуковского не проймешь. О его оргиях пол-Москвы знает.

— Тогда чем же Великий приманил Гуковского?

— В его сейфах, как я понимаю, ничего, связанного с Гуковским, не обнаружили?

— Ничего, кроме того, о чем я тебе говорила.

— О девочках... Должно быть еще что-то. И не обязательно компромат. А если компромат, не обязательно на Гуковского. Если не возражаешь, я прикажу Сироте заняться этим вплотную.

— Давай лучше отложим до моего возвращения из Москвы! В таких делах требуется предельная осторожность. Не дай Бог, Сирота облажается и о наших изысканиях узнает Модест. Все мои усилия накроются.

— Таня! От тебя ли я это слышу?

— Андрюша, ты, наверное, забыл, что мое сиятельство родилось в коммунальной квартире?

— Честно говоря, иногда мне кажется, что ты появилась на свет среди порфиры и золота.

— Спасибо за комплимент, но давай вернемся к теме. Гуковского пока оставим в покое. Я попробую посмотреть, что имеется в архиве Петра Алексеевича. Этим и ограничимся.

* * *

Милицейское радио так и не взорвалось сообщениями о несчастном случае на Богоявленской. Это был провал.

Другой на месте Охотника продолжал бы ждать, успокаивая себя тем, что охрана Бачуриной утаила на время ее смерть. Но наемник был убежден: умри Татьяна Николаевна, через минуту на ногах была бы вся милиция города. Можно было позвонить на Богоявленскую, в Фонд Великого, на квартиру Ходосеевой или к Свиридовой. Но зачем? Чтобы дать противнику еще одну ниточку, за которую можно ухватиться? Нет, надо лиять. Ни о чем не жалея и ни с кем не прощаясь, даже не предупредив помощника. Пусть сам соображает, не маленький. Ну, а если акция все же оказалась успешной, хотя надежды на это осталось мало, ничего страшного — Охотник узнает об этом позже.

* * *

Тормис позвонил в приемную Бачуриной и спросил есть ли у графини посетитель.

— Татьяна Николаевна обедает, — сообщила секретарь.

Пришлось дожидаться окончания трапезы. Но когда он вошел в приемную, Ирина сообщила, что у Бачуриной приехавший из Испании дворецкий Павел.

— Когда она освободится, скажите, что я буду ожидать в комнате отдыха. И положите на время в свой сейф эту коробочку.

— Хорошо, Ян Эдуардович, — Ира не удивилась просьбе Тормиса. Такая уж должность: все видеть, все слышать, ничему не удивляться и обо всем увиденном-услышанном хранить

молчание.

Тормис налил себе коньяку, выбрав лучший из имеющихся в баре, и устроился в кожаном кресле. Нужно было расслабиться. Сегодня удалось предотвратить наиболее серьезную из всех попытку покушения. Но шеф службы безопасности не ощущал ликования, — лишь усталость и какое-то внутреннее напряжение. Может, от того, что операция еще далека от завершения, а от самого Тормиса сейчас ничего не зависит. Своими указаниями он может лишь внести путаницу в действия подчиненных.

В голове вертелось, как заевшая пластинка, бабелевское: «Море было спокойно, как женщина после смерти». До смертоубийства, слава Богу, дело не дошло, а на море съездить бы неплохо. Но вряд ли в ближайшее время получится.

— Что отмечаем? — в комнату вошла Бачурина. — Не рановато ли? Помнится, вы поучали Макса, что телохранитель не должен употреблять горячительных напитков.

— Исключения только подтверждают правила. С чем прибыл Павел? Вы ведь беседовали с дворецким?

— Он ездил ликвидировать мою собственность в Испании и Англии. Приходится расставаться с недвижимостью, нужны свободные средства. И заезжал к моему дяде. Увы, старик болен. А вы с чем пожаловали? Прощупали Гуковского?

— Он отказывается от встречи с вами.

— Это еще больше укрепляет меня в желании поговорить с ним. Организуйте это свидание. На улице, на банкете — где угодно.

— Попробую...

— Это все, за чем вы пришли?

— Конечно, нет. Во-первых, по всей видимости, удалось выйти на союзника Паши.

— Кто это?

Прежде, чем назвать имя, Тормис предупредил, что твердой уверенности у него нет. Лишь факт встречи и нескольких телефонных разговоров, на которых и строилось предположение.

— Но это еще не все. Удалось выйти на след киллера, о котором вы говорили. И предупредить очередную попытку покушения.

— Опять? И вы не поспешили доложить мне об этом? Действительно, покушения превращаются в заурядное событие... Что на этот раз — бомба, снайпер, яд?

— Яд. Вернее — ядовитый газ.

— И каким образом хотели меня отравить? Через повара или одного из посетителей?

— Это был посетитель-смертник.

— Кто?

— Любовь Ходосеева.

— Что?! — меньше всего Татьяна ожидала услышать имя жены мэра. — Но ведь я сегодня с ней разговаривала!

— Прежде, чем я расскажу о деталях, можно попросить вас об одном одолжении?

— О каком?

— Некоторое время хранить молчание. Я хочу вам кое-что продемонстрировать. А для этого требуется, чтобы вы молчали.

— Договорились.

— Тогда подождите минутку.

Тормис вернулся в комнату с коробочкой, оставленной им в сейфе секретаря.

— Я скажу вам, когда можно говорить, — предупредил Ян.

Как только мужчина открыл крышку, брови Бачуриной поползли вверх. Она увидела обычный браслет, не слишком дорогой, но довольно симпатичный. Такое украшение женщина способна купить из прихоти, чтобы затем носить каких-нибудь две-три недели.

Ян Эдуардович извлек браслет из коробки, и стало видно, что внутри расположен какой-то механизм.

— Смотрите сюда и произнесите что-нибудь, — попросил Тормис.

— Что?

Едва раздался голос Бачуриной, как послышался отчетливый щелчок. Механизм сработал. От неожиданности Татьяна Николаевна отпрянула в сторону.

— Мы удалили отравляющее вещество, — успокоил Ян. — Как вы заметили, это довольно сложное устройство, запрограммированное на ваш голос. После того, как вы заговорите, должен взорваться крошечный заряд взрывчатки, освобождающий отравляющее вещество и распыляющий его по комнате.

— Этот браслет я видела на руке Ходосеевой.

— Вы видели его двойник. Наш агент накануне подменил браслет. Мы предполагали, что в нем спрятано подслушивающее устройство, но, к счастью, вовремя заметили сходство с миниатюрной миной.

— Этот газ убил бы и Ходосееву?

— Всех, кто находился бы в этот момент в комнате.

— Вам известно, кто подсунул ей этот браслет?

— Подарок некого Бориса Леонидовича Корчинского.

— Он и есть киллер?

— По всей видимости. И знаете, что самое удивительное в этой истории? Изображение потенциального убийцы вы держите у себя на столе.

Не ожидая пояснений Тормиса, Бачурина прошла в кабинет и принялась просматривать фотографии, во множестве установленные на ее рабочем столе. Великий, дядя Никовани... Она в компании различных людей... С Самойловым, Царедворцевым...

— Вот он, — проговорил Ян, указывая на снимок, сделанный уличным парижским фотографом. — У меня есть основания предполагать, что неизвестный за вашей спиной — Борис Корчинский. Под этой фамилией он известен в Ровске.

— Где он сам? — хрипло спросила Бачурина, рассматривая фотографию.

— Киллеру удалось скрыться, — признался Тормис. — Исчез, едва почувствовав интерес к своей особе.

— И как вы вышли на него?

— После того, как вы передали нам некоторые данные, — при этих словах Тормис взглянул на женщину, но та оставалась стоять с невозмутимым видом, — мы принялись разрабатывать все возможные сценарии покушения. А также тех с кем вы встречаетесь, и их окружение. Таким образом, в поле зрения попал Корчинский. Ходосееву познакомила с Борисом школьная подруга, представив как двоюродного брата. При проверке выяснилось, что у этой женщины действительно имеется кузен, работающий в одном из петербургских музеев электриком. Электриком, а не научным сотрудником. Мелочь, но мы за нее зацепились. К счастью, в окружении Ходосеевой оказался свой человек. Теперь у нас имеются отпечатки пальцев и описание внешности киллера. А также его фото. Сегодня я вылетаю в Москву, и вскоре мы узнаем настоящую фамилию наемника.

— Я бы с удовольствием чего-нибудь выпила. Жаль, нельзя... Что делать с остальными посетителями? У меня в списке еще четверо.

— Ира получила указание томить их в приемной до тех пор, пока мы не убедимся в их полной безопасности.

— То-то Павел жаловался, что его долго продержали в передней. Но ведь Гайнанов прошел ко мне беспрепятственно...

— Андрей Дмитриевич находится под постоянным наблюдением.

— И все же я отменю сегодняшний прием. Что-то я себя неважно чувствую.

Тормис кивнул, понимая. На месте Бачуриной он тоже чувствовал бы себя не лучшим образом.

27

* * *

Приближалось Рождество. Вновь Москва сияла праздничными огнями. Правда, в декабре отмечают Рождество по западным канонам, не по православному календарю. Но это не играло никакой роли. В конце концов, Тормис родился в Эстонии, считающейся лютеранской страной.

К тому же Ян давно заметил, что большинство его знакомых готовы праздновать дважды — и по новому, и по старому стилю. А заодно отметить по китайскому календарю, не забывая и праздник Навруз. Был бы повод. Тем более в такие морозы, которые, кажется, продержатся всю зиму! Так что крякнем, а недельки через две повторим.

Жаль только, что Тормис приехал в столицу не праздновать, а работать.

Ян провел в Москве три дня, а на четвертый позвонил Вале Старостину, теперь уже Валентину Олеговичу, своему и Гришина бывшему сослуживцу, успевшему стать генералом.

«Мерседес» остановился у одного из зданий в районе «Детского мира», но несколько в стороне от дома номер 2, бывшего страхового общества «Россия». Из подъезда, на котором не было никаких табличек, вышел мужчина в куртке, без головного убора, наклонился, чтобы заглянуть в автомобиль, и, убедившись, что за рулем находится именно тот, кого он ожидал увидеть, открыл дверцу.

— Привет, частник.

— Здравия желаю, ваше превосходительство!

— Ты гляди! Ян шутит! Или так принято здороваться у ее сиятельства? Кстати, как тебе работается у Бачуриной?

— Все равно не поверишь.

— Неужели не нравится?

— Наоборот. Работа меня вполне устраивает.

— Не может быть! — искренне удивился Старостин.

— Я же говорил, что не поверишь.

— Зачем тогда я понадобился? Я ведь думал — ты пришел проситься обратно.

— Надо проверить по вашим архивам пальчики.

Пассажир посмотрел на Тормиса, но ничего не ответил.

— Ты меня знаешь, — успокоил Ян. — Я по пустякам не беспокою.

— Кто такой?

— Наемный убийца.

— Тогда это не по нашему ведомству.

— Это ликвидатор высочайшего класса. И очень возможно, что прошел подготовку у

нас или у военных.

— Хорошо, проверю. Но ты мне будешь обязан.

— Ты проверь. И возможно — это ты будешь должен.

— Но в любом случае тебе сперва придется подбросить меня на Калинина. Адрес ты знаешь.

— Ладно, поработаю немного таксистом. А что ты без шапки? В такой мороз.

— Это для тебя, чухонца, двадцать градусов — мороз. А нам, сибирякам, не привыкать.

* * *

Черный «Мерседес» въехал во двор одного из элитных домов в центре Москвы. Когда машина остановилась, водитель, взглянув сквозь переднее стекло на здание, увидел, что в квартире его шефа горит свет.

— Вы кого-то ждали сегодня? — обернулся шофер к сидящему на заднем сидении хозяину.

— Что? — пассажир, углубившийся в какие-то свои мысли, не понял вопроса. Он даже не заметил, как автомобиль прибыл к месту назначения.

— У вас в квартире горит свет, — пояснил водитель, исполнявший по совместительству и обязанности телохранителя.

— Должно быть, Мария забыла погасить, — рассеянно ответил шеф.

Марией звали экономку, поддерживавшую чистоту и порядок в доме, готовившую пищу и взявшую на себя другие заботы о хозяине и его быте. В квартире у нее имелась собственная комнатка, но Мария по вечерам предпочитала возвращаться в собственный дом, к сыну, невестке и внукам. Благо жила неподалеку.

— Может, вызвать подкрепление? — предложил водитель.

— Подкрепление? Зачем?

— Ну, на всякий случай...

Шеф засмеялся:

— Разве наемный убийца стал бы зажигать в комнатах свет?

— Давайте, хотя бы провожу вас до двери.

— Не стоит.

Водитель, однако, подождал, пока хозяин закроет за собой двери лифта, и лишь тогда машина тронулась.

А шеф меньше всего думал о возможных опасностях. Он вспоминал девицу, с которой недавно провел время. Девка оказалась сообразительной, быстро поняла, чего от нее хотят. Хотя поначалу и струсил, когда привезли в темный заброшенный дом. И уж совсем испугалась, когда из темноты вышел завернутый в плащ неизвестный. Этим испугом мужчина наслаждался не меньше, чем последовавшей затем оргией.

Вставляя ключ в замочную скважину, шеф на мгновение замешкался, размышляя, кто же может находиться с той стороны двери. Но затем решительно повернул ключ. Чего ему бояться? В этой жизни он уже отбоялся свое. А что ждет в следующей, никому не ведомо. Из глубины квартиры донеслось:

— Вот и дедушка.

В прихожей хозяина встречала экономка.

— Модест Семенович, слава Богу, а мы за вас волнуемся. Настенька приехала.

Гуковский уже и сам понял, что из Нью-Йорка прилетела дочь, которую он не видел целый год. А внука, родившегося в Америке, видел лишь на фотографиях.

— Что ж ты, Настюха, не предупредила?! Я бы встретил, — прокричал Модест Семенович, снимая пальто. Из комнат вышла молодая женщина с младенцем на руках.

— Женю неожиданно вызвали в Москву. Меня он послал вперед. В Шереметьево нас встретили коллеги Жени, из МИДа, они и подвезли. Не возражаешь, если я немного поживу у тебя?

— Какой разговор?! Это ведь твоя квартира. Все равно я здесь не часто бываю. А приедет Евгений, могу и вовсе перебраться на дачу. Кстати, когда он прилетает?

— Не знаю. Он сделал остановку в Вене. А как дальше ему и самому неизвестно.

Зять Гуковского работал в одной из организаций под эгидой ООН, но Модест Семенович, хотя никогда и не разговаривал об этом с Настей, знал, что Евгений является сотрудником службы внешней разведки. Наверняка и дочка осведомлена о его подлинной профессии, но всем знакомым и даже отцу говорила, что муж служит в МИДе.

— Дай-ка мне этого бутуза, — протянул Гуковский руки к внуку.

— Сперва умойся, — отодвинулась дочка. — От тебя разит винищем. Что — седина в бороду, бес в ребро?

Последнюю реплику доця произнесла не без ехидства.

— Да это мы отмечали день рождения коллеги, — принялся оправдываться Гуковский. — Выпили по рюмочке.

— Большие, видно, были рюмочки... Иди, иди — умывайся. Заодно и помаду смоешь.

— Подумаешь — помада! — отмахнулся Модест Семенович. — Пили на брудершафт, ну и что? Или целоваться можно только молодым?

— Смотри, в твоем возрасте следует беречь здоровье.

— Помню, помню. Сердце, давление... Мария об этом постоянно твердит. Что за манера у женщин — вечно поучать. Может, ты думаешь: я за молоденькими бегаю? Сама ведь говоришь — возраст не тот.

Гуковский ворча удалился в ванну, мучительно вспоминая, нет ли в квартире чего-нибудь компрометирующего. Вроде не должно быть, сюда он ни разу не привозил девок. Да и пьяным старался не попадаться на глаза Марии. Отсыпался на даче. На всякий случай следует предупредить службу в загородном доме, пусть наведут порядок. Не ровен час, Настя захочет наведаться.

* * *

Старостин позвонил на следующее утро и попросил заехать к нему домой.

— Заодно и на службу меня подбросишь.

Тормис подъехал к знакомому дому уже через полчаса, хотя в другой день на это ушло куда больше времени. Но сегодня движение на улицах было на удивление слабым. Посигналив, Ян заметил Валю, выходящего из подъезда.

— Чего расшумелся? — буркнул вместо приветствия генерал. На этот раз он был в шапке.

«Мерседес» проехал мимо троллейбусной остановки, где столпились ожидающие, завистливо посмотревшие вслед лимузину.

Ян обратил внимание на красные припухшие глаза Старостина.

— Не выспался?

— Вчера по твоей милости до половины третьего проторчал на службе.

— Есть какой-то результат? — поинтересовался Тормис.

— Пальчики, которые ты передал, принадлежат человеку, погибшему в Чечне. Ты

ничего не напутал? — хмуро ответил пассажир.

Тормис полез во внутренний карман и достал распечатанный на принтере портрет:

— Не похож на твоего покойника?

Генерал еще больше нахмурился, вздохнул:

— И где ты взялся на мою голову...

— А что такое?

— Начальству не понравится, когда оно узнает, что покойничек жив.

— Настолько серьезный специалист?

— Судя по послужному списку — очень. Не имею права даже намекнуть о содержании его личного досье. Скажу только, что мне не легко было получить к нему доступ. И то, что я получил, было далеко не полной версией. А теперь рассказывай, как к тебе попали эти пальчики. И тем более фото.

Тормис вкратце поведал предысторию вопроса, большую часть рассказа посвятив последней неделе. А узнать удалось немало: детективы «Цесаря» вышли на помощника киллера, а через того на диспетчера, через которого делались заказы.

— Дальше продвинуться не удалось. Номер сотового телефона, по которому выходили на связь с киллером, принадлежит одной бизнес-дамочке. Как я понимаю, она и не подозревает, что ее аппарат после несанкционированного усовершенствования способен поддерживать связь по нескольким линиям. Как мини-АТС. Для вызова киллера требуется набрать дополнительный номер. Киллер прогуливается в определенное время в определенном месте с «двойником» телефона дамочки, подсоединенным к компактному компьютеру, на который и следует передать закодированное сообщение. Метод не оригинальный, но действенный.

— Если не знать о факте этих переговоров и не иметь описания объекта, — вставил собеседник. — Почему же ты не попробовал перехватить Охотника?

— Почему не пробовал? Напротив офиса и сейчас сидят мои люди с пеленгующей аппаратурой.

— Ну да. Ты же у нас спец по этим делам. Но почему обратился ко мне?

— Потому, что и без досье догадался, что имею дело с настоящим профессионалом. И могу выиграть, лишь заручившись твоей помощью. Сил моего детективного агентства для этого недостаточно.

— Правильно мыслишь. Но ни о каком сотрудничестве речь идти не может. Ты передаешь все имеющиеся материалы — и забуваешь о том, что когда-либо держал их в руках. Могу лишь пообещать, что, когда операция будет завершена, мы поставим тебя в известность.

— Спасибо, но так не пойдет.

— Можешь предложить что-то иное?

— Могу. Вам придется действовать в контакте с моими людьми. убрать абзац

— Тормис пояснил, почему считает такое сотрудничество эффективным и почему генералу следует согласиться с предложением.

Когда он закончил, приятель горестно вздохнул:

— С тобой трудно разговаривать, Ян. Я предвидел, что у тебя найдется, чем прижать нас к стенке и настоять на своем. Но начальство мне не поверило.

— Передай начальству то, что я тебе только что сообщил, — сразу поверят.

— Знаешь, что будет написано на твоей могиле?

— Знаю. Но это произойдет не скоро. А вот Охотника мы должны ликвидировать в ближайшие часы. От силы — трое суток.

* * *

Редактор перечитал первую страницу рукописи, взглянул на сидящего напротив автора: — Сюжет построен довольно интересно. Хотя и не продуман до конца.

Вновь молчание.

— Честное слово, не знаю, что делать с вашим творением, — через добрых пять минут вздохнул редактор. — Мы ведь в первую очередь должны думать о коммерческой стороне дела. А исторические романы сейчас не очень идут. К тому же, в последнее время издано несколько подобных книг. В общем, оставьте рукопись и позвоните через месячишко. Но следующую книгу лучше пишите на современную тему. О каком-нибудь российском киллере. Сейчас о них даже сказочницы пишут.

Попрощавшись с автором, редактор еще раз взглянул на рукопись. Серость, как и ее создатель. Совершенно невзрачная личность. И внешне, и внутренне. Редактор помнил биографию этого, с позволения сказать, писателя. Не был, не участвовал, не привлекался. Нечем даже заинтриговать читателя: ни полковник милиции, ни отставной офицер КГБ, ни «авторитет» или хотя бы бывший осужденный. Не за что зацепиться. Единственный плюс: этому типу можно платить копейки. Впрочем, его книжонки больше одного издания не выдерживают. Кому же поручить читать эту бредятину? Ладно, это не горит.

* * *

Подбросив приятеля на Лубянку, Тормис неторопливо ехал московскими улицами, размышляя: не позвонить ли одной из своих знакомых. Этим вечером у него, кажется, выдастся несколько свободных часов. Со времени переезда в Ровск он практически не имел личной жизни. Работа, работа... Допустим, и сейчас есть пара-тройка вопросов, требующих немедленного рассмотрения. Но когда-то он поучал Бачурину, что глупо загонять себя подобно лошади, иногда полезно и расслабиться. Тем более, перед столь опасной охотой.

Зазвонил телефон. Тормис поднял трубку и удивился, услышав голос Бачуриной:

— Мне надо увидеться с вами, Ян Эдуардович.

— Завтра утром я вылетаю в Ровск.

— В этом нет необходимости. Подъезжайте к моему московскому дому.

Вот тебе и вечер с женщиной!

* * *

Выйдя из издательства, Вадим прошелся до ближайшей станции метро. Заскакивая на эскалатор, заметил, что подошва на одном ботинке отклеилась. Вот черт, не вовремя! Ботинки настолько изношены, что отремонтировать их не имеет смысла. Но и выбрасывать не хочется — привык. Однако делать нечего. Вадим заглянул в ближайший магазин и приобрел новую пару. Недорогие, но вполне пристойные. Старые выбросил в урну у входа в универсам. Теперь предстояло наиболее сложное — перевоплощение из Писателя в Охотника.

Так получилось, что, сидя в редакторском кабинете, он почувствовал, как завибрировал на запястье пейджер, спрятанный под манжет. Это означало вызов на связь. Но сперва следовало принять соответствующий облик и взять специальную аппаратуру, заехав на окраинную квартиру, где Охотник держал все необходимое.

Вечером того же дня у одного из зданий, переполненных офисами фирм и компаний, прогуливался моложавый мужчина в длинном черном плаще с дипломатом в руке. Время от времени он поглядывал на часы, по-видимому, кого-то поджидая. Не дождавшись, мужчина

решительно зашагал к проспекту, где поймал такси.

Вернувшись на конспиративную квартиру, Охотник достал из дипломата ноутбук и подсоединенный к нему сотовый телефон. Портативный компьютер был одной из последних и самых дорогих моделей. (В отличие от допотопного «железа», на котором клепались Охотником детективные романчики). Ноутбук в дипломате записал переданное по радиосвязи послание. Теперь его следовало расшифровать. В качестве ключа к шифру он использовал различные детективы издательства, с которым сотрудничал. В том числе и свои собственные. Это была популярная серия и ее книги можно было купить на любом лотке. А иронию, заключенную в использовании именно этой серии, понимал только Охотник.

Введя в компьютер кодовые слова из очередной книжки-ключа, Охотник задействовал дешифрующую программу. Через некоторое время он узнал условия своего нового задания.

Сообщение содержало также файлы — дополнения к досье жертвы. Охотник принялся за чтение, делая пометки. Любая акция разделяется на несколько этапов. Активная часть обычно длится всего несколько секунд, но ей предшествует многодневная подготовка, включающая изучение всех аспектов предстоящего дела — от личности жертвы до выбора оружия и разработки вариантов отхода.

Вадим усмехнулся: в своих книгах он никогда не описывал методику ликвидации, а лишь пытался передать внутренний мир снайпера или подрывника. Правда, без особого успеха — размышления и философские углубления никак не получались. Даже на бумаге Охотник предпочитал действие.

В писательстве он не преуспел. Ну не дал Бог таланта. Бумагомарательство было хобби. Может же он иметь хоть какие-то слабости?! И, кроме того, это была хорошая легенда. Странноватый писака-неудачник, увлеченный лишь чтением и сочинением «нетленок» и не преуспевший в своем творчестве. Таких графоманов, мечтающих о славе Бальзака, пруд пруди. Соседи давно перестали обращать внимание на замкнутого нелюдимого чудака, вечно погруженного в свои мысли и не имеющего ни друзей, ни родственников. Главное — не скандалит, не пьет, баб не водит. Сидит тихонечко в собственной комнате. Или шастает по библиотекам в поисках материалов для своих книг. Даже длительные отлучки соседа-писаки ни у кого не вызывали подозрений. Старушки, судача на лавочке перед подъездом, говорили: «Горе-писака опять в поход подался. Турист!» О том, что сосед — бывший офицер спецназа, имеющий награды за Афганистан и Чечню, не знал никто. Как не подозревали и о подлинной профессии тихони.

Вчитываясь в очередной абзац, охотник внезапно остановился и принялся читать документ заново. Прочитав пару электронных страниц, он нахмурился. Что-то здесь не так. Полученные файлы стилистически отличались от других полученных от того же заказчика сведений. Другой на месте Охотника не заметил бы разницы, но Вадим работал со словом и сумел отличить тонкую фальшь, спрятанную за короткими предложениями шифровки. Будто кто-то пытался подделаться под стиль заказчика, скармливая при этом ложные данные. А может, заказчик решил избавиться от киллера, которому никак не удастся ликвидировать мишень? Это совсем не исключено. Обычно от исполнителей пытаются избавиться, и Вадиму просто везло, что никто не сумел разобраться в придуманной им системе предосторожностей. А то бы только и видели Вадима Охотникова. Давно бы сгнил на какой-нибудь свалке. Еще после первой ликвидации.

Охотник хотел подойти к окну, чтобы бросить взгляд во двор, но пересилил желание. На соседних крышах могли расположиться снайперы.

Он быстро принялся готовиться к уходу, приняв необходимые меры предосторожности. План был разработан давно: если его выследили и попытаются взять прямо в квартире, штурмующих ожидают несколько неприятных сюрпризов.

Переодевшись и наложив грим, Охотник прошел в кладовку, отодвинул полку и, потянув на себя вделанные в стену скобы, вытащил заранее вырезанный кусок стены. Пришлось поднапрячься, чтобы преодолеть силу трения и сопротивление обоев с той стороны. Зато теперь перед ним красовалось аккуратное круглое отверстие, запасной ход, о существовании которого владельцы соседней квартиры даже не подозревали. Приготовив бесшумный пистолет, Вадим полез в отверстие, прислушиваясь. К счастью, соседей, супругов-пенсионеров, дома не оказалось. Охотник спрятал ненужный пистолет и прошел к зеркалу, чтобы еще раз оценить свою новую внешность. Получилось неплохо. Ему следовало идти в артисты, а не в писатели.

* * *

Киллер еще расшифровывал полученное сообщение, а дом уже окружили люди из антитеррористического подразделения ФСБ. Тормису предоставили возможность наблюдать за ходом операции из окон квартиры, расположенной в соседнем здании. Владельцы квартиры были в срочном порядке вызваны на Лубянку и теперь томились в приемной, в то время как один из оперов в спешном порядке шуровал досье в поисках подходящего повода для вызова.

Заканчивались последние приготовления к штурму, когда произошло нечто, заставившее изменить все планы.

Из соседнего подъезда, опираясь на палочку, вышла старушка с кошелкой и направилась к троллейбусной остановке.

По рации (он был снабжен ею, как и остальные участники захвата) Тормис услышал, как наблюдатель спрашивает у привлеченных к акции понятых:

— Вы знаете эту бабушку?

Ответа не было слышно, но спустя минуту в наушниках снова послышался голос наблюдателя:

— Внимание! Бабушка не опознана. Повторяю: объект с палочкой не опознан.

Еще через полминуты вокруг старухи стало стягиваться невидимое постороннему взгляду кольцо. Бабка, будто почуяв неладное, прибавила шаг, явно стараясь успеть в приближающийся автобус. Навстречу ей устремились двое крепких парней. При виде решительных молодцев старая карга стремительным движением метнула руку в кошелку, но оступилась, пошатнулась — и рухнула в грязный снег. Подскочивший парень пинком отбросил кошелку в сторону и лишь затем склонился над упавшей, чтобы убедиться в том, в чем уже был уверен, — в смерти старухи.

— Объект мертв, — доложил оперативник.

В трех шагах от неподвижного тела лежал автомат «Узи», выпавший из раскрытой кошелки.

— Кто стрелял?! — раздался рык руководителя операции.

К соседним домам, где мог скрываться снайпер, уже бежали группы сотрудников ФСБ.

* * *

Тормис подошел к убитому, склонился над телом. Снял с головы вязанную женскую шапку с приклеенными седыми локонами. Провел по стынущей щеке Охотника пальцем, на котором остались следы грима. Всмотрелся в заострившиеся черты лица.

— Это он, — обернулся Ян к стоящему рядом Старостину. — Опять ушел. Теперь уже навсегда.

— Кто его мог ликвидировать? — с подозрением посмотрел на приятеля генерал.

— Уж наверно — не я, — отрезал Тормис. — Мне он был нужен живым. Чтобы узнать имя заказчика.

К Яну Эдуардовичу приблизился, конвоируемый чекистом, сотрудник службы безопасности «Цесаря».

— Мы записали все радиосигналы в этом районе и прогнали через компьютер. Посторонних передач нет. Переговоры членов группы захвата, два «сотовика», движение которых мы отследили, рация «Скорой помощи». Все остальное — в этом же роде.

— Произведите проверку и анализ всех переговоров без исключения, — распорядился Тормис. — Включая сотрудников ФСБ. Если работала группа, они должны были поддерживать связь.

— Ты знаешь, что подслушивать противозаконно? — ухмыльнулся Старостин. — Значит, я подозреваю тебя, а ты — меня?

— Не могу сказать, что тебя конкретно... Но ход мысли правильный.

— А если тебе не удастся вычленить «чужаков»?

— Значит, действовал одиночка. Ликвидатор экстра-класса.

— Способный к тому же перехватывать и расшифровывать закрытые каналы спецслужб. Они наверняка слушали наши переговоры, — добавил генерал.

28

* * *

Теперь, когда Охотник был мертв, настало время нанести удар по заказчикам. Но действовать следовало тонко. Ян был уверен, что чекисты внимательно следят за деятельностью его подразделения, считая Тормиса и Бачурину организаторами ликвидации Охотника.

Честно говоря, Ян сомневался в непричастности Татьяны Николаевны. Для профессионала, подобного ему, не составило труда высчитать, что в Ровске параллельно с его подразделением действовала еще одна хорошо законспирированная группа, возглавляемая умным и дерзким руководителем. Смерть Боксера и Бекаса Ян Эдуардович относил за счет именно этой группы. Неизвестно, отдавала ли сама Бачурина приказ на устранение уголовного авторитета, но обе ликвидации были явно в ее интересах. Не потеряла ли графиня голову, попробовав вкус крови? Тормису было важно выяснить это.

Татьяна Николаевна сидела за письменным столом, закутавшись в теплую шаль, и что-то писала. При появлении Яна вопросительно подняла голову.

— Охотник мертв, — сообщил Тормис, пристально глядя на женщину.

Бачурина лишь бесстрастно кивнула, будто ожидая именно такого исхода.

— Я предвидела, что без перестрелки не обойдется, — спокойно произнесла Татьяна. — Может, это и к лучшему. Теперь хотя бы буду знать, что убийца мужа понес заслуженное наказание.

Она вновь принялась подправлять что-то карандашом. Ян сел в кресло напротив, взглянул через стол и увидел эскизы платьев. Изображения красавиц в бальных туалетах, подобные тем, что рисуют школьницы, удивили его не меньше, чем спокойствие, с которым женщина встретила известие о смерти своего потенциального убийцы. И только теперь он заметил, что в глазах Бачуриной вместо обычной в последнее время ледяной решительности

одна лишь усталость.

— Перестрелки не было, — после некоторой паузы сказал Ян Эдуардович.

Таня вновь кивнула, механически продолжая ретушировать пышную прическу красавицы. Затем, словно что-то осознав остановилась и подняла глаза:

— Что вы сказали?

— Перестрелки не было. Охотника застрелил снайпер.

— Как это произошло? — Она вновь была собранной и энергичной.

Тормис в общих чертах описал ход операции.

— И к какому выводу вы пришли?

После секундного раздумья — стоит ли что-либо говорить, он задал встречный вопрос, прозвучавший отчасти как утверждение:

— В Ровске у вас был человек. Где он сейчас?

— Думаете, это я дала указание на ликвидацию Охотника?

— Вы не ответили, — настаивал Ян.

— Он выполняет мое поручение. Здесь, в Москве. Но оно не связано с убийством киллера, — заверила Бачурина.

— Хочется этому верить. Потому, что если это не так, этого человека да и вас тоже ожидают крупные неприятности от которых не смогут защитить ни миллионы, ни телохранители. ФСБ теперь вплотную займется поисками убийцы киллера, и мы с вами в числе первых подозреваемых. Если уж я вышел на вашего человека в Ровске, то они и подавно. Тем более, что Шанхай их давний знакомый.

— Как вы сказали — Шанхай?

— Это прозвище человека, который работал... и работает на вас.

— Я его знала как Авакума.

— Авакум, — улыбнулся Ян. — Алексей Васильевич Кумов. Под этим именем Шанхай появился в Ровске.

— И давно вы знали об Авакуме?

— Парадоксально, но сперва мы приняли его за Охотника, — признался Тормис. — Искусствовед Борис стал вызывать у нас подозрения значительно позже.

— Извините, Ян Эдуардович, но давайте проанализируем прошедшие события несколько позже. Сейчас меня больше интересует, кто ликвидировал Охотника. Если не я и не ваши люди, то кто? ФСБ?

— Может, и они. Но не сотрудники группы захвата. Вероятно кто-то из чекистских начальников узнал о предстоящем аресте и решил избавиться от Охотника, чтобы навсегда уничтожить следы его деятельности в качестве офицера спецназа. Но скорее всего киллера подстрелили заказчики.

Бачурина покачала головой:

— Заказчики отпадают. Мы с вами знаем, что силовые акции исходили от Паши. Его неизвестный союзник только поставлял информацию и интриговал, так сказать, на «политическом» уровне. А у Паши не хватит умения устранить человека прямо под носом у ФСБ. Если бы это был Паша, исполнители уже отдыхали бы в Лефортово. Это кто-то другой. Неизвестная нам и очень серьезная фигура. Я не понимаю его игры. И это очень беспокоит.

— Скорей всего неизвестный ликвидатор — из ФСБ или ГРУ.

— Может быть... Но нам следует просчитать и другие варианты. Что-то тут не состыковывается. Но это потом... Давайте решать: что делать с Пашой. Мне кажется, смерть

Охотника вынуждает нас действовать немедленно. Пока слухи об убийстве не разошлись по Москве.

— Что ж, мы можем проверить комбинацию уже этим вечером, — после паузы согласился Ян Эдуардович.

* * *

На подготовку потребовалось несколько часов, хотя все предварительные мероприятия выполнили еще накануне.

Бачурина сидела в кресле, подложив под спину подушки, и наблюдала, как двигаются по кругу стрелки напольных часов. В комнате быстро темнело, на город опускалась ночь. Таня пододвинула к себе телефонный аппарат, стоявший на столике рядом с креслом. Они с Тормисом заранее условились о времени, когда следует позвонить Паше. Оставалось всего полторы минуты. Татьяна Николаевна подняла трубку и набрала номер.

— Господин Пасхоев? Я хотела бы поговорить с вами о деле, не терпящим отлагательств.

— Кто это? — удивленно спросил Паша. Этот номер знали только его друзья.

— Вы потеряли на известной вам операции большую сумму наличными, — продолжала Бачурина.

— О чем вы говорите? — Пасхоев никак не мог взять в толк, о чем толкует женщина? — О каких наличных?

— Это деньги, которые вы доверили Юсупу.

— Я вас слушаю, — теперь Паша сообразил, кто звонит и о чем идет речь. Его голос сразу стал предупредительно-вежливым.

— Я решила обсудить проблему без посредников.

— И что вы предлагаете? — поинтересовался Паша.

— Я передам вам деньги в обмен на гарантии безопасности.

— О каких гарантиях идет речь?

— Гарантиях, что на меня больше не будет покушений.

— Какие покушения?! При чем тут я?

— Мне известно содержание переговоров вашего эмиссара с Боксером, а также то, какая подготовительная работа была проведена.

— О чем вы говорите? Я вас не понимаю...

— Не беспокойтесь, Паша, нас никто не подслушивает. Линия защищена. И я не настолько наивна, чтобы самой записывать этот разговор.

В трубке послышался какой-то невнятный звук, после чего надолго воцарилась тишина.

— И давно вам известно о Боксере и Юсупе? — наконец спросил Пасхоев.

— С самого начала.

Паша хмыкнул.

— А когда вы узнали о наших с Великим совместных проектах?

— Скажем, тоже достаточно давно.

— Почему же звоните только сейчас?

— Вам известна причина.

— Разве?

— Вы просто не обратили на нее внимание. Как и любой мужчина.

— О чем все же идет речь?

— Я жду ребенка. Раньше, когда речь шла лишь о моей безопасности, я могла рисковать.

Теперь мне следует беспокоиться не только о себе.

— И поэтому вы решили вернуть деньги?

— Ребенок, которого я ношу, от Великого, и у меня нет возможности вновь забеременеть от него.

Паша задумался. Вот уж действительно: женщин невозможно понять. Но с другой стороны, она по-своему права. Что-то ему доносили о проблемах Бачуриной с беременностью, только он не обратил тогда на эту информацию внимание. Выходит, напрасно не обратил.

— Я перезвоню вам позже. Мне следует подумать.

— Хорошо, — согласилась Бачурина. — Надеюсь, вы достаточно благоразумны, чтобы отказаться от новых попыток глупостей. И не думайте слишком долго, не то я могу заподозрить очередной капкан. Скажите «да» или «нет». А детали обсудим позже.

— Я вам перезвоню, — повторил Пасхоев.

— Сегодня же, — с нажимом сказала Татьяна Николаевна.

— Хорошо — сегодня, — сдался Паша.

* * *

Предложение было настолько привлекательно, что Паша согласился бы на него без особых раздумий. Жаль, конечно, что речь шла только о возвращении долга, а не о долгосрочном сотрудничестве, как с Великим. Но возвращаемая сумма все же достаточно велика, чтобы ее можно было просто списать. С другой стороны, даже возвращая эти миллионы, Татьяна попадала в расставленную ловушку, подставляясь для последующего шантажа. Нет, что ни говори, а волос у женщин длиннее ума.

Однако Пасхоев действовал не один. Следовало посоветоваться с компаньоном. Паша вновь взялся за трубку:

— Алло. Есть разговор.

— Срочный? Тогда подожди, я пройду к себе в кабинет. Что там у тебя?

— Звонила Бачурина. убрать абзац — Паша передал содержание разговора с графиней. убрать абзац

— Думаю, нам следует согласиться.

— Что-то тут не чисто, — высказал сомнение собеседник. — У меня такое предчувствие, что она готовит какую-то пакость.

— Какую?

— Не знаю. Но я на ее месте просто так не спустил бы тебе с рук попытку покушения.

— Ты тоже причастен к этому делу. Впрочем, она женщина, а для мести требуется мужская крепость.

— И все же этот звонок меня беспокоит. Особенно ее осведомленность о твоей причастности к... Сам знаешь, к чему.

— А как тебе тот факт, что она знала о переговорах с Боксером?

— Не могу в это поверить. Все это время знала и ни словом не обмолвилась? Не в ее стиле.

— Я сам об этом подумал. Ты ведь характеризовал ее как довольно бесхитростную особу.

— Рядом с ней стоит некий Зотов. И еще — Самойлов. Думаю, это их интрига.

— И что нам делать?

— Ответ нужно дать сегодня.

— Ладно. Подъезжай часа через два в мой офис. Такую вечеринку испортил... Да, прежде, чем отправишься ко мне, проверь, не завелись ли у тебя «клопы».

— Распоряжусь.

Попрощавшись с собеседником, Паша набрал новый номер и договорился со специалистом-электронщиком, чтобы тот завтра с утра проверил его квартиру.

* * *

Завтра и даже через час Пасхоеву будет уже поздно отдавать распоряжения. Тормис, записав в течение обусловленного часа все звонки Паши, распорядился снять оборудование, установленное рядом с его домом. В этот промежуток времени, не считая переговоров с Бачуриной, было сделано всего два звонка. Первый расшифровать не удалось. Да этого и не требовалось. Главное — кому звонил Паша. А это они узнали.

Едва перехватив сигнал, Тормис поспешил связаться с Бачуриной, произнеся лишь одно слово: «Архитектор».

* * *

Тормис появился в кабинете Бачуриной через час.

— Слава Богу, — вздохнула Таня. — Я уж волноваться начала.

— Я проследил, чтобы не осталось следов подключения, — пояснил Ян.

— Что Паша?

— Все еще дома. Но у подъезда уже ожидает машина.

— Архитектор тоже пока не выезжал. Может, они не собираются встречаться?

— Разговор был слишком коротким. Они бы не успели обсудить все возникшие вопросы.

— А если мы ошибаемся?

— Вы никак не хотите поверить, что Архитектор враг.

— Он был другом Великого.

— Но вам ведь известно, что Архитектор задействовал все свои связи, чтобы помешать получению кредита. Кроме того, известно, что Архитектор играл на понижение акций «Химпрома». Он инспирировал появление в печати публикаций, предрекающих скорый крах этого треста. Дружеским шагом это не назовешь.

— Возможно, он хотел уменьшить залоговую ценность акций, — предположила Таня.

— Публикации появились до того, как вы обратились к нему с предложением о залоге. Мне кажется, Архитектор заинтересован в крахе «Цесаря». Если покопаемся, наверняка найдем этому объяснение.

— Это бизнес. А покушения — уже чистой воды уголовщина.

— Покушения тоже часть бизнеса. Архитектор мог испытывать к вам симпатию, но интересы дела прежде всего. И он не стал возражать, когда Паша нанял киллера.

— Это только предположение.

— Зато сами покушения и смерть вашего мужа — не предположение.

— Призываете к мести?

— Нет, предостерегаю от заблуждений.

— Скоро все решится, — примирительно проговорила Таня, придвигая к себе телефон.

— Кому вы хотите позвонить?

— Сейчас узнаете... Артур Христофорович, доброе утро! — Бачурина звонила Оганесову-Архитектору.

— Таня! Ты в Москве? — удивление Оганесова казалось искренним. Даже, пожалуй,

чрезмерным.

— Я приехала проконсультироваться и долго не задержусь, — Бачурина намеренно не стала уточнять сроки.

— Проконсультироваться?

— У меня будет ребенок. Разве вы не слышали?

— Ребенок?

— Я забеременела перед самой смертью Великого.

— Бедный Петр... Он так хотел наследника. Как твое самочувствие?

— Наши провинциальные светила советуют побольше отдыхать, не волноваться, отойти от дел. Даже настаивают на том, чтобы я легла на сохранение.

— Да-да, конечно... В первую очередь следует позаботиться о плоде. Остальное как-то образуется.

— Хотелось бы, чтобы московские специалисты рекомендовали какие-то средства, позволяющие вести более активный образ жизни. Год, или даже больше, быть взаперти... Это выше моих сил. Я привыкла совсем к другому стилю жизни.

— Ах, молодость, молодость. А вот для меня, старика, нет ничего лучше, чем сидеть в своем кабинете. Ну да ладно. Как твои дела? Я имею в виду корпорацию.

— Положение еще нельзя назвать благополучным. Но если не возникнут новые трудности, — выкарабкаемся. Конечно, «Цесарю» уже не обладать тем могуществом, что при Петре Алексеевиче, но со временем надеюсь передать сыну вполне преуспевающую компанию.

Последнее предложение ей не следовало говорить. Слишком уж отдает плохой мелодрамой. Увлеклась. Но раз вырвалось, ничего не поделаешь. Но, кажется, Оганесов не заметил неискренности.

— Так уж и сын? — захихикал Архитектор. — А если дочь?

— Великий хотел сына, наследника. И я на это надеюсь.

— Завидую я вам, Таня, — все с тем, же смешком проговорил Артур Христофорович. — Планируете на двадцать лет вперед. В наше время большинство не загадывает даже на завтра, живет одним днем.

Бачурина не могла взять в толк: принял Архитектор все, что она говорит, за чистую монету, или он хитрее, чем она думала.

— Женский склад ума отличается от мужского, — выдала графиня очередную банальность, стараясь, чтобы она прозвучала с оттенком оправдания и чуточку обиды.

— Вы решили, что я над вами смеюсь? Пардон, Татьяна Николаевна. Я говорил искренне. Я действительно завидую. Вашей молодости и вашему оптимизму.

— Чему завидовать? — вздохнула Таня. — Происходящее вокруг никак не способствует оптимистическому взгляду на жизнь.

— М-да... До меня доходили некоторые слухи. Удалось выявить организаторов покушения?

Бачурина поняла: уловка удалась. Он по-прежнему считает ее беспомощной недалекой девочкой, которую можно не слишком опасаться. Иначе не задал бы вопрос прямо, в лоб.

— Какого покушения?

— Я слышал, в вас кто-то стрелял. Или что-то в этом роде...

— Разве? А до меня доходили слухи, будто это я истребляю конкурентов. Народ болтает черт знает что.

— Не хотите говорить об этом по телефону? — догадался Оганесов.

— Мне докладывал мой телохранитель об одном инциденте, но говорить о чем-либо конкретно — еще просто рано. И я надеюсь избежать новых тревог.

— Каким же образом? — поинтересовался Артур Христофорович.

— Ваша линия защищена? — в ответ спросила Бачурина.

— Если хотите сообщить что-либо конфиденциальное, то лучше не доверять и защищенным линиям.

— Я надеюсь устранить все причины, которые могли бы послужить поводом для новых покушений.

— Э... — растерялся Артур Христофорович. — Каким же это образом?

Бачурина немного затянула паузу, наслаждаясь эффектом, а затем продолжила невинным голосом:

— Конечно, вы не одобрите мой шаг. Это похоже на отступление. Но безопасность для меня сейчас важнее всего.

— О каком отступлении ты говоришь?

— От меня требуют выплаты крупной суммы. Я решила уступить.

Бачуриной показалось, что на том конце провода вздохнули с облегчением.

— Напрасно думаете, что я буду вас осуждать. Если нет другого выхода, приходится уступать. Мне кажется, вы приняли разумное решение.

Этим Архитектор невольно выдал себя. Он одобрил решение Бачуриной, фактически не зная, на чем оно основывалось. Не похоже на обычно осторожного и рассудительного Оганесова. Артур Христофорович, решил не усложнять себе жизнь и, не мудрствуя лукаво, поддержал выгодное для себя решение Бачуриной. Недооценил графиню.

Разыгрывая из себя простушку и расставляя Архитектору ловушку, Таня испытала неведомое ранее удовольствие. Она могла бы заявить Оганесову, что ей известно о его происках. Могла бы кричать, оскорблять, наговорить кучу ненужных слов, как это делают миллионы мужчин и женщин. Но она предпочла вежливый и доверительный тон. Особую пикантность ситуации придавало то, что Артур Христофорович играл с Таней в ту же игру. Что ж, недаром говорится: как аукнется, так и откликнется.

— Артур Христофорович, — прощаясь, попросила Бачурина, — я ищу людей, которым можно было бы поручить управление компанией. На случай, если мне придется на время отойти от дел. Вы понимаете, что я подразумеваю... Нет ли у вас подходящих кандидатур?

— А как же Зотов? — Гайнанова Оганесов не упомянул, и Бачурина сразу это отметила.

— В одиночку он не потянет. Кроме того, он юрист, а не предприниматель.

— Я подумаю. Задачу вы мне задаете не из легких, — сказал Оганесов. — Люди, которым можно доверять, сейчас редкость. Но я постараюсь подобрать двух-трех кандидатов. Но советую никого не брать на должность без испытательного срока.

— Само собой. Итак, жду вашего звонка.

— Я постараюсь не заставлять тебя ждать.

— Заранее благодарю вас, — Бачурина положила трубку и с чувством произнесла: — Мерзавец!

Лицо Тормиса на протяжении всего телефонного разговора сохраняло осуждающе-скучающее выражение. «Мир скверен, наполнен подлецами и тупицами, но в этом нет ничего нового», — вот, что можно было прочитать на нем.

— И зачем понадобился весь этот спектакль? — поинтересовался Ян.

— Не могла отказать себе в удовольствии поиграть в кошки-мышки.

— То, что мы делаем — не игра, — не удержался от замечания Тормис.

Возможно, Ян Эдуардович добавил бы еще несколько поучительных фраз, но тут доложили, что Оганесов покинул дом и направился в сторону офиса.

— Сейчас туда примчится Пасхоев, — предрекла Бачурина.

И действительно, буквально через минуту пришло сообщение о выезде Паши.

— Подождем, пока они встретятся, — ни к кому не обращаясь проговорила Татьяна и, спохватившись, спросила: — Посылка готова?

* * *

— Разговаривал по телефону с Бачуриной.

Эта фраза, произнесенная ровным спокойным тоном, заставила Пашу замереть. Грузное тело повисло над креслом, чтобы затем обрушиться на мягкое сидение.

— Зачем это тебе понадобилось? — недовольно проговорил Пасхоев.

— Она сама позвонила.

— Сама? И о чем говорила?

— Жаловалась на трудности. Просила помощи.

Паша расплылся в улыбке:

— У тебя? И как — пообещал помочь?

— Ее, кажется, здорово испугали эти покушения.

— Еще бы!

— Тогда надо ставить в этой истории точку. Твои деньги мы вернули.

— Бачурина вернула деньги, это верно. Но когда мы решили убрать Великого, я уже знал, что деньги потеряны. Мы ведь ставили совсем иные цели.

— И мы их достигнем. Только другими путями. И не беспокойся, свою долю ты получишь.

— Откупиться хочешь? И о какой доле идет речь? Доле чего?

— Паша, ты совсем не умеешь слушать. Я ведь сказал, что Бачурина просит помочь. Наши люди войдут в состав правления «Цесаря». Можно считать, мы добились, чего хотели.

— Э нет, дружок. Так не делается. Тебе хорошо — Бачурина не знает о твоём участии в покушениях, ты, Артурчик, можешь строить из себя чистенького. И радоваться, что ТВОИ люди управляют «Цесарем». А я измазан в дерьме по самые уши. И где гарантия, что Бачурина, сегодня отдав деньги, завтра не захочет получить мою голову?

«А что, это решило бы все проблемы», — подумал Оганесов. Артур Христофорович в последнее время не раз укорял себя за то, что связался с Пашой. В конце концов, его услуги в деле с Великим так и не понадобились. Все решилось само собой. И с Бачуриной можно было бы договориться. Не посылать в Ровск Охотника, а поехать самому. Как Самойлов и Царедворцев. В конце концов, он давний приятель Петра. Кого удивило бы, что он пришел вдове на помощь? Маленькая ошибка в самом начале потянула за собой все остальные. Связался с уголовником и тем самым ограничил себя в маневре. Но ведь никто не мог предугадать авиационной катастрофы. Осенью казалось, что иного пути избавиться от Великого нет. Вот если бы Бачурина убрала Пашу... Но, кажется, на это рассчитывать не приходится. Она предпочла худой мир.

— Чего тебе опасаться? — примирительно проговорил Оганесов. — Помнишь, как ты говорил: «Она всего лишь женщина. Ей не хватает мужской крепости».

— А я хочу напомнить твои слова: на месте Бачуриной, ты не спустил бы мне

покушений. Я поразмыслил и решил, что ты прав.

— Но ведь никто не пострадал. Ну пытались, но ничего ведь не получилось.

— А Великий?

— Что Великий?

— Он мертв!

— Великий погиб в результате поломки двигателя самолета. Мы не имеем к этому никакого отношения.

— Да? Кое-кто может решить иначе.

— На что ты намекаешь?

— На маленькую статейку в одной лондонской газетенке. Ты ведь по-английски читаешь? Полюбуйся! — Паша протянул факс с копией статьи. — Выводы комиссии компании «Роллс-Ройс». Предполагается, что «Гольфстрим» погиб в результате диверсии. Усекаешь, куда может ниточка потянуться?

— Откуда у тебя эта статья?

— От верблюда! Около часа назад, буквально сразу после моего разговора с тобой, мне переслал ее племянник. Не только у тебя родственники за границами живут. Племяннику случайно попала на глаза фамилия Великого, вот он и решил, что мне будет интересно узнать эту сплетню. Вот его записка, — Пасхоев протянул второй листок с несколькими строчками.

— Почему племянник решил, что тебе интересен Великий? — в Оганесове вновь проснулась подозрительность. От благодушия не осталось и следа.

— Что тут удивительного? — отмахнулся Паша. — О моей вражде с Великим знает даже Бачурина. Потому и вычислила меня так легко. Но не забывай, мы повязаны одной веревочкой. И если что, я потяну тебя за собой.

— Угрожаешь?

Мужчины скрестили взгляды в молчаливом противоборстве. Они презирали друг друга: Оганесов Пашу — за примитивность мышления, а тот Артура Христофоровича — за налет гнилой интеллигентности, мягкотелость.

Оганесов первым отвел взгляд. Пасхоев ухмыльнулся. Но Артур Христофорович не посчитал себя проигравшим. Просто он был гибче. И все эти «гляделки» — детская игра, а не состязание воли.

— Давай оставим препирательства и перейдем к обсуждению наших действий на ближайшее время, — заявил Оганесов. — Мы ведь деловые люди, а не пацаны.

Но обсуждению помешал сигнал от секретарши.

— Что там такое, Нина? — раздраженно спросил Артур Христофорович.

— Вам посылка.

— Разве нельзя с этим подождать?

— Это какая-то необычная посылка.

— Ну и что? Вскройте и посмотрите, что там. А меня по пустякам не беспокойте. — Оганесов вздохнул: — Вроде и неплохая секретарь, но иногда я удивляюсь ее беспомощности.

Пасхоев в своем кресле продолжал ухмыляться: Артурчик не может выдрессировать даже собственную секретаршу.

Раздался телефонный звонок. На этот раз беспокоил начальник охраны:

— Артур Христофорович, прошу простить, но посылка очень необычная.

— Вы ее открыли?

— Мы вскрыли ящик и обнаружили в нем два противотанковых ружья и записку.

— Противотанковые ружья?! — Артур Христофорович почувствовал, как на его лбу выступила испарина.

При восклицании Оганесова Паша даже привстал, подавшись всем своим массивным телом вперед. Протянув руку, он бесцеремонно переключил аппарат на громкую связь.

— Что за записка? — осипшим голосом спросил Артур.

— Тут только цифры. Пять миллионов.

Паша медленно поднялся. Застегнул пиджак, с трудом стянув полы на необъятном животе. Прежде чем уйти, произнес раздельно и внятно:

— Артурчик, ты дурак!

Оганесов продолжал сидеть с телефонной трубкой в руках. Он не слышал оскорбительных слов и даже не заметил ухода партнера.

* * *

— Я думаю, они поймут намек, — произнесла Бачурина, когда Тормис сообщил, что посылка передана адресату.

— Артур Христофорович — несомненно.

— Думаю, что и у Паши хватит на это ума. А нам, Ян Эдуардович, сейчас надо поразмышлять о визите к Гуковскому.

Бачурину прервал телефонный звонок.

— Алло, — Татьяна Николаевна несколько мгновений выслушивала торопливую сбивчивую речь звонившего, затем произнесла холодным тоном: — Я не понимаю, о чем вы говорите.

И повесила трубку.

— Кто это? — поинтересовался Тормис.

— Оганесов. Заверял, что не имеет к катастрофе «Гольфстрима» никакого отношения.

29

* * *

Когда-то службу по охране дачи несли сотрудники «девятки». Затем их сменили частные охранники, подавляющее число которых, кроме работы в кооперативах с неопределенной сферой деятельности, сохранили удостоверения различных уважаемых ведомств. Одним словом, Модест Семенович свою безопасность любителям не доверял. Следующим этапом стало создание собственной разведывательной службы. Но затем что-то произошло и та часть организации, которая отвечала за физическую охрану хозяина, как-то быстро захирела. На даче осталось всего шесть охранников, но это были уже случайные люди из спортивных клубов и патрульно-постовой службы милиции, не слишком искусные в оперативных вопросах. Два личных телохранителя Гуковского все еще числились в ФСО, это полагалось ему по занимаемой должности. Но по существу это были обычные водители: подать машину к подъезду, отвезти шефа за город, смотаться за покупками — вот и весь круг обязанностей. Любой мало-мальски внимательный наблюдатель легко бы заметил, что Модест Семенович ведет себя так, будто ему нечего опасаться. Или напрашивается на неприятности, начав на свою жизнь.

О мощной секретной службе, созданной Гуковским, мало кто знал. Она значительно усилилась в последние годы.

В этот вечер бодрствовал у пульта лишь один из охранников. Да и тот на контрольные

мониторы поглядывал лишь изредка, так как все внимание сосредоточил на просмотре порнофильма. А чем еще прикажите заниматься, когда хозяин приехал в усмерть пьяный? Пусть спасибо скажет, что охранник не привел себе какую-нибудь потаскушку. Тем более что Гуковский не слишком заботился о поддержании дисциплины среди персонала загородного дома.

Второго охранника не было видно уже второй час. Он спал.

К воротам подъехала иномарка, за рулем которой находилась женщина. Картина, к которой охрана на воротах давно привыкла.

— Валек, ты помнишь, Модест что-нибудь о приезде девки говорил? — крикнул бодрствующий, но ответа от спящего так и не дождался. Тогда охранник взялся за трубку телефона.

— Хр. Гы..Му, — захрипело в трубке.

— Модест Семенович, к воротам подъехала женщина. Как распорядитесь?

— Женщина? Почему одна? Давай ее сюда.

В трубке раздались короткие гудки.

— Старый хрыч, — охранник смачно сплюнул. Наверное, он очень удивился бы, узнав, что разговаривал не с Гуковским, а с компьютером. Но охранник доверял своим ушам да и привык к подобным разговорам с пьяным шефом. И потому, согласно приказу, открыл ворота. Машины и личности приезжающих на дачу давно не проверяли.

* * *

— Цыпочка, откуда ты такая взялась? — спросил Модест, увидев перед собой неожиданную гостью.

Гуковский поморщил лоб, пытаясь вспомнить, назначал ли кому-либо сегодня свидание. Так ничего и не вспомнив, налил себе рюмку водки. На ковре у столика уже валялись две пустые бутылки.

— Мне кажется, я тебя где-то видел, — проговорил Гуковский. Странно, но он был не настолько пьян, как можно было подумать. Водка не брала старика.

Женщина сняла шляпку, поправила прическу.

— Постой, постой... Я что-то припоминаю... Татьяна Великая. Нет, Татьяна Бачурина, — Модест Семенович рассмеялся. — Помнится, я говорил твоему мужу... Впрочем, это неважно.

Вслед за женщиной появился еще один гость. Мужчина спортивного сложения, чье лицо скрывала черная маска.

— Ага, значит, речь идет не о любовном свидании, — пробурчал Гуковский. Казалось, он вовсе не испугался.

— Я просила вас о встрече, — вы отказали. Но мне в любом случае надо задать вам несколько вопросов, — объяснила Татьяна, усаживаясь в кресло напротив хозяина.

— И поэтому вы взяли с собой сопровождающего? Как я понимаю, для того, чтобы получить ответы. Девочка, я давно ничего не боюсь. Смертью меня не испугать, она давно уже рядом ходит. Пытки? Я привык к боли. Компромат? Все знают, что я люблю баб и водку. Так что ты зря тащила с собой этого мордоворота. Лучше налей себе водочки и поговорим о приятных вещах: любви, поэзии, о моде, наконец.

— Поговорим, — пообещала Бачурина. — Но сперва надо привести вас в человеческий вид.

Гостья кивнула своему сопровождающему, и тот шагнул вперед со шприцом в руке.

Гуковский приходил в себя долго и мучительно. Никогда, даже при самом тяжелом похмелье, не было так плохо. Его выворачивало наизнанку. И не только из-за препаратов, которыми его напичкали, но и от мысли, что он попался, как мальчишка. За свою жизнь старик не опасался. О чем жалеть? О нескольких месяцах, большую часть которых придется пролежать прикованным к постели? Но обидно, что помирать придется трезвым. Модест с отвращением ощущал, как улетучивается из организма алкоголь. За последние полтора года он, наверное, первый раз будет трезвым. Абсолютно трезвым.

Модест Семенович согнулся пополам над умывальником. Человек за его спиной с невозмутимым видом дожидался с полотенцем в руках. Наверное, в шприце имелся и какой-то наркотик. Слабость в теле, сухость во рту, с гадким привкусом, головокружение и депрессия — кажется, так действует барбамил.

Громила помог старику вернуться в комнату. Усаживаясь в кресло, Гуковский поискал взглядом бутылку, но обнаружил лишь чашку чая на столе. Пока хозяин отсутствовал, Бачурина приготовила напиток. Очень заботливо. Может, рассчитывает на благодарность?

— Давайте побыстрее кончать с этим. Противно оставаться в таком состоянии, — угрюмо проговорил Гуковский. — Вот уж, действительно, придумали мне пытку — трезвость.

— Вы недостаточное внимание уделяете охране, — проговорила Бачурина.

— Я что охранять? Это тело, которое через полгода или месяц прекратит земное существование?

— Документы. Досье.

— Добрались, значит? Теперь будете шантажировать?

— Не знаю. Может быть. А может, и нет. Ваши сексуальные пристрастия некоторым могут показаться... необычными. Но зачем понадобилась хранить видеозаписи всех ваших утех?

— Всех? Значит, вы видели и то, как мы развлекались с Великим? Или Гайнановым? Может, посмотрим на пару, а, Татьяна Николаевна? Видушка в комнате есть.

— Сперва взгляните на фотографии, — Бачурина швырнула на стол пачку снимков.

— А что я там не видел? Впрочем, если угодно, могу еще раз полюбоваться.

Взглянув на верхний снимок, Гуковский заметил, что на нем изображен не он, а другой мужчина, куда моложе. Модест все понял.

— Я ведь говорила, что вы плохо охраняете свои досье, — заметила Татьяна.

— Я совсем забыл о негативах, — угрюмо пробормотал Модест Семенович. — Дайте что-нибудь выпить. От вашего наркотика в голове туманится.

— Препарат не содержит наркотиков, — возразила Татьяна.

— Тем более. Надо поразмыслить, а без рюмки водки я не могу сосредоточиться.

Бачурина кивнула телохранителю, тот поставил перед Гуковским початую бутылку.

— Что Великий предложил вам в обмен на кредит?

— Вас интересует только это? — усмехнулся старик. — Ну, конечно, бизнес — в первую очередь. Крейсер. Авианесущий крейсер нового поколения, от участия в строительстве которого Петр отказывался в пользу Баланова в обмен на кредиты.

— Да, я что-то слышала об этом. Но посчитала проект неперспективным. Сейчас авианосцы один за другим продают на лом. А тут — сооружение нового.

— Не стану читать лекции по геополитике, скажу только — все проходит и все

возвращается. А проект рассчитан на несколько лет. Корабль будет заложен лишь в следующем десятилетии, но думать о будущем нужно сейчас. Если за строительство двух эсминцев между финансовыми группами идет страшная драчка, представьте, что будет, когда речь пойдет о проекте в пару миллиардов. И обратите внимание, я говорю о головном корабле серии. А Романов сумел отвоевать для себя поставку большей части электронного оборудования. Это огромный куш. Вот мы и предложили поделиться журавлем в небе в обмен на синицу.

— И почему вы отказались от проекта?

— А кто сказал, что мы отказались? Великий сам решил сменить партнеров. А мы, узнав, что его ожидают крупные неприятности, решили отвалить в сторону. Нам лишние скандалы ни к чему.

— Вы говорите о Паше и Оганесове?

— Вы и о них знаете?

— Недавно узнала. Что заставило этих двоих объединиться?

— То, что сделало Пашу и Великого врагами: наркобизнес. Петр первоначально финансировал Пашу, прокручивал его деньги через свой банк. А когда стал на ноги — отказался от подобных услуг. Решил больше не мараться.

— Петр знал, что это деньги от продажи наркотиков?

— Может, знал, может — нет. Какая разница — наркотики, торговля оружием. Великий просто не пожелал знать, что он финансирует и какие деньги отмывает.

— И поэтому они с Пашой стали врагами. Из-за отказа сотрудничать, — поняла Бачурина. — Да еще пять миллионов, которые Петя присвоил.

— Пять миллионов? Может, и присвоил, — согласился Модест. — А может, и забыл о них. Там ведь колоссальные суммы по многу раз перебрасывались со счетов на счета. Легко и сбиться.

— Оганесов тоже был вовлечен в эту операцию?

— Само собой. Он-то и был инициатором. Посоветовал Великому субсидировать Пашу. Но при этом всегда утверждал, что терпеть не может уголовника. Впрочем, так оно и есть на самом деле. Эти двое ненавидят друг друга.

— Я думала, Оганесов хотел перехватить акции «Химволокна».

— И это тоже. Прибавьте, что Архитектор был не против продолжения бизнеса с Пашой, а Великий ему этого никогда не позволил бы. Кроме того, Петр Алексеевич стал слишком сильно давить на Архитектора. Загнал в угол. Из партнера едва не сделал подчиненным. Вот Артур и решил избавиться от этой зависимости.

— Оганесов утверждает, что не имел касательства к авиакатастрофе.

— Утверждает? Впрочем, его не сложно запугать. Но я тоже этого не утверждаю. Паша нанял хорошего специалиста, но не смог обеспечить его надежной информацией и необходимым оборудованием. И после пары неудач им помогли решить проблему с Великим.

— Кто — вы?

— Нет, не я. Для меня авиакатастрофа тоже стала сюрпризом. Я лишь потом стал доискиваться до причины. И обнаружил, что исполнитель — тот самый, которого нанял Паша. Но вот заказчик — другой. Хотя Охотник и был убежден, что работает на прежних нанимателей.

— Кто этот заказчик?

— Я сказал достаточно. Теперь сами поработайте. И боюсь, открытие вас не порадует.

— Вы знали о готовящемся покушении, продолжали встречаться с Петром Алексеевичем и даже не намекнули ему об опасности?

— Это бизнес. И пусть это не прозвучит оправданием, но один раз я отвел от него опасность, отказавшись от обеда в «Праге», где его уже ждали. Да и вы моя должница. Помните мину на пути к даче Оганесова?

— Почему вы это сделали? — удивилась Бачурина.

Гуковский пожал плечами:

— Хотелось дать Петру шанс. В конце концов, вся эта возня с кредитами меня не слишком волновала. Все равно я не доживу до практического воплощения проекта в жизнь. А вот наблюдать за развернувшейся борьбой — было увлекательно. Что касается вас — считайте, что я помог из сентиментальных соображений.

— Значит, вы не хотите назвать имя заказчика?

— Покушений? Так вы и сами знаете.

— Я хочу знать, кто убил Петра, — твердо проговорила Бачурина.

— Я не советовал бы вам копать слишком глубоко, — очень серьезно ответил Гуковский. — Кредиты и заказы при всем их размахе — только видимая часть айсберга. Подлинной причиной гибели Великого стал совсем незначительный, на первый взгляд, проект, за которым скрыты очень большие интересы.

— Что за проект?

— Я сказал уже достаточно. И еще раз повторяю: вы должны остановиться. Когда я сам разобрался что к чему — самому стало страшно.

— Что ж, спасибо и за то, что решились рассказать. Позвоните на вахту и попросите пропустить машины. Я уезжаю. Снимки и негативы оставляю вам. Ваше досье, как и видеокассеты, на своем месте. Не забудьте, что я говорила вам об охране.

Бачурина встала с кресла и направилась к двери.

— Татьяна Николаевна, — остановил ее Гуковский. — Не ищите заказчика. Это ни к чему.

* * *

Когда они вышли из комнаты Гуковского, мужчина в маске поинтересовался у Бачуриной:

— Почему вы не попытались выяснить имя врага?

— Как? Он не боится ни смерти, ни боли. Это не бравада. Гуковский болен раком. Гниет заживо. Правда, о его болезни практически никто не знает. Я сама выяснила это буквально на днях. Приступив к более интенсивному допросу, мы его убили бы, но ничего не узнали.

— Рак... Если он не боится смерти, почему не застрелится?

— Кажется, он выбрал более приятный способ самоубийства: женщины и водка.

— Что это были за снимки? Мне показалось, что поначалу он не слишком испугался шантажа.

— На фотографиях был не Модест, а его зять. Негативы мы нашли в досье у самого Гуковского. Попади снимки к дочери Модеста, это разрушило бы ее семью. Старик этого не хотел. Знает, что скоро умрет и о дочери, кроме мужа, некому будет заботиться. Поэтому он ограничился тем, что приструнил зятя, сохранив все в тайне от дочери.

— У каждого есть своя фишка.

— Что?

— Слабое место.

— Вы поедете со мной? — поинтересовалась Татьяна Николаевна.

— Нет. Я покину дом, так же, как и добрался сюда. Не стоит, чтобы ваши люди знали о моем существовании.

Бачурина хотела сказать, что Тормис уже знает об Авакуме-Шанхае, но ограничилась замечанием:

— Они догадываются.

— Догадываться — не знать наверняка.

На прощание мужчина пожелал:

— Будьте осторожны. Вы разворошили большое осиное гнездо.

* * *

Оказавшись в машине, Бачурина откинулась на сидении:

— Быстрее бы оказаться дома. Так хочется принять душ и смыть всю эту грязь.

Макс устроился рядом с Татьяной Николаевной. Что означает этот визит на загородную дачу, обставленный с невероятными предосторожностями? И зачем хозяйке понадобилось встречаться с Гуковским с глазу на глаз?

Машина тронулась с места. Проехала по заснеженной аллее, обсаженной вековыми тополями. За воротами усадьбы «Мерседес» дожидались джипы сопровождения. Замыкала колонну с большим отрывом «Мазда», в которой Бачурина приехала на дачу Гуковского. Сейчас за рулем находился один из телохранителей, Саша, пользовавшийся полным доверием Макса и Тормиса. Доверием в отношении не только надежности, но и профессионализма.

«Мерседес» мчал по направлению к Москве. Татьяна Николаевна прикрыла глаза и, казалось, дремала.

— За нами хвост, — сообщил телохранитель на переднем сидении. В его обязанность входило, среди прочего, поддержание радиосвязи с другими машинами.

— Давно заметили? — поинтересовался Макс.

— Минут пять. Нагло прет. Или на нервы действует, или не слишком опытный попался. Жметя к нам.

— Один?

— Да. Старенький «Опель». Но радиофицированный. Водитель ведет интенсивные переговоры.

— Значит, при въезде в город нас будут ожидать.

— Может, попробовать оторваться?

Бачурина, побеспокоенная разговором, приоткрыла глаза:

— Сохраняйте прежнюю скорость, — и вновь задремала.

— Действительно, какой смысл? — согласился с хозяйкой Макс. — Впереди ни перекрестков, ни развязок. Трасса прямая, как стрела.

И все же Кузнецова обеспокоило появление «хвоста».

Наглость не соответствовала манере поведения людей Гуковского. В отличие от личной охраны, в разведке у него работали профессионалы. Они так топорно действовать не стали бы. Тогда кто? Неужели Паша? На него похоже. Но уж слишком быстро отреагировал.

Телохранитель получил предупреждение, что навстречу движется несколько подозрительных машин. Он развернулся к Максиму, чтобы доложить об осложнении

обстановки. Однако ничего сказать не успел.

Идущий навстречу «КрАЗ», на который передовая машина не обратила внимания, пересек разделительную полосу и, ослепив фарами, перерезал дорогу «Мерседесу». Водитель машины Бачуриной, заметил лишь надвигающуюся на него громаду, но успел притормозить и, вывернув руль до предела, съехать в кювет. Таранный удар, нацеленный в середину салона, с той стороны, где сидела Татьяна Николаевна, обрушился на переднюю дверь. «Мерседес» опрокинулся. Если бы, как это советовал телохранитель, кавалькада попыталась оторваться от преследователей, столкновение стало бы роковым для всех пассажиров лимузина. При большей скорости на зимней дороге шофер не успел бы отреагировать на опасность.

Из «КрАЗа» и двух следовавших в отдалении за ним легковушек выскочили мужчины в черных масках, с помповыми ружьями и пистолетами в руках. Один из нападавших имел «Калашников» с подствольным гранатометом. Акция оказалась бы успешной и нападавшие добились бы пассажиров покоренной машины. Но на их беду, кроме двух автомобилей сопровождения, впереди и позади шли машины, осуществляющие радиоконтроль и контранаблюдение. Рассыпавшись вдоль придорожной канавы, группа сопровождения открыла по нападавшим беглый огонь из автоматического оружия, заставив налетчиков частью залечь прямо на асфальте, частью откатиться к противоположной стороне дороги. Двое из бандитов, выпрыгнувших из «КрАЗа», были убиты на месте, одному удалось сбежать. Передовая машина охраны развернулась и, набрав скорость, промчалась по трассе, поливая из окон огнем двух автоматов и сбив двух или трех бандитов, оказавшихся на дороге. Это походило на настоящую бойню.

Еще раньше Саша на своей «Мазде» протаранил и сбросил в кювет «Опель» преследователей.

Нападение было отбито.

Несколько человек из охраны бросились к опрокинутому «Мерседесу». Помогли выбраться Макс, вытащили Бачурину. Лицо Татьяны Николаевны было залито кровью. Она не подавала признаков жизни.

* * *

Размышления Модеста Семеновича прервал телефонный звонок. Гуковский поднял голову. Аппарат вновь требовательно зазвонил.

Старик тяжело поднялся и поковылял к столику, на котором стоял телефон.

— Слушаю.

— Обстреляли машину Бачуриной.

— Кто стрелял?

Осведомитель не располагал точными данными, но предполагал, что нападавшие принадлежали к одной из криминальных группировок. Скорее всего — боевики Паши.

Модест, по непонятной для себя причине, все тянул время, не решаясь задать главный вопрос.

— Пока нет сведений — ранена Бачурина, убита или осталась невредимой. Имеются жертвы, но Татьяны Николаевны среди убитых нет. Одна машина охраны еще до нашего появления проследовала в Москву. Возможно, в ней и находится Бачурина. По мере поступления информации будем сообщать вам.

— Постарайтесь. Это очень важно.

Гуковский прошел к бару, взялся за початую бутылку... и отставил ее в сторону. Сейчас

требовалась ясная голова.

Как ни странно, но при мысли о возможной гибели Бачуриной Модест Семенович ощутил не облегчение, как следовало бы, а некоторое сожаление.

30

* * *

Бачурина очнулась в спальне своего московского дома. Открыв глаза, увидела сидящего у постели Тормиса.

— Что случилось? — с трудом разжав губы, прошептала Татьяна. Она ничего не помнила.

— Все в порядке. Как вы себя чувствуете?

— Неважно. Почему у меня перевязана голова?

— Ничего страшного. Всего лишь несколько порезов.

Бачурина прикрыла глаза и с минуту лежала без движения. Затем вновь повторила:

— Что все-таки произошло?

— Нападение. К счастью, ваш водитель успел притормозить и принял удар на себя.

— Я вспомнила. Яркий свет... И мир перевернулся. Он жив?

— Кто, водитель? Жив. Но в тяжелом состоянии. Удар пришелся как раз по тому месту, где он сидел.

— А Макс?

— Отделался ушибами.

— Что-нибудь известно о нападавших? Это люди Гуковского?

— Татьяна Николаевна, — мягко ответил Ян. — Давайте оставим дела на более позднее время. Когда вы будете себя лучше чувствовать.

— Вы не правы, — она с трудом выговаривала слова. — Действовать следуют немедленно. Пока они не ожидают ответного удара.

— Это была специально нанятая бригада уголовников, — с неохотой уступая хозяйке, ответил Тормис. — А руководил ими другой ваш старый знакомый. Не Гуковский.

— Кто?

— Джафаров.

— Откуда это известно?

— Его тело нашли на месте преступления, — пояснил Тормис и добавил: — Кстати о Гуковском. Он звонил, спрашивался о вашем здоровье.

— Даже так? Но оставим эту тему. Как убили Джафарова?

— Была перестрелка.

— Много убитых?

— С нашей стороны, как не удивительно, ни одного. Хотя есть раненые. Бандиты потеряли двоих, еще один умер по дороге в госпиталь. Несколько человек получили серьезные увечья и ранения. Все они в руках милиции. Прессе, по согласованию с милицией, объявлено о серьезной автомобильной аварии.

Бачурина долго обдумывала услышанное, затем спросила:

— А не могли труп Джафарова попросту подбросить?

— Исключено. Арестованные, так же, как и убитые боевики, оказались земляками Юсупа.

— Значит — Паша, — после новой паузы заключила Татьяна Николаевна.

— Мы поговорим об этом позже. А пока отдыхайте. Через несколько минут придет

врач.

— Разве меня еще не осматривали?

— Осматривали. Травматологи. А сейчас приедет акушер. Рейн, когда мы сообщили о полученных вами травмах, настоял на этом. И рекомендовал отличного специалиста.

* * *

Врач явился в сопровождении целого штата ассистентов и с целой машиной аппаратуры. Это был уже немолодой человек в очках, с улыбчивым лицом и огромными усами. Но, несмотря на мягкую улыбку и наивные глаза, он оказался с характером и выставил за порог всех посторонних включая Тормиса. Лишь секретарю Ире разрешили тихонько сидеть в уголке. Осмотр длился больше часа. И с первых же минут улыбка слетела с лица профессора. Он выгнал и ассистентов, и Ирину, оставшись с больной наедине.

— Вот что, голубонька. Не хочу вас ни пугать, ни приободрять. Ничего непоправимого для вашего здоровья не произошло. Но мне сказали, что вы недавно потеряли мужа.

— Да. Но какое отношение это имеет к моему здоровью?

— Не буду ходить вокруг да около. Скажу прямо: если вы хотите сохранить плод, следует побережь себя. У вас едва не случился выкидыш и угроза срыва беременности не миновала. Придется во всем отказать себе: никаких волнений, никаких переживаний, никаких резких движений и сильных эмоций. Не говоря уже о спиртных напитках, кофе или стимуляторах. Лекарства только те, которые назначу я. Приписываю вам строгий постельный режим, который придется выдержать, если вы желаете доносить ребенка.

Врач удалился, запретив кому-либо входить в спальню, чтобы дать Бачуриной возможность отдохнуть. Но Татьяна не сумела уснуть. В голову лезли тысячи мыслей. Грудь разрывали сотни желаний. А в сердце поселился ад.

Они отняли у нее мужа. И они хотели убить еще не родившегося ребенка. Бачурина не сможет простить этого.

А телефон, как назло, лежит совсем рядом. Не надо даже идти за ним в другой конец комнаты. Просто протяни руку и позвони. И все проблемы будут решены.

Таня взяла черную, как смертный грех, трубку и набрала номер.

— Паша. Воспользуйтесь браслетом, который я вам передала. И я хочу быть последним человеком, с которым он будет говорить.

Невидимый собеседник, тот самый, что посетил вместе с ней Гуковского, все понял. Подготовив акцию, он перезвонит и доложит Бачуриной. Эти несколько фраз стали приговором Паше. Приговором, не подлежащим ни апелляции, ни пересмотру.

Закончив разговор, Татьяна несколько мгновений продолжала держать трубку, прислушиваясь к гудкам. Затем приподнялась с постели, прошла к горящему камину и бросила в пламя телефон. Будто хотела, спалив этого бездушного свидетеля разговора, уничтожить само воспоминание о содеянном. Скрестив руки на груди, Таня смотрела, как плавится пластмасса. С громким, как выстрел, треском лопнул корпус...убрать абзацПламя колыхнулось, едва не коснувшись подола ночной рубашки Бачуриной... Распахнулись двери и в комнату ворвались два телохранителя, дежуривших по-соседству. Заметив, что с хозяйкой ничего не произошло, они остановились и, продолжая держать в руках оружие, принялись осматривать помещение в поисках источника звука.

— Все в порядке, — не оборачиваясь, произнесла Таня. — Попросите Яна Эдуардовича подняться ко мне.

Она слышала, как за телохранителями закрылась дверь.

«Все в порядке», — сказала она охранникам. Если бы это было так. Все далеко не в порядке. Раньше Бачурина думала, что ее судьба — это история Золушки. А обернулось так, что она превратилась в современное подобие Екатерины Медичи. Но такова жизнь.

Начальник службы безопасности не заставил себя ждать.

— Ян, если отдали приказ об установлении слежки за Пашой, — сейчас же отмените.

Тормис молча ожидал объяснений, но Бачурина только добавила:

— Не люблю людей, которые не понимают намеков.

Ян все понял.

Последний долг

* * *

Константин Никовани умер на исходе зимы. Печальная весть застала Бачурину в Москве, где она продолжала оставаться после покушения. Отсюда, из своего московского особняка, практически не вставая с постели, она управляла огромной корпорацией.

Самочувствие Татьяны Николаевны оставляло желать лучшего, но она посчитала себя обязанной присутствовать на похоронах дяди.

Позвонил Царедворцев, долгие годы бывший другом умершего:

— Собираешься на Мальорку? А здоровье позволит?

— Я не могу не лететь, — ответила Татьяна.

— Я взял билеты на завтра. А у тебя как с билетами?

— Уже зафрахтовала самолет. Если желаете, можете лететь со мной.

— Не знаю... Может, и вправду воспользоваться твоим приглашением?

— Только скажите, сколько с вами будет сопровождающих.

— Двое или трое. Когда вылетаешь, завтра?

— Послезавтра утром.

— Хорошо. Еще созвонимся.

* * *

Лайнер разогнался по бетону взлетной полосы и нырнул белесый кисель облаков.

— Ира, подай мне кофту, — попросила Бачурина спутницу-секретаря, едва на табло загорелась надпись, разрешающая вставать с мест.

— В салоне ведь тепло, — заметил Царедворцев, усаживаясь в соседнее с Татьяной кресло.

Когда Бачурина привсталала, чтобы надеть длиннополую вязаную кофту, Иван Осипович скользнул взглядом по ее фигуре, пытаясь найти признаки беременности. Вроде появился небольшой живот. Или просто поправилась от малоподвижного образа жизни? Академик не был специалистом в этих вопросах. Он взял книжку, лежащую на столике.

— Вадим Охотников, «Исповедь палача». Я слышал об этом романе. Бестселлер года.

— Взяла полистать в дорогу. Газеты утверждают, что автор был одним из самых квалифицированных киллеров, на счету которого несколько громких убийств.

— Помню, как в новостях сообщалось о гибели этого Охотникова в перестрелке, когда его пытались арестовать. Но я не знал, что он еще и писатель. И как вам роман — понравился?

— Любопытно было узнать психологию палача. Правда в «Исповеди» особых откровений я не обнаружила. Возможно, Охотников лучше владел пистолетом, чем пером. Впрочем, я небольшой специалист в этих вопросах.

Над Италией сплошной облачный покров, укрывающий Европу, наконец, остался позади самолета. Внизу засверкало Средиземное море.

— Я боюсь завтрашнего дня, — призналась Татьяна.

Иван Осипович повернулся к Бачуриной, взял узкую женскую ладонь в свои большие руки, похлопал ободряюще, не находя нужных слов.

— Будто вместе с дядей Константином похоронят последнее воспоминание о той беззаботной жизни, которую я вела до смерти Великого.

— А для меня похороны друзей, — вздохнул Царедворцев, — как верстовые столбы. Чем ближе к концу пути, тем они чаще. Значит скоро и мой черед. Ты слышала, что умер Гуковский? Кажется, вы встречались?

— Всего два раза, — машинально ответила Бачурина, погружившись в какие-то свои мысли. И в свою очередь спросила: — Вы были знакомы?

— Встретились, где обычно встречаются старики. У врача. Потом были в одном санатории, иногда перезванивались.

На изумрудной глади моря появились светлые пятна, среди которых вздымались острова.

— Балеары, — сообщила стюардесса.

Мальорка, как всегда, была оранжево-синей. Синее море, синее небо. И в них утонули оранжевые острова и оранжевое солнце. А среди оранжевого и синего — белая россыпь: яхты и дома. А еще пятна зелени среди скал, тоже украшенные оранжевыми шарами апельсинов. Недаром флаг Испании горяч даже на вид — желто-красный. Это цвета Испании. Куда не поверни взгляд, наткнешься на них.

— Я давно хотела спросить, как вы познакомились с дядей? — перед самой посадкой вновь заговорила Бачурина.

— В Египте, где я работал с экспедицией. Это было так давно, что я уж и забыл подробности.

Белый лайнер прочертил след в небе, совершая посадку в столице Мальорки Пальме. И вот уже знакомая громада желто-коричневого готического собора над лесом мачт в заливе. По настоянию сопровождающего врача Бачурина сделала остановку в Старом городе, чтобы отдохнуть перед поездкой на северо-западную оконечность острова.

* * *

На другой день после похорон Царедворцев навестил Бачурину в доме, который она снимала на берегу бухты Пальенса.

— Давайте прогуляемся вдоль берега. Хочется насладиться южным солнцем перед возвращением в российский холод. К тому же в Москве я не смогу позволить себе подобную роскошь: охрана и врачи скоро меня доконают.

Дом стоял на округлой вершине небольшой горы, обрывающейся прямо в море. Царедворцев и Бачурина медленно стали спускаться по каменистой тропинке, затем зашагали вдоль обрыва. Татьяна молчала, да и Иван Осипович после вчерашних похорон был неразговорчив.

Из кармана блузы, которую одела Бачурина, послышалась телефонная трель. Татьяна достала миниатюрный аппаратик.

— Слушаю.

Звонивший был краток, и через полминуты она сама набрала номер:

— Узнал меня? Я звоню, чтобы сказать «прощай»!

В наушнике послышался какой-то неясный хлопок, связь оборвалась. Бачурина подошла к самому краю обрыва, посмотрела, как у подножия скалы плещется море. Протянув над пропастью руку, Татьяна разжала пальцы, сжимающие телефон. Черная продолговатая коробочка, кувыркаясь, полетела вниз.

— Уп-с!

Царедворцев, с удивлением следивший за действиями женщины, не удержался от вопроса:

— С кем ты говорила?

— С одним покойником.

— Покойником?

— Да. Не смогла отказать себе в удовольствии попрощаться.

Иван Осипович продолжал с недоумением смотреть на Бачурину, но та зашагала дальше. Лишь пройдя с полсотни метров, она повернулась к Царедворцеву и спросила:

— Вам когда-нибудь приходилось сожалеть о человеке, виновником смерти которого вы стали?

— Это вы о покойнике, с которым только что говорили?

— О Паше? Нет. Это мерзкий никчемный человечико, о смерти которого никто не станет жалеть.

— Паша? Слышал о таком. Но почему вы называете его покойником? Разве он умер?

— Да. Совсем недавно. Несколько минут назад, — беззаботно ответила Татьяна.

абзац Старик внимательно посмотрел на Бачурину и понял, что та не шутит.

— Когда я говорила о вине, вспомнила об одном своем приятеле, Серже Ларисе.

— И что с ним случилось?

— Погиб в результате несчастного случая. И когда я узнала об этом, почувствовала, что в его смерти есть и моя вина.

Бачурина вновь двинулась по тропинке.

— Почему? — в спину ей спросил Царедворцев.

— Это был талантливый молодой модельер с большим будущим, — заговорила Татьяна, и ветер уносил ее слова в море. — У нас с ним были грандиозные планы, от которых пришлось отказаться ради спасения «Цесаря». Когда дела пошли совсем плохо, среди распроданных объектов оказался и Дом моды. Коллекцию Лариса попросту выбросили на улицу. Я в этот момент находилась в Москве, отлеживалась после автомобильной катастрофы, и ничего не знала.

— И что произошло?

— В тот день, когда его выкинули на улицу, Серж напился, и попал под колеса машины. Был гололед, и водитель не сумел остановиться, когда прямо перед машиной на проезжую часть вышел пьяный.

— Вы думаете, это было самоубийство?

— Какая разница? Он погиб, — Татьяна остановилась и повернулась к Царедворцеву.

— К чему вы мне это рассказываете? — спросил старик.

— Я знаю, какую роль вы сыграли в гибели Петра Алексеевича.

Иван Осипович молчал. Не было слов, чтобы ответить.

— Одного не знаю: почему вы на это пошли? — Бачурина, хоть и ниже ростом, стояла выше по склону, и поэтому смотрела на Царедворцева в упор.

Рука старика потянулась к внутреннему карману...

* * *

С башни, стилизованной под маяк, за Царедворцевым и Бачуриной следил мужчина со снайперской винтовкой. Когда старик сунул руку под пиджак, палец снайпера стал медленно и плавно опускаться на спусковой крючок. Для выстрела оставалось сделать последнее усилие, когда движение пальца остановилось. Стрелок увидел, что Иван Осипович извлек из кармана пузырек с пилюлями.

* * *

Высыпав несколько таблеток на ладонь, Царедворцев забросил их в рот.

— Пасхоев действительно мертв? Как это произошло?

— Вы слышали наш разговор.

— Ну и что?

— Для ликвидации этого мерзавца мы использовали устройство, с помощью которого Паша собирался убить меня. Только несколько перепрограммировали. Устройство поместили в радиотелефон и подменили им «Ериксон», которым пользовался Пасхоев. Когда это было исполнено, мне позвонили, подгадав момент, когда Паша оказался один.

— Что это за устройство, о котором вы говорите?

— Миниатюрная радиомина, подсоединенная к крошечному контейнеру с ядом. После сигнала микровзрыв освобождает отравляющее вещество, выбросив его в сторону жертвы. Паша думал, что, покинув Москву, сумеет спрятаться от меня. Но ошибся.

— Но почему вы убили Пасхоева и оставили в живых Оганесова?

— Паша не понимал намеков. Что касается Архитектора, то я отвечу вам словами Наполеона. Не знаю только, произносил ли он их в действительности. Я услышала их в фильме «Орел в клетке».

— Что это за слова?

— «Использовать друзей умеет каждый, использовать врагов — вот в чем секрет».

— Смерть Вадима Охотникова — тоже ваша работа?

— Мы только вывели на его след ФСБ. Но чекисты не смогли арестовать мерзавца.

— И все?

Бачурина пристально посмотрела в глаза старика:

— Мы помогли «Исповеди палача» стать бестселлером. Просто сообщили в издательство, кем на самом деле был их автор. В издательстве оказались умные люди, воспользовались намеком.

— Зачем вам это понадобилось?

— Некоторое время спустя журналисты раскопают историю охоты, которую вел на меня этот «писатель». Так что популярность «Исповеди» послужит рекламой «Цесарю». Возможно, в будущем мы опубликуем художественную версию этой схватки. Впрочем, без упоминания имен. Достаточно намека, слуха...

— Желаете использовать с пользой для себя и Охотника?

— Мертвого Охотника. И вам ведь известно, кто убил его. Но о Седом поговорим позже. Сперва я хочу узнать причину, по которой погиб Петр. Кое-что мне известно, но я хочу знать все.

— Вам лучше сразу убить меня.

— Значит, не хотите отвечать?

— Я взял грех на душу, — опустил голову Царедворцев. — И если расскажу вам о причине, получится — все зря.

— Я знаю, что не вы отдавали приказ о ликвидации Великого. Иначе Седой был бы сейчас жив.

Старик посмотрел на Татьяну. На его лице появилось изумление. Он хотел что-то сказать, передумал, резко развернулся, зашагал вдоль обрыва. Остановился. Постоял, опустив голову, и вернулся к Бачуриной:

— Что вам известно?

— Не слишком много, но вполне достаточно, чтобы разразился жуткий скандал, если я

передам имеющиеся материалы в средства массовой информации.

Царедворцев долго молчал, затем с видом безгранично усталого человека кивнул головой.

— От вас этого можно ожидать. Но вы недооцениваете тех, с кем имеете дело. И тем повторяете ошибку своего мужа, — речь старика была медленной, как движения сапера на минном поле. — Скорей всего, из вашей попытки обратиться к средствам массовой информации ничего не вышло бы. Но есть некоторая вероятность, хоть и небольшая, что вы сможете преуспеть в своем замысле. Как видите, я откровенен. Насколько позволяют обстоятельства... Но даже ваша угроза, должен признать — вполне реальная, не заставит меня раскрыть все детали. Хотя бы потому, что они мне самому не известны. И, кроме того, это поставит под угрозу вашу жизнь.

— Меня теперь нелегко запугать, — усмехнулась Таня.

— Знаю. Но я знаю и то, что вы здравомыслящий человек. И, обращаясь к вашему здравому смыслу, опишу некую гипотетическую ситуацию. Допустим, некоторое время назад хакеры проникли в компьютер одной из зарубежных исследовательских фирм и похитили секретные материалы. Просто так, для развлечения. Затем один из электронных хулиганов передал дискеты своему приятелю, занимающемуся авиационной тематикой. Тот, в свою очередь, оказался башковитым и предприимчивым малым и продал материалы своему бывшему научному руководителю. Когда ученый понял, какое сокровище попало к нему в руки, то в свою очередь обратился к некоему бизнесмену и был привлечен к одному очень перспективному проекту, скажем, авианесущего крейсера. Похищенные материалы подсказали нашим разработчикам несколько свежих идей, легших в основу проекта уникальной системы автопосадки на авианосец. В частности они усовершенствовали программное обеспечение бортового компьютера, позволяющее самолету сохранять устойчивость в воздухе при сверхмалых скоростях, на грани сваливания.

— Программы? Компьютеры? Не понимаю, что здесь плохого. Кроме факта воровства.

— Предположим, начало строительства крейсера, — продолжил Царедворцев, не обратив внимания на реплику Бачуриной, — намечается не раньше, чем через три-четыре года. А то и позже. А закончится еще через пять лет. В лучшем случае. Вы представляете, как далеко шагнет за это время вычислительная техника? Программы, выполненные для нынешних самолетов, давно устареют. Так что воровство, по сути, не принесло никакой пользы. А потом бизнесмен оказался на грани банкротства и обратился за помощью к иностранцам. И по иронии судьбы, к тем, у кого был похищен исходный материал.

— Что тут такого, что может обречь человека на смерть?! — не удержалась Бачурина от крика.

— Моя история не имеет отношения к Великому. Хотя ситуация сходная. Необдуманный поступок бизнесмена поставил под угрозу жизнь нескольких хороших людей и, кроме того, помешал проведению важной программы.

— Значит, это шпионская история? И никаких хакеров не было?

— Я вас сразу предупредил — история вымышленная. Я ее привел лишь для того, чтобы показать: участие в оборонных программах приносит прибыль, дает определенное влияние, но и накладывает определенную ответственность. А главное — таит в себе немалую опасность.

— Почему вы просто не запретили Великому проведение исследований?

— Разве можно было запретить что-то Петру Алексеевичу? Когда «Цесарь» оказался в

сложном положении, правительство предложило кредит. Но с некоторыми условиями. Согласно одному из них Петр Алексеевич должен был передать под контроль государства исследовательский центр одного из своих предприятий. Кредитом, между прочим, занимался наш общий знакомый Гуковский. К сожалению, Великий нашел более выгодных кредиторов — американцев. Янки были готовы выложить кругленькую сумму за возможность закрепиться в этом секторе «оборонки». А это открывало им прямой доступ к материалам, о которых им не следовало знать и даже догадываться.

— Это угрожало безопасности страны?

— Самым непосредственным образом, — заверил Царедворцев.

— И Седой посчитал, что это оправдывает убийство нескольких людей?

— А разве вы сами не отдали приказ на убийство, по крайней мере, одного человека?

— Я защищала себя.

— А он... Впрочем, не буду прикрываться подчиненным. Я защищал интересы страны, миллионов ее граждан.

— Государственные интересы, большая политика... Издали это выглядит так респектабельно. Впрочем, я сама не лучше, — Татьяна вздохнула. — Почему все же Седой принял решение о ликвидации моего мужа?

— Когда Охотник в очередной раз упустил Великого, Седой понял, что ему следует вмешаться. Боялся, что Петр Алексеевич успеет подписать с американцами контракт. Это не остановило бы Пашу и Охотника, но смерть Петра уже не имела бы для нас значения. Потому Седой решил не упустить последней возможности сорвать подписание договора.

— И он передал специальную добавку Охотнику, — закончила Бачурина. — А потом избавился от киллера.

Царедворцев некоторое время помолчал, а затем признался:

— Седой не имел контактов с Охотником. До перехода в разведку он служил в подразделении «Б» КГБ СССР и получил подготовку, позволившую самостоятельно произвести акцию. При этом он был уверен, что даже в случае выявления причины аварии, подозрение падет на Охотника.

— Значит — Седой? — Бачурина впервые за все время разговора не скрыла своего удивления. — Да. Понимаю... А Охотника он убрал потому, что у того имелось алиби или объяснение на случай с «Гольфстримом». И это могло навести на след Седого.

— А как вам удалось выйти на него? — в свою очередь поинтересовался Царедворцев.

— Подразделение «Б» КГБ СССР, — ответила Татьяна Николаевна. — Англичане произвели анализ остатков вещества в обломках двигателя. Его практически невозможно было обнаружить... во времена Второй мировой войны, когда изобрели это средство. Сейчас возможности лабораторий значительно увеличились. Кроме того, «Роллс-Ройс» горел желанием оправдать свою репутацию. Обнаружив постороннее химическое вещество и определив его, англичане подсказали нам возможный источник его появления. Так мы вышли на группу «Б».

— Дальше дело техники, — кивнул старик.

— А когда вы заподозрили Седого в причастности к катастрофе? — спросила Бачурина.

— Он всегда питал склонность к силовым методам. И как-то странно себя повел, когда я попросил подготовить материалы по Охотнику и Паше для передачи Авакуму.

— Седой знаком с Шанхаем?

— Вы и это знаете?! Нет, с Лешей они не знакомы. И уже вряд ли познакомятся... Но вы

напрасно намекаете, что к смерти Седого приложил руку я. Это действительно было самоубийство, а не инсценировка.

Некоторое время стояли молча. Затем Царедворцев спросил:

— Но вы понимаете, что и ваша жизнь окажется в опасности, если кто-то узнает, о чем мы с вами здесь разговаривали?

— Насчет меня не беспокойтесь. Я позаботилась о гарантиях. И если что... Вы понимаете.

— Что вы решили в отношении меня?

— В отношении вас — ничего. Вы ведь не отдавали приказа на ликвидацию моего мужа.

— Ненужно сарказма. Я понимаю, что ответственность лежит на мне.

— Когда-то, в Египте, вы спасли Никовани жизнь. Дядя рассказал, как, потеряв управление, машина, в которой вы ехали, свалилась с обрыва. Вы несколько десятков километров волокли его на себе. Сказал и о том, что именно вы посоветовали пригласить Авакума. И, как я сейчас понимаю, снабдили того первичной информацией об Охотнике...

Бачурина резко оборвала фразу, развернулась и решительно зашагала к дому.

— Константин знал? — крикнул Царедворцев вслед Татьяне.

Женщина не ответила. Иван Осипович долго смотрел ей вслед. Внезапно он схватился за грудь, зашатался, стоя над самым краем обрыва...

* * *

Мощная оптика позволяла снайперу видеть мишень, как будто та была совсем рядом. Он видел, как исказилось лицо старика мукой и страданием, и тот стал оседать вниз.

— Квадрат девятнадцать, — скороговоркой произнес снайпер. — Срочная медицинская помощь для объекта два.

Стрелок поставил оружие на предохранитель и теперь использовал снайперский прицел как подзорную трубу, пытаясь рассмотреть сквозь зелень куста, упал старик на тропинку или свалился в море.

* * *

Открыв глаза Царедворцев увидел над собой плывущие облака.

«В аду не может быть такого голубого неба, — удивился Иван Осипович. — Значит, я еще по эту сторону могилы».

Старик устало закрыл глаза. Как ни парадоксально, осознание того, что он жив, не обрадовало, но, пожалуй, и не расстроило.

Больше книг на сайте - Knigoed.net